

Российская академия наук
Институт психологии

Духовно-нравственные проблемы современной личности

Ответственные редакторы:

М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, А. В. Юревич

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2018

УДК 159.9
ББК 88
Д 85

Все права защищены.

*Любое использование материалов данной книги полностью
или частично без разрешения правообладателя запрещается*

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор *В. Е. Семенов*
доктор психологических наук, профессор *Н. Е. Харламенкова*

Д 85 Духовно-нравственные проблемы современной личности / Отв. ред. М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. — 477 с. (Психология социальных явлений)

ISBN 978-5-

УДК 159.9
ББК 88

Сборник научных трудов продолжает публикацию исследований духовных и нравственных проблем современного общества и личности. В книге представлены работы ведущих специалистов Института психологии РАН, Психологического института РАО, Высшей школы экономики, Курского государственного университета, Новосибирского государственного педагогического университета и других образовательных и исследовательских организаций, охватывающие проблему духовности в философии и психологии, анализирующие духовно-нравственное состояние российского общества и современной личности, в частности, проблемы современной молодежи. Специальный раздел посвящен теме психологического, психического и профессионального здоровья личности.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского научного фонда, проект № 14-18-03271*

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2018

ISBN 978-5-

Содержание

М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. Предисловие 7

Воловикова М. И., Журавлев А. Л. Вместо введения:
Вклад Института психологии РАН в исследование
духовно-нравственных проблем личности и общества 15

РАЗДЕЛ 1

Духовность как проблема философии и психологии

Серова О. Е. Отечественная философско-психологическая мысль
на переломе русской истории (1916—1918): борьба
за духовное понимание мира 35

Борисова Н. В. Духовность личности в отечественной
философско-психологической традиции
и вызовы современности 54

Протоиерей Вадим Леонов. Категория «духовность»
в христианской традиции и светском гуманитарном дискурсе:
особенности прочтения и перспективы взаимодействия 66

Колпакова М. Ю. Роль совести в ценностном выборе личности 83

Холондович Е. Н. Духовно-нравственные искания гениальной
личности (на примере изучения динамики идейных исканий
в творчестве Н. В. Гоголя) 96

РАЗДЕЛ 2

Духовно-нравственное состояние современного общества и личности

Юревич А. В. Нравственное состояние современного
российского общества: эмпирические оценки 117

Гостев А. А. Психоманипуляции в духовно-нравственной сфере
человеческого бытия 138

<i>Соснин В. А., Ковалева Ю. В.</i> Патриотизм как характеристика личности и больших социальных групп в условиях современного геополитического противостояния	165	<i>Емельянова Т. П., Израелян Т. В.</i> Образ психически больного в массовой культуре	404
<i>Шляховая Е. В.</i> Взаимосвязь базового доверия/недоверия личности и ее доверия к электронной коммерции	181	<i>Мустафина Л. Ш.</i> Взаимосвязь представлений о совести с ценностными ориентациями и показателями психопатологической симптоматики личности	416
<i>Большунова Н. Я., Устинова О. А.</i> Психологические и социокультурные смыслы прощения и развитие способности к нему	204	<i>Зеленова М. Е., Лекалов А. А., Лим В. С., Костенко Е. В.</i> Конструктивность копинг-стратегий как ресурс профессионального здоровья летчиков	430
<i>Нартова-Бочавер С. К.</i> Домашняя среда и благодарность как черта и переживание личности	226	Аннотации	450
<i>Попов Л. М., Горшенина Н. В.</i> Исследование завистливости в юношеском возрасте	242	Сведения об авторах	474
<i>Вавакина Т. С., Позняков В. П.</i> Прагматичность и нравственность как факторы психологического отношения к деловому партнерству	253		

Раздел 3

Духовно-нравственные проблемы современной молодежи

<i>Чернышев А. С.</i> Социально-психологические условия формирования духовно-нравственной основы мироощущения и социального самоопределения современной учащейся молодежи	279
<i>Журавлева Н. А.</i> Ценностные ориентации молодежи в условиях макросоциальных преобразований	299
<i>Китова Д. А.</i> Нравственно-психологические аспекты исследования отношений старшеклассников к способам материального самообеспечения	322
<i>Авдулова Т. П.</i> Современное состояние проблемы морального развития в подростковом возрасте	339

Раздел 4

Проблемы исследования психологического, профессионального и психического здоровья личности

<i>Галкина Т. В., Артемцева Н. Г.</i> Особенности представлений о некоторых компонентах психологического здоровья у созависимой и несозависимой личности	377
--	-----

Предисловие

Сборник научных трудов «Духовно-нравственные проблемы современной личности» продолжает публикацию результатов исследований, посвященных духовным и нравственным проблемам современного общества и личности в издательстве «Институт психологии РАН». В книге представлены работы ведущих специалистов Института психологии РАН, Психологического института РАО, Национального университета – Высшей школы экономики, Казанского государственного университета, Курского государственного университета, Новосибирского государственного педагогического университета, других образовательных и исследовательских организаций, охватывающие проблемы духовности и нравственности в философии и психологии, анализирующие духовно-нравственное состояние современного общества и личности, в том числе проблемы современной молодежи. Отдельный раздел посвящен теме психологического, психического и профессионального здоровья личности.

В статье «Вклад Института психологии РАН в исследования духовно-нравственных проблем личности и общества», подготовленной М. И. Воловиковой и А. Л. Журавлевым и выполняющей функцию введения в тему настоящей книги, последовательно прослеживаются этапы разработки в академическом институте психологии нравственных и духовно-нравственных проблем, начиная с момента образования Института психологии АН СССР и заканчивая самыми последними по времени исследованиями, выполненными в лабораториях Института психологии РАН. Достаточно подробно показан вклад ИП РАН в становление такого нового научного направления, как нравственная психология (или психология нравственности). Доказывается приоритет института в выявлении и научной разработ-

Выражаем благодарность Н. В. Борисовой за научно-техническую работу по подготовке настоящей рукописи к печати.

ке феномена «нравственная элита». Делается вывод о развитии в ИП РАН идей научной школы С. Л. Рубинштейна.

Первый раздел «Духовность как проблема философии и психологии» открывает статья «Отечественная философско-психологическая мысль на переломе русской истории 1916–1918 гг.: борьба за духовное понимание мира», подготовленная О. Е. Серовой. Этот автор возвращает обсуждение проблемы духовности к переломному моменту истории российской гуманитарной науки, основываясь на анализе публикаций в ведущих московских периодических изданиях — «Вопросы философии и психологии» (главный редактор — Л. М. Лопатин) и «Психологическое обозрение» (редакторы — Г. И. Челпанов и Г. Г. Шпет) выпуска 1916–1918 гг. Специфика рассмотрения психологической проблематики, связанная с направленностью редакционной политики журналов, обуславливала применение в исследовании *контекстного* анализа и интерпретации. Установлено, что единым основанием рассмотрения психологических явлений для авторов публикаций выступало понимание духовно-нравственной природы этих явлений, и в методологии анализа нравственный фактор рассматривался в качестве *систематизирующего* для всего разнообразия психологического знания.

Тему духовности продолжает статья «Духовность личности в отечественной философско-психологической традиции и вызовы современности», написанная Н. В. Борисовой. В ней аргументируется необходимость опоры на отечественную философско-психологическую традицию, которая отличается глубоким погружением в вопросы познания специфики подлинного человеческого бытия и пониманием человека, в первую очередь, как *духовной личности*. «Духовная личность» как центральная тема разрабатывалась американским психологом У. Джемсом, который рассматривал ее через описание мистических переживаний, тогда как И. А. Ильин и В. И. Несмелов, опираясь на отечественную религиозную традицию, создали оригинальные концепции духовной личности, описали процесс ее становления, ориентированный на восприятие человеком предельных духовных смыслов.

Тема «духовности» стала активно обсуждаться в постсоветский период, и понимается она в настоящее время весьма неоднозначно. Однако есть область знания, из которой эта тема не уходила на протяжении столетий. Речь идет о науке, развиваемой в духовных учебных заведениях. Автором статьи «Категория «духовность» в христианской традиции и светском гуманитарном дискурсе: особенности прочтения и перспективы взаимодействия» выступил кандидат бо-

гословия, специалист в области православной антропологии, протоиерей Вадим Леонов. В статье излагается христианское содержание *понятия «духовность»*, выделяются основные условия и этапы духовного становления человека в аскетической традиции Православия, делается анализ светских подходов к интерпретации духовности и обозначаются ключевые проблемы, возникающие на пути диалога представителей богословия и гуманитарных наук по данной теме, описываются условия и возможности взаимодействия представителей религиозных и гуманитарных сфер для развития духовности личности и общества.

Исследование М. Ю. Колпаковой «Роль совести в ценностном выборе личности» выполнено в рамках духовно-ориентированного подхода Т. А. Флоренской. Рассматриваются причины нарушений *ценностного выбора*. Выделены типы ценностной системы, препятствующие свободному ценностному выбору личности. В качестве условия реализации свободного выбора рассматривается обнаружение внутренних духовно-нравственных ценностей, оснований такого выбора. Обосновано положение о том, что разрешение внутреннего конфликта и актуализация внутреннего диалога являются необходимыми условиями свободного ценностного выбора.

Завершает первый раздел статья «Духовно-нравственные искания гениальной личности (на примере изучения динамики идейных исканий в творчестве Н. В. Гоголя)», подготовленная Е. Н. Холондович. В ней представлено применение контент-анализа в процедуре психолого-исторической реконструкции психологических характеристик *исторической личности гения*. Этот метод позволяет проследить динамику идейных исканий в творчестве Н. В. Гоголя на протяжении всей его жизнедеятельности. В качестве объектов контент-анализа выступают художественные произведения писателя различных периодов творчества. Метод контент-анализа используется для установления наличия и заметной роли духовной составляющей в сознании писателя как важного критерия его гениальности.

Второй раздел является самым большим по числу затронутых в нем тем. Он посвящен духовно-нравственному состоянию современного общества и личности. Открывает его статья «Нравственное состояние современного российского общества: эмпирические оценки». Автор — А. В. Юревич — приводит результаты анализа *динамики нравственного состояния* нашего общества на протяжении последних 20 лет, основанного на объективных количественных показателях («индекс нравственного состояния российского общества»). Количественно оцененное *нравственное состояние* нашего общества

обнаруживает положительную динамику с 2008 г., хотя по абсолютному значению соответствующего показателя пока уступает 1990 г., взятому за исходную точку сравнения.

Об опасностях и возможных подменах в духовно-нравственной сфере предупреждает автор материала «Психоманипуляции в духовно-нравственной сфере человеческого бытия» — А. А. Гостев. Большое внимание уделено поиску *контрманипулятивных ресурсов* личности и общества в целом. В результате подробного анализа автор приходит к выводу об определяющей роли состояния духовно-нравственной сферы человеческого бытия. При высоком развитии она блокирует возможности психоманипуляций, при низком может их усиливать.

Проблеме патриотизма как характеристике личности и больших социальных групп в условиях современного геополитического противостояния посвящена статья В. А. Соснина и Ю. В. Ковалевой. Авторы приводят результаты анализа исследований феномена патриотизма. Обоснована актуальность соотнесения понятий патриотизма, национального самосознания и этноцентризма (национализма). Подчеркивается важность изучения патриотизма в связи с обострением в последние годы геополитического противостояния в условиях *глобализации* информационного воздействия на национальное и историческое самосознание россиян с целью его трансформации и разрушения. Аргументируется возможность социально-психологического анализа *субъектности* больших социальных групп как основных участников информационных войн с позиции не только их уязвимости, но и ресурса сопротивления различным информационным воздействиям.

Одной из новых реальностей нашего времени являются цифровые технологии. В статье «Взаимосвязь базового доверия/недоверия личности и ее доверия к электронной коммерции» Е. В. Шляховой представлены результаты апробации методики «Доверие в электронной коммерции» (M. Gustavsson, A.-M. Johansson), проанализированы специфика взаимосвязи базового доверия/недоверия личности с доверием к электронной коммерции, а также *особенности доверия* к электронной коммерции у пользователей, отличающихся частотой совершения онлайн-покупок. Развиваются и конкретизируются некоторые идеи А. Б. Купрейченко о базовом доверии/недоверии личности.

Последующие материалы этого раздела посвящены таким *позитивным* качествам и феноменам, имеющим духовную природу, как прощение, благодарность и патриотизм, а также такому неоднозначному качеству личности, как завистливость.

Исследование, проведенное Н. Я. Большуновой и О. А. Устиновой, посвящено психологическим и социокультурным смыслам прощения и развитию способности прощать. Дан анализ *прощения как феномена* отношений между людьми, представлены его культурные, духовно-нравственные, социально-психологические, психологические смыслы и содержание. На основе этнографических описаний и лингвокультурального анализа показано его место в русской культуре. В эмпирическом исследовании на основе анализа данных авторской анкеты показано неоднозначное и противоречивое понимание респондентами прощения, тенденция прагматизации его смыслов. Представлено описание программы развития прощения у старших дошкольников и результаты ее апробации.

Статья С. К. Нартовой-Бочавер называется «Домашняя среда и благодарность как черта и переживание личности», она посвящена результатам эмпирического исследования двусторонних связей между дружественной домашней средой и благодарностью как переживанием и свойством личности. Обнаружено, что дружественная домашняя среда (в основном ее функциональность) вносит вклад в проявление всех компонентов благодарности, а ее переживание (в основном чувство Достатка) предсказывает образ позитивного дружественного дома.

Результатам исследования завистливости в юношеском возрасте посвящена работа, написанная Л. М. Поповым и Н. В. Горшениной. Получены подтверждения гипотезы о том, что завистливость как нравственно-психологическая особенность личности характеризуется позитивным, конструктивным («белая зависть») и негативным, деструктивным («черная зависть») полюсами. По результатам эмпирического исследования, описаны полюса завистливости — конструктивный и деструктивный, а также уровни завистливости.

Завершает второй раздел статья Т. С. Вавакиной и В. П. Познякова «Прагматичность и нравственность как факторы психологического отношения к деловому партнерству», в которой приведены результаты серии эмпирических исследований, целью которых стало выявление роли базовых принципов взаимодействия между людьми — прагматичности и нравственности — как психологических факторов отношения к деловому партнерству. Показано, что ценность делового партнерства для участника делового взаимодействия предполагает высокую значимость и прагматичности для достижения цели, и нравственности для выстраивания, а также поддержания благоприятных взаимоотношений со своими деловыми партнерами. При этом прагматичность прямо соотносится с ориентацией

на использование экономических и социальных ресурсов партнера для достижения собственной выгоды, в то время как нравственность — с желанием сотрудничать с конкретным человеком, ценностью для респондента именно этого человека как партнера. Говорится о правомерности использования ресурсно-ценностного подхода применительно к анализу делового партнерства как вида социального взаимодействия.

Третий раздел «Духовно-нравственные проблемы современной молодежи» открывает работа «Социально-психологические условия формирования духовно-нравственной основы мироощущения и социального самоопределения современной учащейся молодежи». Ее автор — А. С. Чернышев на основе многолетних эмпирических исследований делает вывод о конкретных проявлениях *взаимосвязи* духовно-нравственных качеств личности, ее мироощущения и социального самоопределения. Предлагаются социально-психологические *технологии проектирования* развивающей социальной среды как условия формирования нравственно зрелой личности.

Ценностным ориентациям молодежи в условиях макросоциальных преобразований посвящена статья, подготовленная Н. А. Журавлевой. В ней приводятся результаты тщательного многолетнего исследования *динамики ценностных ориентаций* учащейся молодежи в условиях социально-экономических изменений российского общества в 1990-е годы и начале XXI в. Показано, что, хотя в связи с проведением экономических преобразований и становлением рыночных отношений, существовавшие ранее ценностные приоритеты отошли на второй план, уступив лидирующие позиции экономическим и материальным ценностям, *базовые духовные ценности* молодежи, связанные с российским социокультурным архетипом (коллективизм, приоритет духовного над материальным и т. п.), в целом не изменились.

Исследованию *отношения молодежи к коррупции* посвящена работа «Нравственно-психологические аспекты исследования структуры отношений старшеклассников к способам материального самообеспечения». По результатам проведенного исследования, Д. А. Китова приходит к выводу, что определяющим условием достижения материального благополучия многие старшеклассники склонны считать противоправные и аморальные поступки, и это может создавать конфликтную психологическую ситуацию, провоцирующую школьников на стихийные действия. Автор говорит о необходимости формирования у молодежи *нормативных моделей* экономической самореализации.

Раздел завершает объемное исследование современного состояния проблемы *морального развития* в подростковом возрасте, выполненное Т. П. Авдуловой. Автором представлены данные зарубежных работ по изучению моральной мотивации, механизмов морального становления личности, а также факторов морального развития. Авдулова приводит результаты эмпирического исследования, посвященного изучению морального развития подростков специальных выборок (подростки, воспитывающиеся без родителей, и подростки, склонные к рисковому поведению), а также исследования влияния позиции родителей на моральные представления подростков.

В *четвертом разделе* обсуждаются проблемы психологического, психического и профессионального здоровья личности. Раздел открывает статья «Особенности представлений о некоторых компонентах психологического здоровья у созависимой и несозависимой личности», подготовленная Т. В. Галкиной и Н. Г. Артемцевой. Авторы осуществляют подробный анализ проблемы *психологического здоровья* личности, показывают связь психологического здоровья с духовно-нравственным состоянием личности и с вопросами безопасности не только личности, но и общества в целом. Показано, почему такое явление, как *созависимость*, может выступать в качестве угрозы психологическому здоровью и психологической безопасности. В результате проведенного эмпирического исследования выявлено, что личностные представления о психологическом здоровье нации и психологической безопасности могут быть качественно и количественно дифференцированы в зависимости от наличия у субъектов такого состояния, как созависимость.

Хотя сам термин «психологическое здоровье» впервые появился в работах А. Маслоу в 1950 г., но у западных психологов термин «не прижился», а был использован российскими психологами в середине 1990-х годов. К настоящему времени в отечественной науке накопилось много исследований по этой теме. Все они объединяются мыслью о тесной связи психологического и нравственного здоровья личности. Но и в традиционной проблеме психического здоровья присутствует нравственный аспект. Речь идет об отношении к психически больным людям. Т. П. Емельяновой и Т. В. Израелян проведено исследование *образа психически больного* в массовой культуре. Авторы поднимают проблему причин стигматизации психически больных в обществе. Одну из причин они видят в особенностях массовой культуры, в частности, в содержании публикаций СМИ и кинофильмов. Контент-аналитическое исследование показало, что среди публикаций, содержащих психиатрические термины, пре-

обладает криминальная тематика. Рассматриваются пути и средства смягчения стигматизирующих воздействий массовой культуры.

В следующей главе, подготовленной Л. Ш. Мустафиной, описываются результаты эмпирического исследования *взаимосвязи* представлений молодых людей о совести с их ценностными ориентациями и с показателями психопатологической симптоматики. Установлено, что чем сильнее выражена психопатологическая симптоматика у респондента, тем в большей степени он нивелирует значение совести («совесть не нужна»; «совесть – это бред, от которого нужно отвыкать»; «совесть мешает жить»; «человек с совестью – слабый и боязливый» и т. п.). Обнаружено также, что молодые люди, выбирающие конкретные ценности (интересная работа, материально обеспеченная жизнь, развлечения и т. п.), статистически чаще разделяют цинично-прагматичное *отношение к совести*, чем респонденты, у которых в структуре ценностей в той или иной мере присутствуют абстрактные ценности (жизненная мудрость, творчество, счастье других и т. п.).

Завершает и раздел, и книгу большая работа, посвященная проблеме профессионального здоровья: «Конструктивность копинг-стратегий как ресурс профессионального здоровья летчиков». Ее авторы – М. Е. Зеленова, А. А. Лекалов, В. С. Лим и Е. В. Костенко – представили результаты эмпирического исследования, выполненного в рамках психологии личности и деятельности профессионала. Связь с основной темой настоящего сборника прослеживается по двум направлениям. Во-первых, от духовно-нравственного состояния профессионала зависит, в частности, здоровье и даже жизнь вверившихся ему людей. А во-вторых, сама летная профессия связана с небом и имеет, по мысли В. А. Пономаренко, ярко выраженный духовный компонент.

М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, А. В. Юревич

Вместо введения

Вклад Института психологии РАН в исследование духовно-нравственных проблем личности и общества

М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев

Одной из научных школ, составивших фундамент созданного в 1971 г. академического института психологии, стала школа С. Л. Рубинштейна (1889–1960). Его ученики и последователи, работавшие в основанном им секторе философских проблем психологии, перешли в новый институт из Института философии АН СССР, и продолжили изучение вопросов теории и методологии психологической науки. Из этого сектора впоследствии образовался ряд лабораторий Института (названия со временем корректировались): социальной психологии, психологии личности, истории психологии. Таким образом, интерес к нравственной проблематике, отличающий рубинштейновское научное направление, был заложен с первых лет существования Института психологии АН СССР.

Что касается «духовной» составляющей, то этот термин в советское время употреблялся редко. Так, в самой цитируемой работе С. Л. Рубинштейна «Основы общей психологии» (Рубинштейн, 2002) о духовном говорится либо в контексте истории психологических учений, либо используется словосочетание «материальная и духовная культура» (именно в такой последовательности). Однако о сущности подлинной духовности в ее нравственном измерении он успел сказать самые главные слова в последней своей работе, опубликованной усилиями учеников уже после смерти автора. Речь идет о монографии «Человек и мир», где этика определяется как «дифференциальная онтология» (Рубинштейн, 2003).

Онтология – учение о бытии. Категория, противоположная бытию, – небытие. Дифференциальная онтология определяет любовь как утверждение бытия другого человека (Рубинштейн, 2003). В одном из недавних исследований И. А. Джидарьян сформулирова-

на идея о триединстве веры, надежды и любви как духовной, жизнеутверждающей основе активности личности (Джидарьян, 2013). Для уточнения понятий был осуществлен анализ многозначности современного понимания любви, включая разработку диагностической методики (Джидарьян, Беловол, Маслова, 2014).

В течение последних 10–15 лет в Институте психологии РАН подготовлен и опубликован ряд сборников научных трудов, индивидуальных и коллективных монографий, посвященных нравственной и духовно-нравственной проблематике (Воловикова, Мустафина, 2016; Гостев, 2017; Гостев, Борисова, 2012; Джидарьян, 2013; Журавлев, Купрейченко, 2003; Журавлева, 2013; Кольцова, Холондович, 2013; Купрейченко, 2014; Купрейченко, Воробьева, 2013; Нравственность современного..., 2012; Проблемы нравственной и этической..., 2011; Психологическое здоровье..., 2014; и др.). Однако фундамент этих и многих других исследований был заложен еще в советский период развития академического Института психологии.

Исследования нравственных проблем в Институте психологии АН СССР

Работ, специально посвященных нравственной проблематике, в советский период было немного. Так, в публикациях ИП АН СССР можно найти лишь несколько наименований, в которых встречается слово «нравственный» или «моральный». В сборнике научных трудов под редакцией М. И. Бобневой и Е. В. Шороховой (Психологические механизмы..., 1979) была впервые опубликована статья Т. А. Флоренской о нравственно-преобразующем воздействии катарсиса, связанного с пробуждением совести, а также статья К. Ф. Леонтовича о связи стадий морального развития человека и его художественного вкуса. В сборнике под ред. Е. В. Шороховой и В. П. Левкович (Социально-психологические и нравственные..., 1988) были представлены проблемы нравственного развития личности, мотивационные особенности нравственной регуляции поведения, нравственные аспекты развития и формирования потребностей личности.

В 1984 г. Т. Г. Гаева защитила кандидатскую диссертацию «Моральная ответственность как качество личности», выполненную под руководством Л. И. Анцыферовой. Это одна из первых работ, в которой был использован диагностический инструментарий, разработанный западными психологами для определения уровня морального развития личности. Исследования Л. Колберга давно привлекали внимание Л. И. Анцыферовой (1999). Можно сказать, что под ее влиянием

изучением психологического аспекта нравственного поведения личности перешло из традиционного для советской психологии утверждения нравственных ценностей к конкретным исследованиям, включающим диагностику (Воловикова, 1987; Воловикова, Ребеко, 1990). Поскольку при переводе с английского языка разница между «моральным» и «нравственным» стирается, то использовалась калька с английского — «моральный», хотя оттенок, отличающий мораль от нравственности, русскоязычными авторами всегда учитывался.

В советский период одним из направлений исследования психологических аспектов нравственности была критика буржуазной морали, причем в академическом Институте психологии это делалось на высоком уровне, и некоторые выводы остаются актуальными для нашего времени. Так, С. К. Рошин в статье «Классовая направленность буржуазной патопсихологии личности» отмечал: «Сами условия буржуазного общества вынуждают людей избирать такие формы поведения, которые обычно свойственны психопатам. Для большинства психопатических типов характерна одна общая черта: преобладание таких аффективно-волевых нарушений, которые в личностных качествах выражаются в крайнем эгоизме и эгоцентризме, извращенном содержании ценностных понятий, нежелании считаться с интересами окружающих и общепринятыми нравственными установками» (Рошин, 1974, с. 37). Автор напоминает о понятии «частичный психопат», как в капиталистическом обществе стали называть успешных людей, отличительной чертой которых является «жестокость, эгоизм, беспринципность, игнорирование любых человеческих ценностей, если они противоречат их личным интересам» (там же). О явных ограничениях в развитии личности, связанных с капиталистическими общественными отношениями, предупреждала и Анцыферова.

Но с 1991 г. прежняя политическая система стала радикально изменяться. В общественную жизнь страны ворвался «дикий» капитализм. Каждая конкретная личность столкнулась с проблемой своего нравственного выбора, о чем ранее писали психологи.

Исследования нравственности в постсоветский период (1990–2000-е годы)

Отличительная особенность научного поиска 1990-х и начала 2000-х годов состояла во внимании к исторически и культурно обусловленной специфике российского менталитета (Российский менталитет..., 1996; Российский менталитет, 1997; и др.). Отчасти это было связано

с широким распространением западных психологических концепций, появлением совместных проектов, проведением кросс-культурных исследований. Но более всего внимание к своим «корням» было вызвано происходящими процессами в нравственной и идеологической сфере. Прежняя идеология рухнула, грозя разрушить нравственные скрепы, поддерживающие общество и личность.

Уже в 1991 г. была впервые сформулирована идея о специфическом типе морально-правовой социализации в России (Абульханова-Славская, Воловикова, Елисеев, 1991). Следование закону, как оказалось, у россиян связано не с уважением закона, а с опорой на высшие этические принципы, совесть либо со страхом наказания (Николаева, 1992).

В этот же период начинается формироваться интерес к исследованию представлений о нравственном идеале, о счастье. Рассматривается нравственный аспект экономического поведения.

В 2000-е годы исследования значительно расширились и стали оформляться в виде крупных индивидуальных и коллективных монографий. Рассматривались нравственно-психологическая регуляция экономической активности личности и группы (Журавлев, Купрейченко, 2003), роль нравственного идеала (Воловикова, 2005), ценностные ориентации личности (Журавлева, 2006), нравственный аспект психологии социальной реализации профессионала (Ермолаева, 2008), психология доверия и недоверия (Купрейченко, 2008). В издательстве «Институт психологии РАН» издавались работы коллег из других научных центров (Попов и др., 2008).

С 2010 г. обозначился поток исследований и публикаций по духовно-нравственной проблематике. В вышедших за последние годы статьях, индивидуальных и коллективных монографиях значительно расширился круг затрагиваемых проблем, и многое здесь исследовалось впервые. Впервые философское наследие И. А. Ильина было введено в психологическую науку как одно из методологических оснований духовно-нравственной психологии (Гостев, Борисова, 2012). Впервые в рамках исторической психологии поиск воплощения духовности личности ведется в творчестве Ф. М. Достоевского (Кольцова, Холондович, 2013). Продолжена реализация ценностного подхода к анализу социальных изменений (Журавлева, 2013). Рассмотрены особенности нравственного самоопределения молодежи (Купрейченко, Воробьева, 2013). Проведен анализ нравственной детерминации экономического самоопределения личности и группы (Купрейченко, 2014), роли представлений о совести в российском менталитете (Воловикова, Мустафина, 2016).

В 2009 г. в Институте психологии РАН проходила Всероссийская юбилейная научная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна, ставшая определенной вехой в развитии духовно-нравственной проблематики и в Институте психологии РАН, и в отечественной психологии в целом. Публикация материалов по данной проблематике заняла один из томов изданных статей и тезисов докладов (Психология человека в современном мире, 2009). Здесь рассматривались следующие темы: развитие нравственного сознания личности (Л. Н. Антилогова, Омск; Э. Н. Ольшевская, Беларусь), нравственный аспект организационного поведения (Т. И. Дрынкина, Санкт-Петербург), совесть как предмет психологического исследования (С. А. Барсукова, Пенза; Л. Ш. Мустафина, Москва), проблемы этической психологии (Л. М. Попов, Ю. Н. Устина, П. Н. Устин, Казань), духовно-нравственный аспект психологической помощи (Л. Ф. Щербина, Украина), представления детей о добре и зле (Л. С. Акопян, Самара), духовно-нравственное становление детей (Н. Г. Капустина, Сургут), нравственное воспитание (О. У. Гогицаева, Владикавказ; А. А. Чернова, Ростов-на-Дону; Т. В. Кожановская, В. В. Спасенников, Брянск), вопросы духовно-нравственной реализации педагогов (С. А. Котова, Санкт-Петербург; О. А. Миненко, Украина) и мн. др.

Даже по одному перечню заявленных тем, а также по списку организаций, регионов и стран участников видна консолидирующая роль Института психологии РАН в разработке и обсуждении духовно-нравственных проблем психологии.

Отдельное значение в объединении сил исследователей из разных российских регионов и научных центров в решении проблем нравственной, духовно-нравственной и этической психологии имеют сборники научных трудов и коллективные монографии, вышедшие в свет, начиная с 2010 г. под редакцией А. Л. Журавлева и А. В. Юрвича (Психология нравственности, 2010; Психологические исследования духовно-нравственных проблем, 2011; Нравственность современного российского общества..., 2012; Психологические исследования нравственности, 2013). В 2014 г. под редакцией А. Л. Журавлева, М. И. Воловиковой и Т. В. Галкиной вышла книга, в которой в контексте духовно-нравственного состояния современного российского общества рассматриваются проблемы психологического здоровья личности (Психологическое здоровье..., 2014).

В 2011 г. вышла в свет коллективная монография «Проблемы нравственной в этической психологии» (Проблемы..., 2011). Эти события можно считать свидетельством систематической разработ-

ки *нравственной психологии* как нового научного направления, хотя его возникновение относится к 1990-м годам, а сам термин впервые встречается в публикации Б. С. Братуся (1997).

Нравственная психология как новое научное направление

В русском языке позитивная модальность закреплена за словом «нравственный», тогда как слово «моральный» часто понимают по-разному в зависимости от контекста. Иногда оно имеет отрицательный смысл жестко закрепленных, внешних человеку, но довлеющих над ним правил и предрассудков, мешающих проявлению творческой свободы личности. Иногда слова «нравственный» и «моральный» используют как синонимы.

Возможно, именно в такой языковой сложности состоит одна из проблем принятия нравственной психологии. Много копий ломается в защиту свободы человека от «давления моральных запретов», внутренних законов жизни, нарушать которые человеку нельзя, исходя из его же собственных интересов. Много таких «нельзя» человек постигает с самого раннего детства. Если законы касаются соблюдения правил, по которым существует физический мир, то нравственные законы — это тоже точные законы организации жизни человека, где ведущим является духовный уровень.

Задача нравственной психологии состоит в том, чтобы исследовать процессы, происходящие на всех уровнях функционирования человека при исполнении или нарушении нравственного закона, проследить путь от мысли к действию и поступку с тем, чтобы помочь современному человеку в сложных жизненных обстоятельствах, которые он сам же зачастую и строит всей историей своих моральных выборов.

В публикациях «нравственный» часто встречается в сочетании «духовно-нравственный». *Духовность* в наше время оказалась одним из популярных, но размытых понятий. Область духовных явлений несопоставимо превышает ту, что может охватить предмет психологии как науки. Однако психические явления постоянно соприкасаются с духовными, особенно неразрывна их связь в сфере нравственных выборов личности. И такое словоупотребление здесь оправданно.

В списке имен, с которых обычно начинают библиографию по нравственной проблематике, приводят имя основателя психоанализа, хотя он, скорее, «закрыл» для психологии тему нравственности. По замечанию Б. С. Братуся, «после З. Фрейда многие психологи усвоили, что нравственность нередко просто фальшь, поза,

прикрытие истинного лица или — что почти то же самое — внешнее давление, общепринятая форма, цензура» (Братусь, 1997, с. 10). В этой публикации 1997 г. Братусь использует термин «нравственная психология», отмечая: «...нравственная психология, по-видимому, впервые постулируется в этой работе» (там же, с. 3). Ее задачи автор видит в том, чтобы выйти из позиции наблюдателя «борьбы за человека в человеке» в область этой борьбы как ее инструмента. И тогда происходит кардинальный поворот: «Из психологии, согласной рассматривать нравственное развитие как частный вариант, сегмент своего применения, она становится нравственной психологией, действующей и видящей мир изнутри нравственного пространства, нравственного понимания человека» (там же, с. 10).

В 1990-е годы вопрос о нравственных основаниях психологической науки буквально «висел в воздухе». Так, курс для студентов-психологов, начатый в 1994 г. в Смоленском гуманитарном университете, получил название «Основы нравственной психологии» (Воловикова, Дикевич, 2005). Именно такое название, благодаря своему двойному значению (и как психология о нравственных основах жизни, и как психология, нравственная по своим целям, методам и установкам), наиболее точно соответствует области знаний, необходимой будущим психологам.

Были сформулированы следующие задачи нравственной психологии:

- Методологический анализ предмета нравственной психологии и области ее приложения.
- Понимание личностью и обществом смысла нравственного бытия и объективной содержательности нравственного мира.
- Теоретическое и эмпирическое исследование иерархии нравственных ценностей.
- Процессы осознания на индивидуальном и общественном уровнях нравственного закона, его содержания, императивности и внутреннего единства.
- Соотношение нравственного и правового сознания. Юридические законы и нравственные идеалы.
- Социальные представления о правде, праве и справедливости.
- Связь личности и общества в контексте нравственного бытия.
- Субъективность личного нравственного переживания и усвоение личностью нравственных установок. Эмоциональная окраска нравственных переживаний. Нравственные чувства.
- Совесть как нравственная интуиция. Исследование современных представлений о совести.

- Мотивы и поведение человека в осуществлении ценностно-нравственного выбора.
- Нравственное созидание и разрушение личности. Личность как субъект нравственного выбора. Нравственная убежденность.
- Отношения между идеалом, нравственной нормой и действительностью в самосознании личности.
- Искажения нравственного бытия: анализ истоков и механизмов. Своеволие как извращение свободы. Ложь, скептицизм, равнодушие к истине. Искаженность ценностного мира.
- Диалог как метод исследования и коррекции искажений нравственных установок личности.
- Дальнейшая разработка методов качественного (микросемантического и других видов) анализа для решения задач нравственной психологии.
- Практические приложения нравственной психологии в этнопсихологии (как создающая роль национального нравственного идеала), в инженерной психологии и психологии труда (как важнейшее условие безопасности высокотехнологичных систем), в политической, экономической психологии и др.

Нравственная психология должна охватывать практически все традиционные разделы общей психологии: методологию, психологию личности и межличностных отношений, познавательные процессы, эмоционально-волевые процессы. И дело здесь не в новом объекте исследования, а в рассмотрении привычных для психологии объектов с позиции нравственности как системообразующего фактора нормального, здорового развития и функционирования всех психических процессов. Кроме того, в отечественной психологии (в том числе советского периода) накоплен большой опыт исследований нравственного развития личности (Л. И. Божович, Б. С. Братусь, Е. Ю. Стрижов, Т. А. Флоренская, В. Э. Чудновский, С. Г. Якобсон и др.), духовных способностей (В. Д. Шадриков), процесса решения нравственных задач (А. В. Брушлинский, М. И. Воловикова, В. В. Знаков, Л. В. Темнова и др.). Используется опыт западной психологии в исследовании развития морального и правового сознания (Ж. Пиаже, Л. Колберг, Т. Ликона, Д. Тапп и др.).

В 1991 г. в издательстве Института психологии АН СССР вышла книга Т. А. Флоренской «Диалог в практической психологии». Это одна из первых работ, где уже в «новое время» нравственная проблема была поставлена в центр решения всех остальных психологических проблем. Предпосылками идей, разрабатываемых в этой книге, послужило научное наследие А. А. Ухтомского и М. М. Бахтина. Испод-

воль в издании 1991 г. и явно в более поздних работах Т. А. Флоренской (Флоренская 2001, 2006) присутствовал еще один (и основной) источник — святоотеческий подход к пониманию законов душевной и духовной жизни, т. е. работы православных подвижников и мыслителей Никодима Святогорца, Аввы Дорофея, Нила Сорского, Феофана Затворника, Павла Флоренского и др.

Основы нравственной психологии были заложены в советское время. В этот период нравственный закон, хотя и в урезанной форме, был действенной силой в жизни личности и общества, но было и много фальши, и эти ненадежные основания рухнули вместе с крушением советского строя. 1990-е годы стали периодом российской истории, «свободным» от какой-либо общественной морали. Мало авторов, которые оказались в состоянии противопоставить моральному обвалу что-либо основательное. Флоренская была одной из этих немногих. Она умела излагать вечные истины и на марксистском языке, потому что люди при любом строе остаются людьми со своей ненасыщаемой тягой к вечному. Работа психолога над собой дает возможность услышать голос своего «духовного я» — своей совести, и как результат — обрести способность различить голос «духовного я» собеседника, чтобы поддержать этот голос во время помогающего диалога.

Главным и определяющим для нравственной психологии и для применения на практике ее результатов является неискаженный образ человека как существа, по самой природе своей наделенного высшим достоинством («духовным я», совестью). Такое понимание очерчивает границы возможного применения в исследовании объективных методов, вызывает требования к самому ученому познавать и стремиться соблюдать нравственный закон.

Исследования Т. А. Флоренской, Л. И. Анцыферовой, Л. И. Божович, Э. В. Чудновского, Б. С. Братуся, С. Г. Якобсон и мн. др. внесли большой вклад в то, что и в постсоветский период интерес психологов к нравственным вопросам не угас. Столкнувшись с реальными проблемами, возникающими в конкретных областях человеческой деятельности из-за обвалных нарушений нравственного закона, современные ученые смогли открыть с помощью этой «естественной лаборатории» и обосновать создающую роль следования нравственному закону при решении проблем психологии труда (Л. Г. Дикая, Е. П. Ермолаева, В. А. Пономаренко и др.), социальной и экономической психологии (А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко, В. Е. Семенов и др.), проблем воспитания детей и молодежи (Н. Я. Большунова, А. С. Чернышев и др.), психотерапии и психокоррекции (М. Ю. Колпа-

кова и др.), методологических проблем психологии (К. А. Абульханова, Б. С. Братусь, А. А. Гостев, В. А. Кольцова, Л. М. Попов, О. Е. Серова, В. А. Соснин, А. В. Юревич и др.). Благодаря этим усилиям психологов на всем пространстве России развиваются исследования различных аспектов нравственно-психологических проблем.

Сборник «Проблемы нравственной и этической психологии» вышел в свет 2011 г. На примере этой книги можно составить представление о разработках, которые ведутся в области нравственной психологии. Л. М. Попов (Казанский госуниверситет) рассматривает предмет и методы нравственно-этической психологии. А. Б. Купрейченко (ИП РАН) дает детальный анализ перспектив психологических исследований нравственности, а в соавторстве с А. Е. Воробьевой (ИП РАН) описывает стадии нравственного самоопределения молодежи. И. А. Джидарьян (ИП РАН) пишет об оптимистических основаниях триединства веры, надежды и любви. С. А. Барсукова (Пензенский филиал Московской социальной открытой академии) анализирует антропоцентрический подход к пониманию совести в психологии. М. Ю. Колпакова (ПИ РАО) говорит о духовно-нравственных проблемах матерей-отказниц, доказывая существование духовной связи между матерью и младенцем. А. А. Гостев (ИП РАН) пишет о духовно-нравственном значении образной сферы, а в соавторстве с Н. В. Борисовой (ИП РАН) он рассматривает философско-психологическое наследие И. А. Ильина. О. Е. Серова (ПИ РАО) делает глубокий анализ учения И. В. Киреевского. Е. Ю. Стрижов (Академия управления МВД России) представляет модель нравственно-правовой надежности личности. Н. Я. Большунова (Новосибирский гос. педагогический университет) пишет о методах, помогающих духовно-нравственному развитию дошкольников, а А. С. Чернышев (Курский госуниверситет) – о социально-психологических условиях формирования духовно-нравственной основы мироощущения и социального самоопределения современной учащейся молодежи. Л. Л. Дикевич (Смоленский гуманитарный университет) в соавторстве с М. И. Воловиковой рассматривают динамику представлений русских о нравственном идеале.

Большое значение для развития нравственной психологии имеют журнальные публикации (Юревич, Журавлев, 2013; и др.). Особое место среди них принадлежит тем, в которых выдвигается и развивается идея нравственной элиты (Воловикова, Журавлев, 2016; Журавлев, Купрейченко, 2006, 2010).

А. Л. Журавлев и А. Б. Купрейченко отмечают: «Под *элитой* понимается социальная категория людей, *характеризующаяся* наиболее

высоким уровнем развития тех или иных качеств, свойств, способностей и *успешно проявляющая* их совокупность в конкретных сферах жизнедеятельности общества. В таком смысле вполне уместно говорить о разных *видах* элиты, что и встречается в современных публикациях: политическая и управленческая, экономическая и бизнес-элиты, интеллектуальная и научная, творческая и художественная, культурная и духовная и др.» (Журавлев, Купрейченко, 2010, с. 8). Авторы говорят о целесообразности «рассматривать и *нравственную элиту*, относя к ней тех людей, которые *достигли* высокого уровня развития нравственных качеств и успешно *проявляют* их в сфере человеческих отношений, в жизни реальных социальных групп, в человеческих сообществах, существенно *вливая* на их нравственную атмосферу, как минимум, повышая ее общий уровень» (там же).

В основе феномена, названного «эффектом воспроизводства субъектом ценностной системы другой исторической эпохи» (Журавлев, Купрейченко, 2010, с. 6), лежат наблюдения над той немногочисленной социальной группой, которая смогла сохранить личностную свободу и относительную независимость от происходящих вокруг изменений системы ценностей и приоритетов. Отмечается здоровое отношение к себе и другим, жизненный оптимизм таких людей, не связанный с уровнем материального благосостояния, даже их некоторая неадаптивность, будто эти люди продолжают жить в другом историческом времени и ориентироваться на иные ценности и идеалы. С другой стороны, это могут быть и люди, опередившие свое время, – *люди будущего*.

Важнейшая социальная роль таких людей состоит в отстаивании, поддержании, сохранении и воспроизводстве универсальных ценностей. Авторы выделяют тех субъектов, которые выступают в качестве хранителей культурных и духовных ценностей, носителей нравственных идеалов: «К ним, *прежде всего*, относятся мудрецы и старцы, талантливые наставники и воспитатели, священнослужители и духовные учителя, ученые и писатели, художники и поэты, а также другие, *авторитетные* именно в нравственном отношении общественные фигуры» (там же, с. 7).

Всегда находилось то лицо, ценностным ориентациям которого доверяло большинство российских граждан. Причем, это правило касается не только больших общностей (страны, региона, края), но и жителей небольших селений. Авторы приводят народную поговорку: «Не стоит село без праведника», наиболее точно передающую незаменимую роль таких людей в сохранении общности. Это и есть «*нравственная элита*»: «Представители этой категории лю-

дей, придерживаясь нравственных устоев и не допуская забвения обществом универсальных нравственных ценностей, дают интерпретацию событий жизни своих современников и общественных тенденций с позиций вечных, абсолютных, гуманистических ценностей» (там же, с. 7).

Гипотетически выделены *основные признаки* нравственной элиты:

- участие в общественно-полезной деятельности, приносящей пользу социуму;
- строгое следование в своем поведении нравственным принципам, нормам и правилам жизнедеятельности человека;
- способность оказывать нравственное влияние на других людей (в том числе через поступок);
- способность жертвовать своими интересами ради других, оказание безвозмездной помощи, проявление разных форм помогающего поведения.

Все эти признаки получили эмпирическое подтверждение в исследовании, проведенном на «элитной выборке» с применением методов качественного и количественного анализа (Воловикова, Журавлев, 2016). Сама идея нравственной элиты имеет исключительную важность для понимания глубинных нравственных оснований функционирования российского менталитета.

Перспективы исследований в области нравственной психологии напрямую связаны с задачами этого научного направления: нового и в то же время имеющего богатую предысторию в отечественной гуманитарной традиции, включая советский период развития психологической науки.

Заключение

Академический Институт психологии с самого начала своего образования и реальной научной деятельности с 1972 г. наследовал интерес к исследованию духовно-нравственных проблем, связанный, прежде всего, с научной школой С.Л. Рубинштейна. По мере развития Института этот интерес охватывал такие направления, как психология личности, социальная и экономическая психология, инженерная психология и психология труда, история психологии и др.

Институт психологии РАН был и остается «головной» научной организацией для психологов из различных российских регионов, выполняя консолидирующую роль в исследовании и обсуждении современных духовно-нравственных проблем личности и общества.

Перспективна дальнейшая разработка идеи нравственной элиты. Ее прогностичность связана с воспитательной ролью нравственного образца, а также процессами консолидации социальных групп и российского общества в целом.

Особое внимание должно быть уделено подрастающему поколению. Нужно с опережением замечать новые вызовы и новые опасности. Так, в ряде европейских стран обсуждается закон о возможности свободной смены пола подростками. Необходимо исследование духовной природы пола, не поддающейся физической коррекции (такое знание есть в святоотеческой традиции). Оставаясь по духу мужчиной, юноша может непоправимо исказить свой подлинный, природный облик, подобная серьезная опасность грозит в решении проблемы пола девушкам.

Перспективы развития нравственной психологии связаны с востребованностью этого относительно нового направления исследований. Нужно обсуждать вопросы о необходимости экспертных оценок для обеспечения психологической безопасности личности при использовании не проверенных в духовно-нравственном отношении методов воздействия на личность (типа экстрасенсорных).

В термине «нравственная психология» содержится двойной смысл. Это и психологическое исследование процессов, происходящих в нравственной сфере: личной, общественной, профессиональной и др. Это и переосмысление перспектив развития психологической науки под углом зрения нравственного закона, что предполагает включение в область исследования новых тем, новых направлений, новых методов и, возможно, пересмотра отношения к некоторым из существующих направлений. Оба смысла взаимосвязаны, что особенно становится заметно при внимательном анализе истории появления и развития в психологии идей, связанных с нравственными проблемами.

Нравственная психология в настоящее время уверенно оформляется как относительно самостоятельное направление психологической науки. Имея богатую предысторию в отечественной гуманитарной мысли и в мировой психологии, это направление оказалось особенно востребованным в наше время при переосмыслении роли и значения нравственного закона в жизни личности и общества. А сама потребность в переосмыслении связана с повсеместной практикой нарушения тех или иных нравственных норм и столкновения с последствиями этих нарушений.

То, что считалось личным делом каждого и зависимым от субъективных оценок, оказалось важнейшей основой жизни человеческого

сообщества, имеющей онтологический статус, о чем предупреждал в своей итоговой работе «Человек и мир» С. Л. Рубинштейн, назвавший область знания, рассматривающую нравственные проблемы психологии, «дифференциальной онтологией». Рубинштейн первым в отечественной психологии предельно остро и определенно обосновал роль нравственного закона в жизни человека. Высокий уровень его убежденности определен тем мощным фундаментом этико-центрированного взгляда на мир, который был составлен предшественниками как в России, так и в старой Европе.

Нравственные заповеди — законы, по которым надо строить свою жизнь, еще с ветхозаветного времени символически представлены как записанные на двух камненных плитах — скрижалях. Слово «скрижаль» в дальнейшем стали понимать и как нерушимое правило, записанное в сердце человека. Эти законы составляют основу цельности, нравственной крепости человека и общества. Как и записанные на камне, они представляют собою единую систему: нарушается одна из заповедей — и опасности разрушения подвергаются все остальные, а вслед за этим с неизбежностью следуют разрушения и личности, и общества.

Литература

- Абульханова-Славская К. А., Воловикова М. И., Елисеев В. А. Проблемы исследования индивидуального сознания // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 4. С. 27–40.
- Анциферова Л. И. Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Колберга и его школы) // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 5–17.
- Братусь Б. С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. 1997. № 5. С. 3–19.
- Брушлинский А. В., Темнова Л. В. Интеллектуальный потенциал личности и решение нравственных задач // Психология личности в условиях социальных изменений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1993. С. 45–56.
- Воловикова М. И. Моральные суждения младших школьников // Вопросы психологии. 1987. № 2. С. 40–47.
- Воловикова М. И. Представления русских о нравственном идеале. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Воловикова М. И., Дикевич Л. Л. Основы нравственной психологии. Учебно-методическое пособие для студентов психологического факультета. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2005.

- Воловикова М. И., Журавлев А. Л. Имплитные представления о признаках нравственной элиты // Психологический журнал. 2016. Том 37. № 3. С. 50–59.
- Воловикова М. И., Мустафина Л. Ш. Представления о совести в российском менталитете. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Воловикова М. И., Ребеко Т. А. Соотношение когнитивного и морального развития // Психология личности в социалистическом обществе. Личность и ее жизненный путь. М.: Наука, 1990. С. 81–87.
- Гаевая Т. Г. Моральная ответственность как качество личности: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии АН СССР, 1984.
- Гостев А. А. Глобальная психоманипуляция: психологические и духовно-нравственные аспекты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Гостев А. А., Борисова Н. В. Психологические идеи в творческом наследии И. А. Ильина: На путях создания психологии духовно-нравственной сферы человеческого бытия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Джидарьян И. А. Психология счастья и оптимизма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Джидарьян И. А., Беловол Е. В., Маслова О. В. Разработка опросника для изучения представлений о любви // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 111–119.
- Ермолаева Е. П. Психология социальной реализации профессионала. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Роль ценностей нравственной элиты в переходные периоды жизни общества // Православие и нравственность: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. СПб., 2006. С. 111–112.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Роль нравственной элиты в российском обществе: постановка проблемы и возможности исследования // Психологический журнал. 2010. Том 31. № 2. С. 5–19.
- Журавлева Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Журавлева Н. А. Психология социальных изменений: ценностный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Кольцова В. А., Холондович Е. Н. Воплощение духовности личности в творчестве Ф. М. Достоевского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.

- Купрейченко А. Б.* Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Купрейченко А. Б.* Нравственная детерминация экономического самоопределения. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Купрейченко А. Б., Воробьева А. Е.* Нравственное самоопределение молодежи. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Николаева О. П.* Морально-правовые суждения и проблема развития морального сознания в разных культурах: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 1992.
- Нравственность современного российского общества: Психологический анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Попов Л. М., Голубева О. Ю., Устин П. Н.* Добро и зло в этической психологии личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Проблемы нравственной в этической психологии в современной России / Отв. ред. М. И. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Психологические исследования нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Психологические механизмы регуляции социального поведения / Под ред. М. И. Бобневой, Е. В. Шороховой. М.: Наука, 1979.
- Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Т. В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Психология нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев и А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Психология человека в современном мире. Т. 6. Духовно-нравственное становление человека в современном российском обществе. Проблема индивидуальности в трудах отечественных психологов (Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна, 15–16 окт. 2009 г.). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Российский менталитет (психология личности, сознание, социальные представления) / Отв. ред. К. А. Абульханова, М. И. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.

- Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Отв. ред. К. А. Абульханова, А. В. Брушлинский, М. И. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
- Роцин С. К.* Классовая направленность буржуазной патопсихологии личности. Фрейдизм и неофрейдизм // Вопросы психологии. 1974. № 6. С. 36–49.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Социально-психологические и нравственные аспекты изучения личности / Отв. ред. Е. В. Шорохова и В. П. Левкович. М.: Институт психологии АН СССР, 1988.
- Флоренская Т. А.* Диалог в практической психологии. М.: Институт психологии АН СССР, 1991.
- Флоренская Т. А.* Диалоги о воспитании и здоровье: Духовно-ориентированная психотерапия // Духовно-нравственное воспитание. М.: Школьная пресса, 2001. № 3. С. 3–97.
- Флоренская Т. А.* Мир дома твоего. Человек в решении жизненных проблем. М.: Русский хронограф, 2006.
- Юревич А. В., Журавлев А. Л.* Психология нравственности как область психологического исследования // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 4–14.

Раздел 1

ДУХОВНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ

Отечественная философско-психологическая мысль на переломе русской истории (1916–1918): борьба за духовное понимание мира

О. Е. Серова

1916–1918 гг. были временем катастрофического перелома в русской истории. В условиях войны и революции жизнь миллионов людей проходила на грани смерти. Массовое сознание все более уступало свои нравственные смыслы и ценности власти мирового хаоса, выбирая самосохранение посредством подчинения его силе.

В противостояние с тенденцией нравственного распада сознания вступила русская философская мысль начала XX в. Материалы московских периодических изданий раскрывают ее борьбу *средствами научного доказательства* за идею человека как Образа Божия, за онтологический статус его психологии и нравственные смыслы его самосознания, а также ее сопротивление позиции «безмолвия разума».

Последнее было результатом ложно понятого отношения мыслителей христианской церкви к познанию, вследствие которого современные философы – свидетели мировой катастрофы XX в., обострившей до предела мучительные вопросы «о самых коренных загадках бытия», – бездумно соглашались с неразрешимостью противоречий в мысли и жизни, отождествляя слепоту разума со смирением разума. «Я не знаю, зачем нужна такая добровольная слепота разума, – писал лидер московской философской школы Л. М. Лопатин. – Во всяком случае, призыв к ней – плохой педагогический прием: он едва ли успокоит мятущиеся души в их жажде истины. Сознательное безмолвие разума <...> может быть лишь увенчанием ранее усвоенного и уже покорившего душу мировоззрения. Но оно представляет довольно сомнительный путь к созданию первого убеждения в каких бы то ни было истинах» (Лопатин, 1916, с. 39).

Профессиональным долгом русских ученых-гуманитариев стало развенчание ложных постулатов, вошедших в состав общемировой интеллектуальной традиции и, главное, разработка программы нового направления современной философии, исходящего из «ду-

ховного воззрения на мир», и возвращение к традиционным для русской культуры принципам познания – онтологическому и персологическому.

Содержание журнальных публикаций (Лопатин, 1916, 1917; Эрн, 1916; Яковенко, 1916а, б) показало, что в своих размышлениях русские философы продвигались от фактов реальной жизни, распознавая в них формирование *иного* нравственного контекста социального бытия и определив его актуальную экзистенциальную характеристику – *утрата ценностных эталонов христианской культуры*, неотвратимо приведшая к формам массового насилия.

Стремление к разрушению, по заключению Лопатина, впервые в истории превратилось из индивидуального мотива поведения в «непоколебимое утверждение целой нации» (Лопатин, 1917), а именно германской, которая пользовалась в своем развитии всеми достижениями образовательной и материальной культуры Европы и воспринималась русскими как оплот просвещенной цивилизации.

Ужасали не только методы ведения войны немецким командованием, поведение германских солдат, но и молчаливое согласие народа-христианина, которым являлся немецкий народ, с цивилизованным варварством и бесчеловечностью своей армии, заставившей содрогнуться весь мир. Поразил шовинистический накал той идейной войны, которую с соблюдением всех требований европейской науки вели против стран Антанты и особенно против славянских народов немецкие интеллектуалы, среди которых были такие высокопочитаемые в России ученые, как создатель «психологии народов» В. Вундт и проповедник моральной философии В. Виндельбанд.

Идеалы европейского мышления не стали надежной и крепкой опорой также и для сознания усвоивших их образованных русских людей: перед лицом разразившейся катастрофы ими овладела «моральная растерянность». «Перед нами носится какой-то вихрь противоположных инстинктов и чувств, которые вздымаются с непосредственной и стихийной мощью, но в которых слишком часто отсутствует твердость сознательного убеждения. Одно ясно: война застала нас врасплох, – и не только в материальном смысле внешней подготовки, но и в смысле духовном и внутреннем. Что же, в самом деле, было общего между современным аморализмом, с единственно утверждаемой им обязанностью не признавать никаких обязанностей, между современным беспринципным культом безвкусно понятой красоты, между провозглашением неограниченных прав на полноту жизни и личного счастья, несмотря ни на что между космополитическим радикализмом и столь распространенным забвени-

ем национальных интересов, с одной стороны, и тяжелой, скромной, из седого прошлого перешедшей к нам задачей – защищать свой народ и свою родину от беспощадного вражеского нашествия, с другой стороны?» (Лопатин, 1916, с. 7). Несоответствие между идеалами и жизненными правилами, внесенными в сознание европейской культурой, и нравственными требованиями и задачами российской действительности было столь невообразимо велико, что, по словам Лопатина, те русские люди, которые приняли участие и с честью выдержали испытания в кровавой борьбе, оказались *выше* своих идеалов и жизненных правил – в их душах открылись те сокровища, о которых они и не помышляли своим просвещенным умом и которые они не культивировали в себе европейским образованием.

Все происходящее поставило под вопрос нравственное достоинство традиции европейского просвещения. Культура, чьи ценности, не выдержав испытаний жизнью, осыпались как блестящая мишура, и из-за устоев которой «вдруг выглянуло <...> страшное звериное лицо» (Лопатин, 1916, с. 3), доказала свое моральное банкротство, первопричиной которого было явное «угасание христианства в культурном человечестве» (Лопатин, 1916, с. 24). Для православного русского человека, каким был Лопатин, именно этот факт стал самым грозным симптомом разразившейся великой исторической трагедии.

Нравственная метаморфоза, произошедшая с немецким народом, так много потрудившимся для создания и проповеди основ европейской культуры, была прямым следствием, длившимся на протяжении столетий, *отхода* этой культуры от ценностей христианства.

И своим первейшим долгом представители московской философско-психологической школы считали проведение критического анализа внутренней, «*философско-моральной* стороны» исторически наглядной совокупности факторов научного, религиозного, политического и экономического порядка. Лопатин и В. Т. Эрн в проведенном ими нравственно ориентированном критическом анализе проследили процесс постепенного обесценивания идеалов христианства как *тождественный процессу формирования нового европейского мышления XVII–XX вв.*: Лопатин посредством установления этапов *вселенской борьбы двух мировоззрений – духовного и натуралистического* (Лопатин, 1916), Эрн – через анализ *метафизических корней кризиса человечности*, поразившего европейскую философию и культуру (Эрн, 1916).

Лопатину удалось показать, как начиная с XVII в. распространение натуралистических взглядов, благодаря философскому дару Декарта, Лейбница, Спинозы приведенных *в науку* к определенному

компромиссу с духовным мировоззрением, в жизни влекло *обострение моральных проблем* и потребовался гений Канта, чтобы, несмотря на формалистические посылки, обосновать положение о духовной реальности как единственно истинной и найти философские основания для веры в бессмертие души и бытие Бога как творца и хранителя нравственного миропорядка. Но натурализм возродился через учения Экхарта и Беме, приведя к положению о внутренней абсолютной свободе Бога, зависимой от самоосвобождения человеческого духа, которое достигается путем создания разумного государства через борьбу народов, в ней только один избранный народ является ступенью реализацией абсолютного разума. Окончательное оформление эти идеи нашли в системе Гегеля, базирующейся на геоцентризме и антропоцентризме. Первостепенной задачей этой теории должно было стать «содействие высокой оценке роли национальности и подъему национального самочувствия и самомнения, в частности» (Лопатин, 1916, с. 19), ведь народ-богоносец должен был сказать миру последнее слово истины. Важно, что для начала XX в. это был вопрос практический, так как просвещенные люди и общество пламенно верили в близкое торжество прогресса и разума. «Фихте и романтики <...> провозгласили, что таким народом могут быть и должны быть только немцы, а Гегель с научной обстоятельностью вывел по всем правилам диалектического метода, что его собственная философия есть окончательное раскрытие всех тайн мирового Логоса, а прусское королевство с его учреждениями есть завершительная стадия разумной и свободной государственности» (Лопатин, 1916, с. 20). По смыслу гегелевской схемы, все прочие народы могли иметь значение только в качестве вспомогательного средства для роста и процветания германской культуры. Заменив Бога культом человечества, Гегель стал провозвестником нравственных идеалов современной Германии. Верный этим идеалам, Гегель восстал против высокой оценки внутренних моральных качеств в теории Канта и в противоположность этому предложил свое понятие о нравственной объективности, т. е. нравственности, «облекшейся в определенные формы политических порядков» (Лопатин, 1916, с. 22). Так христианский идеал самоценной человеческой души вытесняется взглядом на человека как на неотделимый во всех отношениях зависимый элемент общественного организма. Отдельное лицо есть фикция, все ценное в нем — это культурный дар общества. Долг есть априорное построение нашего разума, которое наполняет содержанием общество и система культуры и которое создается обществом в его эволюции. В результате в немецкой философии водворился натуралистический

реализм, украшенный идеалистической фразеологией. Макс Штирнер провозгласил *культ человеческого Я*, ради которого все должно быть отвергнуто — и человечество, и национальность, и различие добра и зла. А затем Ницше впервые заявил *о полном разрыве с христианской моралью*, утверждая, что она порождает рабские чувства. Человеку необходимо это осознать и, возвысившись над всеми призывами «к совести», стать свободной личностью — сверхчеловеком. Сверхчеловек — это осуществление великолетия человеческого типа, он умеет заставить «остальную человеческую массу с готовностью служить себе» (Лопатин, 1916, с. 22). В немецкой этике воцарился имморализм.

Таким образом, путем философско-психологического анализа Лопатин доказал управляющую роль представлений об идеале для формирования ценностных установок личности и общества, проследил этапы трансформации национального сознания народа, на материале новейшей истории доказал действенность тезиса, выказанного еще ранними славянофилами: *как народ мыслит, так он и живет*, показал, как к началу XX в. многовековая философская традиция наполнила вполне определенным содержанием национальное немецкое самосознание и сформировала соответствующие мотивы деятельности.

Под натиском новых теорий христианство в Германии отбросило идею личного бога, отвергло все чудесное и сверхъестественное, заменило всю религиозную догматику пантеизмом и превратилось в свою противоположность. И война, как лакмусовая бумага, показала, *что* значит сознательно отвергнуть веру в высший смысл жизни и бесконечную ценность всего духовного. Другой замечательный русский мыслитель Эрн пришел к выводу, что одной из глубочайших духовных черт современности следует признать всесторонний, доходящий до метафизических корней *кризис человечности*. И выявил реперные точки нравственной деградации в культурном пространстве западноевропейской науки. Подчеркнутое утверждение *отвлеченного* человеческого начала, выдвинутое гуманистами Возрождения, преодоленное в практической жизни, через философию Канта доходит до своей противоположности, до полного отрицания человеческого начала, до сведения человека к случайному и ненужному артефакту познания, до возникновения *равнозначности понимания человечности и антропоморфизма*. В философии Фейербаха идея чистой человечности далее подменяется человекобожеством, и через отрицание каких-либо его онтологических черт осуществляется *упразднение границы между человеком и зверем*. В философии

Ницше был открыт *выход из человеческого в сверхчеловеческое*. Философы марбургской и фрейбургской школы, окончательно эксплицитовав мотивы критицизма Канта, вплотную подошли к проблеме «*нечеловеческой философии*». Революции XVIII в. вновь завоевали для отвлеченного гуманизма практические области социального и политического действия. «Так XX век, уже в мировых масштабах явил возведенную в систему, теоретически обдуманную практику потрясающей бесчеловечности» (Эрн, 1916, с. 90–91).

Но, обратившись к проблеме роли интеллектуальной истории для нравственного становления человечества, русские ученые предложили и разрешение этой проблемы. «Натуралистическое движение», сыгравшее определенную положительную роль в развитии наук, «теперь открыло свою обратную сторону в ужасающей наготы»: как оказалось, оно представляет собой мощную традицию укоренившихся взглядов, в основной идее которых «*нет откровения настоящего смысла человеческой жизни*». И осознание этого факта было связано с требованием «о радикальном пересмотре господствующего мировоззрения в его глубочайших основах и в его жизненных последствиях» (Лопатин, 1916, с. 29).

Материалы научной периодики 1916–1918 гг. зафиксировали до сих пор по достоинству не оцененный вклад русских мыслителей в сокровищницу мировой культуры и мировой психологической науки, который был связан с разработкой принципиально нового самостоятельного философского направления, выдвинувшего задачу оправдания на языке современной науки *духовного понимания мира* и стремившегося ответить не только на теоретические запросы ума, но и на самые высокие запросы нравственного сознания и религиозного чувства современного человека.

Пример новой системы философского мышления был дан в *философии конкретного идеализма князя С. Н. Трубецкого*, который понимал нравственно-этическую сферу как высшую структуру в иерархии внутреннего мира человека. Очень глубокий анализ этого учения принадлежит Лопатину (1916), он подчеркнул, что в учении конкретного идеализма на основе решения вопросов гносеологии Трубецкому удалось выстроить прочный фундамент для общих *онтологических* выводов. Трубецкой предлагал подвергнуть переоценке саму природу познавательного процесса: признать, что в каждом акте нашего сознания мы *метафизически*, реально, а не кажущимся образом выходим из себя и вступаем в действительное отношение к тому, что уже не мы и что от нас независимо. Это непосредственное восприятие независимой от нашего сознания реальности Трубецкой

определил как *веру* и доказал, что вера является коренным условием всего нашего опыта – внутреннего и внешнего мира, как они нами сознаются. Но вера в качестве реального восприятия сущего мыслима только в случае, если сущее есть нечто «сродное» нашей внутренней реальности, нашему духовному существу. И если духовное может быть воспринято и понято только духом, значит, что именно внутренняя духовность существующего и есть то непереносимое условие, которое необходимо и для любого познания, и для любого бытия. Через теоретическое содержание своего учения Трубецкой определяет понимание *нравственного предназначения человека*, действительный масштаб его психологии. Человек обязан усвоить в своем сознании вневременной высший вселенский идеал, без такого внутреннего ориентира невозможно нормальное общественное развитие. Смысл человеческой деятельности – осуществление любви (Бог есть любовь). Любовь к высшему идеалу добра, правды и к своим ближним – норма человеческой жизни и суть нравственного долга, она же и основной критерий, на основании которого судит человека его совесть. Человеческая личность ценна сама по себе, помимо того общества, которое оно представляет, личность сама вносит в общество «нечто безусловное – свою свободу и творческую реализацию своего высшего назначения в мире» (Лопатин, 1916, с. 36).

С. А. Котляревский в исследовании «Мирозерцание князя С. Н. Трубецкого» (Котляровский, 1916) отметил, что в его учении впервые нашло твердое философское обоснование понимание личности в неразрывности с утверждением «общения людей в чувстве их единения и братства». Он доказал, что «этика не может иметь предметом только личное совершенствование – она должна охватить и мир социальный, поскольку «только религиозно-этический идеал одухотворяет общественную деятельность» (Котляровский, 1916, с. 47).

Очень важной для обоснования философского познания мира была выделенная Лопатиным в творческом подходе Трубецкого тенденция к *логически выверенному синтезу*. По смыслу его идей, во всем мире были разлиты иррациональные элементы, но одновременно весь мир был пронизан и логическими отношениями, «ни в мире, ни в Боге для него не было нелогичных вещей». Он признавал внутреннюю разумность сущего и утверждал, что при вдумчивом отношении к требованиям разума тот не обманет ищущего истины. Трубецкой обращался к антиномиям бытия с тем, чтобы «разрешить их в примирительных синтезах» (Лопатин, 1916, с. 38).

Для формирующейся русской научной психологии переход на новую парадигму означал ни много, ни мало, как обретение *достаточных оснований для обоснования собственного существования*, поскольку для материалистического толкования мира, которое широко распространилось в России и уже претендовало на методологическую фундаментальность, была характерна полная невозможность возникновения психического, *сознание в материалистическом толковании мира принципиально не может иметь обоснования для своего существования*. Возврат к духовному пониманию мира был для русской психологии, теперь уже самостоятельной отрасли научного знания, единственным выходом из методологического и содержательного тупика.

Направление духовной философии стало той единственной силой, которая вступила в противодействие с разрушительной тенденцией «нечеловеческой», в определении Эрна, западноевропейской философии. После революционного переворота октября 1917 г. именно эта линия в развитии русской философии направленно фальсифицировалась и искоренялась. Об учениях конкретного идеализма Трубецкого, трансцендентального реализма Г. И. Челпанова, идеал-реализма С. Л. Франка и других, созданных в русле духовного направления русской философии и психологии начала XX в. в курсе психологического образования не упоминалось вообще. В советское время именно философия этого типа стала первой «репрессированной наукой». Только столетие спустя вновь открылась возможность обсуждения идей, духовно-нравственный потенциал которых составлял глубинную антитезу философским основам научной психологии советского периода, базирующимся на марксистско-ленинской теории отражения.

Публикации журналов «Вопросы философии и психологии» и «Психологического обозрения» читаются сегодня как отвечающие на самые современные запросы науки. И создать свои оригинальные и, как оказалось, непреходящие по значению труды представители московской школы сумели потому, что подходили к рассмотрению отдельных проблем философии и психологии с позиций своего *общего духовно-онтологического мировоззрения*. И этот факт подтверждает одно из основных положений московской психологической школы о том, что *научная психологии не может существовать как простая эмпирическая дисциплина*.

Личностный подход и духовно-нравственный критерий анализа позволяли не только раскрывать новые ракурсы при рассмотрении значимых философско-психологических проблем, но и находить но-

вые аспекты в постановке задач экспериментально-психологических исследований и поиске вариантов интерпретаций их результатов.

Выход на традицию платоновской онтологии оградил Франка от бесплодных блужданий в тупиках современной ему гносеологии. В книге «Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания» (1915) он сумел подойти к решению задачи определения онтологических основ любого знания (от мистического до научного) и логических оснований для учения метафизического всеединства. Первым рецензентом идеал-реалистического учения Франка был Н. А. Бердяев (1916), выступивший со статьей «Два типа мирозерцания». Эта публикация предоставляет возможность познакомиться со взглядами на некоторые аспекты проблемы познания сразу двух знаменитых отечественных мыслителей.

По основному положению учения Франка, сфера бытия познающего сознания ограничена, сфера бытия, имеющегося у познающего до всякого опознания бесконечна. Мы погружены в бесконечное бытие всеединства, и всякий акт познания предполагает его. То, что для знания выступает как трансцендентная задача, уже имеется как бытие. Но трансцендентное не является абсолютным пределом познания — для знания нет абсолютного предела. Трансцендентное имманентно познающему не как сознанию, а как его бытию. Первое непосредственно очевидное — не сознание, а трансцендентное сверхвременное бытие, бытие, до которого мы должны косвенно доходить, т. е. абсолютное бытие, которое есть абсолютно имманентная основа всякой трансцендентности. Знание имеет не только онтологическую основу, но положительный онтологический смысл. Однако, установив этот факт, Франк не давал ответа, в чем он заключается, считая, по предположению Бердяева, что это превосходит задачи его гносеологии. Действительно, тогда следовало бы указать: знание — это рационализация бытия и, значит, отпадение от божественного всеединства? или «положительная прибыль» света и возрастание бытия во всеединстве?

Последнее полное знание есть жизнь, т. е. жизнь есть сама истина бытия. Всякое расширение нашего знания — это самопрояснение в нас самого абсолютного бытия. «Абсолютное бытие и есть такое живое знание, и наше знание, соответственно, есть приобщение нас к абсолютному бытию» (Бердяев, 1916, с. 305). Живое знание отличается тем, что в нем нет противоположности между предметом и знанием о предмете. И в этом смысле наше последнее знание означает быть тем, что знаешь, или жить его собственной жизнью. Но, проясняя природу знания, Франк не проясняет, живое знание — возврат

отпавшего от всеединства в лоно бесконечной божественной жизни или знание есть процесс творчества, т. е. прибавления для самого всеединства.

В связи с недоговоренными аспектами в учении Франка рецензент излагает свою позицию. У Франка не поставлена проблема человека: образ и лик человека не виден ни в его системе знания, ни в его системе бытия. Та борьба, которая ведется в современной философии против антропологизма (Гуссерль, Коген, Древе) только доказывает, что без признания активности познающего человека, неминуем гносеологический и онтологический тупик. «Преодоление психологизма плодотворно, преодоление антропологизма всегда есть самообман» (Бердяев, 1916, с. 308). Философия должна быть сознательно антропологической, но для этого статус человека должен быть повышен: природа человека не психологическая, а онтологическая. Потому человек — онтологическая предпосылка познания. Человек — сын Божий, ипостась самого абсолютного бытия, которая едина во Христе и множественна в человеках. И это единство—множественность должна быть принята до конца. Тогда антропологическое начало обогащает бытие. Познание как творческая активность человека не может быть просто слиянием с абсолютным, оно есть что-то новое в самом божественном всеединстве, «есть движение, прорыв в нем» (Бердяев, 1916, с. 310). Дополняя построения Франка, Бердяев заключает, что знание есть луч света в темных непознанных недрах бытия, от которого все возрастает. И делает важный для психологии познания вывод; только с признанием антропологического начала проясняется онтологический смысл знания.

В исследовании И. Е. Орлова (1916) «Реализм в естествознании и индуктивный метод» обсуждалась актуальная проблема метафизических оснований естественнонаучных исследований. Автор констатировал существование методологического разрыва между теорией и практикой естественно-научного исследования: теоретики требуют очистить естествознание от метафизических допущений — естествоиспытатели в ходе исследовательской практики приходят к обнаружению другой реальности. Логика самого индуктивного метода необходимо приводит в своем развитии к реалистическим концепциям, потому несостоятельно мнение о неправомерном вмешательстве метафизики в физическую теорию.

Любое определение физического явления строится на перечислении характерных признаков и направлено на возможность отличить данный объект от всех прочих, т. е. имеет диагностический

смысл. Но всякое диагностическое определение скрывает в себе гипотезу, неопределенную, но правдоподобную. Определение не описывает действительный объект, но описывает *возможность существования* подобного объекта, т. е. является моделью некоего объекта, не проговаривая принципы своего построения. Верховной гипотезой для любого физического объекта является гипотеза материального субстрата. Но само это понятие носит в естествознании не метафизический, а методологический характер. Понятие материального субстрата «является кристаллизованным инстинктивным опытом поколений» (Орлов, 1916, с. 35). Принципы его построения скрыты, и натуралисты пользуются ими на протяжении сотен лет стихийно, «не замечая их, как пользуются воздухом для дыхания». Принципы, приводящие к его построению и подразумеваемые в физических телах, — это принципы бесконечной сложности явлений природы, неисчерпаемости свойств тела, тождественности структуры и пропорциональности массе всех свойств тела, объективного предела и др. Они позволяют физическим объектам быть обобщенными в понятии материального субстрата, т. е. за сиюминутной реальностью экспериментально данного безотчетно имеется в виду другая — метафизическая — реальность, на принципах которой, не называя их, естествознание формулирует свои определения и которая выступает *методологической основой* для ее теорий.

В статье Н. О. Лосского (1917) «Понятие психического и предмет психологии» современный исследователь находит ответ на основополагающие философско-психологические вопросы. Ученому удалось отделить психические элементы сознания от непсихических, в том числе и от элементов духовной сферы, и таким образом предельно конкретизировать предмет собственно психологического исследования. Существование непсихической сферы сознания свидетельствует о том, что многие явления (события, элементы) в составе сознания не подлежат исследованию психологии, так как составляют часть материального или духовного мира. Но с онтологической точки зрения это совсем не значит, что психология должна их исключать из поля своих исследований, ведь любые непсихические элементы не могут появляться в сознании вне связи с психическими состояниями субъекта, например, с его интересом. Что не принадлежит психологическому исследованию? Законы существования этих явлений. Но *психическое явление никогда не существует вне физических и духовных взаимосвязей*, и, понимая его интегрированность, психология должна исследовать закономерности психической жизни в ее направленности на элементы, находящиеся вне психической

сферы субъекта, т. е. законы, по которым непсихическое становится содержанием сознания.

В определении Лосского, «к области психического относятся непространственные, возникающие во времени и отпадающие в область прошлого события, непосредственно переживаемые каким-либо я как его собственные проявления, т. е. как принадлежащие этому я» (Лосский, 1917, с. 25).

Признак сознательности в определении психического явления, по мнению Лосского, вводить не следует. Психическое явление связано с субъектом через категорию принадлежности. Но «принадлежность» не выдвигает обязательства перед субъектом иметь в фокусе внимания какое-либо свое состояние, *переживать* состояние не означает *сознавать* это состояние.

Г. И. Челпанов в статье «Об аналитическом методе в психологии» (Челпанов, 1917, 1918) поставил задачу обоснования различных уровней методологии для исследования реальной многомерности психического мира человека, показал важность теоретической психологии и аналитического метода исследования, позволяющих формировать системное основание специальных видов научной психологии и явлений психической жизни, соответствующих уровню априорного интроспективного познания.

Отличительной особенностью аналитического познания является установление *отношений* между отдельными состояниями сознания, при этом вопрос о реальности этих отношений не выдвигается. В интроспективном опыте человеку даются сложные переживания, которые путем анализа он приводит к далее неразложимым составляющим. Между этими отдельными состояниями сознания он устанавливает в процессе сравнения, сопоставления и т. д. известные отношения сходства, различия, тождества, для него возможны их определение, классификация и приведение в систему. В этом заключается задача аналитического метода, т. е. благодаря его применению достигается знание, составляющее основу общей психологии. По отношению к другим видам психологического исследования общей психологии принадлежит заглавная роль, так как она предоставляет им теоретические положения, на основе которых выстраиваются и систематизируются базовые понятия. Аналитический метод соответствует исследованию природы идеального знания (пространства, числа, времени). Челпанов проводит дифференциацию анализа в процессе познания априорных идей и индукцию понятия на основании данных внутреннего опыта, развивая положения своего диссертационного исследования 1896–1906 гг. «Самонаблю-

дение, которое приводит нас к априорному познанию, должно быть отличаемо от наблюдения духовных явлений, которое даст нам возможность вывести общие законы нашей духовной жизни» (Челпанов, 2017, с. 8), так как в первом случае мы в свое познание строим на рефлексии и анализе, руководствуясь критериями всеобщности и необходимости, а во втором случае — используем только индукцию. Аналитический метод применяется для решения задач описательной психологии и существует наряду с экспериментальным методом, характерным для объяснительной психологии.

Челпанов провел параллель между своим пониманием задач аналитического метода и феноменологического метода, предложенного Э. Гуссерлем, но выявил ограниченность негативных выводов Гуссерля в отношении значимости экспериментального метода: Челпанов соглашается с его утверждением о том, что экспериментальная психология не приводит к познанию сущности психических явлений, но считает, что экспериментальная психология, научно поставленная, может способствовать разрешению как раз той задачи, которую Гуссерль предлагает феноменологии — точному различению понятий.

В обширном исследовании П. И. Новгородцева (1916а, б, 1917а, б, в) «Об общественном идеале», направленном на выявление характерологических особенностей основных социальных учений, в частности, была определена научная несостоятельность и эклектичность марксизма как конгломерата разномодальных идей, но при этом выявлен его религиозный характер и указаны психологические составляющие марксизма, обуславливающие его воздействие через чувства на мысли людей.

В учении К. Маркса исторически не новая идея социализма стремится стать всеобъемлющим основанием для всех проявлений жизни и мысли человека, саму идею спасения личности Маркс проводит через социализм. В любой общественной философии, выступающей с такими чрезмерными притязаниями, необходимо смешивается общественная и религиозная проблема. Марксизм действительно стал, прежде всего, мирозерцанием, которое преследовало цель быть новым исповеданием человека, заменить ему все, во что он раньше верил и чем жил.

«Общественность» у Маркса имеет почти сакральный смысл. В своем учении он создал замкнутую систему абсолютного коллективизма, принципиально исключающую все трансцендентное: человек получает полноту существования в своем общественном проявлении и не нуждается больше в религии. Наличие религии свидетельствовало, по Марксу, о недостаточности государственного быта.

Ведь в религии человек суверенен, в ней он не является действительным родовым существом, тогда как спасение личности, по Марксу, в слиянии с обществом, только при этом условии наступит царство свободы и блаженства на земле. «В воззрениях Маркса совершенная общественность настолько наполняет человеческое существование, настолько сама становится абсолютной и божественной, что вне ее человеку больше нечего желать и нечего искать» (Новгородцев, 1916б, с. 370). Марксизм становится религией и как «единоспасающая вера» вступает в непримиримую вражду с конкурентом – «религией неба и Бога», поставив на ее место религию человека и земли. Земля кажется ему готовой к преобразению и к принятию безусловного совершенства. Это был социализм, «который обещал спасти мир и силою этого обещания воспламенял сердца» и горячую веру в свои обетования (Новгородцев, 1916б, с. 374).

Но, будучи религией, марксизм претендовал на то, чтобы быть наукой, так как это позволяло ему использовать еще и силу основного «тренда» эпохи и влиять на массы, воздействуя на умы. И для людей классический марксизм был притягателен тем, что строил свои революционные утопии на научном фундаменте, т. е. свои религиозные обетования облекал в форму научных выводов и аксиом. Социалистический идеал, таким образом, получал незыблемость научного открытия и наделялся характером научной истины. Подчеркивая научность своей теории, Маркс указывал, что она построена на результатах классовой борьбой, т. е. на исторических фактах, а не на идеях, что ее выводы опираются на естественные законы, и, следовательно, прогнозируемое торжество социализма наступит с необходимостью природного явления. По смыслу его учения, любые проявления человеческой воли, творчества и борьбы действуют в закономерных рамках эволюции, а человеческая свобода понимается лишь как осознанная необходимость, и сама выступает продуктом исторического развития. Признание того факта, что осуществление социалистического идеала происходит с необходимостью естественного закона, устраняло из сознания людей всякие тревоги и колебания, ведь «от настоящего к будущему вел прямой и неизбежный путь, освещенный солнцем социалистического рая» (Новгородцев, 1916б, с. 389).

Доктрина Маркса далеко выходит за пределы экономической теории и превращается в истолкование *смысла истории и смысла человеческой жизни*. Формулы марксизма несут людям благую весть о праведном конце истории, торжестве разума над стихиями природы и над стихиями общественной жизни. Однако, если социаль-

ная история перерастает в теорию «оправдания добра», то необходимо установить основательность ее философского базиса, на котором строится это утверждение. Абсолютный социальный идеал в марксизме перенесен в действительность, еще не осуществленную, и абсолютное, нигде и никогда ранее в истории не проявляющееся, неожиданно вдруг обнаруживается в ее конце. Все это выявляет явное методологическое противоречие, т. е. для утверждения доброго конца истории в теории Маркса нет философского фундамента.

Все богатство духовной жизни человечества сводится в марксизме к условиям материального существования, и экономический базис признается всемогущей и все объясняющей силой, залогом прогресса и счастья человечества, ведь именно бытие признается в нем определяющим сознание. Построение это чисто метафизическое, но теоретические основы его неясны. «Утверждается какая-то необоснованная теория прогресса, в которой идеалистические верования опираются на материалистическое отрицание, а рационалистический оптимизм сочетается с метафизическим иррационализмом. Но каким именно образом из действия материальных сил рождается высшая справедливость, остается совершенно непонятным» (Новгородцев, 1916б, с. 395).

Для соединения логически несоединимых частей никаких философских оснований быть просто не могло, и только *вера* (в несокрушимость революционного замысла, скорую победу над старым миром и пр. и пр.) позволяла объединять в единое целое противоположные начала марксистского учения, т. е. *выступала его методологическим принципом*. Отрицая все сверхъестественное и чудесное, он предсказывает предстоящее господство человека над миром, победу разума человека над внешней природой, осуществление на земле абсолютного идеала, который понимается как выход из естественных условий, как чудо всеобщего преобразования.

Своими *всеобъемлющими* обещаниями марксизм был как нельзя лучше приспособлен для того, чтобы воспламенить воображение и влиять на массы, предоставляя определенное утешение тем, кто в него верил.

Экспериментально-психологические статьи А. Ф. Лазурского (1916) «К учению о психической активности», А. А. Каэласа (1918) «К вопросу о природе и выражении эмоций», Б. И. Северного «Экспериментальное исследование процесса сравнения» (1917), В. Е. Смирнова (1917) «Экспериментальное исследование процесса абстракции» сегодня с полным основанием можно считать образцами изложения экспериментальной работы психолога, поскольку в них дана глубоко-

кая теоретическая разработка изучаемого вопроса, этапы научного эксперимента последовательно представлены в рисунках, схемах, таблицах и пр. и предложено детальное обсуждение полученных результатов с указанием задач дальнейших уточняющих исследований, которые могли быть проведены на их основании. И такой высокий уровень выполнения эксперимента был обусловлен точностью понимания учеными онтологического значения конкретного предмета психолого-экспериментального исследования, без которого невозможна точность выбора измерительных процедур и адекватность интерпретации полученных данных. Именно приверженностью широкому теоретическому обоснованию и исследованию сложных феноменов нравственной сферы личности объясняется многолетнее сотрудничество петербуржца Лазурского в московском издании «Вопросы философии и психологии». Под руководством ученого в психологической лаборатории Санкт-Петербургского Психоневрологического института проводилось экспериментальное изучение проявлений психической активности, в частности, волевого процесса и волевого усилия. Результаты исследований не были приняты петербургским научным сообществом, которое находило выводы ученого неуместно умозрительными. Тем показательнее, что эти работы вызвали интерес и находили понимание в московской психологической школе.

Высокоинформативными являются рецензионные разделы журналов. Предметом критического рассмотрения, например, в журнале «Психологическое обозрение» выступали последние достижения европейской и отечественной психологии в самых разных ее областях. Сегодня эти рецензии, кроме научной информативности, интересны для нас тем, что выявляют специфику отношения русских психологов к тому, что происходит на попрание мировой науки. Так, знакомя читателей с работой Р. Тюрро «Методы психологии», С. В. Кравков замечает, что имманентное самому понятию науки требование «объективности» именно в психологии роковым образом выливается в формы едва ли «способствующие успешности научного исследования душевной жизни» (Кравков, 1918, с. 386). П. С. Попов последовательно излагает материалы профессора Женевского университета Флурнуа, который, сознательно следуя естественно-научному принципу, описывает экстатические состояния человека и вопреки самому себе приходит к их метафизическому толкованию. Автор рецензии пишет: «Если рано или поздно психология, даже нехотя, все же приходит к метафизике, то должно ли психологу принципиально чуждаться ее и с ней не считаться?» (Попов, 1917, с. 400). Н. В. Самсо-

нов, проводя анализ книг О. Ранка, Г. Закса, К. Абрахама, проследживает методологическую нить, связывающую работы З. Фрейда и его последователей, приводит примеры психоаналитических интерпретаций бытового, религиозного, философского опыта человечества, добросовестно цитирует выводы (типа: «Кант — латентный садист») и не обходит стороной вопрос нравственных следствий фрейдовского учения для жизни человека. В завершении рецензии он цитирует слова известного исследователя этого направления — Фолькельта, который утверждал, что для оценки итогов психоаналитической школы «нужны самые крепкие выражения» (Самсонов, 1917, с. 384).

Все вышеизложенное доказывает, что в начале XX в. со стороны русской науки призыв к новому философскому мышлению, основанному на духовном миропонимании, не только был сформулирован, но и обоснован критическим анализом фактов реальной действительности, его возможность была подтверждена созданием философских учений нового типа, его методологическая значимость была доказана и для организации экспериментальных исследований. С другой стороны, нравственная состоятельность идеалов европейской науки нового времени была опровергнута самой жизнью, и необходимость смены философской парадигмы диктовалась реальным несоответствием наличествующих культурно-ценностных представлений высшим запросам человеческого духа.

Но для того чтобы идеалы, найденные мыслью отдельных предвестников новой культуры, стали структурами ценностного мышления множества людей, нужно было время. Этого времени России не было дано.

Можно предположить, что Россия к 1917 г. находилась и в точке *интеллектуального безвременья*, когда время старых идеалов ушло, а время идеалов нового духовного мышления еще не наступило, а затем вследствие катастрофического развития событий не наступило вовсе.

Вакуум заполнился идейным суррогатом. Но существо этого суррогата было преемственно старым идеалам, потому что было соразмерно сформированному, наличествующему типу мышления. Отсюда и наследование одновременно из гегелевской философии и естественных наук схемы осмысления внутренней реальности в советской психологии. Отсюда и неизбежная псевдонаучность, мнимая доказательность ее конечных выводов о психологии вообще и о природе факторов внутреннего мира личности. Отсюда и ее уход в область психофизиологии и исследования индивидуальных свойств психи-

ки, для которой ее методологический аппарат, уже устаревший в самом начале своего оформления в 1930-е годы, только и был адекватен.

Но нравственно-интеллектуальный выбор не сделан отечественной психологией до сегодняшнего дня. Проблема остается. И призыв, сформулированный Лопатиным в январе 1917 г., по-прежнему актуален. И к началу XXI в. «все попытки научно объяснить жизнь нашего духа из недуховных источников» терпят крах, и последний вывод логики говорит о том, что «истинная реальность принадлежит духу, и не только наша ограниченная жизнь, но и жизнь всемирная есть произведение духовного творчества» (Лопатин, 1917, с. 73).

Мысль современного человека, заново пережившего на переломе XX–XXI вв. крушение своих прежних идеалов, вновь стоит перед необходимостью осознания того, что «только на посылах духовной философии возможно создание законченного, гармоничного и внутренне непротиворечивого миропонимания. Только система духовного философского знания обладает доказательной базой для обоснования существенных верований человеческого духа. Только такое знание вносит высший моральный смысл в космическое бытие. Ему подвластен высочайший нравственный идеал, полагающий в каждой духовной личности незаменимую цель в себе, а в самоотверженной любви и внутренней солидарности суть жизни всего духовного мира, идеал, который выступает реальной двигательной силой, всеобщей нормой и предельной целью мирового развития» (Лопатин, 2017, с. 74).

Литература

- Бердяев Н. А.* Два типа мирозерцания // Вопросы философии и психологии. 1916. Кн. 134 (IV). С. 302–315.
- Каэлас А. А.* К вопросу о природе и выражении эмоций // Психологическое обозрение. 1918. Т. 1. Кн. 3–4. С. 491–557.
- Котляревский С. А.* Мирозерцание князя С. Н. Трубецкого // Вопросы философии и психологии. 1916. Кн. 131 (I). С. 40–51.
- Кравков С. В.* [Рец.]. Turro, La method objective // Психологическое обозрение. 1918. Т. 1. Кн. 3–4. С. 558–565.
- Лазурский А. Ф.* К учению о психической активности. Новые экспериментальные данные // Вопросы философии и психологии. 1916. Кн. 134 (IV). С. 201–251.
- Лопатин Л. М.* Современное значение философских идей князя С. Н. Трубецкого // Вопросы философии и психологии. 1916. Кн. 131 (I). С. 1–39.
- Лопатин Л. М.* Неотложные задачи современной мысли // Вопросы философии и психологии. 1917. Кн. 136 (I). С. 1–80.
- Лосский Н. О.* Понятие психического и предмет психологии // Психологическое обозрение. 1917. Т. 1. Кн. 1. С. 18–26.
- Новгородцев П. И.* Об общественном идеале // Вопросы философии и психологии. 1916а. Кн. 134 (IV). С. 440–511.
- Новгородцев П. И.* Об общественном идеале // Вопросы философии и психологии. 1916б. Кн. 132–133 (II–III). С. 356–409.
- Новгородцев П. И.* Об общественном идеале // Вопросы философии и психологии. 1917а. Кн. 139–140 (IV–V). С. 127–154.
- Новгородцев П. И.* Об общественном идеале // Вопросы философии и психологии. 1917б. Кн. 136 (I). С. 114–164.
- Новгородцев П. И.* Об общественном идеале // Вопросы философии и психологии. 1917 в. Кн. 137–138 (II–III). С. 225–327.
- Орлов И. Е.* Реализм в естествознании и индуктивный метод // Вопросы философии и психологии. 1916. Кн. 131 (I). С. 1–35.
- Попов П. С.* [Рец.]. Flournoy, Une mystique moderne; Delacroix, Remarques sur «Une mystique moderne» // Психологическое обозрение. 1917. Т. 1. Кн. 2. С. 394–400.
- Самсонов Н. В.* [Рец.]. Rank, Sashs. Значение психоанализа в науке о духе; Абрахам, Сон и миф // Психологическое обозрение. 1917. Т. 1. Кн. 2. С. 381–383.
- Северный Б. И.* Экспериментальное исследование процесса сравнения // Психологическое обозрение. 1917. Т. 1. Кн. 2. С. 278–338.
- Смирнов В. Е.* Экспериментальное исследование процесса абстракции // Психологическое обозрение. 1917. Т. 1. Кн. 1. С. 70–139.
- Челпанов Г. И.* Об аналитическом методе в психологии: Ст. 1 // Психологическое обозрение. 1917. Т. 1. Кн. 1. С. 3–17.
- Челпанов Г. И.* Об аналитическом методе в психологии: Ст. 2 // Психологическое обозрение. 1918. Т. 1. Кн. 3–4. С. 451–468.
- Эрн В. Ф.* Смысл онтологии Джоберти в связи с проблемами современной философии // Вопросы философии и психологии. 1916. Кн. 131 (I). С. 149–181.
- Яковенко Б. В.* Вильгельм Виндельбанд // Вопросы философии и психологии. 1916а. Кн. 132–133 (II–III). С. 410–426.
- Яковенко Б. В.* Новая история европейской философии // Вопросы философии и психологии. 1916б. Кн. 134 (IV). С. 271–301.

Духовность личности в отечественной философско-психологической традиции и проблемы современного правосознания

Н. В. Борисова

Личность в современном мире

Одной из актуальных *тенденций развития* психологической науки начала XXI в. является *гуманистическая*, которая охватывает комплекс проблем, направленных на обеспечение психологического благополучия жизнедеятельности человека в постоянно усложняющихся условиях современного мира (Кольцова, Журавлев, 2017). Так как глобальные преобразования (см.: Проблемы социальных конфликтов..., 2018; Психологические исследования глобальных..., 2018; Социально-психологическая оценка рисков..., 2017; и др.) наносят серьезный удар по ценностям и идеалам, имеющим объективную значимость для нравственного становления личности, необходимо не только оказывать ей помощь в адаптации к изменяющимся характеристикам современной социальной реальности, но и способствовать сохранению *целостности* личности (Борисова, 2017б).

Отсутствие исторической памяти опустошает человека. «Четвертым измерением мира» называет историю Д. С. Лихачев. Человек живет не только в природной среде, но и в среде, созданной культурой его предков и им самим. Культура человечества движется вперед не путем перемещения в «пространстве и времени», а путем накопления ценностей. Ценности не сменяют друг друга, новые не уничтожают старые, а, присоединяясь к старым, увеличивают их значимость для сегодняшнего дня, поэтому ноша культурных ценностей – ноша особого рода: она не утяжеляет шаг вперед, а облегчает (Лихачев, 2015).

Современная массовая культура создает «кумиров», транслирующих новые «идеалы», которые не имеют точек соприкосновения с исторически и культурно обусловленными, – идеалы гламурной жиз-

ни. Индустрия развлечений легко удовлетворяет вкусы большинства безликими «проектами», целью реализации которых является получение прибыли. Современное общество характеризуют как *общество потребления*, в котором интеллектуальное, духовно-нравственное развитие человека не является приоритетным, а система ценностей и установок основана на потреблении материальных благ (подробнее см.: Доверие и недоверие ..., 2013; Новое в науках о человеке..., 2015; Проблемы субъектов..., 2007; и др.).

Основополагающим понятием современности, заявляет отечественный композитор и писатель В. И. Мартынов, является имидж. «Имидж – это и есть абсолютная поверхность <...> не имеющая никакого внутреннего содержания <...> смысла, ибо имидж и смысл есть взаимоисключающие понятия» (Мартынов, 2017, с. 277). Престижными стали профессии дизайнера, кутюрье или куафера. «Мы живем в мире имиджмейкеров, где уже нет места ни поэтам, ни художникам, ни композиторам, стремящимся передать внутренний смысл и создающих произведения, наполненные великим содержанием. Великое является реальностью человека переживающего, в то время как для человека манипулирующего все это превращается просто в фикцию» (там же, с. 277).

Поглощение человека предметным миром, возможно, никогда прежде не имело такого тотального характера. «Человек манипулирующий» или «человек потребляющий» не только не может реализовать свою подлинную сущность, но скорее находится в оппозиции к ней. «Человек, отчужденный от природы, от жизни Вселенной, от игры ее стихийных сил, не способный соотнести себя с ними, не способный перед лицом этих сил найти свое место и утвердить свое человеческое достоинство, – это маленький человек» (Рубинштейн, 2012, с. 124).

Исследования моральной и правовой социализации россиян (1989–2017)

Приведем результаты исследований, которые демонстрируют негативные последствия происходящих в обществе процессов (см. также: Соснин и др., 2017; Социально-психологические исследования коррупции, 2017; Юревич, Журавлев, 2012; и др.).

В 1989 г. М. И. Воловикова и О. П. Николаева в рамках исследования специфики моральной и правовой социализации российского общества применили разработанный Дж. Тапп опросник (Николаева, 1992). Опросник создан для использования в условиях различных культур и предоставляет богатый материал для сравнительного

анализа, так как валидизирован на выборках респондентов из шести стран мира. Он включает в себя 15 стандартизованных вопросов, касающихся понимания личностью прав, функций законов, причин их нарушений и изменений, критериев справедливости. Анализ морально-правовых суждений осуществляется на основе теории морали Ж. Пиаже, дополненной Л. Колбергом.

Колберг выделяет три уровня морального развития: 1-й — *доконвенциональный* (нормы понимаются как нечто внешнее, человек им следует лишь под давлением авторитета или страха наказания); 2-й — *конвенциональный* (желание соответствовать стереотипам, принятым в обществе, поддерживать отношения доверия, уважения и лояльности); 3-й — *постконвенциональный* (следование высшим этическим принципам). Согласно Колбергу, если закон противоречит принципам справедливости, равенства человеческих прав, человек имеет «право» действовать в согласии с принципами, а не с законом.

Респондентами в исследовании Николаевой были студенты педагогического вуза Курской области в количестве 100 человек в возрасте от 18 до 25 лет, которые в индивидуальном порядке ответили на вопросы анкеты. Полученные ответы подвергались количественному и качественному анализу.

Было выявлено, что в отличие от западных стран, где моральная и правовая социализация осуществляется через подражание принятым в обществе нормам и законам, в нашей стране наблюдалось либо «застревание» на начальной стадии морального и правового развития, когда послушание обеспечивается с помощью страха наказания либо через высший уровень морально-правового развития — *опору на высшие этические принципы и совесть*. В правовом сознании российских респондентов были разделены понятия «закон» и «нравственность» в отличие от респондентов, принадлежащих западному обществу. Законы воспринимались в качестве атрибута государства, как нечто «внешнее», обладающее функциями наказания и ограничения свободы. Права личности понимались как права на различные свободы либо, как и законы, они «отчуждались» по причине несоответствия реальной действительности.

В 2017 г. нами было проведено исследование с применением данной методики на соответствующей возрастной выборке, которую составили студенты вузов Московской области (Борисова, 2017а).

Приведем таблицу 1 кросс-культурных данных Тапп и Николаевой, дополненную данными, полученными нами в 2017 г. В таблице представлено распределение ответов на вопрос «Может ли человек быть правым, нарушая закон?». Как и Николаева, к 3-му уровню мы

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос № 15 использованной анкеты (Может ли человек быть правым, нарушая закон?)

Уровни	Япония	Греция	Дания	Индия	Италия	США	Россия 1989	Россия 2017
1 (нельзя)	29	52	42	47	23	18	15	13
2 (экстремальность)	36	18	44	30	17	64	39	21
3 (нравственность)	20	18	9	22	38	15	36	9

относили ответы, в которых указывалось, что нарушение законов может быть необходимо в случае их противоречия морально-этическим принципам, принципам справедливости. Лица, находящиеся на 2-м уровне правового развития, признают в целом изначальную справедливость закона, поэтому считают, что нарушение его возможно лишь в экстремальных случаях. Человек, находящийся на 1-м уровне правового развития, не допускает возможность нарушить закон.

Произошли важные изменения в правовом сознании молодых россиян в период с 1989 г. по 2017 г. Значительно сократилось число ответов, относящихся к 3-му уровню (с 36% до 9%). Сократилось также число студентов, рассматривающих возможность нарушения закона в экстремальных ситуациях (с 39% до 21%). Данный пункт анкеты оказался одним из наиболее трудных для респондентов: 25% отказались отвечать на вопрос, 25% ответили утвердительно, но не пояснили свою позицию.

В целом исследование позволило сделать следующие *выводы*. В правовом сознании современных молодых людей сохраняется разделение понятий «закон» и «нравственность». Законы по-прежнему воспринимаются в качестве атрибута государства, как нечто «внешнее», обладающее функциями наказания и ограничения свободы. В суждениях проявляются недоверие к законам, сомнения в их справедливости, действенности на территории Российской Федерации (см.: Доверие и недоверие..., 2013; Россия..., 2007; Современная социальная реальность..., 2014; и др.). Сохраняется тенденция к обретению прав на различные свободы. *Произошло значительное снижение значимости важной составляющей правосознания — опоры на нравственные принципы*. Снизился страх перед наказанием и авторитетом власти. Не имея иных ориентиров в морально-правовой сфере, современные молодые люди оказались в ситуации правовой дезориентации. В результате 8% лиц ответили, что полностью игнорируют закон.

Активное продвижение западных ценностей в условиях процесса глобализации современного мира (Доверие и недоверие..., 2013; Журавлева, Журавлев, 2001; Россия в глобализирующемся мире..., 2007; и др.) ведет к подрыву национальной и культурной идентичности и утрате традиционных смысложизненных ориентиров. Еще в 1930-х годах Х. Ортега-и-Гассет, автор книги «Восстание масс», констатировал, что власть в западном обществе захватил новый тип человека, равнодушный к собственным корням, но отчетливо равнодушный к пилюлям, автомобилям и другим «дарам» цивилизации (Ортега-и-Гассет, 2017). Утрата нравственных ориентиров, выявленная в ходе исследования правового сознания российской молодежи, заставляет вспомнить сформулированные им выводы об этической индифферентности сформировавшегося в XX в. массового общества: «Не стоит облагораживать нынешний кризис, видя в нем борьбу двух моралей или цивилизаций, обреченной и новорожденной. Массовый человек попросту лишен морали, поскольку суть ее — всегда в подчинении чему-то, в сознании служения и долга. Но слово „попросту“, пожалуй, не годится. Все гораздо сложнее. Попросту взять и избавиться от морали невозможно. То, что грамматически обозначено как чистое отсутствие — безнравственность, не существует в природе. Если вы не расположены подчиняться нравственным устоям, будьте любезны подчиниться иной необходимости и <...> жить наперекор им, а это уже не безнравственность, но противонравственность. Не просто отрицание, но антимораль» (там же, с. 217).

Единственный путь, ведущий к достойному решению поставленных современным миром проблем, несущих угрозу целостности личности, ее достоинству, — сохранение верности своим культурным корням, опора на отечественную философско-психологическую традицию, которая отличается глубоким погружением в познание специфики подлинного человеческого бытия и пониманием человека, в первую очередь, как *духовной личности*.

Понятие «духовная личность» в истории философско-психологической мысли

Понятие «духовная личность» было введено в психологическую науку американским психологом У. Джемсом (1842—1910). Он предложил одну из первых в психологии теорию личности. Самосознание человека, по его мнению, является двойственным — познаваемым и познающим, объектом и субъектом. Познающий элемент понимается как «чистое я»; познаваемый называется личностью, «эмпирическим

я». «Эмпирическое я», или личность, подразделяется на: *физическую* личность, к которой относятся собственная телесная организация, дом, семья, состояние и т. д.; *социальную* личность как форму признания в нас личности со стороны других людей; *духовную* личность как единство всех духовных свойств и состояний человека.

Высшими проявлениями духовной личности психолог считал религиозные стремления. Он расширил понятие опыта, включив в него религиозные переживания, мистические состояния (Джемс, 2010). Нормальное, «разумное» сознание представляет лишь одну из форм сознания, при этом другие, совершенно от него отличные формы существуют рядом с ним, отделенные от него лишь тонкой перегородкой. Религиозные переживания человека, утверждал он, представляют для психологов не меньший интерес, чем любое другое явление человеческого сознания.

Анализируя религиозные переживания людей, Джемс пришел к выводу, что человек, живущий религиозным чувством, отличается от своего «плотского я». Плоды религиозных состояний представляют то, что называют святостью. Черты святости: ощущение более широкой жизни, чем полная мелких интересов, себялюбивая жизнь земных существ; убеждение в существовании верховной силы, достигнутое не только усилиями разума, но и путем непосредственного чувства; чувство интимной связи между верховной силой и жизнью человека и добровольное подчинение ей; безграничный подъем и чувство свободы, соответствующие исчезновению границ личной жизни; перемещение эмоционального центра личной жизни по направлению к чувствам, исполненным любви и гармонии.

В то же время, по мнению Джемса, религиозная жизнь делает человека «эксцентричным» и не похожим на других, вводит в «остролихорадочное душевное состояние». Религиозные люди проявляют «симптомы нервной неустойчивости», «психической ненормальности», экзальтации. Часто их внутренняя жизнь раздираема противоречиями, многие подвержены меланхолии, страдают навязчивыми идеями. Такие люди легко впадают в фанатизм самоистязания, легковерие, излишнюю шепетильность.

В анализе описываемых переживаний Джемс не критичен, доверяет их носителям, принимая все переживания за «откровения свыше». Многие приводимые Джемсом примеры имеют характер экзальтированности, упоения собственными переживаниями, сопровождаются чувством избранности, готовности наставлять других. Также он не делает должных различий между мистическими состояниями, приходившими спонтанно, независимо от желаний людей,

и случаями их произвольного вызывания, искусственной стимуляции, например, с помощью эфира, окиси азота, которые рассматриваются им как «могучие стимулы к пробуждению мистического сознания».

Современник Джемса, крупный отечественный философ и богослов, профессор Казанской духовной академии *В. И. Несмелов* (1863–1937), в 1898 г. издал труд «Наука о человеке», в котором духовная личность рассматривается в контексте православного учения о человеке. А. Храповицкий, выдающийся религиозный деятель XIX–XX вв., автор философско-нравственных работ, назвал данный труд серьезным событием в истории философии. Уникальность концепции человека в творчестве Несмелова, по мнению Е. К. Веселовой, достигается гармоничностью сочетания глубоких философско-антропологических оснований с тонким психологизмом. Несмелов осуществляет анализ наиболее сложных экзистенциальных проблем человека в эсхатологической перспективе, логически и психологически увязывая такие разномасштабные категории, как цель мирового бытия и смысл жизни отдельного человека (Веселова, 2000).

Религиозно-философский анализ мыслителем природы человека связывает его существование с бытием «Безусловной Личности». «И мы достоверно знаем в познании себя самих, что хотя наша собственная личность существует только в необходимых условиях физического мира, однако природой своей она все-таки выражает не мир, а истинную природу самого Бесконечного и Безусловного» (Несмелов, 2000, с. 251) Образ безусловного бытия — не порождение человеческой мысли, не абстрактные понятия, получаемые путем простого отрицания чувственного содержания жизни, а реальность сверхчувственной природы личного бытия.

Несмелов в основу своей философской системы ставит факт рокового противоречия в бытии человека. С одной стороны, душевная жизнь представляет собой процесс *внешнего самоопределения личности* в условиях ее физического существования. С другой стороны, душевная жизнь — процесс *внутреннего самоопределения личности*, и в этом отношении она от физических условий жизни не зависит (на сложнейшие связи внешних и внутренних факторов самоопределения личности и группы в новой экономической среде обращают серьезное внимание и современные исследователи, например: Купрейченко, Журавлев, 2009; и др.). Привязанность к физическому условному существованию и понимание необходимости идеального безусловного существования человек переживает как противоречие, выйти из которого невероятно трудно.

Только обращение личности к *ценностям нравственного идеала*, которые ученый называет ценностями «не от мира сего», позволяет преодолевать роковое противоречие. Но пока человек только мыслит о Боге, он богословствует, и пока он только мыслит о своем отношении к Богу, он философствует, когда же человек обращается к жизни по образу Бога, он осуществляет религию как живое стремление к отображению в мире Бога путем свободного уподобления Ему. Несмелов формулирует *правило нравственной жизни*: я должен так жить, потому что это богоподобно и, стало быть, истинно человечесно.

Мыслитель выделяет истинное и ложное *нравственное самоопределение* личности. Судить о нравственном самоопределении можно, только исходя из мотивов поведения, которые Несмелов делит на *эмпирические* и *духовные*. Эмпирические мотивы характеризуются осуществлением «добродетельных» поступков ради предполагаемой выгоды. Духовные мотивы характеризуются осуществлением нравственного идеала ради его безусловной истинности. В ситуации ложного нравственного самоопределения высшее правило нравственной жизни — я должен так жить, потому что это богоподобно и, стало быть, истинно человечесно, подменяется практическим соображением: мне следует так жить, потому что это для меня выгодно. Так, человек может совершать «добродетельные» поступки, получая удовольствие от собственных «нравственных достижений», стараться избегать действий, за которые ему грозят наказания в будущей жизни, и т. д. Окружающими и самим человеком эти поступки могут оцениваться как положительные и даже прекрасные, но Несмелов приходит к выводу, что поступки, совершенные во имя выгоды, не могут быть нравственными. Все расчеты человека о выгоде не имеют никакого отношения к содержанию нравственного сознания, потому что мотивы совершения их возникают не из познания нравственного идеала.

Выдающийся ученый, мыслитель, философ, публицист и общественный деятель *И. А. Ильин* (1883–1954), один из представителей русской религиозно-философской традиции XX в., продолжил изучение духовной личности. Творчество Ильина демонстрирует масштабность исследования проблемы. Фундаментальность разработок ученого позволила ему назвать книгу Джемса «Многообразии религиозного опыта» «бездуховным коллекционированием случаев». «Неверующий ученый в лучшем случае соберет сухую коллекцию чужих переживаний — по типу Уильяма Джемса» (Ильин, 1998, с. 522).

Человек, уверен Ильин, становится религиозным в истинном смысле лишь в меру своего одухотворения. «Неодухотворенная ду-

ша» может иметь только видимое подобие религиозности: она будет предаваться «страху» или «успокоению», питать суеверия, находиться во власти «мечтаний», «волнений», «экстазов». Но все это лишь суррогат настоящей религии. «Обретая и выговаривая аксиомы религиозного опыта, я с самого начала убедился в том, что я не могу и не должен идти индуктивным путем, т. е. изучать все те явления, которые в житейском обиходе, а подчас и в литературе называют „религиозными“: нет надобности собирать бесконечную галерею таких явлений с тем, чтобы исчерпать их неисчерпаемый объем и извлечь из них возможные „обобщения“. Я убедился в том, что мне пришлось бы считаться с длинным рядом человеческих предрассудков, суеверий, страхов, блужданий и заблуждений, с явлениями страстной слепоты, неистовости и противорелигиозной магии, с большими состояниями <...>, т. е. с такими явлениями, где аксиомы духовно-здорового, сущего и подлинного религиозного опыта утрачены или прямо отвергнуты и попораны» (Ильин, 2004, с. 8).

Граница между духовностью и недуховностью, отмечает мыслитель, отнюдь не совпадает с границей между внутренним нематериально-духовным и внешним пространственно-протяженным. Чем глубже вникает в мир человек, тем более он удостоверяется в том, что мир полон «таинственной разумности» и «духовной значительности». Великие святые отвергали не «внешне-протяженный мир предметов», не созданную Богом природу, а «мир» искаженных состояний человека. Духовно-зрячий человек видит «пошлость пошлого» как «несостоявшуюся духовную значительность» (там же, с. 287). Если человек взирает на объективно значительные предметы, а воспринимает пошлые содержания, то это коренится в его собственной душе.

В силу законов природы человек индивидуален и самостоятелен — он творческий организм. В силу законов духа человек духовен и социален — он творческая личность. Человек как природный организм должен стать духовной личностью, а духовная личность должна принять законы природного организма. Достигнуть этого человек может только на путях *духовного катарсиса*. Раскрывая это понятие, Ильин напоминает о том, что эта идея древняя и глубокая. В основе духовного катарсиса лежит осознание присущей всем предметам внутренней духовной значительности. Духовный катарсис имеет свои этапы — от освобождения человеческой души от духовной слепоты, к построению и укреплению духовности. На первой стадии духовного очищения катарсис обнаруживает неверное состояние души, приводит к осознанию и признанию несостоятельности ее актов, пошлости ее содержания, ничтожности целей. На второй ста-

дии катарсис создает религиозно верные акты и укрепляет их. Трудность состоит в том, что духовный акт в его строении не осознается (или почти не осознается) его носителем. Намеренное (произвольное) наблюдение дается здесь с трудом и немногим людям. Сам акт имеет инерцию и противится обновлению. Внешние факторы, влиявшие на его формирование, кажутся непреодолимой силой, а внутренние, слагавшие его, кажутся большинству людей совершенно неисследованными. Ильин подчеркивает, что надо перестраивать личный религиозный акт, независимо от телесного устройства с его наследственностью и склонностями, от социального окружения, воспитания, — вопреки всем неблагоприятным факторам.

Необходимо заполнить жизнь, уверен Ильин, духовно-значительным, сосредоточить душевно-духовные силы на *познании объективной реальности и ее духовно-нравственных законов*. Поиск предельных духовных смыслов должен стать главной жизненной ценностью, центром личного бытия человека. Поколение людей, которому этот поиск совершенства чужд и непонятен — поколение мертвое, слепое и обреченное.

Литература

- Борисова Н. В. Особенности правового сознания современной российской молодежи // Вестник университета Российской академии образования. 2017а. № 4. С. 35–42.
- Борисова Н. В. Проблема целостности личности в отечественной психологии // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017б. С. 652–659.
- Веселова Е. К. Психологическая концепция человека в трудах В. И. Несмелова // Диалог отечественных светской и церковной образовательных традиций: Материалы Покровских педагогических чтений, 12–14 октября 2000. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2000. С. 107–110.
- Джемс У. Многообразие религиозного опыта. М.: КомКнига, 2010.
- Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.
- Журавлева Н. А., Журавлев А. Л. Влияние социально-экономических изменений в российском обществе на ценностные ориентации личности // В. М. Бехтерев и современная психология, психотерапия: Сборник статей к конференции. Казань: Изд-во КазГУ, 2001. С. 31–36.

- Ильин И. А.* Собр. соч. В 10 т. М.: Изд-во Русская книга, 1998. Т. 8.
- Ильин И. А.* Аксиомы религиозного опыта. М.: АСТ, 2004.
- Кольцова В. А., Журавлев А. Л.* Современные тенденции развития отечественной психологической науки // *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2017. С. 25–34.
- Купрейченко А. Б., Журавлев А. Л.* Структура и детерминация экономического самоопределения личности // *Человек—наука—гуманизм: к 80-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова.* М., 2009. С. 731–746.
- Лихачев Д. С.* Мысли о жизни. Письма о добром. М.: КоЛибри—Азбука-Аттикус, 2015.
- Макропсихология современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Мартынов В. И.* Зона opus posth, или Рождение новой реальности. М.: ИД «Классика-XXI», 2017.
- Несмелов В. И.* Наука о человеке. СПб.: Центр изучения, охраны и реставрации наследия священника Павла Флоренского, 2000.
- Николаева О. П.* Морально-правовые суждения и проблема развития морального сознания в разных культурах: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 1992.
- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: Ленанд, 2015.
- Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М.: АСТ, 2017.
- Проблемы социальных конфликтов в современной психологии: сущность, детерминанты, регулирование. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Проблемы субъектов в постнеклассической науке. М.: Когито-Центр, 2007.
- Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В. С. Степин. М.: Наука, 2007.
- Рубинштейн С. Л.* Человек и мир. СПб.: Питер, 2012.
- Современная социальная реальность России и государственное управление: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году. В 2 т. М.: ИСПИ РАН, 2014. Т. 1.
- Соснин В. А., Китова Д. А., Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Юревич А. В.* Массовое сознание и поведение: тенденции социально-психо-

- логических исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное. Новосибирск, Изд-во НГПУ, 2017.
- Социально-психологические исследования коррупции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Юревич А. В., Журавлев А. Л.* Нравственные проблемы современной России (вместо введения) // *Нравственность современного российского общества: психологический анализ.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 5–20.

Категория «духовность» в христианской традиции и светском гуманитарном дискурсе: особенности прочтения и перспективы взаимодействия

Протоиерей Вадим Леонов

Введение

Духовно-нравственная проблематика широко обсуждается в наши дни в самых разных научных и социальных сферах — это факт, который не требует особого обоснования. Однако при решении многочисленных вопросов, возникающих по ходу обсуждения данной темы, не обойтись без определения содержания ключевой категории — «духовность». Частое употребление этого слова в самом разном контексте привело к тому, что его содержание не оговаривается и стало восприниматься как само собой разумеющееся, что на самом деле не соответствует действительности. Попытки определить это понятие, предпринятые в научных гуманитарных сферах (философии, психологии, педагогике, социологии) дают результаты, которые существенно расходятся между собой. Если в круг рассмотрения духовности включить еще и представления из других сфер жизни, в том числе и обыденные, то можно утонуть в их разнообразии, что существенно затрудняет продвижение в понимании и развитии духовно-нравственных аспектов жизни человека и общества, поэтому для начала зафиксируем данную проблему как еще не решенную. Для ее решения необходимо выяснить и рассмотреть корневые смыслы термина «духовность», а затем спроецировать это содержание в пространство личного бытия современного человека и общества.

Этимология

Слово «духовность», которое в обыденном сознании часто ассоциируется с высокими культурными и нравственными аспектами человеческой жизни, в этимологическом плане акцентировано на существенно иных смыслах. В славянских языках, как и в большинстве языков индоевропейской группы, слово «духовность» проис-

ходит от слова «дух», которое, в свою очередь, происходит от глагола «дышать» (Фасмер, 1986, с. 558; Этимологический словарь русского языка, 1973, с. 215)¹. Эта этимологическая цепочка показывает, что «духовность» связана с дыханием, т. е. с физиологией человека. Возникают естественные вопросы: каким образом слово «духовность», произошедшее от слова «дыхание», стало обозначать высшие проявления человеческого бытия? Имеет ли отношение данная этимология к высшими культурными и нравственными аспектами жизни общества?

Ответы на эти вопросы находятся в Библии, в древнейшей ее части — книге Бытия, во второй главе, где дается описание создания человека и содержатся такие слова: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2: 7). В этой цитате ясно видна искомая цепочка смысловых корней: «вдунул», «дыхание», «душа»², что полностью соответствует вышеприведенной этимологической связи соответствующих слов. Особенность содержания библейского текста в том, что источником «дыхания» является не человек (как можно было бы подумать в рамках этимологического разбора), а некто иной — Бог.

Подобных высказываний в Библии, где Бог через Свое «дыхание» дарует людям полноту жизни, особые духовные дары и делает их духовными, достаточно много: «Дух Божий создал меня, и дыхание Вседержителя дало мне жизнь» (Иов. 33: 4); «(Иисус) сказав это, дунул, и говорит им: примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Ин. 20: 22–23); «И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать» (Деян. 2: 2–4).

Христианское понимание духовности³

Процитированные фрагменты Священного Писания имеют традиционное святоотеческое толкование: «дыхание» Божие — это благо-

- 1 Аналогично в древнегреческом языке слово «дух» (πνεῦμα) — это производное от слова «дыхание» (πνοή). Также и греческое слово ψυχή означает не только «душа», но и «дыхание» (Дворецкий, 1958).
- 2 Понятия «душа» и «дух» в Библии, часто употребляются как синонимы.
- 3 В данной работе слова «христианское», «православное», «святоотеческое», «церковное» употребляются как синонимы.

дать Бога, Его нетварная божественная сила: «Ибо «вдунул в лице», т. е. вложил в человека нечто от собственной Своей благодати, чтобы человек по подобному познавал подобное» (Василий Великий, 2008, с. 584). Бог, «взяв часть новосозданной земли, бессмертными руками составил мой образ и уделил ему Своей жизни, потому что послал в него дух, который есть струя невидимого Божества» (Григорий Богослов, 2007, с. 27). Аналогичные толкования можно найти у русских святых отцов: св. Игнатия Брянчанинова, св. Серафима Саровского и др.

У слова «дух» богатая семантика. В письменном наследии Церкви слово «дух» (πνεῦμα) имеет множество значений: Бог (Мф. 4: 1), Дух Святой (Быт. 1: 2), благодать (Лк. 1: 15), ангел (Евр. 1: 14), демон (Еф. 2: 2), душа (Лк. 23: 46), высшая часть души — ум, личность (Ин. 11: 33), жизненная сила (Быт. 6: 17), дыхание (Быт. 7: 22), воздух или ветер (Быт. 8: 1). Эту многозначность отмечал и св. Иоанн Дамаскин (VIII в.): «Дух понимается многообразным образом: есть Святой Дух. И действия Духа Святого называются духами. И добрый ангел, и демон — дух; и душа — дух; иногда и ум называется духом; и ветер — дух; и воздух — дух» (Иоанн Дамаскин, 2002, с. 183). При изучении церковного наследия необходимо учитывать все смысловое многообразие этого слова, однако в рамках христианской антропологии необходимо ограничить и конкретизировать его значение, сделав его конструктивным богословским термином. С этих позиций наиболее важным значением слова «дух» является понимание его как высшей части души.

Однако в этой богатой палитре смыслов не встречается слово «нравственность» и тем более нет понятий «культура», «наука», «достижения искусства», т. е. того, что столь привычно ассоциируются для современных людей с понятием «духовность». В чем причина?

Дело в том, что в традиционном христианском понимании духовность — это не процесс самопознания, не самосовершенствование, не рефлексивность сознания, не творчество, не нравственная жизнь сама по себе и даже не жизнь ради ближних. Все перечисленное, несомненно, содействует духовному росту, но по сути духовность — это состояние человека, находящегося в живом личном общении с Богом. *Духовность — это жизнь в Духе Святом.* В таком человеке господствует Дух Божий, формируя принципиально иной тип существования, как сказал об этом апостол Павел: «Вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?» (1 Кор. 3: 16). В той мере, насколько глубоко человек соединен с Богом, наполнен божественной благодатью, настолько он и именуется духовным. В этом плане уже не столь важен

объем личных способностей и качеств человека, важен сам факт его жизни в единстве с Богом. В Православии категория «духовность» устремлена к категории «святость» и вне Бога она столь же абсурдна, как море без воды, как солнечный свет без солнца, как человек без души. Поэтому в христианской традиции ассоциировать духовность просто с культурностью, образованностью, воспитанностью, психологическими качествами некорректно.

Для более полного уяснения богословского содержания понятия «духовность» необходимо рассмотреть его в нескольких аспектах.

1. *Духовность — Дух Божий.* Об этом уже было сказано выше: Дух Божий (Бог) и единство с Ним есть основа подлинной духовности. Вне реального общения человека с Богом категория «духовность» лишается своего онтологического основания.

2. *Духовность — дух человеческий.* Дух человеческий — это высшая часть природы человека, предназначенная соединить человека со сверхчувственным миром и позволяющая ему находиться в благодатном единстве с Богом, воспринимать благодать (божественную энергию) и через это преображаться (обоживаться) (Леонов, 2016). Если человеческий дух не пробужден, т. е. не устремлен к Богу, то он находится в своеобразном духовном параличе или в так называемом состоянии духовной смерти, из которого можно выйти через покаяние. Дух человека позволяет осваивать сверхчувственные уровни бытия, превосходить себя, свою ограниченность и совершенствоваться в Боге. Подлинная духовность — это взаимодействие Духа Божия и духа человеческого.

3. *Духовность — душевность.* В православной антропологии достаточно четко разводятся категории «духовность» и «душевность» на основе Священного Писания и святоотеческого опыта. Апостол Павел противопоставлял человека «душевного» (первозданного Адама) и человека «духовного» (нового Адама — Господа Иисуса Христа): «Первый человек Адам стал душою живущею; а последний Адам есть дух животворящий. Но не духовное прежде, а душевное, потом духовное» (1 Кор. 15: 45–46).

Душевная жизнь — это жизнь, ориентированная на удовлетворение душевных потребностей (эмоциональных, интеллектуальных, творческих) и душевных страстей (гордости, тщеславия, гнева, сребролюбия и др.). Душевная жизнь может быть достаточно интенсивной при полном параличе духовной. В этом случае человек продолжает свое земное существование и в телесном, и в душевном плане, но дух его бездействует. Такие люди в Священном Писании называются душевными и противопоставляются духовным: «Это люди,

отделяющие себя (от единства веры), душевные, не имеющие духа» (Иуд. 1:19). Душевный человек находится в состоянии духовной смерти и утрачивает возможность реализовать свое вечное божественное предназначение.

4. *Духовность — нравственность.* Слово «нравственность» отсутствует в Библии, а в богословии появляется лишь в конце XVIII в. До этого жизнь человека в соответствии с высокими моральными нормами обозначалась другими словами: «богоугодность», «благочестие», «добродетельность». Все эти термины характеризуют поведение человека в контексте религиозных норм и понятий. Содержательная специфика слова «нравственность» в том, что оно религиозно нейтрально и напрямую не соотносится с Богом или духовной жизнью, поэтому оно стало широко использоваться в светской среде начиная с эпохи Возрождения.

О нравственности человека можно говорить лишь тогда, когда у него появляются этические понятия и он способен к различению добра и зла, хорошего и плохого, когда человек усвоит ценность высших добродетелей: любовь, милосердие, сострадание, терпение, верность, мужество, стремление к истине, правде — и научится воплощать их в своей жизни. Откуда почерпнуть эти нравственные ориентиры и как их усвоить?

Христианское богословие говорит о *трех источниках нравственности.*

Согласно христианскому учению, каждый человек создан по образу Божьему (Быт. 1:26–27), поэтому каждый имеет в себе, в своей душе, в своем сознании некоторые врожденные представления о Боге, о благе, о добре и зле и соответствующие возможности для реализации. Яркий пример проявления образа Божия в человеке — голос совести. Однако все люди в той или иной степени повреждены грехом, искажено их сознание, помрачен их образ Божий, поэтому они часто не видят, не ощущают или игнорируют этот внутренний богоустановленный нравственный ориентир или воспринимают его искаженно.

Второй источник нравственности — это моральные нормы и традиции общества. Это более устойчивый и надежный фундамент, но и здесь часто возникают проблемы. В обществе также могут накапливаться греховные склонности, представления, порочные традиции, которые со временем могут получить общественное оправдание и перейти в рамках общественного сознания из разряда безнравственных в нравственные. Например, ап. Павел пишет о непросвещенных народах: «Они заменили истину Божию ложью, и поклоня-

лись, и служили твари вместо Творца, Который благословен во веки, аминь. Потому предал их Бог постыдным страстям: женщины их заменили естественное употребление противоестественным; подобно и мужчины, оставив естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение. И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму — делать непотребства, так что они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распри, обмана, злонравия, злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы. Они знают праведный суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти; однако не только их делают, но и делающих одобряют» (Рим. 1: 25–32).

Третий источник нравственности — вечный, абсолютный и неизменный — это Сам Бог, который есть высшее Благо, Любовь, Истина. Если человек хочет реализовать эти ценности, то призван вступить в диалог с Ним и уподобиться Ему. Высший пример добродетелей представлен только в Создателе мира, поэтому нравственная жизнь — это богоуподобление, жизнь в соответствии с Его святой волей. Поскольку непосредственное знание воли Бога возможно на достаточно высоких ступенях духовной жизни, то Его воля в самых общих чертах выражена в заповедях, зафиксированных в Священном Писании. Если человек пользуется именно этими источниками нравственности, то категории «духовность» и «нравственность» обретают свое гармоничное единство и могут употребляться в единой связке, например, в виде фразы «духовно-нравственная жизнь».

5. *Духовность — материальность.* Слово «духовность» в философском понимании является антонимом слова «материальность», ибо дух и материя относятся к разным сферам бытия и устремлены к разным, а порой и противоположным целям. Подобное противопоставление иногда встречается и в христианской письменности, но имеет существенное отличие. Апостол Павел призывает: «Поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожелений плоти, ибо плоть желает противного духу, а дух — противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы. Если же вы духом водитесь, то вы не под законом. Дела плоти известны; они суть: прелюбодейание, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, [соблазны,] ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому

подобное. Предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так Царствия Божия не наследуют» (Гал. 5: 16–21). В данном случае апостол Павел противопоставляет дух не материи вообще и не человеческому телу (σῶμα), а именно плоти (σὰρξ) — естеству человека, зараженному грехом и страстями. Имеется в виду борьба именно с греховной поврежденностью природы. Цель христианской духовности не в уничтожении материи, а в ее очищении и преобразении через духовное возрастание человека. Поэтому в реальной христианской жизни слово «духовный» относится не только к людям, но характеризует и особые события («духовная встреча», «духовная беседа»), особые места («духовное, святое место»), особые предметы («духовная книга», «духовная вещь»).

Если духовность понимать не в философском, а в богословском смысле, то приведенные выше фразы объясняются достаточно легко. «Духовная беседа» — это беседа, содействующая личному диалогу человека с Богом, «духовное событие» — событие, в результате которого человек вступает в общение с Богом, «духовное место» — место, где легко ощутить Божественное присутствие, «духовная книга» — книга, раскрывающая, помогающая, вдохновляющая на общение с Богом, «духовная вещь» — предмет, который помогает общению человека с Богом, настраивает его соответствующим образом (иконы, свечи, лампы, ладан, четки и др.).

Итак, в христианском мировоззрении нет антагонизма между материальным и духовным, при условии, что материальное содействует духовному бытию человека и не претендует на то, чтобы стать высшей ценностью его жизни.

б. Духовность — общество. С христианской точки зрения вполне допустимо говорить не только об индивидуальной духовности, но и о духовности общества, в том смысле, что в обществе так или иначе формируются, культивируются ценности и принципы жизни, которые или содействуют, или противодействуют общению человека с Богом. С этой точки зрения к обществу вполне применимы духовные характеристики и допустимо говорить о степени духовности общества.

Кроме того, способности общения человека с Богом во многом обусловлены характером общения с окружающими людьми, что нашло свое яркое выражение в словах Господа Иисуса Христа: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душею твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф.

22: 37–40). «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга» (Ин. 13: 34). «Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой» (Мф. 5: 23–24).

В рассуждении на тему, что первично, индивидуальная духовность или общественная, едва ли возможно простое однозначное решение, потому что личный опыт святости редко бывает совершенно оторванным от общественных нравственных норм, с другой стороны, духовность общества во многом — это аккумулированный духовный опыт его членов. Поэтому развитие общественной морали — это всегда индивидуальная работа с конкретными личностями, а не абстрактный принцип, который автоматически должен изменить сознание общества в силу того, что он правильный или потому, что он публично заявлен.

7. Искаженная духовность. В этом вопросе есть много тонкостей, но в стратегическом плане все отклонения от глубокой подлинной духовности начинаются с того, что у человека на ценностном уровне, следовательно, и в качестве высших целей и смыслов личного бытия, выступают несоответствующие духовному призванию человека объекты.

Приведем основные типы отклонений от подлинной духовности: 1) человеческий дух, игнорируя Бога, направлен к абстрактным ценностям самим по себе (знание, красота, истина, справедливость, культура и т. д.); 2) человек идеализирует и всецело отдает себя другому человеку, группе людей, определенной идеологии (возникают кумиры, политические идеологии, националистические движения, фанклубы, различные формы антрополатрии, т. е. обожания человека); 3) человек в качестве высшей ценности видит самого себя (формируется эгоцентризм, эгоизм, тщеславие, гордость и т. д.); 4) в качестве ценности и цели выступает нечто материальное, объективированное в деньгах или предметах (возникает сребролюбие, жадность, потребительство, разврат и т. д.); 5) в качестве объекта духовного общения избирается inferнальный мир (магия, оккультизм, сатанизм и т. д.).

Следует особо отметить, что не все перечисленные явления человеческой жизни являются однозначно вредоносными. Более того, некоторые из них (особенно в 1 пункте) необходимы для жизни людей и общества. Духовная проблема возникает тогда, когда они становятся высшей ценностью для человека, когда человек воспринимает их как самодостаточные, абсолютизирует их и противопоставляет

жизни с Богом. Такое духовное состояние приводит к духовному параличу человека. Он может быть успешным ученым или культурным деятелем, но радость общения с Богом, столь возжеланная для каждой человеческой души, так и останется для него непознанной.

Критерии духовности и этапы духовного восхождения в аскетической традиции Православия

Если человек начал реально жить духовной жизнью, вступил в личное общение с Богом, то это не может не отразиться на его поведении, поступках, словах, мыслях. В Священном Писании такое состояние в общем виде описал апостол Павел: «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. На таковых нет закона» (Гал. 5: 22–23). В духовной жизни каждого человека постепенно появляются перечисленные «плоды духа» — это естественное и необходимое следствие богоугодной жизни человека. Если их нет или человек не изменяется к лучшему, не ослабевают его греховные страсти, не возрастают добродетели — это значит, что в его духовной жизни имеются серьезные ошибки.

Если говорить конкретнее, то по мере подлинной духовной жизни в человеке ослабевает тяга к греху, греховным привычкам и страстям, он слышит голос совести и начинает руководствоваться им, сопротивляться соблазнам, обретает четкие нравственные ориентиры и стремится их придерживаться. Под воздействием благодати Божией происходит реальное преображение природы и личности человека (Лосский, 1995). Этот процесс динамичный и имеет свои этапы.

Очищение

На этой ступени при сотрудничестве (синергии) с Богом происходит очищение от страстей, восстановление естественного состояния человека, воссоздается богоустановленная иерархия человеческой природы (дух господствует над душой, а душа над телом). Основа духовного делания на этой ступени — покаяние в широком смысле этого слова (пост, молитва, смирение, церковные Таинства, служение ближним, понуждение себя к добродетелям).

В этот период происходит исправление и укрепление воли, которая обретает силы уклоняться от греха и совершать богоугодные поступки. Постепенно сердце очищается от страстей — оно утрачивает сочувствие к объектам страсти и одновременно возникает любовь к противоположным добродетелям. Просвещается и обновляется ум — в нем не возобновляются представления о страстных

предметах, и он обучается видеть духовный смысл во всем происходящем. Очищается тело — оно становится послушным душе, в нем постепенно уменьшается сила действия страстей.

Очищение происходит у всех людей по-разному. Оно может совершаться быстрее или медленнее в зависимости от верности человека Богу и решимости следовать Его заповедям. Но, как правило, на этом пути люди совершают многочисленные ошибки и быстро утрачивают приобретенную чистоту, что вынуждает их проходить путь очищения многократно.

На ступени очищения для людей чрезвычайно важны заповеди Божии, ибо заповеди — это нравственные маяки, кристаллизованная в словах воля Божия. Поскольку человек, в силу своей духовной слепоты, еще не способен к полноценному личному диалогу с Богом, то он совершает исполнение воли Божией через строгое следование заповедям, выраженным в учении Евангелия и наставлениях отцов Церкви. По заповедям как неким ориентирам устраивается правильная духовная жизнь человека.

Освящение

Человек переходит на ступень освящения, когда, в достаточной степени очистившись, начинает ощущать своим духом и переживать сердцем реальность богообщения. На этой ступени исполнение воли Божией переходит в иное качество. Если ранее человек должен был следовать заповедям, которые были для него внешними предписаниями, то теперь он внутренне ощущает присутствие Божие в своем сердце, учится слышать и исполнять волю Божию, явленную ему в живом личном диалоге с Ним. В этом и заключен смысл ступени освящения — научиться жить в прямом общении с Богом и неуклонно следовать Его воле. Теперь все формальности отходят на второй план, ибо человек учится жить не по букве, но по Духу (Ин. 4: 23). Происходит личное познание Бога и Его действий.

В творениях святых отцов говорится о множестве ошибок и падений, возможных на этой ступени, когда человек не может отличить призыв Божий от действия бесов и страстей или же боится следовать за Богом в той степени, насколько Бог повелевает, и т. д.

Если же человек движется богоугодно, то на этой ступени благодать просвещает ум человека, сердце смиряется, обретается дар умной молитвы, открываются духовные смыслы явлений видимого и невидимого миров, возникает жажда жить в неразрывной любви с Богом, человек стремится к осуществлению добродетелей подобно тому, как страстный человек стремится к осуществлению гре-

ха. Св. Никита Стифат говорит об этом состоянии так: «На второй просветительной ступени происходит очищение ума действием божественного огня, рождение слова (внутреннего. — *В. Л.*) с высокими помышлениями разума» (Никита Стифат, 1998, с. 162). Эту же тему раскрывал св. Никодим Святогорец: «Прекращением телесных наслаждений ум освобождается от чувств, сам подчиняет их себе, возвращаясь к первоначальной своей умной пище, каковая есть чтение Священного Писания и построение добродетелей... Ум старается вернуть телесные чувства к наслаждению умственными наслаждениями, и таким образом чувства понемногу смягчаются. Как тело посредством чувств старалось сделать ум и дух плотью, так теперь ум посредством своих нематериальных наслаждений делает плоть нематериальной и некоторым образом делает ее духом. Так, по Максиму Исповеднику, душа, подвигаясь к Богу, делает свою плоть священной» (Никодим Святогорец, 2000, с. 39–40).

Просвещение

Если человек научился не только слышать Бога, но и явил свою любовь и верность Ему неуклонным исполнением Его воли, то он удостоивается взойти на новую духовную ступень — просвещение (созерцание). Здесь уже Бог общается с человеком не как с рабом или наемником, но как с возлюбленным сыном Своим по благодати. Господь открывает Себя человеку в той степени, насколько тот может вместить, удостоивает откровений и созерцаний тайн Божиих, которые ранее не способны были вместиться в его непросвещенный ум и сердце.

Здесь открывается подлинное боговедение, созерцаются сущности мира невидимого. Человек имеет беспрепятственное общение с Богом, с духовным миром, со святыми. Ему открываются таинственные судьбы Божии, открывается ведение, лежащее за пределами человеческого слова (1 Кор. 2:9). Св. Никита Стифат так говорит об этой ступени: «Конец (совершенства. — *В. Л.*) — Слово Премудрости, уясняющее все сущее и бывающее, ведение божеских и человеческих вещей, и откровение тайн Небесного Царства» (Никита Стифат, 1998, с. 162).

Св. Исаак Сирий — святой, достигший высших духовных степеней совершенства — указывает на основные предметы откровений у людей, достигших этого состояния: «Мы видим тайны Божии, сокрытые в естествах, то есть силу и премудрость Божию, Его Промышление о нас... созерцаем и небесные сослужебные нам чины... и созерцаем славу святого естества Божия, когда благоволит Бог ввести нас в ду-

ховные таинства» (Исаак Сирий, 1993, с. 396–397). Этот же подвижник указывает, что состояние духовного просвещения отнюдь не конечное на пути совершенствования человека. Есть и более высокие степени, но рассуждать о них сложно и бесполезно. Тот, кто достигает их, узнаёт их суть на опыте.

По учению святых отцов, человек проходит ступени духовного возрастания последовательно, но достижение определенного уровня не гарантирует ему духовно устойчивого состояния. Впасть в грех можно на любой ступени совершенства. Падение Денницы — это назидание для всех подвижников на все века. Только после смерти человек переходит, как выражался свт. Игнатий Кавказский, в «непадательное состояние». Окончательно оно закрепится за праведниками только в будущей жизни со Христом.

Христианское понимание духовности в контексте современности

Вышеизложенное христианское понимание духовности, достаточно цельное по своей структуре и смыслу, подтвержденное опытом множества подвижников разных веков, непросто вписывается в сознание современного человека и общественную жизнь. В чем причины?

1. Христианское представление базируется на конкретных евангельских принципах, которые без признания бытия Бога и личного стремления к Нему превращаются в абстрактные лозунги и теряют свой бытийный смысл.
2. Обыденные представления о духовности как «совокупности проявлений духа в мире и человеке», зафиксированные в Википедии¹, являются столь размытыми, эклектичными и неконструктивными, что не могут стать основанием для развития духовности как личной, так и общественной. В своих частных аспектах такие представления не противоречат христианству в той же мере, как не противоречат и любому другому представлению о духовности. Очень часто, как и в представленном примере из Википедии, понятие о духовности преподносится в отрыве от нравственности, что, по сути, является серьезной ошибкой, но для обыденного восприятия — это весьма комфортно, поскольку позволяет человеку отождествлять себя с духовной жизнью без реальных нравственных усилий над собой.

¹ Попытка привести пример из другого источника — Большой Советской Энциклопедии нам не удалась — там не оказалось статьи «духовность» (см.: БСЭ, 2017).

3. Научно-гуманитарные концепции духовности (в философии, культурологии, социологии, религиоведении) чрезвычайно разнообразны, порой взаимно противоречивы, нередко используют и транслируют нехристианские религиозные взгляды, а порой и откровенно демонический опыт духовности. На данный момент не имеется какой-либо доминирующей научной концепции духовности, с которой можно было бы выстраивать взаимодействие.
4. Если говорить о психологических концептах духовности, то в большинстве своем они являются авторскими умозрениями, которые чаще всего автономны или находятся в существенном взаимном противоречии. В энциклопедическом обзоре психологических трактовок духовности (Леонтьев, 2009, с. 217–218) видно, насколько они различны в «понимающей» психологии В. Дильтея и Э. Шпрангера, в аналитической психологии К.-Г. Юнга, в гуманистической психологии А. Маслоу, в психосинтезе Р. Ассаджоли, в логотерапии В. Франкла. У современных авторов можно отметить усиление когнитивного аспекта в понимании духовности (Эммонс, 2004; Шадриков, 2009; и др.). Понятно, что при таком разбросе мнений сложно выбрать стратегическую линию развития духовности, опираясь на все эти концепции одновременно.
5. Общее свойство всех значимых интерпретаций духовности в гуманитарных науках состоит в том, что они рассматривают духовность как результат влияния на человека культуры, социума и природы. Совершенно не учитываются возможности реального взаимодействия человека с Богом, с духовным сверхчувственным миром, что является основой христианского подхода, подтвержденного двухтысячелетним опытом Церкви и личной жизнью миллионов людей. Эти расхождения и неопределенность в столь важном понятии должны быть зафиксированы и осознаны как важная проблема, для решения которой требуется диалог и дискуссия между всеми заинтересованными участниками данного процесса. Попытка проигнорировать эту проблему, обойдясь интуитивными, субъективными, неразработанными представлениями о духовности, по нашему глубокому убеждению, приведет лишь к бесплодным разговорам или появлению очередных симулякров духовности без реального преображения конкретных людей и общества.

Впрочем, надо отметить, что в России в профессиональном сообществе психологов уже есть достаточно много известных ученых,

для которых понятия «Бог», «духовный мир», «душа», «нравственность» — это не надуманные понятия, не сублимация сексуальных влечений, не проявление неврозов, не дань традиции, не историческое влияние общества, а принципиально важные онтологические категории, с учетом которых кристаллизуется новое направление — христианская нравственная психология (Б. С. Братусь, В. И. Слободчиков, Ф. Е. Василюк, А. А. Гостев, М. И. Воловикова, Т. В. Галкина, Л. Ф. Шеховцова, М. Я. Дворецкая, А. В. Шувалов, Ю. М. Зенько и др.). Во многих современных психологических исследованиях убедительно показано, что психологическое здоровье тесно связано с духовно-нравственной жизнью людей (А. Л. Журавлев, А. В. Юревич, М. И. Воловикова, И. В. Дубровина, Г. С. Никифоров, В. И. Слободчиков, и др.). Сознательное целенаправленное развитие подлинной духовности имеет фундаментальное значение для полноценной жизни общества (Психологическое здоровье, 2014).

Перспективы в развитии духовности

После изучения различных концептов духовности неизбежно возникает вопрос, возможно ли сотрудничество представителей столь разных воззрений? Несомненно, содержательная дистанция между религиозным и безрелигиозным подходом довольно большая. Христианская концепция духовности исходит из опыта реального общения людей с Богом, подтверждена неисчислимой массой примеров нравственного преображения людей, многочисленными примерами святости, которая недостижима без действительного единения с Богом¹.

В большинстве же светских концепций духовности Бог и мистический опыт общения с Ним рассматривается не в собственном, а в переносном смысле, как проявление особых психических процессов. Реальность Бога и духовного мира оставляется за скобками. Порой предпринимаются попытки заимствовать из христианства только нравственное учение, но игнорируется необходимость лич-

1 Даже в пределах одного православного прихода, где мне приходится совершать служение священника, можно привести ряд живых примеров и даже познакомить желающих с людьми, которые, следуя принципам православной духовности, смогли подняться из бездны пьянства, наркомании, прелюбодеяния, изменились сами и изменили к лучшему жизнь в своих семьях, реабилитировались после тюремного заключения, преодолели тяжелые психологические последствия участия в военных конфликтах и т. д.

ного сознательного общения с Богом. Не учитывается, что подобные эксперименты в истории уже производились, причем безрезультатно (толстовство, моральный кодекс строителя коммунизма и т. д.).

Возможность опытного познания и проверки на себе христианского учения о духовности открыта для каждого человека. Если на первом этапе для ее реализации необходима вера, то вскоре она превращается в глубочайший духовный опыт и знание, как это было в жизни святителя Николая Сербского (Велемировича). В фашистском концлагере Дахау, где он был узником, состоялся такой разговор (1944): «Однажды молодой немецкий офицер, видя необыкновенный ум и образованность владыки Николая, решил заговорить с ним всерьез: „Неужели вы и вправду верите в Бога?“ — „Нет, не верю“, — ответил епископ. „Как я рад встретить культурного человека. Когда я был ребенком, я верил, потому что меня так учили, а сейчас совсем не верю“. — „Со мной было по-другому, — пояснил владыка, — когда я был ребенком, я верил, а сейчас мне и верить незачем, потому что я знаю, что Бог есть. Через искушение моя вера стала знанием. Теперь я точно знаю, что Бог существует“» (Николай Сербский, 2005, с. 44).

Если вернуться к проблеме взаимодействия, то при наличии указанных выше расхождений, можно выделить следующие *условия и возможности для конструктивного сотрудничества* представителей христианского и светского понимания духовности:

1. Взаимопонимание возможно, если все участники диалога четко осознают то общее, что есть в различных концепциях духовности и в чем они расходятся. С одной стороны, для такого диалога требуется огромное терпение и взаимное уважение, но, с другой стороны, избыточная дипломатичность или политкорректность в формулировках может породить иллюзию понимания, которая быстро разрушится при соприкосновении с реальностью. Подобный диалог возможен, только если все участники заинтересованы в общем конечном результате и не обременены личными амбициями.
2. Несомненно, что во всех концептуальных подходах есть представление о нравственном состоянии человека, формирование которого является важным для всех участников диалога. Развитие нравственной сферы в жизни людей является общей платформой для всех приемлемых подходов к духовности и сферой для конструктивного сотрудничества. Любая концепция духовности вне нравственности, по нашему твердому убеждению, должна быть

исключена из рассмотрения, ибо это или нереальное представление, или пример демонической духовности.

3. Человек естественно стремится к совершенству, но пока еще им не обладает. Идея совершенствования человека является универсальной, значимой и может стать еще одной точкой приложения совместных усилий в развитии духовности. Важно, что на этом пути к совершенству человек не может опираться только на самого себя, он не самодостаточен. Ему необходим окружающий мир, необходимы близкие люди и, чтобы превзойти самого себя, ему нужен Тот, Кто неизмеримо больше его самого.

Послесловие

Однажды у известного духовника Троице-Сергиевой Лавры архимандрита Кирилла (Павлова) спросили, как развивать духовность в детях и молодежи. Он ответил: «Помогите им отличить добро от зла и научите их следовать добру, а не злу». — «А как же вера в Бога, молитвы, таинства Церкви?», — продолжили вопрошающие. Отец Кирилл ответил: «Если человек искренне и сознательно будет стремиться к добру, то все остальное последует естественно и неизбежно».

Литература

- Библия. М.: Издание Московской Патриархии, 1990.
- БСЭ. Т. 8. Ч. 3. URL: <http://bse.uaio.ru/BSE/0803.htm#b6> (дата обращения: 12.12.2017).
- Василий Великий*. Беседы на псалмы. Беседа на псалом 48. Творения: В 2 т. Т. I. М.: Сибирская благовонница, 2008.
- Григорий Богослов*. Стихотворения догматические. О душе. Творения: В 2 т. Т. II. М.: Сибирская благовонница, 2007.
- Дворецкий И. Х.* Древнегреческо-русский словарь. Т. II / Под ред. С. И. Соболевского. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958.
- Иоанн Дамаскин*. Источник знания. Точное изложение Православной веры / Пер. и ком. Д. Афиногенова, А. Бронзова, А. Сагарды, Н. Сагарды. М.: Индрик, 2002.
- Исаак Сирий*. Слова подвижнические. Слово 82. М.: Правило веры, 1993.
- Леонов В.* Основы православной антропологии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Московской Патриархии Русской православной церкви, 2016.

- Леонтьев Д. А.* Духовность // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Сост. и общ. ред. И. Т. Касавин. М.: Канон+—РО-ОИ «Реабилитация», 2009.
- Лосский В. Н.* Богословское понятие человеческой личности // По образу и подобию. М., 1995.
- Никита Стифат.* Третья умозрительная сотница глав // Добротолюбие. Т. 5. М.: Паломник, 1998.
- Никодим Святогорец.* О хранении чувств, ума и сердца. М.: Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2000.
- Николай Сербский (Велимирович).* Творения. Библейские темы / Пер. С. Фонова. М.: Паломник, 2005.
- Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Т. В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I (А–Д) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986.
- Шадриков В. Д.* От индивида к индивидуальности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Эммонс Р.* Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности / Пер. с англ. А. В. Лызлова. Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004.
- Этимологический словарь русского языка. Т. I. Вып. 5 (Д, Е, Ж) / Под ред. Н. М. Шиманского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973.

Роль совести в ценностном выборе личности

М. Ю. Колпакова

Проблема ценностного выбора является одной из наиболее значимых в психологии, поскольку ориентация в ценностях и их выбор лежит в основе самоопределения личности. В то же время это одна из наименее изученных проблем, не в последнюю очередь вследствие сложности изучения процесса ценностного выбора (Братусь, 1997).

Ценностное самоопределение предполагает активность человека по оценке своих ценностей и осуществление на основе этой оценки ценностного выбора, ключевым моментом которого является принятие решения. Верный, подлинный ценностный выбор, по определению, означает выбор того, что реально важно, значимо, ценно для человека. Главным критерием подлинности или неподлинности ценностного выбора является, на наш взгляд, его направленность: совершается он в направлении объективных глубинных ценностей человека, в направлении его совести или против совести. В статье мы обращаемся к опыту жизни по совести и против совести, осмысленному в отечественной классической литературе. «Русская литература — это великая книга о совести. Основываясь на правде жизни, она в разных произведениях, принадлежащих разным авторам, повествует о действии нравственного закона в мире. И это захватывающий рассказ, вызывающий интерес людей, принадлежащих к разным народам и культурам. Потому что совесть дана всем, вне зависимости от культурных рамок. Однако именно в русской литературе законы ее действия часто находятся в центре всего повествования» (Воловикова, Мустафина, 2016, с. 34).

Совесть нередко понимают как продукт интериоризации моральных норм (Gruzes et al., 2000; Lepper, 1993; Sears, Maccoby, Levin, 1957), что, на наш взгляд, не совсем оправданно. Понятия морали и нравственности различаются в этике: моральные нормы в отли-

чие от нравственных отражают общественно-исторические, переходящие ценности. Нравственность связывают с универсальными, общечеловеческими ценностями, ее принципы безусловны и всеобщы (Арсеньев, 2001; Франк, 1997). Об онтологизме нравственности писал С.Л. Рубинштейн (2002). Совесть связана с непреходящими нравственными ценностями.

В психологическом понимании совести можно выделить, по крайней мере, две традиции. В русле одной традиции (Фрейд, 2007; Перлз, 1995) совесть рассматривается как невротическое образование, препятствующее развитию личности. В соответствии с другой совесть понимается как феномен, способствующий личностному развитию человека. В рамках последней традиции можно выделить несколько различных направлений: социокультурное, антропоцентрическое и теистическое. Для социокультурных подходов характерно рассмотрение совести как продукта интериоризации универсальных нравственных нормативов, правил, представлений; для антропоцентрических — представление о совести как о голосе подлинного внутреннего природного «Я»; для теистических — понимание совести как проявления духовной природы человека.

В рамках социокультурного направления, в свою очередь, выделяются несколько подходов: в одном акцентируется когнитивное развитие, приобретение когнитивных представлений о моральных нормах как основание совести. Начало этой традиции было положено Ж. Пиаже, Л. Кольбергом и продолжается социально-когнитивными исследователями Е. Туриел, Д. Сметаны и др. В другом направлении (Н. Эйзенберг, М. Хоффман, Г. Коханьска) подчеркивается роль позитивных эмоций в развитии совести; совесть понимается как интегративный феномен, в котором выделяют эмоциональные, когнитивные и поведенческие аспекты (Eisenberg, Fabes, 1998; Eisenberg et al., 2006; Hoffman, 1970a, b; Kochanska et al., 2005).

Антропоцентрический подход развивается психологами неофрейдистского и экзистенциально-гуманистического направлений, признающими наличие внутреннего природного «Я» как носителя подлинных позитивных желаний, стремлений. В подходах К. Хорни, Э. Фромма и др. разделяются самообвинения (проявления авторитарной совести) и здоровая совесть, защищающая интересы нашего подлинного «Я» (Фромм, 2012; Хорни, 2000). Угрызения совести, по мнению К. Хорни, — реакция нашего подлинного «Я» на функционирование всей нашей личности. «Самообвинения же вырастают из невротической гордости и отражают недовольство гордого Я несоответствием человека его требованиям» (Хорни, 2000, с. 121).

По словам К. Хорни, переживая угрызения совести, человек пытается смотреть на неверно сделанный выбор, неверный поступок, неверное отношение, не преувеличивая и не уменьшая его, старается найти, что ответственно за это в нем самом, и работать над его действительным преодолением. Самообвинение выносит осуждающий вердикт, заключая, что вся личность нехорошая, и останавливается на этом моменте, с которого могло бы начаться позитивное движение.

Теистическое понимание совести, основанное на христианском понимании человека, характерно для отечественной духовной психологии. В традиции отечественной психологии совесть понимается как внутренне присущая человеку. И. А. Ильин отмечает, что совесть — «живая и цельная воля к совершенному» (Ильин, 1998, с. 181). Повеление совести, по словам С.Л. Франка, «не вторгается в нашу душевную жизнь помимо ее личного центра, а проходит именно через глубочайший ее центр в лице „я“... глубина моего я в нем соучаствует и служит его органом и вестником» (Франк, 1997, с. 281). Совесть, по выражению С. Н. Булгакова, исходящий от «Источника светов» внутренний свет, в котором совершается различение добра и зла в человеке. «В совести своей, необманной и нелицеприятной, столь загадочно свободной от естественного человеческого себялюбия, человек ощущает, что некто со-весть соведает вместе с ним его дела, творит суд свой, всегда его видит» (Булгаков, 1994, с. 45). Е. Н. Трубецкой писал, что человеку присуща со-весть как весть о безусловном, совесть — суд истины обо всем переживаемом и о должном в действиях человека (Трубецкой, 1994, с. 134).

В современной отечественной психологии такое понимание характерно для работ Т. А. Флоренской, понимающей совесть как связанную с непреходящими духовно-нравственными ценностями. Совесть, совестные переживания являются характерны для человека, они открываются в собственном опыте, в том числе и в атеистических культурах (Флоренская, 2006). В работах Т. А. Флоренской показано обнаружение подростками совестных переживаний, «открытие» ими совести, прослежена возрастная динамика ее развития (Флоренская, 1987, 2006). Наряду с открытием «Я» в старшем подростковом возрасте происходит осознание совести как «второго Я». Раскрывая содержание этого понятия, подростки исходят из своего внутреннего опыта, они «не проходили», что такое совесть, но они знают о ней; причем, они говорят не только о терзаниях и муках совести. По их словам, совесть — «второе Я» человека, обязательное у всех, «лучшее Я», «совесть, вторая душа, обладающая только хорошими качествами этого человека». Аргументом против распространено-

го мнения о совести как результате усвоенных норм и требований взрослых, является описанный Т. А. Флоренской феномен обнаружения «второго Я» подростками, весьма негативно относящимися к моральным требованиям взрослых, склонными к «автономной» подростковой морали. В основании нарушений ценностного выбора лежит глубинный конфликт человека с совестью, с «духовным Я» (Флоренская, 1991, 2006; Колпакова, 1999, 2013).

При наличии внутреннего конфликта с совестью можно выделить различные варианты структуры ценностной сферы, затрудняющие ценностный выбор.

1. «Реальные ценности» (в соответствии с которыми человек действует) согласованы с рефлексивными ценностными представлениями человека, но противоречат его глубинным ценностям, т. е. сформированы «личностные ценности» (как осознанные реальные ценности), которые противоречат глубинным ценностям человека. В таком случае человек отвергает собственные глубинные ценности, собственную совесть, принимает решение о желательности и приемлемости для себя иных ценностей, выстраивает свою жизнь в соответствии со своими рефлексивными ценностными представлениями и в противоречии с собственными глубинными ценностями. Не только несогласование, но и согласование рефлексивных ценностных представлений и реальных ценностей может быть результатом нарушения ценностного выбора.

Степень структурированности системы личностных ценностей в таком случае может быть различна.

Подлинному, верному ценностному выбору (т. е. выбору реально важного, ценного для человека) препятствует неструктурированная, несогласованная, противоречивая ценностная система. Действительно, в таком случае человеку ценно многое, ценности противоречат друг другу, отсутствует ценностная иерархия и человеку трудно понять, осмыслить, что же для него реально важно и ценно. Нередко выбирая ценности, не очень значимые для себя, принимая решение об их реализации и действуя в соответствии с такими ценностями, он воспринимает свой выбор как субъективно верный, правильный. Однако и высоко структурированная, согласованная ценностная система может послужить причиной неверного, неподлинного выбора, при котором человек выбирает, пользуясь словами П. Тиллиха, нечто меньшее, чем потенциальное подлинное бытие.

На пути вытеснения совести человек нередко выстраивает все более и более согласованную ценностно-смысловую сферу, т. е. становится все более и более одержим страстью. Обратившись к психоло-

гическому опыту жизни, осмысленному в произведениях классиков отечественной и зарубежной литературы, обнаружим многочисленные примеры нарушения ценностного выбора при высокоструктурированной ценностной системе (например, Швабрин в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» или «мертвые души» у Н. В. Гоголя).

При этом человек может как разворачивать весьма обоснованную и разветвленную аргументацию собственного выбора, так и не разворачивать субъективную аргументацию выбора. Выбор может осуществляться как в направлении нового, доселе неизведанного (например, герои романов Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Бесы» — Раскольников, Кириллов), так и в пользу привычного, знакомого, устойчивого (например, Обломов в романе И. А. Гончарова). Ценностная сфера в этих случаях структурирована, доминирует одна страсть, которой человек охвачен, предмет этой страсти стал для человека высшей ценностью.

2. Реальные ценности противоречат глубинным ценностям человека, рефлексивные ценностные представления также расходятся с глубинными ценностями человека, с его совестью, но согласуются с некими псевдодуховными ценностями человека. Реальные ценности согласованы с рефлексивными ценностными представлениями. Человек действует в согласии со своими рефлексивными ценностными представлениями и псевдодуховными ценностями. Он поступает не в согласии с совестью, а полагает, что именно ей и следует. В отличие от первого случая человек не сознает, что идет против духовного, полагая, что исходит в своих поступках как раз из высших ценностей и принципов (например, Иудушка Головлев в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» и Фома Опискин в повести Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели»).

Помимо внутреннего конфликта, может быть внутреннее противоречие с совестью, «духовным Я» (Т. А. Флоренская). При внутреннем противоречии с совестью человек, выстраивая ценностную систему, осознает, что идет против своих глубинных ценностей. Он слышит голос совести, но не прислушивается к нему, вытесняет его, борется с ним, считая его своей слабостью. У человека есть предсознательное, неосознанное знание о внутреннем конфликте, «раздвоенности». Ценности, в соответствии с которыми он планирует действовать, не совсем верно называть его реальными ценностями, они еще не являются таковыми. Самим актом своего поступка человек стремится сделать их таковыми, хотя какой-то частью сознания

понимает, что разрушает при этом себя. («Я себя убил» – признается Раскольников после совершенного им убийства старухи-процентщицы). Принятие бессовестной мысли, возникновение намерения против совести приводит к невозможности свободного ценностного выбора. Человек становится пассивным объектом своей ценностной системы, «как будто кто-то взял его за руку и потянул за собой, неотразимо, слепо с неестественной силой, без возражений. Точно он попал клочком одежды в колесо машины и его начало в него затягивать» (Достоевский, 1989, с. 57). Но предшествует этому все же согласие с мыслью, еще вчера казавшейся нелепой.

Так, рефлексивные ценностные представления Родиона Раскольникова не согласованы с реальными ценностями, и он отдает себе отчет, что ценности, в соответствии с которыми он стремится действовать, не так для него важны, значимы. Но он хочет доказать себе, что это его ценности. Активно выстраивая систему личностных ценностей, он совершает поступок, который следует из его рефлексивных ценностных представлений и должен свидетельствовать о том, что они стали его реальными ценностями. Само согласование рефлексивных ценностных представлений и реальных ценностей, как отмечалось, может быть патогенно, это зависит от содержания тех и других. В случае противоречия между рефлексивными ценностными представлениями и совестью человек, стремясь реализовать их в жизни, поступая против совести, формирует ценностную структуру первого или второго типа. В зависимости от того, отдает он себе отчет в действии против совести или, выстраивая систему психологических защит, полагает псевдодуховные ценности духовными, подлинными.

Человек, отвергая свои глубинные ценности, выстраивает систему ценностей, в которой совести нет места. В рассмотренных вариантах ценностных систем ценностный выбор затруднен, активного определения, выявления значимых для человека глубинных ценностей не происходит, он является скорее объектом своей ценностной системы, движется в заданной ею плоскости.

Одним из психологических механизмов, действующих при конфликте и противоречии с духовным Я и определяющих ценностный выбор человека, являются неконструктивные стратегии переживания: избегающая, колеблющаяся, рассудочная и аффективная.

При избегающей стратегии человек отрицает наличие внутреннего конфликта. Система психологических защит обеспечивает соответствующее видение себя, ситуации, мира и позволяет избегать осознания внутреннего конфликта. При ослаблении системы психологических защит и начинающемся осознании конфликта реали-

зуется рассудочная стратегия переживания.

Рассудочная стратегия – стратегия самооправдания и легитимации выбора против совести. Совершая выбор против духовного Я, человек самооправдывается, выстраивает рациональную систему аргументации, почему он должен совершить именно такой выбор и/или не может совершить иной.

Колеблющаяся стратегия наблюдается при противоречии между наличным и духовным. Наличие такого противоречия приводит к постоянным колебаниям, человек не может остановиться ни на одном решении («внутри развалины: что хочу, что не хочу, не понимаю»). Мучительные постоянные колебания приводят либо к возрастанию психической напряженности и аффективной стратегии (действию под влиянием аффекта), либо стратегия переживания трансформируется в рассудочную и избегающую.

Для осуществления активного ценностного выбора необходимо разрешение внутреннего конфликта с духовным Я, которое начинается с прислушивания к голосу совести и ведет к оценке происходящего в ее свете; с обнаружения разрыва между своими реальными ценностями, ценностными представлениями и своими духовными ценностями; с обнаружения разрыва между тем, что человек считает нужным выбрать и что выбирает, и тем, что для него реально важно и значимо. О таком промахе мимо ценного для человека свидетельствует его совесть («муки совести»). В таком случае человек признает, что делает неверный выбор: «Совесть очень мучала, да и сейчас мучает», «не то выбираю, внутренний голос говорит другое», «грех беру на душу», «замучает совесть», «проклятье на всю жизнь». Совесть человека дает понять, что он выбирает не то, что для него ценно. Если человек слышит этот голос и принимает его, то его ценностные представления о том, что ему важно, начинают меняться в направлении духовных ценностей, в соответствии с которыми он осуществляет новый выбор.

Но если человек не слышит голоса совести, то о неверном выборе начинает свидетельствовать его душевное состояние: скука, тоска, подавленность – «камень на душе», «внутри развалины: что хочу, что не хочу, не понимаю», «ощущение внутренней пустоты, как будто все умерло кругом», «нечто позорное и низкое». Если он отдает себе отчет в своем «адском» состоянии как следствии своего выбора, то появляется возможность изменения.

Такой душевный переворот, произошедший с молодым человеком, ставшим впоследствии старцем Зосимой, описан Ф. М. Достоевским в романе «Братья Карамазовы».

Предыстория такова. Основной ценностью для молодого человека была жизнь в свое удовольствие, в соответствии с которой он и выстраивал собственную жизнь. Он приобрел некий лоск, но вместе с тем «преобразился в существо почти дикое, жестокое и нелепое»: «солдат почитали за скотов», «пьянством, дебоширством, ухарством чуть не гордились», «жили в свое удовольствие со всем юным стремлением». В данном сформирована описанная выше ценностная структура, в которой реальные ценности и рефлексивные ценностные представления согласованы между собой и находятся в конфликте с духовными ценностями человека, т. е. сформированы «личностные ценности» (как осознанные реальные ценности), которые противоречат глубинным ценностям человека.

Этот молодой человек почувствовал привязанность к одной прекрасной девице, однако предложение не сделал, не желая расстаться с соблазнами вольной жизни, отложив решительный шаг. Возвратившись из командировки, он был поражен известием, что девушка, к которой он чувствовал привязанность, вышла замуж. Уязвлен он главным образом подозрением в том, что все, кроме него, знали о предстоящей свадьбе, а он, не зная, оказывал ей знаки внимания. Это показалось ему унижительным, и он «почувствовал вдруг злобу нестерпимую» (Достоевский, 1972, с. 344). Реализуется рассудочная стратегия переживания, появляются обоснования возникшего злобного состояния. Тут же появились воспоминания, как много раз он почти выказывал ей любовь свою, а она не останавливала, стало быть, смеялась. Свои воспоминания он потом оценит как ложные, припомнив, что «нисколько она не смеялась, напротив, разговоры такие шуточно прерывала». Но в его состоянии злобы эти ложные воспоминания воспринимаются им как непреложная правда. Обида усиливается, появляются гнев, желание отмщения, они становятся ценностями, определяющими дальнейшее поведение героя. Гнев и стремление отмщения были ему тяжелы и противны, но разворачивающееся переживание в рамках рассудочной стратегии приводит к оправданию и искусственному разжиганию им гнева и стремления отмщения. Результатом такого оправдания является их усиление, они все более и более определяют его состояние, и герой становится «безобразен и нелеп». Выждав случай, он ловко оскорбляет соперника и вызывает его на дуэль, после чего возвращается домой «свирепый и безобразный». Рассердившись на денщика, молодой человек со зверскою жестокостью бьет его... и ложится спать.

Нарушение внутреннего диалога, развитие внутриличностного конфликта и формирование личной ценности — мщение за обиду

и унижение — описаны Ф. М. Достоевским точно и детально: возникло подозрение — переживание унижения — появилась обида — последовала злоба, реализуется рассудочная стратегия переживания, оправдывающая возникающие негативные состояния и стремления — возникают ложные воспоминания, подтверждающие подозрения, формируется определенная картина происходящего — происходит усиление обиды и злобы — появляется гнев — возникло желание мщения, которое становится ценностью, формируется рефлексивное ценностное представление о том, что мщение это важно, необходимо и должно быть реализовано — последовало разжигание гнева и злобы как оправданных и законных. Так человек оправдывает и поддерживает свое страстное состояние и ценность мщения, которыми определяется все его последующее поведение: вызов на дуэль, злоба и зверское избиение денщика. При развитии внутриличностного конфликта между наличным и духовным Я работа переживания направлена на вытеснение духовного и на самооправдание. Результатом работы переживания в таких случаях является формирование личностных ценностей, противоположных глубинным духовным ценностям человека, и оформление соответствующей ценностной позиции. Человек выстраивает определенный ценностный мир, настраивает себя на определенный поступок, приводит себя в состояние готовности к совершению поступка. Казалось бы, человек совершенно пленен сформировавшейся страстью. Но события развиваются иначе.

Проснувшись перед дуэлью, молодой человек увидел: «Восходит солнышко, тепло, прекрасно, зазвенели птички» — и почувствовал в своей душе «как бы нечто позорное и низкое». Герой увидел красоту и гармонию мира, почувствовал абсолютную реальность этой красоты жизни и ощутил свою отчужденность от нее, ощутил разрыв между ценностями, в соответствии с которыми поступал, и своими духовными ценностями.

Этот разрыв, это ощущение позорного и низкого можно было принять как должное, разжигал же герой ранее собственный гнев, но он начинает искать причины этого ощущения. «*Не от того ли, что кровь иду проливать? Нет, думаю, как будто и не оттого. Не оттого ли, что смерти боюсь, боюсь быть убитым? Нет, совсем не то, совсем даже не то...*» (Достоевский, 1972, с. 345). С этого произволения сердца, не согласившегося с таким своим состоянием, не принявшего его, начинается душевный переворот героя. «*И вдруг сейчас догадался, в чем было дело: в том, что я с вечера избил Афанасия*» (там же, с. 345). Герой теперь не оправдывал себя, как делал это ранее,

а ужасается: «Словно игла острая прошла мне душу насквозь» (там же, с. 346). Как ранее вслед за чувством дикой злобы возникли ложные воспоминания, ее поддерживающие, так и сейчас, вслед за «иглой совести», пронзившей позорное и низкое в душе героя, возникают воспоминания. Герой вспоминает брата, его слова: «Милые мои, дорогие, за что вы мне служите, за что меня любите, да и стою ли я, чтобы служить-то мне?». Вслед за обнаружением ближайшей неправды своего поведения, он обнаруживает ложность всей своей правды, уже выстроенной и закрепленной в сознании, всей своей выстроенной ценностной системы. Ценностные представления о том, что ему важно, начинают меняться в направлении духовных ценностей. Развивается чуткость к совести, и молодой человек оказывается способен посмотреть на ситуацию другими глазами, по-иному понять происходящее. *«И представилась мне вдруг вся правда, во всем просвещении своем: что я иду делать? Иду убивать человека доброго, безвинного, благородного, ни в чем предо мною не повинного»* (Достоевский, 1972, с. 346). Он осознал неподлинность, ложность своего стремления, казавшегося ему справедливым и непреложным, ложность ценности отщепености, гнева. Обнаружил разрыв между тем, что он считал нужным выбрать и выбрал, и тем, что ему реально важно и значимо.

Разрешение внутреннего конфликта при первом варианте ценностной структуры (реальные ценности согласованы с ценностными представлениями, но и те и другие не согласованы с духовными ценностями) включает в себя этап рассогласования между представлениями о собственных ценностях и реальными ценностями, т. е. человек обнаруживает, что для него более важны ценности, отличные от тех, в согласии с которыми он действовал и действует. В свете обнаруженных глубинных ценностей происходит переоценка прежних. С рассогласования между прежними реальными ценностями и представлениями о своих ценностях может начаться изменение смысловой сферы, переосмысление прежних ценностей, убеждений, взглядов, человек отвергает ранее принятые ценности и выстраивает свою жизнь в согласии с иными ценностями.

При втором типе ценностной структуры реальные ценности согласованы с рефлексивными представлениями и противоречат духовным ценностям человека, его совести, рефлексивные ценностные представления также расходятся с глубинными ценностями человека, с его совестью, но согласуются с некими псевдодуховными ценностями. Необходимым этапом разрешения конфликта является обнаружение разрыва между рефлексивными ценностными

представлениями и подлинными духовными ценностями и наличие рассогласования между представлениями о собственных ценностях и реальными ценностями, т. е. обнаружение, что полагаемое человеком ценным не столь важно, ценно/совсем неважно для него.

Таким образом, при разрешении внутреннего конфликта с духовным Я неизбежен этап рассогласования между рефлексивными ценностными представлениями и реальными ценностями. Человек обнаруживает, что ему ценно не то, что он полагал ценным, его рефлексивные ценностные представления пошатнулись, а реальные ценности еще остались прежними. В таком случае структура ценностей приобретает следующую форму: реальные ценности человека не согласованы с его духовными ценностями и рефлексивными ценностными представлениями, рефлексивные ценностные представления согласованы с духовными ценностями.

Следующим этапом разрешения конфликта будет согласование реальных ценностей с рефлексивными ценностными представлениями, преодоление разрыва между реальными ценностями и духовными ценностями человека, построение системы личных ценностей, согласованных с духовными ценностями человека, однако такое преодоление не разворачивается автоматически.

Обнаружение голоса «духовного Я», голоса совести, и обнаружение в этом свете рассогласования между подлинными глубинными ценностями и своими действиями, решениями, согласованными со своими представлениями о ценностях, о том, что реально важно и нужно, — необходимый этап ценностного выбора, но он не приводит автоматически к изменению ценностно-смысловых ориентиров, разрешению конфликта с духовным и осуществлению подлинного выбора.

В случае неподлинного ценностного выбора наличествует множество властных детерминант такого выбора, а никаких безусловных детерминант подлинного ценностного выбора нет, каждый раз это свободный выбор человека. Обнаружение совести, обнаружение глубинных ценностей как основания оценки и выбора своих ценностей создает возможность свободного выбора, и далее свободный выбор, каким он будет, зависит от произволения человека.

Выводы

При нарушении внутреннего диалога механизмами реализации ценностного выбора личности являются неконструктивные стратегии переживания. Результатом работы переживания в таких случаях ста-

новится формирование личностных ценностей, противоположных глубинным духовным ценностям человека.

Выделены два типа структуры ценностной сферы личности, формирующиеся при наличии внутреннего конфликта с совестью.

Для осуществления активного ценностного выбора необходимо разрешение внутреннего конфликта с духовным Я, которое начинается с прислушивания к голосу совести и ведет к оценке происходящего в ее свете.

При разрешении внутреннего конфликта с духовным Я неизбежен этап рассогласования между рефлексивными ценностными представлениями и реальными ценностями, предшествующий этапу согласования реальных ценностей с рефлексивными ценностными представлениями и построения системы личных ценностей, согласованных с духовными ценностями человека.

Литература

- Арсеньев А. С. *Философские основания понимания личности: учебное пособие*. М.: Академия, 2001. С. 253–254.
- Братусь Б. С. К проблеме человека в психологии // *Вопросы психологии*. 1997. № 5. С. 3–19.
- Булгаков С. Н. *Свет невечерний: Созерцания и умозрения*. М.: Республика, 1994.
- Воловикова М. И., Мустафина Л. Ш. *Представления о совести в российском менталитете*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Достоевский Ф. М. *Преступление и наказание*. Собр. соч. В 15 т. Ленинград: Наука, 1989. Т. 5.
- Достоевский Ф. М. *Братья Карамазовы*. Кишинев: Картя, 1972.
- Ильин И. А. *Путь к очевидности*. М.: Эксмо, 1998.
- Перлз Ф. *Внутри и снаружи помойного ведра*. СПб.: Петербург – XXI век, 1995.
- Трубецкой Е. Н. *Смысл жизни*. М.: Республика, 1994.
- Колпакова М. Ю. Роль диалога в выявлении и разрешении нравственного конфликта матерей, отказывающихся от новорожденного // *Психол. жур.* 1999. Т. 20. № 6. С. 81–88.
- Колпакова М. Ю. Диалогическое исследование ценностного выбора // *Психологические исследования нравственности* / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 113–136.
- Рубинштейн С. Л. *Основы общей психологии*. СПб.: Питер, 2002.
- Трубецкой С. *Учение о логосе*. М.: Мысль, 1994.

- Флоренская Т. А. Диалогические принципы в психологии // *Общение и диалог в практике обучения, воспитания и психологической консультации: Сб. науч. трудов* / Под ред. А. А. Бодалева. М.: Изд-во АПН СССР, 1987. С. 27–36.
- Флоренская Т. А. *Диалог в практической психологии*. М.: ИП АН СССР, 1991.
- Флоренская Т. А. *Мир дома твоего. Человек в решении жизненных проблем*. М.: Хронограф, 2006.
- Франк С. Л. *Реальность и человек*. М.: Республика, 1997.
- Фрейд З. *Я и Оно*. М.: Азбука-классика, 2007.
- Фромм Э. *Человек для себя*. М.: Астрель, 2012.
- Хорни К. *Невроз и личностный рост*. СПб.: БК, 2000.
- Eisenberg N., Fabes R. A. Prosocial development // *Handbook of child psychology*. V. 3. Social, emotional and personality development / W. Damon (series ed.), N. Eisenberg (vol. ed.). N. Y.: Wiley, 1998. P. 701–788.
- Eisenberg N., Spinrad T., Sadovsky A. Empathy-Related Responding in Children // *Handbook of moral development* / Eds M. Killen, J. Smetana. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, 2006. P. 517–550.
- Gruzes J. E., Goodnov J. J., Kuszynski L. New directions in analyses of parenting contributions to children's acquisition of values // *Child Development*. 2000. V. 71. P. 205–211.
- Hoffman M. L. Moral development // *Carmichael's handbook of child psychology* / Ed. P. H. Mussen. V. 2. N. Y.: Wiley, 1970a. P. 261–359.
- Hoffman M. L. Conscience, personality, and socialization techniques // *Human Development*. 1970b. V. 13. № 2. P. 90–126.
- Kochanska G., Forman D., Aksan N., Dunbar S. Pathway to conscience // *Journ. of Child Psychology and Psychiatry*. 2005. V. 46. № 1. P. 19–34.
- Lepper M. Social control processes, attributions of motivation and the internalization of social values // *Social cognition and social development: A sociocultural perspective* / Eds D. Ruble, W. Hartup. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1993. P. 294–330.
- Sears R. R., Maccoby E. E., Levin H. *Patterns of child rearing*. Evanston, IL: Row Peterson, 1957.
- Smetana J. G. Parenting and the development of social knowledge reconceptualized // *Parenting and children's internalization of values: A handbook of contemporary theory* / Eds J. E. Gruzes, L. Kuczynski. N. Y.: Wiley, 1997. P. 162–192.
- Turiel E. The development of morality // *Handbook of child psychology*. V. 3. Social, emotional and personality development / W. Damon (series ed.), N. Eisenberg (vol. ed.). N. Y.: Wiley, 1998. P. 863–932.

Духовно-нравственные искания гениальной личности (на примере изучения динамики идейных исканий в творчестве Н. В. Гоголя)

Е. Н. Холоднович

Ниже представлен пример применения контент-анализа в процедуре психолого-исторической реконструкции психологических характеристик исторической личности гения. Этот метод (подробнее см.: Соснин и др., 2014; Социальная психология, 2002; Хашенко и др., 2003; и др.) позволяет проследить динамику идейных исканий в творчестве Н. В. Гоголя на протяжении его жизнедеятельности. В качестве объектов контент-анализа выступают художественные произведения писателя различных периодов творчества. Процедура состоит из выделения категорий, соответствующих различным периодам творческой биографии писателя. Эти категории выделяются в результате библиографического, системного и текстового анализа работ, посвященных жизни, творчеству и личности Н. В. Гоголя, выполненного различными авторами: А. Белый, М. Я. Вайскопф, И. А. Виноградов, В. В. Гиппиус, А. Х. Гольденберг, Е. Е. Дмитриева, В. Зеньковский, П. А. Кулиш, Ю. В. Манн, К. В. Мочульский, Д. Н. Овсянко-Куликовский и др. Эти авторы выступают для нас в качестве авторитетных экспертов гоголеведения и достоверности выбранных категорий. Затем проводится непосредственно процедура контент-анализа, математическая обработка результатов и их психологическая интерпретация. Метод контент-анализа используется для подтверждения наличия *духовной составляющей* в сознании писателя как важный критерий его гениальности.

Различные исследователи жизни и творчества Н. В. Гоголя указывают на то, что изучение художественного творчества писателя, да и всей его жизни невозможно без отнесенности к тем идеям, которые он проповедовал в течение всей своей жизни. Динамика его художественных образов неразрывно с этим связана. И в этом смысле, наверное, Гоголь является одним из самых «искренних»

писателей своего времени. С помощью процедуры *психолого-исторической реконструкции* жизненного пути и творчества исторической личности гения (Кольцова, Холоднович, 2013) нами было выделено восемь периодов в биографии Н. В. Гоголя. Эти периоды, в свою очередь, обусловлены внутренними кризисами в жизни писателя. Если точнее выразиться, они являются как детерминантами, так и пусковыми механизмами для кристаллизации новых творческих и жизненных задач. Кризисы запускали механизм поиска новых средств к жизни, которые приводили к формированию новых идейных конструктов, становясь, в свою очередь, источниками новых художественных образов. Саморефлексия приводила к пересмотру ранее признанных идей и формированию новых или их переоценке, принятию их на новом уровне (подробнее о механизмах творчества см.: Галкина, Журавлев, 2016; Творчество..., 2011, 2015; и др.).

1809–1828 гг. Зарождение религиозного чувства, формирование предпосылок для дальнейшего развития в сознании Н. В. Гоголя идеи активного делания и пользы, морально-нравственных основ личности будущего писателя

Еще в юности Гоголь размышляет над предназначением человека и гражданина. В его письмах звучит настойчивое утверждение своего особого предназначения. Еще нет намек на литературную деятельность, но уже есть уверенность в том, что его место на государственной службе. Он должен приносить пользу и служить своему Отечеству. «Еще с самых времен прошлых, с самых лет почти непонимания, я пламенел неугасимую ревностью сделать жизнь свою нужною для блага государства, я кипел принести хоть малейшую пользу... Холодный пот проскакивал на лице моем при мысли, что, может быть, мне доведется погибнуть в пыли, не означив своего имени ни одним прекрасным делом», — пишет 18-летний Гоголь П. П. Косяровскому (Гоголь, т. 9, с. 21). Его религиозные представления складываются в этот период под влиянием родителей, особенно матери писателя. В этот период еще нет увлечения обрядовой стороной религии, но есть представление о Боге, о силе добра и зла. Именно мать писателя передает ему сознание греховности человеческой жизни и наказания за свои поступки. Тогда же в сознании Гоголя формируется мистическое восприятие жизни, имеющее глубокие корни в традициях малороссийской старины.

1829–1831 гг. Формирование у Н. В. Гоголя идеи «эстетического романтизма» (В. Зеньковский) под влиянием идей эстетического гуманизма и немецкого романтизма (Зеньковский, 1994)

В этот период продолжается увлечение Гоголя немецким романтизмом. Активное творчество, успех «Вечеров на хуторе близ Диканьки», восприятие Бога через призму мистических настроений, переход от малороссийских приданий, на которых он был воспитан, к другим источникам вдохновения. В этот период Гоголь сближается с образованным петербургским обществом. Именно тогда, по мнению М. Я. Вайскопфа, он активно знакомится с идеями платонизма, масонства, немецкой классической философии, немецкого романтизма и др., популярными в среде интеллектуалов первой половины XIX в. (Вайскопф, 2002). Они влекут за собой формирование в сознании Гоголя представлений о красоте, эстетическом влиянии искусства на человека. Как полагал В. Зеньковский, лучшие люди Александровской эпохи утратили веру в бога, но имели потребность жить идеалами. Это и есть источник их тяги к идеям эстетического гуманизма, немецкого романтизма. Основная идея «эстетического романтизма» Гоголя, состоит в том, что эстетическое воздействие само по себе *морально*. Мораль и эстетика неразрывно связаны, они не могут существовать в человеке порознь, красота и добро едины. Красота будит душу человека и таким образом делает его лучше, зовет к добру. Эта идея изначально заложена в программу сборника «Арабески», вышедшего в начале 1830-х годов.

1832–1835 гг. Расцвет идеи «эстетического романтизма» и ее воплощение в образах героев «Петербургских повестей». Крах эстетической утопии при постановке комедии «Ревизор»

Именно в этот период Гоголь воплощает в художественных образах свои представления об искусстве, красоте и эстетическом воздействии в целом. Но, постепенно опробуя их на своих героях («Невский проспект», «Портрет», «Шинель» и др.), писатель начинает осознавать, что искусство само по себе неморально, может быть, аморально. Окончательно его в этом убеждает постановка «Ревизора». Но в «Ревизоре» уже заложена морально-нравственная идея. Так, например, Вяч. Иванов понимал комедию как «религиозно-морализаторскую мистерию, цель которой — преображение, а основа — катарсис, исцеляющий на основе всенародного смеха и страха» (цит. по: Титаренко, 2011, с. 643). Именно в этот период намечается поворот к *морально-нравственной теме* в сознании Гоголя.

1836–1839 гг. Разочарование в возможности морального воздействия искусства. Поиск новых идейных основ для творчества. Возвращение к религиозности на межконфессиональном уровне

Крах мечтаний, социальных надежд в комедии «Ревизор» заставляет Гоголя обратиться к религиозным исканиям. Так, В. Зеньковский предполагает, что именно в 1836 г. писатель испытывает наряду с творческим всплеском и религиозное озарение, которое постепенно приводит его на путь христианства, основы которого были заложены еще в детском возрасте. Еще сильно влияние эстетическое. Писатель в Италии восхищается красотой ее природы, произведениями искусств. Хотя на первом месте остается творческий процесс — интенсивная работа над «Мертвыми душами», переработка ранее написанного, замысел написания истории Малороссии, вера в свой гений, Гоголь начинает задумываться и над *духовно-нравственными* и трансцендентными вопросами. Ю. В. Манн называет этот период «оформлением новой эстетики Гоголя, нового его представления о своей жизненной миссии и творческих задачах» (Манн, 2004, с. 350).

1840–1844 гг. Активная внутренняя работа, самовоспитание. «Религиозная весна» (по В. Зеньковскому). Приход к православию

Еще в 1837 г., откликаясь на смерть А. С. Пушкина, Н. В. Гоголь испытывает сильное потрясение и разочарование в жизни. Нечто подобное он переживает после смерти своего друга Иосифа Вильегорского в 1839 г. Сильнейший кризис разрешается истовой религиозностью. Ее он понимает как необходимое условие для творчества, да и жизни в целом. Именно в религии он находит ответы на мучающие его *противоречия морально-нравственного и духовного предназначения человека и художника*. Но Гоголь уверен, что, прежде всего, нужно начать с себя. Он погружается в глубокую рефлекссию. Поиск новых средств к жизни, в первую очередь, для себя, но также и для окружающих, — вот главный вопрос, который решает писатель. Его творчество принимает иной характер. Из простого анекдота из русской жизни «Мертвые души» постепенно превращаются в поэму, задача которой показать не только дурное в русском человеке, но и то прекрасное. Меняется его концепция искусства. Он уверен, что задача искусства — учить добру. А задача творца — *быть самому предельно нравственным* (непрерывное самосовершенствование, бескорыстное служение искусству — жизнь, подобная подвигу) и *ответственным* за свои произведения.

1845–1847 гг. Физическое умирание и медленное выздоровление. Возвращение к идее «активного делания». Мечта о построении современного ему общества на христианских началах. Создание «Выбранных мест из переписки с друзьями»

1845 г. знаменуется для Гоголя сильнейшим кризисом. Его физическое состояние резко ухудшается. Он готовится к смерти. И только дорога и, как ему кажется, Бог спасают его. Для писателя это еще один знак, подтверждающий его особое предназначение. Он все более уверен в своей избранности. Эта вера и отношение к нему его почитателей толкают Гоголя к мысли о необходимости донести до читателей опыты своей «душевной работы». Он выпускает в свет книгу «Выбранные места из переписки с друзьями», где представляет миру свои мысли о переустройстве современного ему русского общества на православных началах. На первое место в его сознании выходят понятия веры, смерти и долга. Причем исполнение каждого на своем месте положенного ему, возложенного на него Богом и государством, ответственность «делателя» становится одной из важнейших понятий в его доктрине. Вера же — непреложный атрибут жизни человека. В этот период трансформируется и его представление о страхе. Если на ранних этапах он имел мистический характер, то теперь это страх как ответственность христианина.

1848–1849 гг. Крах миссионерской идеи. Религиозный кризис. Отказ от творчества

«Выбранные места из переписки с друзьями» вызывают неоднозначную реакцию у публики. Большинство почитателей Гоголя ее не принимают и жестко критикуют. Гоголь тяжело переживает свою «публичную оплеуху» (Гоголь, 1994, т. 9, с. 423). Наряду с непониманием окружающих, он переживает религиозный кризис. «Мне казалось, что я удостоился уже милостей Божиих, что эти сладкие ощущения есть уже свидетельство, что я стал ближе к Небу. Теперь только дивлюсь своей гордости, дивлюсь тому, как Бог не поразил меня и не стер с лица земли... горю от стыда и не знаю, куда деваться от несметного множества не подозреваемых во мне прежде слабостей и пороков... Мне кажется даже, что во мне и веры нет вовсе...», — пишет он священнику о. Матфею Константиновскому в январе 1848 г. (Гоголь, 1994, т. 9, с. 426). Разочарование в себе как писателе, который не смог донести до читателя то серьезное, что происходило в его душе, во что он так сильно верил, приводит Гоголя к отказу от творчества.

Религиозный же кризис делает его жизнь почти невыносимой. У него возникают мысли уйти в монастырь. Для укрепления веры он отправляется в Иерусалим.

1850–1852 гг. Поиск новых путей искусства. Возвращение к творчеству. Воплощение в художественных образах христианских тенденций в построении современного общества

После посещения Иерусалима, мучительных раздумий Н. В. Гоголь возвращается на родину. Он решает для себя, что, прежде всего, он художник, но теперь его задача — не смех и сатира, а показ преображения человека. Гоголь не отказывается от своей доктрины, просто теперь он решает представить ее в художественном, а не публицистическом выражении. Именно этой идее подчинен второй том «Мертвых душ». Его письма полны серьезных размышлений о жизни. Он все более приходит к убеждению, что каждый человек несет ответственность перед Богом за свое дело. К этому времени окончательно складывается его представление о долге и ответственности каждого, о противоречивом значении красоты (как божьего замысла, так и великого искушения), о *морально-нравственной ответственности искусства* и, прежде всего, автора за свои творения, о необходимости увидеть человека в человеке и поддержать божественное начало в нем. Но, к сожалению, второй том «Мертвых душ» так и не вышел в свет, так как накануне смерти писатель сжигает уже почти готовое произведение.

Анализ эпистолярного наследия писателя, работ литературоведов, его целостной жизнедеятельности, духовной прозы, позволил нам выделить *важнейшие категории*, нашедшие отражение в сознании Н. В. Гоголя на протяжении его жизни: «Красота», «Смех», «Смерть», «Дорога», «Долг», «Бог», «Дьявол». Частота встречаемости этих категорий нами была прослежена в пространстве всей творческой деятельности Гоголя с целью выявления *динамики идей* в сознании автора. Для анализа нами были выбраны следующие произведения: «Страшная месть», «Портрет» — первая редакция, «Ревизор», «Мертвые души» — 1-й том, «Мертвые души» — 2-й том. Каждое произведение является важным в творчестве писателя. Так, «Страшная месть», как считал А. Белый, выражает наиболее ярко особенности стиля начального периода творчества писателя (Белый, 1934). Повесть «Портрет» предрекает в большей мере путь писателя как творца, и во многом отражает его эстетическую концепцию, окончательно сложившуюся к концу жизни. Комедия «Ревизор» и два тома «Мерт-

вых душ», несомненно, выступают как знаковые произведения Гоголя, в которые он вкладывает важнейшие идеи и смыслы. Выбранные произведения относятся к разным периодам творчества Гоголя (см. таблицу 1).

Результаты исследования

Для каждой категории были подобраны синонимы, посчитана частота встречаемости их в каждом произведении. Затем они были подвергнуты математической обработке с помощью одностороннего критерия Фишера с целью:

- сравнения встречаемости каждой категории со средним значением в каждом произведении;
- сравнение представленности каждой категории в различных произведениях Гоголя;
- выделение динамики от произведения к произведению в сознании автора.

При сравнении значимых категорий со средним значением в каждом произведении были выделены достоверные различия при $p < 0,05$.

В «Страшной мести» значительно чаще среднего встречается категория «Смерть» ($p=0,0001$) (см. рисунок 1).

В повести «Портрет» наиболее представлены категории «Красота» ($p=0,0015$) и «Смерть» ($p=0,01$) (см. рисунок 2).

В комедии «Ревизор» наибольшая встречаемость категории «Бог» ($p=0,0001$) (см. рисунок 3).

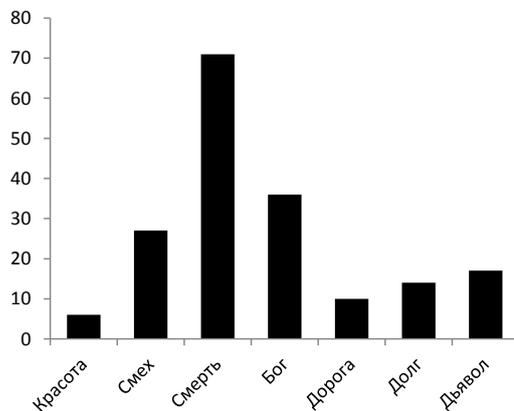

Рис. 1. Представленность категорий в повести «Страшная месьть»

Таблица 1

Категории, нашедшие отражение в сознании Н. В. Гоголя на протяжении его жизни и творчества

Категории	Синонимы	Страшная месьть	Портрет	Ревизор	Мертвые души, 1-й том	Мертвые души, 2-й том
Красота	Природа	0	12	2	9	14
	Искусство	0	0	0	6	16
	Женщина	1	3	6	6	0
	Прекрасное	0	10	6	15	13
	Великолепие	0	10	1	4	3
	Красота	5	6	0	40	24
Смех	Смех	6	0	4	20	30
	Веселье	16	1	0	12	0
	Сатира	0	0	1	0	4
	Горечь	0	0	0	2	0
	Хохот	0	0	0	1	0
	Усмешка	2	0	1	2	5
	Смеяться	3	1	2	4	6
	Суетность	0	3	2	1	2
	Потеха	1	0	0	0	1
Смерть	Смерть	6	0	6	8	32
	Умирание	5	3	3	20	38
	Боль	2	1	0	7	0
	Тоска	1	1	0	4	1
	Скука	0	2	3	31	3
	Страшный суд	1	0	1	15	3
	Страх	49	14	12	0	27
	Ужас	2	14	0	0	9
	Могила	5	1	0	1	3
Бог	Бог	13	0	19	52	51
	Правда	8	4	13	15	46
	Добро	9	3	5	39	35
	Любовь	1	2	7	6	5
	Христос	0	0	0	1	0
	Всевышний	0	0	0	0	0
	Господь	0	0	7	5	1
	Боже	5	7	26	10	15

Продолжение таблицы 1

Категории	Синонимы	Страшная мечь	Портрет	Ревизор	Мертвые души, 1-й том	Мертвые души, 2-й том
Дорога	Дорога	6	0	1	24	61
	Движение	0	8	3	11	34
	Здоровье	0	1	9	8	20
	Судьба	0	0	5	8	13
	Жизнь	3	12	19	64	72
	Путь	1	1	0	5	10
	Странствие	0	0	0	0	0
	Путешествие	0	0	0	3	7
Долг	Долг	0	3	1	59	3
	Польза	0	2	2	8	1
	Обязанность	0	0	0	4	10
	Призвание	0	2	0	0	0
	Делание, делать, деятельность	7	11	18	53	22
	Делатель	7	0	1	0	0
Дьявол	Дьявол	1	0	3	0	0
	Черт	4	4	38	25	44
	Нечистый	6	0	0	2	0
	Уныние	2	0	0	1	0
	Лукавый	2	0	2	0	3
	Бес	0	0	0	0	3
	Сатана	2	0	0	3	0
	Искушение	0	0	0	3	0

«Мертвые души», том 1-й – наиболее выражены две категории – «Бог» ($p=0,0001$) и «Дорога» ($p=0,0001$) (см. рисунок 4).

«Мертвые души», том 2-й – наиболее выражены три категории – «Бог» ($p=0,001$), «Долг» ($p=0,0025$) и «Дорога» ($p=0,0216$) (см. рисунок 5).

Полученные результаты можно интерпретировать следующим образом. «Смерти» уделяется наибольшее значение именно в первых произведениях писателя. «Вечера на хуторе близ Диканьки» основа-

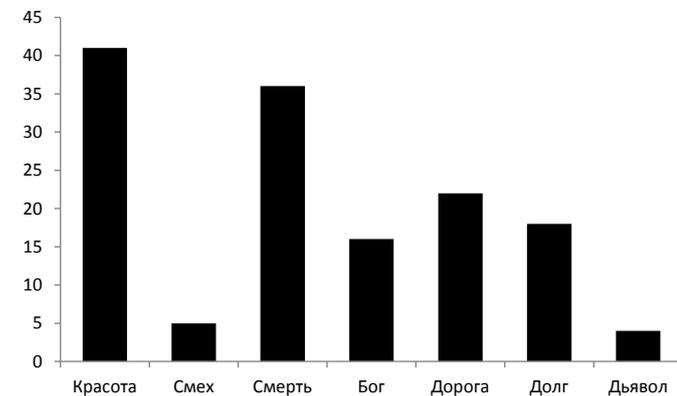

Рис. 2. Представленность категорий в повести «Портрет»

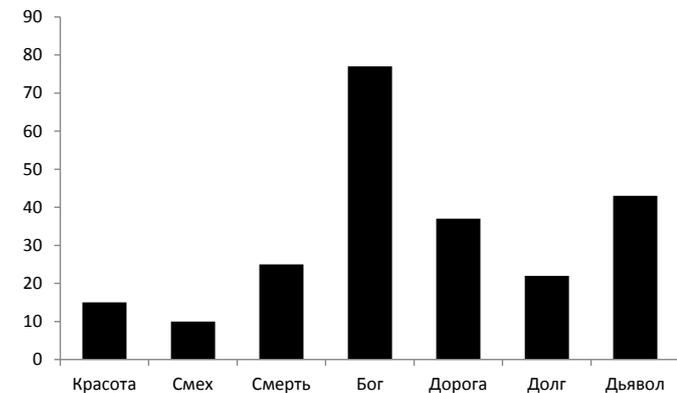

Рис. 3. Представленность категорий в комедии «Ревизор»

ны на малороссийских народных традициях и народной смеховой культуре, «карнавализации» жизни и смерти, рождения и умирания, «веселой чертовщине, глубоко родственной по характеру, тону и функциям веселым карнавальным видениям преисподней и дьялериям» (М. М. Бахтин) в гротескной форме. Также на начальном этапе своей жизнедеятельности Гоголь еще не изжил мистических представлений о смерти, переданных ему от матери. Именно эти две особенности и проявились в большей степени в «Страшной мести». Со временем у Гоголя начинают преобладать представления о смерти как ответственности христианина перед Богом: «...жизнь – горечь, а не наслаждение, все мы здесь поденщики и плату получаем только там, за ревностное исполнение своего дела...» (Гоголь, 1994,

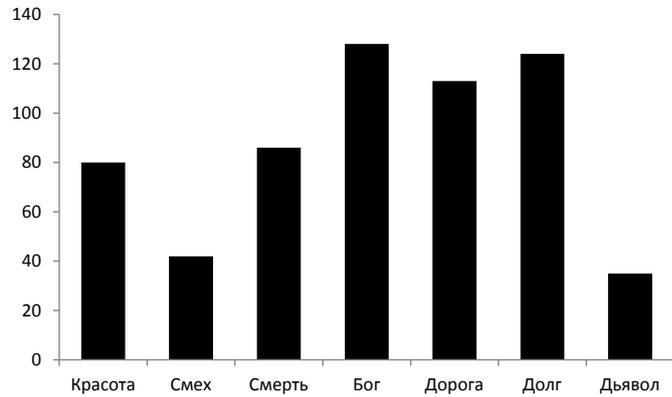

Рис. 4. Представленность категорий в поэме «Мертвые души» – 1 том

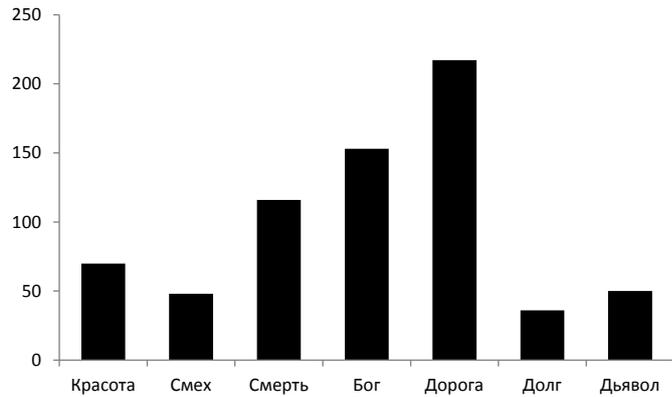

Рис. 5. Представленность категорий в поэме «Мертвые души», том 2-й

т. 9, с. 442). Страх смерти для писателя постепенно уходит на второй план и не ввергает его в уныние, как на ранних этапах жизни (мысли о самоубийстве после смерти отца; острый кризис после потери Пушкина и Виельгорского). Дань же малороссийской традиции реализуются в его увлечении малороссийскими песнями, активным собирателем которых он являлся.

Полученные нами данные о преобладании категорий «Красота» и «Смерть» на этапе написания повести «Портрет» (первая редакция относится к 1835 г.) можно трактовать следующим образом. Тема смерти не изжита на предыдущем этапе, здесь имеет место значение смерти как последующего воскресения, через тему антихриста, столь популярную в начале XIX в. Тема же красоты отражает эстети-

ческую концепцию Гоголя середины 1830-х годов. Красота есть божественное начало, в идее которой заложено стремление человека к лучшему. Душа раскрывается перед красотой и искусством и ведет человека к добру. Возникает идея морального статуса искусства как такового. Здесь же берет начало и представление Гоголя о пути художника в беззаветном служении искусству: художник должен «умереть для всех приманок жизни» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 117). Этот путь повторит сам Гоголь.

Наибольшая выраженность идеи Бога в комедии «Ревизор» подтверждает мысль В. Зеньковского о происходящих в душе писателя изменениях в сторону религиозных исканий именно на период написания этой комедии. Сам же Гоголь писал, что для него последняя картина комедии – это аллегорическое представление страшного суда, предстояние человека перед Богом. «Страшен тот ревизор, который ждет у дверей гроба» (Гоголь, 1994, т. 3, с. 521). В лице жандарма, выведенного в конце пьесы, писатель показал неизбежность возмездия за грехи. Чиновники же, представленные в комедии, – не абстрактные фигуры, а наделены конкретными характерами.

В первом томе «Мертвых душ» наиболее значимо представлены категории «Бог» и «Дорога». В период их создания Гоголь активно путешествует. Дорога для него становится необходимым средством как для поддержания физической формы, так и для творчества. Из письма к Н. Н. Шереметевой: «...я весь этот год определяю на езду: средство, которое более всего мне помогало. В это время я постараюсь, во время езды и дороги, продолжать доселе плохо и лениво происходившую работу» (Гоголь, т. 9, с. 327). Дорога необходима ему для поддержания душевного равновесия, физического здоровья и сносного самочувствия. Да и его герои – такие же скитальцы, «вечные странники» (Овсяннико-Куликовский, 1912). Бог же – обязательное условие его духовного и физического существования. Именно этот период определяется В. Зеньковским как «религиозная весна» в жизни писателя (Зеньковский, 1994).

При сравнении выделенных категорий в разных произведениях, их возрастающей выраженности от периода к периоду были получены значимые различия при $p < 0,05$.

Категория «Красота» наиболее выражена в повести «Портрет» ($p = 0,012$) (см. рисунок 6).

Категории «Смех» и «Смерть» наиболее представлены в «Страшной мести» ($p = 0,0219$) и ($p = 0,00002$) (см. рисунки 7–8).

Категории «Бог» и «Дьявол» наибольшую степень выраженности имеют в комедии «Ревизор» ($p = 0,0043$) и ($p = 0,0021$) (см. рисунки 9–10).

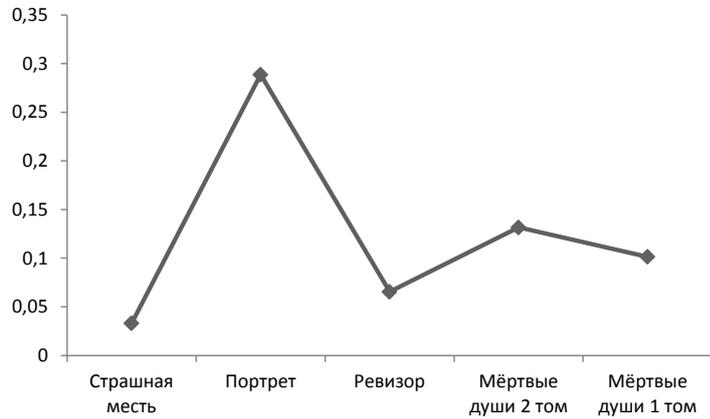

Рис. 6. Выраженность категории «Красота» в различных произведениях Н. В. Гоголя

Рис. 7. Выраженность категории «Смех» в различных произведениях Н. В. Гоголя

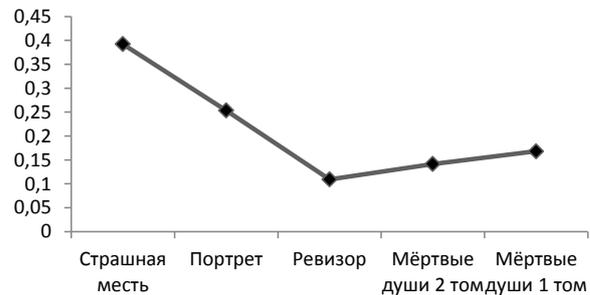

Рис. 8. Выраженность категории «Смерть» в различных произведениях Н. В. Гоголя

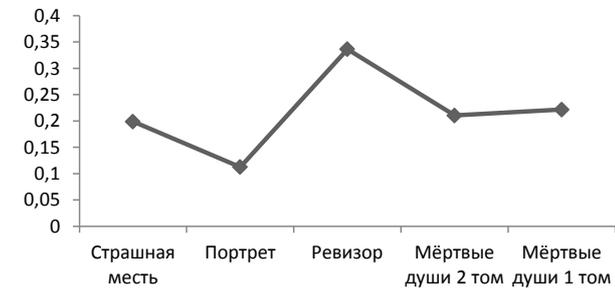

Рис. 9. Выраженность категории «Бог» в различных произведениях Н. В. Гоголя

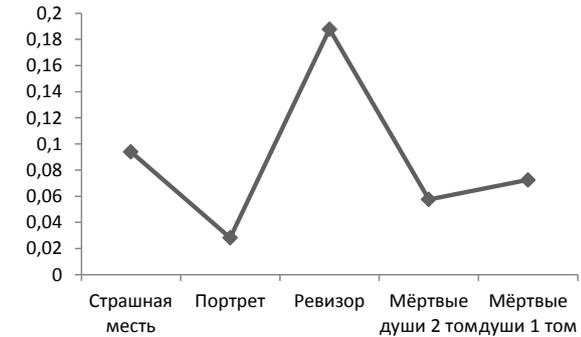

Рис. 10. Выраженность категории «Дьявол» в различных произведениях Н. В. Гоголя

Категория «Дорога» наиболее выражена в «Мертвых душах» — том 1 ($p=0,0001$) (см. рисунок 11).

Категория «Долг» — «Мертвые души», том 2-й ($p=0,0001$) (см. рисунок 12).

Результаты анализа позволяют сделать вывод о том, что в сознании Гоголя на протяжении всей его творческой деятельности прослеживается определенная *динамика*. Если в первых произведениях наибольшее значение имеют категории «Смерть» и «Смех», то в последующем они сменяются категорией «Красота». Затем в конце 1830-х годов наибольшее значение приобретают категории «Бог» и «Дьявол» как символы борьбы двух противоположностей в душе человека. В 1840-е годы, в период написания «Мертвых душ», в сознании писателя категория «Дорога» сменяется категорией «Долг», от первого тома ко второму. Поворот к религиозному восприятию мира продолжается, но дорога становится важнейшим условием его существ-

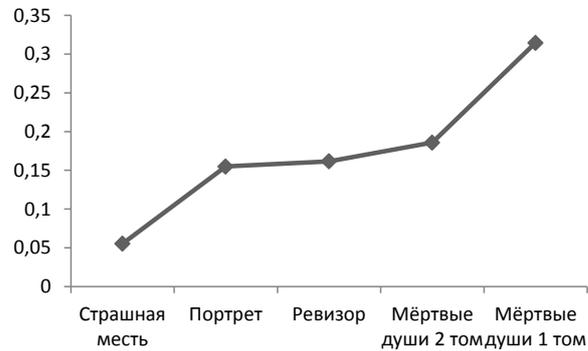

Рис. 11. Выраженность категории «Дорога» в различных произведениях Н. В. Гоголя

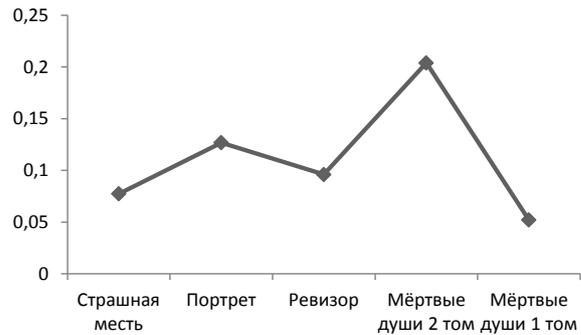

Рис. 12. Выраженность категории «Долг» в различных произведениях Н. В. Гоголя

вования. «Дорога» с течением жизни писателя принимает различные образы. От простого путешествия к образу судьбы как индивидуального пути человека, особого пути художника. В 1847 г. он пишет художнику А. А. Иванову: «Но помните, что ни на кого в мире нельзя возлагать надежду тому, у кого особенная дорога и путь, не похожий на путь других людей» (Гоголь, 1994, т. 9, с. 418). «Долг» же является важнейшей категорией на протяжении всей жизни писателя. Если в ранние годы долг ассоциировался в его сознании с долгом перед отечеством, то постепенно он трансформируется через ответственность каждого на своем месте к долгу перед Всевышним: «Я думаю, что мы все в этом мире не что другое, как поденщики. Мы должны честно, прилежно трудиться, работать теми способностями, которые нам дал Бог, работать ему, ожидая платы не здесь, а там» (Го-

голь, 1994, т. 9, с. 471). Преобладание категории «Смех» на первых этапах творчества соответствует словам самого писателя, признающего, что смех еще в молодые годы был для него средством борьбы с тоской: «Правда, что, еще бывши в школе, чувствовал я временами расположение к веселости и надоедал товарищам неуместными шутками. Но это были временные припадки, вообще же я был характера скорее меланхолического и склонного к размышлению. Впоследствии присоединилась болезнь и хандра. И эти-то самые болезнь и хандра были причиной той веселости, которая явилась в моих первых произведениях: чтобы развлекать самого себя, я выдумывал без дальнейшей цели и плана героев, ставил их в смешные положения — вот происхождение моих повестей! Страсть наблюдать за человеком, питаемая мною сюзмала, придала им некоторую естественность; их даже стали называть верными снимками с натуры» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 238). Следовательно, ироническое видение мира проявилось у Гоголя еще на ранних этапах его жизни, в период ученичества. Как считал Овсяннико-Куликовский, в Гоголе всю жизнь боролись два человека — сатирик и моралист (Овсяннико-Куликовский, 1912). Бахтин же писал, анализируя ранние работы Гоголя, что «гоголевский смех в этих рассказах — чистый народно-праздничный смех. Эта народная основа гоголевского смеха, несмотря на его существенную последующую эволюцию, сохраняется в нем до конца» (Бахтин, 2017). Сам же Гоголь к концу жизни пришел к выводу, что смех имеет двойную природу, он может принести пользу, а может — непоправимый вред.

Мы можем констатировать, что важнейшими категориями в сознании Н. В. Гоголя на протяжении всей его жизнедеятельности были категории «Красота», «Смех», «Смерть», «Бог», «Долг», «Дорога», «Дьявол». Их значение в разные периоды было разным, менялось от произведения к произведению. От идеи «Красоты» («Портрет») к идее «Бога» и «Дьявола» («Ревизор»), «Дороги» («Мертвые души», том 1-й) и «Долга» («Мертвые души», том 2-й). «Смерть», а также «Смех» как компенсаторная реакция для преодоления страха смерти и тоски наиболее выражены в его сознании именно на первых этапах творчества («Страшная месть»). Этот страх обусловлен мистическими представлениями, сформировавшимися в детском возрасте. Он преодолевается писателем верой в Бога и ответственностью перед ним. Идея «Долга», довлеющая над Гоголем еще в детстве, постепенно к концу жизни становится для него наиболее значимой. Этим, по всей видимости, и объясняется уничтожение уже готового второго тома «Мертвых душ» накануне смерти! «Дорога» выступает

для него необходимым условием существования и творчества. Сложные физические состояния, которые испытывал писатель на протяжении жизни, преодолевались во время постоянных переездов. В последние годы жизни в его письмах появляется новый образ «Дороги» как жизни человека, судьбы художника. «Дорога» же выступает как образ человеческой жизни и судьбы России, а также и судьбы самого автора в лирических отступлениях «Мертвых душ». Преобладание в сознании автора образа «Бога» именно в период написания «Ревизора» подтверждает мысль В. Зеньковского о том, что это был период подспудного поиска новых средств к жизни и творчеству после краха концепции «эстетического романтизма».

Духовно-нравственные искания сопровождали Н. В. Гоголя на протяжении всей его жизни. Причем, как показал анализ, они шли все с большим усложнением его представлений и менялись с течением времени от эстетических влияний и мистического восприятия мира — к религиозно-нравственным началам как важнейшему фундаменту существования человека.

Литература

- Бахтин М. А.* Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура). URL: www.svr-lit.ru (дата обращения: 02.11.2017).
- Белый А.* Мастерство Гоголя. М.—Л.: ГИХЛ, 1934.
- Вайскопф М. Я.* Сюжеты Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2002.
- Галкина Т. В., Журавлев А. Л.* К вопросу о психологическом механизме творчества и поведения: анализ и развитие концепции Я. А. Пономарева // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2016. № 1 (77). С. 21—26.
- Гоголь Н. В.* Духовная проза. Критика. Публицистика // Н. В. Гоголь. Собр. соч. В 9 т. Т. 6 / Сост. и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М.: Русская книга, 1994.
- Гоголь Н. В.* Комедии // Н. В. Гоголь. Собр. соч. В 9 т. Т. 4 / Сост. и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М.: Русская книга, 1994.
- Гоголь Н. В.* Письма // Н. В. Гоголь. Собр. соч. В 9 т. Т. 9 / Сост. и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М.: Русская книга, 1994.
- Зеньковский В.* Н. В. Гоголь. СПб.: Logos, 1994. С. 191—135.
- Кольцова В. А., Холоднович Е. Н.* Воплощение духовности в личности и творчестве Ф. М. Достоевского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Манн Ю. В.* Гоголь. Труды и дни: 1809—1845. М.: Аспект-Пресс, 2004.
- Овсянко-Куликовский Д. Н.* Гоголь // Д. Н. Овсянко-Куликовский. Собр. соч. Т. 1. СПб.: Изд-е И. Л. Овсянко-Куликовской, 1912.
- Соснин В. А., Журавлев А. Л., Красников М. А.* Социальная психология: Учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Форум—Инфра-М, 2014.
- Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Пер Сэ, 2002.
- Творчество: наука, искусство, жизнь: Материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. С. С. Белова, А. А. Григорьев, А. Л. Журавлев и др. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Титатенко С. Д.* Мистические аспекты жизни и творчества Гоголя в интерпретации русских символистов // Феномен Гоголя. Материалы Юбилейной международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя / Под ред. М. Н. Виролайнен, А. А. Карпова. СПб.: Петрополис, 2011. С. 630—643.
- Феномен Гоголя. Материалы Юбилейной международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя / Под ред. М. Н. Виролайнен, А. А. Карпова. СПб.: Петрополис, 2011.
- Хащенко В. А., Журавлев А. Л., Роцин С. К., Шорохова Е. В.* История и методы социальной психологии // Психология XXI века: Учебник для вузов. М.: Пер Сэ, 2003. С. 613—634.

Раздел 2

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И ЛИЧНОСТИ

Нравственное состояние современного российского общества: эмпирические оценки

А. В. Юревич

Эмпирические исследования нравственно-психологического состояния современного российского общества

Исследователи подчеркивают, что «для современной российской действительности характерны снижение культурного уровня, моральная деградация и криминализация общества, размытость ценностей и социальных норм» (Российское общество..., 2014, с. 156). Это проявляется в разных областях. В частности, наблюдается «повышение напряженности в семейных отношениях, ухудшение взаимоотношений между поколениями, разрыв семейных связей, дефицит эмоциональной близости в семье, нарастание взаимного равнодушия, рост конфликтности и криминогенности семейной среды» (там же, с. 164). Отмечается и то, что изменения общественной морали «коснулись отношения к полу и отношений между полами, что приводит к нарушениям здоровья — психологического, психического и физического» (Психологическое здоровье..., 2014, с. 93). Исследования выявили также существенное падение престижа нравственности и ответственности в системе ценностей россиян, особенно чиновников, предпринимателей, представителей социэкономических профессий (Дикая, Крылова, 2007; Курапова, 2009; Личность профессионала..., 2013; Психология предпринимательской деятельности..., 1995; Социально-психологические исследования коррупции, 2017; Филинкова, 2007).

Констатируют, что «инфраструктура порока в стране функционирует эффективней, чем все прочие инфраструктуры» (Психологические исследования..., 2011, с. 64). Показано, что негативное из-

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 17-29-02104-офи_м «Индикаторы и предикторы психологического состояния российского общества».

менение социально-экономических условий, в том числе кризисное, приводит к снижению нравственных ценностей, таких как честность и терпимость, в сознании россиян (Журавлева, 2009). Наблюдается и радикализация безнравственности — нарушение нравственных норм все более радикальными способами и, что, возможно, еще хуже, привыкание населения к этим нарушениям (Психологические исследования..., 2011).

Притчей во языцех стали наши элиты, которые в идеале должны были бы составлять лучшую и наиболее нравственную часть общества, хотя такая тоже существует (подробнее см.: Воловикова, Журавлев, 2017; Купрейченко, Журавлев, 2014). Вот какую оценку представителям политической и экономической элиты дает известный литературный критик Д. Б. Дондурей: «Многие, если не все, беды нашей страны объясняются качеством наших элит. Все они циничны. Для большей их части общепринятые добродетели, жертвенность, достоинство, честь не являются ценностями. Они считают их некупаемыми, а посему невыгодными и ненужными» (Дондурей, 2007, с. 75).

Социологи подчеркивают, что моральная деградация значительного количества граждан современной России представляется сегодня не меньшей угрозой, чем внешняя агрессия (Российское общество..., 2015а). Исследования последних десятилетий, выполненные в рамках социологии морали, дают основания для констатации серьезных изменений нравственных ценностей наших сограждан — почти двукратное снижение по сравнению с советским периодом значимости таких качеств, как социальная ориентированность труда, чувство долга, честность, принципиальность (Кирилина, 2013). По мнению социологов, «исследования свидетельствуют, что мнение о полной и безвозвратной утере нашим обществом нравственных норм, о том, что эрозия морали достигла той критической точки, за которой грядет духовное перерождение (читай — вырождение) России, стало сегодня практически общепринятым» (Российское общество..., 2015а, с. 284).

По результатам социологических опросов, 38% наших сограждан считают, что за последние 10 лет (2005–2015) моральный климат в нашем обществе ухудшился, 37% полагают, что он не изменился, и только 25% думают, что он улучшился, причем наиболее негативные оценки динамики этого климата высказывают респонденты не старшей возрастной группы (свыше 60 лет), а представители возрастных групп 41–50 лет (42% отметивших его ухудшение) и 51–60 лет (45%) (Российское общество..., 2015б). Испытывают постоян-

ный страх в связи с перспективой моральной и культурной деградации нашего общества 15% респондентов, сильную тревогу — 35%, некоторое беспокойство — 38%, а не беспокоит это только 12% населения, причем беспокойство, тревога и страх достаточно выражены во всех возрастных группах (там же), что опровергает расхожее представление о существовании озабоченности моральным состоянием нашей страны лишь у пожилых граждан.

Налицо и временная динамика отношения россиян к моральным нормам. Так, в 2005 г. 51% россиян считали, что основные моральные нормы не подвержены влиянию времени, всегда актуальны и современны, а в 2015 г. считающих так было уже 60%, в 2005 г. 49% считали, что сегодня мы живем в другом мире, чем раньше, и многие моральные нормы сегодня уже устарели, а в 2015 г. — 40%, при этом и в 2005, и в 2015 г. значительная часть респондентов — соответственно 57% и 55% — поддержали формулу: «Я лучше не добьюсь успеха в жизни, но никогда не переступлю через моральные нормы и принципы». Правда, на обоих исторических отрезках обнаружилась и значительная доля — соответственно 43% и 45% — тех, кто высказался за формулу: «Современный мир жесток, и для того, чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступить через моральные нормы и принципы», причем чем моложе были респонденты, тем чаще они придерживались подобной точки зрения (Российское общество..., 2015б). В целом данное исследование подтвердило, что хотя доля сторонников незыблемости моральных норм постепенно возрастает, все же значительная часть наших сограждан, особенно молодежь, склоняется к идее их релятивности и возможности быть нарушенными при определенных обстоятельствах, что не может не настораживать.

Исследование продемонстрировало также, что у 48% наших сограждан нет четких и устойчивых моральных принципов, для них характерны «метания», обусловленные личной жизненной ситуацией, текущими социально-экономическими условиями, оценкой собственного положения в обществе и т. д., создающими ситуации, когда приходится искать моральные *оправдания* того или иного поступка (там же).

Несколько снизилась доля тех, кто считает, что поддержание благоприятного морально-нравственного климата в обществе невозможно без участия государства. В 2005 г. таких было 72%, в 2015 г. — 68%. Соответственно считающих, что мораль и нравственность — это сфера частной жизни человека и государство не должно в нее вмешиваться, было 28%, стало 32% (там же). Но все же сторонники ак-

тивного вмешательства государства в эту сферу социальной жизни пока явно доминируют.

Основной формой вмешательства государства в поддержание моральных норм является принятие законов, делающих эти нормы обязательными для исполнения, и установление уголовной или административной (гораздо чаще) ответственности за их нарушение. Яркие примеры – запрещение распития пива и других слабоалкогольных напитков в общественных местах, обязательное правило для автомобилистов пропускать пешеходов и др. Прежде соответствующие виды поведения считались относящимися к области личного нравственного контроля, что в условиях слабости этого контроля приводило к многочисленным негативным последствиям, в частности, к тому, что наши вечерние электрички напоминали пивные бары на колесах, детские песочницы были засыпаны стеклом от битых бутылок, а большое количество пешеходов становилось жертвами автомобилистов. Принятие соответствующих законов, т. е. перенесение нравственных норм на правовой уровень (вмешательство государства в сферу морали) существенно изменило ситуацию к лучшему, хотя в условиях российского отношения к законам не решило соответствующие проблемы полностью. Уместно вспомнить, что аналогичным путем пошли такие страны, как Сингапур, где были введены большие штрафы, например, за оставление мусора в общественных местах и за девиантные формы поведения, относящиеся к области личной нравственности. Следует упомянуть и о том, что решение подобных бытовых и, на первый взгляд, не слишком существенных проблем послужило отправной точкой для успешной борьбы с коррупцией и других действий, превративших Сингапур в государство, занимающее первое место в рейтинге стран, наиболее благоприятных для ведения бизнеса, что имело огромный экономический эффект (см.: Китова и др., 2017; Социально-психологические исследования коррупции, 2017; и др.).

Естественно, государственное вмешательство в поддержание нравственности не сводится к вынесению нравственных норм на уровень законов. Справедливо акцентируется необходимость поддержки социальных институтов, «формирующих моральный климат в обществе» (Российское общество..., 2015б, с. 367), таких как семья и школа, сети учреждений культуры, искусства, науки и др. Особенно актуально в данной связи возвращение школе ее воспитательной функции, в 1990-е годы изъятой у нее реформаторами-либералами и превратившими этот институт в некое подобие сервисной структуры по «оказанию образовательных услуг».

«Как известно, в 1990-е годы понятие «воспитание» почти исчезло из сферы отечественного образования и молодежной политики, из СМИ» (Психологические исследования..., 2011, с. 63). Констатируется «отстранение школы от воспитательной функции» (Патриотизм..., 2013, с. 81), «отрыв воспитания от обучения, подход к ним как к двум параллельным процессам, взгляд на воспитание как на сопутствующую учению второстепенную деятельность» (там же, с. 90). Д. В. Сочивко отмечает: «Большая проблема новой постсоциалистической и „недокапиталистической“ России состоит в том, что система образования и воспитания подростков – не новая и не старая, не социалистическая и не капиталистическая, а потому – вообще никак и ни на какие процессы формирования личности подростка не реагирующая» (Психологические исследования..., 2011, с. 281). А «недостаток нравственного воспитания и образования становится уже не только проблемой образованности и воспитанности, но и формирования новых свойств личности, специфического личностного профиля, психологического механизма, обеспечивающего (как бы автоматически запускающего) асоциальное поведение школьника и подростка» (там же, с. 270). Установки на развитие нравственности в процессе образования характерны и для зарубежных систем. В частности, отмечается, что оно должно развивать не только способности ума, но и «привычки сердца» (Layard, Dunn, 2009).

Не могут не огорчать результаты социологических исследований представлений наших сограждан о том, как изменились *люди и отношения между ними* за последние 15–20 лет. 60% опрошенных сочли, что снизилась доброжелательность, 10% – что она возросла, 23% – что осталась на прежнем уровне. По мнению 68%, возросла агрессивность, ослабла – по мнению 11%, осталась прежней – по мнению 15%. Душевность ослабла по мнению 59%, усилилась – 8%, осталась на прежнем уровне – 26%. Снижение искренности констатировали 61%, усиление – 8%, тот же уровень – 24%. Снижение честности – 60%, усиление – 6%, сохранение прежнего уровня – 26%. Усиление цинизма – 61%, ослабление – 10%, сохранение на прежнем уровне – 17% (Российское общество..., 2015б). Справедливо отмечается, что «поскольку сегодня русские ощущают дефицит взаимного уважения, честности и взаимопомощи, то это с очевидностью указывает на то, что на неосознаваемом уровне ими в полной мере ощущаются противоположные негативные качества («антиценности») – неуважение друг к другу, нечестность, отсутствие взаимопомощи, которые свидетельствуют о том, что в повседневных практи-

ках современных россиян присутствует опыт разрыва социальных связей и межличностного доверия» (там же, с. 408–409).

Подчеркнем в данной связи, что *доверие* к окружающим оказывает влияние на многие стороны общественной жизни (подробнее см.: Доверие и недоверие..., 2013; и др.). Так, среди тех, кто доверяет окружающим, 49% никогда не чувствуют враждебность к людям другой национальности, 63% разделяют мнение о том, что «Россия – общий дом многих народов. Все народы должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ», 72% полностью согласны с тем, что насилие в межнациональных и религиозных спорах недопустимо, 33% обладают актуализированной российской идентичностью, указав, что они в значительной степени ощущают близость со всеми гражданами России. Среди не доверяющих окружающим доля давших соответствующие ответы существенно ниже (Российское общество..., 2015а).

Негативные тенденции были выявлены в отношении таких социальных качеств наших сограждан, как уважение к старшим, уважение к женщине, бескорыстие и готовность помочь другому, верность товарищам, доверие друг другу, ответственность за то, что происходит вокруг, и др. (Российское общество..., 2015б).

Очень похожие результаты были получены в нашем исследовании, где основные тенденции в изменении социально-психологических отношений в современном российском обществе оценивали эксперты-психологи. Экспертам было предложено оценить его нравственно-психологическое состояние в 1981, 1991 (до распада СССР), 2001 и 2011 гг. Оценка производилась по 70 параметрам, 35 из которых выражали позитивные и 35 – негативные характеристики общества, отобранные в результате предварительных консультаций с экспертами. Каждый параметр оценивался по 10-балльной шкале, на которой «1» соответствовала минимальной выраженности соответствующей характеристики, «10» – ее максимальной представленности. В роли экспертов выступили 124 психолога, представляющие различные регионы, разнообразные научно-образовательные центры нашей страны и отвечающие следующим требованиям: 1) возраст, предполагающий, что эксперт способен дать оценку состояния нашего общества в 1981 г. (соответственно молодые психологи не входили в число экспертов), 2) достаточно высокая квалификация – наличие ученой степени кандидата или доктора наук, 3) область профессиональной деятельности, релевантная макropsихологическим проблемам и наличие соответствующих публикаций.

По данным экспертного опроса, среди негативных характеристик наиболее выраженную динамику обнаружили агрессивность, алчность, аномия, беспринципность, бесцеремонность, враждебность, вседозволенность, грубость, жестокость, злоба, конфликтность, ксенофобия, ложь, мафиозность, меркантильность, наглость, напряженность, насилие, невоспитанность, ненависть, подлость, сквернословие, тревожность, фамильярность, эгоизм. При этом самые высокие темпы прироста обнаружила алчность (5,22 единицы), меркантильность (4,79) и мафиозность (4,60).

По абсолютному значению показателей наиболее рельефными оказались такие негативные характеристики нашего общества, как агрессивность, алчность, апатия, безыдейность, бесправие, беспринципность, бесцеремонность, враждебность, грубость, жестокость, ксенофобия, ложь, мафиозность, меркантильность, наглость, насилие, невоспитанность, пустословие, сквернословие, хамство и эгоизм, а самыми выраженными из них – меркантильность (8,32), алчность (8,29) и эгоизм (8,03).

Из положительных характеристик наибольшие «потери» понесли альтруизм, бескорыстие, взаимопомощь, взаимопонимание, взаимоуважение, добросовестность, доброта, доверие, законопослушность, интеллектуальность, интеллигентность, культура, надежность, нравственность, порядочность, психологическая безопасность, скромность, сочувствие, спокойствие, тактичность, честность и человечность. Самая большая разница значений 1981 и 2011 гг. была обнаружена по параметрам бескорыстия (3,98), психологической безопасности (3,92) и скромности (3,85) (Юревич, Ушаков, 2012).

Приятным исключением из общего правила служит рост патриотизма: «В последние годы мы наблюдаем всплеск патриотических настроений» (Патриотизм..., 2015, с. 345). Согласно опросам «Левада-центра», во время зимних Олимпийских игр в Сочи 81% россиян отметили подъем патриотических чувств. Катализатором второй волны патриотизма стало присоединение Крыма (Подмена понятий..., 2014). На усиление патриотизма в 2015 г. указывало 26% россиян, в то время как еще 3 года назад – лишь 7% (Российское общество..., 2015б).

Следует отметить, что нравственность находится в не совсем однозначных отношениях с патриотизмом. Как пишет А. Ципко, «У В. Ленина было нравственно все, что служит победе коммунизма. В сегодняшней России нравственно все, что укрепляет суверенитет и могущество России» (Ципко, 2016, с. 181), т. е. патриотизм

«подминает» под себя нравственность, что может придавать ей нежелательные формы.

Имеются данные о том, что стремление к нравственным идеалам в бизнесе характерно для современных руководителей в большей степени, нежели отрицание нравственных ценностей, и, соответственно, «нагнетание современными СМИ негативной информации о нравственных качествах современной бизнес-среды не соответствует реальности» (Нравственность..., 2012, с. 345).

Наблюдается и ряд других позитивных тенденций. Однако, по мнению экспертов в данной сфере, они пока не имеют решающего значения и мало влияют на общую довольно негативную картину (см.: Российское общество..., 2014; Современная социальная реальность..., 2014; и др.).

Нравственность и жизненный успех

Социологи констатируют появление глубокого разрыва между требованиями социальной среды и привычными моральными установками, приводящего многих людей к мысли, «что нравственность и жизненный успех в современной России — вещи несовместимые. Либо одно, либо другое. Соответственно этические нормы и правила перестают быть побудительным мотивом социального действия» (Российское общество, 2015б, с. 358).

Любопытно, что социологические исследования опровергают расхожий миф о том, что безнравственность прогрессирует главным образом в крупных городах, прежде всего, в столице, в то время как российская «глубинка» остается оазисом высокой нравственности. Отмечается, что «во всяком случае исследования не подтверждают наличие сформированного писателями-деревенщиками мифа об особой русской духовности и ее утрате по мере урбанизации страны». А столичные жители гораздо чаще отмечают усиление доброжелательности, способности к сотрудничеству, патриотизма, преданности своей родине (там же, с. 360).

Не получает эмпирического подтверждения и стереотип «бедных, но честных»: склонность к оправданию безнравственных поступков гораздо чаще обнаруживают респонденты, оценивающие свое материальное положение как плохое, а благополучные в материальном плане чаще проявляют склонность к соблюдению этических норм, что позволяет социологам сделать вывод: «Именно они являются носителями запроса на моральное оздоровление нации» (там же). Впрочем, следует воздержаться от абсолютизации этой тенденции:

в выборки социологов обычно попадают достаточно обеспеченные представители *среднего класса*, а по понятным причинам не те люди, которых принято называть «новыми богатыми», которые известны криминальными способами накопления первоначального капитала и сохранением соответствующих навыков поведения. В то же время и представление о сохранении высокой нравственности бедных нуждается в критическом переосмыслении.

Среди 14 предложенных респондентам поступков, которые принято считать аморальными, абсолютно неприемлемыми большинство респондентов считают лишь 5: употребление наркотиков, жестокое обращение с животными, однополые браки, гомосексуализм и оскорбление чувств верующих. Более толерантны они к хамству, грубости, нецензурной брани, присвоению найденных денег, к супружеской измене, разводам и абортam. При этом наблюдаются и отчетливо выраженные проявления двойной морали. Так, например, на фоне общего патриотического подъема каждый второй россиянин считает нормальным уклонение от службы в армии, а отношение к коррупции как к главному злу для современной России успешно сочетается с толерантным отношением к уклонению от уплаты налогов, а также к даче и получению взяток (Российское общество..., 2015б).

В эту тенденцию органически вписываются отдельные наши государственные деятели и политики, для которых весьма характерно сочетание патриотической патетики со счетами в офшорах, наличием собственности за рубежом, обучением там своих детей и т. п., а также формула: «Да, вору, но Родину люблю». А для осужденных за коррупцию чиновников, как правило, характерна идеологически «правильная» патриотическая риторика.

Психологический анализ бесед с современными российскими муниципальными чиновниками продемонстрировал, что характерные особенности нравственной позиции типичного представителя низшего звена управления состоят в том, чтобы: а) уйти от ответственности, б) ничего не предпринимать (Психология нравственности, 2010). А для российских предпринимателей характерна низкая степень доверия в их среде (Нравственность..., 2012), но еще меньшая — к государственным структурам (Доверие и недоверие..., 2013; Сумарокова, Журавлев, 2012; и др.).

И. В. Нехорошева, обследовав 407 российских сограждан в возрасте от 15 до 79 лет, убедилась, что только 4% обладают высокими нравственными качествами, 18% характеризуются положительной нравственной направленностью, а отрицательной — 36%, т. е. в два раза больше. Остальные 46% были отнесены к группе с неясной

нравственной ориентацией (Психологические исследования нравственности, 2013). Наиболее счастливыми из них оказались... люди с отрицательной нравственной направленностью (там же), что свидетельствует о том, как нелегко высоконравственным людям живется в нашем обществе (возможно, не только в нашем), как трудно им выносить окружающую их безнравственную атмосферу (см. также: Купрейченко, Журавлев, 2014; и др.). Именно они в наибольшей степени обеспокоены многочисленными проблемами нашего общества и, как показывают результаты исследования, чувствуют себя в современном российском социуме наименее комфортно. Они также менее удовлетворены своей семейной жизнью. А люди с отрицательной нравственной направленностью оценивают свою жизнь как более комфортную и легкую, имеют более позитивное настроение, с большим оптимизмом смотрят в будущее, что позволяет автору исследования сделать вывод: «Безнравственным людям нарушение нравственных законов облегчает жизнь» (Психологические исследования нравственности, 2013, с. 256) — при этом, правда, предостерегая и от другой крайности: «Если человек счастлив, это не значит, что он непременно безнравственный» (там же, с. 258).

Похожие результаты дало исследование К. Муздыбаева, показавшее, что люди с высоким уровнем эгоизма больше удовлетворены своим материальным положением, среди них меньше испытывающих материальную нужду и больше имеющих высокий уровень благосостояния (Муздыбаев, 2000).

И. В. Нехорошева высказывает предположение о том, что, вероятно, различия в социально-психологическом самочувствии нравственных и относительно безнравственных людей сохраняются во все времена, но величина этих различий может изменяться в зависимости от эпохи, нравственного уровня общества и социально-экономических процессов. В периоды культурного и нравственного подъема различия могут несколько сглаживаться. А в периоды, сопровождаемые резким обрушением нравственных норм жизни общества, они возрастают, поскольку наиболее благополучно чувствуют себя люди с невысоким нравственным уровнем (Психологические исследования нравственности, 2013).

Любопытно, что исследования, проводимые в западных странах, дают едва ли не противоположные результаты. Там более нравственные люди и те, кому не безразличны другие, в целом чувствуют себя счастливее, чем занятые собой (Lyubomirsky et al., 2003), альтруистичное поведение повышает уровень счастья, а люди с более развитым нравственным чувством живут лучше других даже в эко-

номическом плане (Лэйард, 2012). Объясняя последнюю закономерность, Р. Лэйард отмечает, что это чувство в среднем приносит людям выгоду в долгосрочной перспективе, делая их более надежными, что формирует лучшее отношение к ним окружающих и повышает уровень доверия последних. При этом «тех, кто наделен нравственным чувством, другие люди узнают по тому, что они делают, как выглядят и что говорят» (там же, с. 150), «люди неплохо разбираются в том, кому можно доверять, а кому нет» (там же, с. 151).

Расхождения с отечественными данными можно объяснить тем, что связь между уровнем нравственности, с одной стороны, уровнем счастья и благополучия, с другой, опосредована характером общества. И, справедливо критикуя западное общество за его многочисленные недостатки, нам следует признать то, чему можно позавидовать. Стоит обратить внимание и на данные о том, что, когда имеется достаточное количество эгоистичных людей, даже неэгоистичные люди начинают вести себя эгоистично (Fehr, Fishbacher, 2003), это наблюдение, по-видимому, имеет отношение и к другим видам нарушения нравственных норм.

В то же время не все зависит от общества. Отмечается, что «у разных людей разная мораль», а примерно у 1% людей, включая психопатов, она вообще отсутствует (Лэйард, 2012, с. 145).

Нравственно-психологические характеристики современной российской молодежи

Как отмечает В. Е. Семенов, даже «при таком напоре инфраструктуры и бизнеса аморализма большинство российской молодежи, в первую очередь — студенчества, сохраняет в целом здоровые жизненные ценности и духовно-нравственные установки» (Психологические исследования..., 2011, с. 66). Главными ценностями молодежи являются семья, здоровье и друзья, а ценности работы и справедливости оказываются выше ценности денег, причем значение ценностей семьи и справедливости по сравнению с 1990-ми годами повысилось, а ценность денег, наоборот, понизилась (см. также: Журавлева, Журавлев, 2001; и др.). Основная часть студенческой молодежи является носителем, в терминах В. Е. Семенова, «проциального менталитета», а на вопрос о том, какое общество ей хотелось бы построить в России, преимущественно выбирает варианты ответа: «общество социальной справедливости» и «общество честных людей труда». Исследования свидетельствуют и об относительной сохранности у молодежи традиционного для российского

менталитета понимания совести (Психологические исследования..., 2011, с. 66).

Вместе с тем для современной студенческой молодежи нехарактерно представление о труде как о долге человека перед обществом, которое выступало основой трудовой этики советского периода. А исследование представлений молодежи о степени этичности различных способов зарабатывания денег продемонстрировало, что 12,5% считают вполне этичными предприятия, организованные по типу финансовых пирамид, 15,7% – гадание, магию, деятельность экстрасенсов, 6,9% – производство и торговлю вредными для экологии и людей продуктами (там же).

Эмпирические исследования показывают, что больше половины нашей молодежи демонстрирует высокий уровень самоуверенности, а это ведет к нетерпимости к вмешательству в их дела, не позволяет прислушиваться к иному мнению (Психология нравственности, 2010). Отсюда проистекает очень характерная для нашей нынешней молодежи нетерпимость к «поучениям» со стороны старшего поколения, крайне агрессивная реакция на сделанные замечания и т. п. При этом и враждебность к себе чаще всего чувствуют школьники (там же), что в соответствии с известным психологическим законом заставляет их проявлять ответную враждебность – по отношению как к старшему поколению, так и к себе подобным. Интернет переполнен видеоматериалами, где в деталях показано, как наши школьники издеваются над своими учителями и друг над другом. А исследования показывают, что издевательства над учителями наблюдаются почти в половине наших школ (Юревич, 2014). Показательно то, что, как продемонстрировало исследование Б. С. Алишева, О. А. Анিকেенка и О. Н. Галаниной, среди психологических качеств, приписываемых нашими студентами «злому гению», т. е. некоему отрицательному эталону, присутствуют и такие качества, как осторожность, твердость, упорство, строгость, гордость, принципиальность, требовательность (Психологические исследования нравственности, 2013), которые в рамках традиционной морали считаются положительными.

При этом наблюдается большое индивидуальное разнообразие в отношении нравственных норм, укладывающееся, впрочем, в несколько основных типов. Так, например, А. Б. Купрейченко и А. Е. Воробьева эмпирически выделили 7 типов нравственного самоопределения молодежи. «Теоретик» рассуждает о нравственных вопросах, но непредсказуем в плане соблюдения нравственных норм в различных ситуациях. «Отстраненный» сознательно избегает этических во-

просов. «Конформист» ориентирован на референтную группу, ситуативен. «Релятивистско-эгоцентрический» считает нравственность условностью, не признает ограничений, эгоцентричен. «Поборник нравственности» осуждает эгоцентризм, считает нравственные требования неоспоримыми. «Приверженный нравственным нормам» демонстрирует гуманизм, активную нравственную позицию. «Социально-нормативный» в большей мере эмоционален, чем деятельен, в нравственных вопросах (Психология нравственности, 2010). Л. М. Попов и А. О. Максумова выделяют 23 нравственных типа личности (там же).

Получены данные и о том, что многие представители молодого поколения – «дети 1990-х и 2000-х» – вообще не используют категории добра и зла при оценке людей и их поступков, предпочитая им такие категории, как «выгодно–не выгодно», «круто–не круто» и т. п. (Нравственность..., 2012). При этом, например, нашими студентами понятие «добро» не трактуется как некий абсолют, полностью противостоящий злу, а добро и зло воспринимаются как феномены, переходы между которыми носят не жесткий, а плавный характер, представления студентов о добре и зле часто не совпадают со сложившимися социально-правовыми и этическими установлениями (Психологические исследования нравственности, 2013). В их суждениях на нравственные темы очень много релятивизма и прагматизма. Справедливо констатируется, что «само наше общество, к сожалению, терпимо относится к нравственному релятивизму, а люди часто занимают позицию невмешательства, когда видят вокруг себя проявления зла и несправедливости» (Там же, с. 218).

Такой вид нарушения моральных запретов, как мошенничество, считают вполне приемлемым способом зарабатывания денег около 90% нашей молодежи (Стрижов, 2009), а 56% молодых людей в возрасте 16–19 лет уже были задействованы в коррупции в той или иной форме (Психологические исследования нравственности, 2013). У лиц молодежного возраста формируется представление о том, что только деньги правят миром, а люди со скромными доходами чаще всего остаются бесправными (там же).

Изучение ценностных приоритетов учащихся 11-х классов показало, что среди них преобладают представители таких типов, как «прагматики» и «эгоисты» (по 27%), «интеллектуалы» составляют 20,6%, «моралисты» – 14,3%, «общественники» – 11,1% (там же). Отмечается и то, что не без влияния последствий экономических реформ ценность в глазах молодежи таких качеств, как трудолюбие, профессионализм, образование, порядочность, снижается (Социальные

и ментальные тенденции ...», 2005). Опросы показывают, что 70% молодых россиян согласны с формулировкой «Россия сегодня – страна, где законным путем прожить невозможно», а 40% признались, что уже совершали противоправные действия. Наиболее тревожной тенденцией развития молодежного сознания исследователи считают снижение коллективизма и, соответственно, повышение уровня индивидуализма, которое в молодежной среде зачастую оценивается как однозначно позитивное явление. С подобной оценкой тенденций, проявляющихся в молодежной среде, согласна и сама молодежь: 61% ее представителей согласны с тем, что наша молодежь становится все более равнодушной и эгоистичной по сравнению с предыдущими поколениями, 29,2% не согласны с этим и 9,1% затруднились ответить (0,8% вообще не ответили на данный вопрос (там же).

Еще одно исследование показало достаточно низкие места таких инструментальных ценностей студентов и школьников, как воспитанность, чуткость, непримиримость к недостаткам в себе и в других, хотя такая ценность, как честность, заняла более высокое место (Психологическое здоровье..., 2014). Н. А. Журавлева на основе проводимых ею исследований констатирует, что происходит переориентация нашей молодежи с общественных проблем на личные, коллективизм постепенно сменяется индивидуализмом, наблюдается преобладание материальных ценностей над духовными. А возрастание значимости денег сопровождается снижением в иерархии ценностных ориентаций молодежи приоритетов ориентаций на творчество, познание, общение с друзьями и честность. В частности, у школьников из года в год происходит снижение удельного веса альтруистических ценностей, таких как любовь и чуткость (там же).

В то же время, по мнению значительной части молодежи, моральные ценности тоже необходимы. Так, необходимость этики в деловых отношениях отмечают 50% студенчества, 29% – необходимость социальной справедливости, 26% – необходимость доверия людей друг к другу, а 43% – необходимость существования специальных документов, определяющих этические отношения в коммерческих фирмах. 72,9% молодежи считают, что необходим нравственный контроль за содержанием телевизионных программ, фильмов и рекламы (15,7% не согласны, 11,5% затруднились ответить) (там же). Такой вариант развития нашего общества, как «общество потребления и комфорта» имеет в молодежной среде всего около 20% сторонников, а ценность справедливости за последние 10 лет выросла в этой среде в 2 раза (Российское общество..., 2014).

Следует, конечно, учитывать и несовпадение по уровню нравственности *различных слоев* населения, в том числе молодежи. Так, обнаружены половые и возрастные различия в решении моральных дилемм (Арутюнова, Александров, 2016). В. Е. Семенов, основываясь на разработанной им классификации типов менталитета, приводит данные о том, что среди молодежи Санкт-Петербурга наиболее нравственный – православно-русский – тип ментальности демонстрируют 17,2% опрошенных, коллективистски-социалистический тип – 8,8%, индивидуалистски-капиталистический тип – 2,8%, а большинство – 31% – мозаично-эклетический менталитет, характеризующийся противоречивым сочетанием самых различных элементов (Российское общество..., 2014).

Международные тенденции

Слабым утешением для нас служит то, что описанные тенденции, по всей видимости, носят *интернациональный характер* или, по крайней мере, характерны для западной культуры. Отмечается, что «все больше молодежь отказывается в уважении тем, кому, как правило, она должна его оказывать: учителям, полиции и даже родителям», а за последние 20 лет в западных странах «необузданный индивид все больше становится нормой» (Лэйард, 2012, с. 135).

Исследователи нравственности констатируют, что «современным людям трудно примирить успех с моралью» (Oser, Reichenbach, 2005, р. 220), а, по данным психологических исследований, большинство людей убеждено в том, что соблюдение моральных принципов препятствует достижению успеха в современном обществе (там же).

Вместе с тем отмечается, что, например, США после теракта 11 сентября 2001 г. стали «морализирующей нацией». Это проявилось в росте количества выступлений против проституции, абортот, геев и т. п., усилилась тенденция смотреть на мир сквозь призму моральных критериев (Janoff-Bulman, Skeikh, 2006).

Один из наиболее известных исследователей экономики счастья Р. Лэйард отмечает: «В настоящее время людей особенно волнует вопрос о том, нужно ли нам общество, которое так сильно полагается на эгоистический интерес, а не на приверженность благополучию других... кризис поднял вопрос о ценностях – и это будет иметь долгосрочное действие» (Лэйард, 2012, с. 376). Он же пишет: «Если мы хотим быть по-настоящему счастливыми, мы нуждаемся в концепции общего блага, в которое мы вносим свой вклад» (там же, с. 18).

Исследования демонстрируют, что менее эгоистичные люди в целом счастливее, и вообще по большей части, хотя и не всегда, нравственное поведение заставляет человека чувствовать себя более счастливым. Однако за последние 40 лет индивидуализм усилился, особенно в Великобритании и США, а уровень доверия людей друг другу в этих странах, наоборот, упал, и сейчас процент взрослых, полагающих, что большинству людей можно доверять, вдвое меньше, чем в 1950-е годы (отметим, правда, что в континентальной Европе он, наоборот, поднялся). С утверждением о том, что люди «ведут такую же благую – моральную и честную – жизнь, что и прежде», в 1951 г., согласились 51% американцев, в 1965 г. – 43%, в 1976 г. – 32%, в 1998 г. – 27% (Лэйард, 2012). Количество детей в возрасте от 11 до 15 лет, считающих, что большинство их одноклассников – добрые и готовы помочь, по различным странам распределилось так: Швейцария – 81%, Швеция – 77%, Германия – 76%, Дания – 73%, Франция – 54%, США – 53%, Россия – 46%, Англия – 43% (там же). А количество взрослых, согласных с утверждением «Да, большинству людей можно доверять», варьирует от 5% в Бразилии до 64% в Норвегии (там же). Эти данные коррелируют с результатами исследования, в процессе которого исследователи на улицах разных стран оставляли бумажники, в которых были указаны имя и адрес владельца, а затем определяли долю бумажников, возвращенных владельцам. Самым высоким процент возвращенных бумажников оказался в Скандинавских странах (Knack, 2001).

* * *

Несмотря на достаточно интернациональный характер общей тенденции к снижению нравственности, она особенно существенна для нашей страны, в культуре которой принято давать ценностно-нравственную оценку любому или почти любому поступку (см.: Александров, Александрова, 2009), и морально-этическая характеристика присуща всем социальным представлениям (Абульханова, 2002). При этом нашим соотечественникам свойственно реже высказывать крайние моральные оценки, чем представителям западных культур (Нравственность..., 2012), хотя в случае «запрещенного» поведения в отличие от «обязательного», напротив, россияне чаще прибегают к крайним суждениям (там же).

Следует подчеркнуть и то, что в настоящей статье рассмотрены результаты исследований нравственного уровня «средних» – в данном плане – слоев современного российского общества, а не такие сферы, как например, наше телевидение, где нарушение нравственных

норм проявляется наиболее рельефно, и не наиболее экстремальные формы их нарушения. При включении в анализ таких сфер и форм картина оказалась бы еще менее утешительной.

В общем, как пишет один из известных отечественных исследователей морали и нравственности А. А. Гусейнов, «сравнение состояния общественной морали в России сегодня и 20 лет назад (статья, из которой взяты эти слова, была опубликована в 2006 г. – А. Ю.) не дает оснований для оптимизма» (Гусейнов, 2012, с. 377). Но этот же автор обнаруживает оптимизм в другом. Он пишет: «Наш пессимизм относительно общественной морали в сегодняшней России – не только следствие неосуществившихся надежд периода перестройки. Хочется думать, что он свидетельствует о возросшей нравственной зрелости, более трезвом взгляде на самих себя» (там же, с. 378). «Самосознание морального краха есть индикатор морального здоровья» (там же, с. 454), «Мера неудовлетворенности собой является скорее показателем нравственного совершенства человека» (там же, с. 783). То же самое можно сказать об обществе, в том числе о современном российском, которое проявляет все большую озабоченность своим нравственным состоянием (свидетельство чему, в частности, – названные в настоящей статье исследования). Отмечается, что «значение духовно-нравственных проблем все чаще понимают и озвучивают некоторые политики, представители общественности, педагоги, ученые и деятели искусства» (Психологические исследования..., 2011, с. 63). А в послании президента РФ Федеральному собранию РФ содержится фрагмент, посвященный нравственному упадку в нашем обществе. Хочется надеяться, что это положит начало его нравственному выздоровлению.

Оптимизм в отношении улучшения нравственного состояния нашего общества подтверждается и динамикой соответствующего индекса, вычисляемого в рамках развиваемой в Институте психологии РАН количественной макропсихологии (Макропсихология..., 2009; Современная социальная реальность..., 2014, с. 92–100; Юревич, Ушаков, 2012; и др.). Индекс¹ фиксирует такие слагаемые нравственной атмосферы общества, как уровень: 1) жестокости, 2) бесчеловечности, 3) несправедливости, 4) цинизма. Операциональным показателем 1-й характеристики служит количество убийств на 100000 жителей, индикатором 2-й – количество беспризорников (точнее, детей, оставшихся без попечительства родителей), индикатором 3-й – индекс Джини, выражающий неравномерность распределения доходов,

1 По существу, это индекс безнравственного состояния общества, ибо он выражает негативные характеристики.

показателем 4-й – индекс коррупции. Разумеется, можно использовать и другие индикаторы нравственности/безнравственности общества и другие способы их индикации, однако и описанный способ представляется вполне приемлемым (вообще все подобные варианты операционализации и количественной оценки качественных явлений – «не догмы, а руководства к действию»). А оцененная подобным способом динамика нравственного состояния нашего общества в годы реформ показана на рисунке 1.

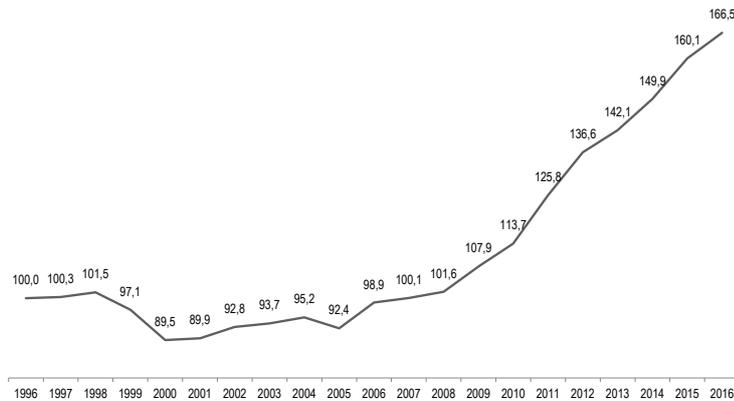

Рис. 1. Индекс нравственного состояния российского общества, 1996 г. (в %)

Как можно видеть на рисунке 1, количественно оцененное нравственное состояние нашего общества обнаруживает положительную динамику с 2008 г., хотя по абсолютному значению соответствующего показателя пока уступает 1990 г., взятому за точку отсчета. Эта оценка позволяет сделать вывод о том, что, хотя нравственное состояние современного российского общества остается в целом явно неудовлетворительным, в последние годы оно обнаруживает тенденцию к улучшению, т. е. основания для оптимизма есть.

Литература

- Абульханова К. А. Социальное мышление личности // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Часть 3. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 88–103.
- Александров Ю. И., Александрова Н. Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

- Арутюнова К. Р., Александров Ю. И. Факторы пола и возраста в моральной оценке действий // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 79–91.
- Воловикова М. И., Журавлев А. Л. Проблемы соотношения феноменов и понятий «Нравственная элита» и «интеллигенция» в современной России // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 691–698.
- Гусейнов А. Философия – мысли и поступок. СПб.: СПбГУП, 2012.
- Дикая Л. Г., Крылова Г. Ю. Личностные детерминанты становления профессионала в особых и стрессогенных условиях деятельности // Субъект и личность в психологии саморегуляции. М. – Ставрополь: Изд-во ПИ РАО, СевКавГТУ, 2007. С. 410–430.
- Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.
- Дондурей Д. Без модернизации массового сознания любые социально-экономические преобразования обречены // Мир перемен. 2007. № 2. С. 70–85.
- Журавлева Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в условиях макросоциальных изменений – индикатор психологического состояния общества // Макропсихология современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 207–278.
- Журавлева Н. А., Журавлев А. Л. Динамика ориентаций различных социальных групп на экономические ценности в изменяющемся обществе // Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы: материалы второй международной научно-практической конференции. Иркутск, 2001. С. 19–25.
- Кирилина Т. Ю. Отечественная социология морали: прошлое, настоящее, будущее // Социологические исследования. 2013. № 6.
- Китова Д. А., Журавлев А. Л., Соснин В. А., Юревич А. В. Коррупция в предметном поле психологических исследований // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 1981–1989.
- Курапова И. А. Духовно-нравственные детерминанты эмоционального выгорания у педагогов // Вестник Адыгейского государственного университета. 2009. Вып. 2 (44). С. 239–245.
- Купрейченко А. Б., Журавлев А. Л. Роль нравственной элиты в российском обществе // Российское общество: проблемы социально-

- го согласия и развития. Серия «Человек и общество». СПб., 2014. С. 19–45.
- Личность профессионала в современном мире. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Лэйард Р.* Счастье: уроки новой науки. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012.
- Макропсихология современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Муздыбаев К.* Эгоизм личности // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 2. С. 27–39.
- Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Патриотизм как фактор эффективного развития российской государственности / Под ред. И. В. Бочарникова. М.: Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, 2015.
- Патриотизм современной российской молодежи: концептуальные основания и технологии воспитания. М.: АЛЬФА-М, 2013.
- Подмена понятий: патриотизм в России. URL: <http://www.levada.ru/27-05-2014/podmena-ponyatii-patriotizm-v-rossii> (дата обращения: 29.05.2014).
- Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, М. И. Воловиковой, Т. В. Галкиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Психологические исследования нравственности / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Психология нравственности / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Психология предпринимательской деятельности: развитие российского предпринимательства в начале 1990-х годов / Под науч. ред. В. А. Бодрова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995.
- Российское общество и вызовы времени. Книга первая / Под ред. М. К. Горшкова и В. В. Петухова. М.: Весь мир, 2015а.
- Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / Под ред. М. К. Горшкова и В. В. Петухова. М.: Весь мир, 2015б.
- Российское общество: проблемы социального согласия и развития / Под ред. В. Е. Семенова. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2014.

- Современная социальная реальность России и государственное управление: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году. В 2 т. М.: ИСПИ РАН, 2014. Т. 1.
- Социально-психологические исследования коррупции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова, В. А. Соснин. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Социальные и ментальные тенденции современного российского общества / Под ред. В. Е. Семенова. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005.
- Стрижов Е. Ю.* Нравственно-правовая надежность личности: социально-психологические аспекты. Тамбов: ИД «ТГУ им. Г. Р. Державина», 2009.
- Сумарокова В. А., Журавлев А. Л.* Доверие предпринимателей к разным видам организаций: региональные и половые различия // Ученые записки ИМЭИ. 2012. Т. 2. № 1. С. 34–42.
- Филинкова Е. Б.* Психология российского предпринимательства. М.: Ректор, 2007.
- Ципко А.* От «праздника революции» к «празднику священной войны с Западом» // Мир перемен. 2016. № 2. С. 174–189.
- Юревич А. В.* Психология социальных явлений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Юревич А. В., Ушаков Д. В.* Экспертная оценка динамики психологического состояния российского общества: 1981–2011 гг. // Вопросы психологии 2012. № 3. С. 30–44.
- Fehr E., Fishbacher U.* The nature of human altruism // Nature. 2003. V. 425. P. 785–791.
- Janoff-Bulman R., Skeikh S.* From national trauma to moralizing nation // Basic and applied social psychology. 2006. V. 28. № 4. P. 325–332.
- Knack S.* Trust, associational life and economic performance // J. Helliwell, A. Bonidowska (Eds). The contribution of human and social capital to sustained economic growth and well-being. Ottawa: HRDC and OECD, 2001.
- Layard R., Dunn J.* A good childhood – searching for values in a competitive age. London: Penguin, 2009.
- Lyubomirsky S., King L., Diener E.* Happiness as a strength: A theory of the benefits of positive effect. Riverside: Univ. of California, 2003.
- Oser F. K., Reichenbach R.* Moral resilience – The unhappy moralist // Morality in context. Advances in psychology / Eds W. Edelstein, G. Nunner-Winkler. V. 137. Amsterdam: Elsevier, 2005. P. 203–224.

Психоманипуляции в духовно-нравственной сфере человеческого бытия

А. А. Гостев

Психология духовно-нравственной сферы (ДНС) человеческого бытия постепенно превращается в развивающееся направление отечественной психологии, связанное с нравственными аспектами, с духовным содержанием. Достаточно указать, например, на изучение механизмов формирования, интериоризации, распространения нравственных представлений на групповом (различного масштаба) и личностном уровнях. Это помогает, с одной стороны, оценивать морально-психологическое состояние общества, и, соответственно, изучать психологию аморального поведения, а, с другой — искать пути повышения нравственного уровня личности, социальных групп и общества в целом (Журавлев, Юревич, 2013а, б). Психология ДНС с необходимостью включает проблематику религиозного менталитета.

ДНС-манипулирование является одним из важнейших каналов глобальной психоманипуляции — тотальных, многоаспектных и многоуровневых информационно-психологических воздействий на современного человека. (Гостев, 2017). Духовно-нравственный элемент есть в любых проявлениях психоманипуляции. Не нуждаются в обосновании: понимание психологического воздействия как информационного оружия; взгляд сквозь «окна Овертона», искажающий образы социального восприятия; подмены понятий, затушевывающие нравственную окраску их содержания. Присутствие нравственного аспекта более чем очевидно в многоликом воздействии экрана — телевидения, кино-, видеопродукции, Интернета, видеоигр. Через экраны этих каналов глобальной психоманипуляции транслируются сцены с проявлением низменных человеческих инстинктов, часто вражды и агрессии. Содержание внутреннего мира человека под воз-

действием рекламы должно выступать особым предметом изучения именно с духовно-нравственных позиций — реклама является высокоуспешным «психопрограммистом-виртуализатором» внутреннего мира личности. Бренды же эффективно бьют по человеку традиционной культуры. Примеры ДНС-психоманипуляций связаны с воздействием политтехнологий в «выборной демократии», с создаваемыми в мировых массмедиа образами терроризма и «цветных революций», с искажениями исторической памяти с целью изменения политического сознания людей (Гостев, 2016, 2017). Очевиден духовно-нравственный аспект изучения основных сфер глобальной психоманипуляции. Манипулирование образами мировой политики и финансово-экономической системы, идеологические психоманипуляции в осуществлении различных проектов глобализма, субъекты информационно-психологических воздействий, воображаемые и реальные угрозы человечеству — вся данная проблематика выводит исследователя на психологию ДНС.

Предварим разговор по тематике данной статьи постановкой следующей проблемы.

Психологическое и духовно-нравственное здоровье

Изучение ДНС-манипуляций предполагает оценку состояния духовности и нравственности не только в РФ, но и в мировом масштабе. А оно достаточно печально. Относительно, например, российского общества это хорошо показано (Юревич, Журавлев, 2012; Психологические исследования нравственности, 2013; и др.). Сразу отметим, что содержание понятия «психологическое здоровье», нужного нам для разговора о состоянии ДНС, размыто, подходы фрагментарны и слабо соотнесены друг с другом (Даниленко, 2014; Нравственность..., 2012; Психология здоровья, 2006; Психология нравственности, 2010; Психологическое здоровье личности..., 2014; Психологические исследования духовно-нравственных проблем..., 2011; Психологические исследования нравственности, 2013).

Измененные состояния сознания

При изучении состояния ДНС полезно привлечь данные по особым/измененным состояниям индивидуального сознания. В них человек может сталкиваться с духовно-нравственными переживаниями. Но особые состояния сознания позволяют говорить как о «расширении», так и об «омрачении» сознания (Гостев, 2008; Гостев, Борисова, 2012). Мощные силы глубинно-подсознательного или «надмирно-

надсознательного» уровней способны «захватывать» сознание человека. В сферах актуализировавшегося «потенциального сознания» человек встречается с силами, способными нанести ему вред. Психология личности не учитывает опасностей, возникающих в особых состояниях сознания, недооценивает, в частности, то, что в глубинном самопознании (на их основе) возможно проявление деструктивных сил, замаскированных под «двигатель» самоактуализации, самопознания, личностного развития и т. п. Это мощнейший психоманипулятор особого рода, имеющий пока гипотетическую для науки метафизическую «тонкоматериальную» природу. Святоотеческий опыт, заостряющий вопрос об источнике религиозно-мистического опыта с *потенциально сильным манипулятивным эффектом*, показывает деструктивную роль для развития личности контактов ее сознания с «закоулками» неосознаваемого психического (Гостев, 2008; Гостев, Борисова, 2012; Иеромонах Максим, 2012). Действительно, что открывается людям в религиозно-мистических переживаниях?

В религиозно-философском наследии человечества допускается прообразы таких переживаний в виде «невидимого духовного мира». Образы могут выступать «созерцанием метафизической реальности». Вспомним об изображениях «невидимого мира» в творчестве художников (Чюрленис, Дали). Отдельная тема связана с иконописью (Гостев, 2008).

Православно-христианская традиция свидетельствует о том, что, с одной стороны, «сфера божественного» может предстать в символах-образах. Через них человек способен восходить к «горным прообразам». С другой стороны, общая установка традиции заключается в осторожном отношении к роли образной сферы в переживании духовных смыслов. Образы связаны с областью страстей (проявлениями «низшего Я») и могут стать проводниками бесполезных для души влияний. Через образы человеку приходит привязанность к «плотскому», пробуждаются страсти и пр. Святыми отцами введено понятие «*прелести*» — искаженного состояния духовно-нравственной и религиозной жизни, при котором человек свои фантазии принимает за действие божественных сил. Возникают иллюзии обладания духовными дарованиями, «высокодушевные» переживания и фантазии-видения принимаются за проявления высокого нравственно-духовного уровня и даже за богообщение. Теория «прелести» показывает еще один важный момент с точки зрения изучения ДНС-психоманипуляций: отрицательные метафизические силы способны питать и художественное, и научное творчество (см.: Творчество..., 2011, 2015; и др.).

Иными словами, существуют *когнитивно-эмоциональные искажения в духовно-нравственном познании с соответствующей поведенческой неадекватностью*. Они возникают во взаимодействии факторов *внутренних* («фантазий о небесном», ожидания и искания «божественных состояний» и др.) и *внешних* (социальное окружение, информационная экология, отрицательные метафизические воздействия). Все три варианта раскрывают важные грани информационно-психологического воздействия на ДНС.

Святоотеческое знание полезно и в плане *различения* состояний прелести в связи с темой истинных и ложных *пророчеств*, которые могут быть проявлением духовного нездоровья, ложно направленной религиозности различных оракулов во все века в различных культурах. Визионерство рассматривается святыми отцами как *душевная болезнь*, связанная с опасным общением с невидимым миром духов. Святоотеческие идеи помогают нам понять следующий аспект в изучении состояния ДНС.

Следует учитывать, что методология школ личностного роста (в рамках гуманистической психологии), «обожествляет» человека в «недолжном состоянии» и своеволии «низшего Я». Эгоистическая самость в ранге высшей ценности вряд ли может быть признана проявлением здоровья ДНС.

В школах личностного роста недостаточно раскрыты его нравственно-психологические принципы. Так, *открытость* к изменению предполагает обогащение человека духовными смыслами. Но человек не осознает, что нельзя принимать новую информацию некритично, «без разбора», что нравственный выбор происходит ежесекундно, и он связан с принятием *реальной* ответственности за влияние на мир дел, слов, мыслей, образов, чувств, что свобода воли может быть как на стороне духа, позволяющего различать добро и зло, дающего свободу от потребностей «низшего Я», так и на стороне зла, требующего свободы реализации для страстей. Необходимо *изживать негативное мироощущение*, но при этом признавать, что сокрушение о несоответствии нравственного состояния человека «божественной искре» в нем отрицательным переживанием не является. Известная установка в школах личностного роста — активная ориентация на *достижение цели*. Но субъективно моральные цели могут быть лишь средствами достижения целей аморальных. В методологии школ личностного роста мы видим также подмены содержания понятий *добра—зла*. Христианство подчеркивает: зло — это противление человека своей изначальной природе, уход от своего предназначения. В мире зло существует в виде «темной силы, паразитом

живущей на теле добра», оно стремится подчеркнуть свою *относительность*, представить себя средством достижения «светлых целей». Проблема добра и зла предполагает изучение *совести* (Воловикова, 2011; Воловикова, Мустафина, 2016), при котором исследователю следует избегать подмен понимания этого «главного внутреннего голоса» в человеке на представления о национально-культурных нормах морали или корпоративных этических кодексах, безнравственность которых человек может не заметить.

Распространенная подмена-манипуляция связана с представлениями людей о *любви*. Христианство подчеркивает, что она является основополагающим принципом отношения человека к миру, к Богу, это Вселенский Закон, который человечество должно познать и воплотить. В любовь нельзя *играть*, *имитировать* ее наличие, тем более осквернять терминологическими подменами (например, называя «любовью» проявления сексуальной похотливости).

С состоянием ДНС связаны искаженные представления о *духовной силе*. Люди часто не чувствуют грани между благодатной духовной силой, отрицательной метафизической силой зла и находящегося под ее влиянием сильным голосом «низшего Я». К какому Я движется человек на тренингах личностного развития?

Еще одна проблема, связанная с темой данной статьи, — манипуляция человеком на пути его духовно-нравственного развития со стороны различных «наставников». Человека загружают социальными установками, в том числе религиозного содержания, ломающими прежнюю картину мира, замещая ее проекциями «учителя». Личности тех, кто берет на себя ответственность «вести других к свету», вызывают тревогу в силу их прелестного состояния, непонимания глубины ответственности за человека.

Отметим также психоманипуляции в соотношении *телесного* и *духовного*. Они основаны на недостаточном понимании тела человека как «сосуда высшего я». «Безупречность телесной формы» все более рекламируется в качестве источника самонаслаждения, инструмента жизненного успеха.

Теоцентричность

Проблематику здоровья ДНС невозможно полноценно понять вне данного принципа (Шувалов, 2012). Но возможности манипуляций с ДНС при этом возрастают, поскольку не все теоцентрические подходы равнозначны. Религиозные тоталитарные секты, например, дают основание говорить о «демоцентризме» (Гостев, 2014, 2017).

В современной психологии возвращению интереса к осмыслению религиозного опыта человека способствует новая методология истории психологии (Кольцова, 2008) и развитие принципа методологического плюрализма (Юревич, 2014). Это укрепляет позиции психологии духовно-нравственной сферы (Гостев, 2007а, 2011а, б, 2015а, б; Гостев, Борисова, 2012), несмотря на то, что теоцентрический подход пока не получил статуса научного. Действительно, с его позиций при осмыслении ДНС нельзя игнорировать «искру Божью» в человеке и идею построения в этой связи «духовной вертикали» («плотское» в подчинении духовному). Поэтому над темой ДНС-здоровья мы будем размышлять с точки зрения *взаимовлияния ее психологического/душевного и духовно-нравственного компонентов при акценте на последнем*.

Интересно осмысление *глобального измененного сознания* людей как некоего системного искажения в познании смыслов человеческого бытия (Гостев, 2014, 2017; Нестик и др., 2016; Психологические исследования глобальных..., 2018; Соснин и др., 2017; и др.). В частности, следует проявить озабоченность духовно-нравственными деяниями носителей современной западной ментальности, отвергающих или релятивизирующих традиционные нравственные ценности, размывающих понятия добра и зла, возвеличивающих интересы «атомарного человека-потребителя». Проявлением нездоровья видится степень подверженности глобальной психоманипуляции современного человека, который становится «слеп» к двойным стандартам политики, к нравственной сущности формирующегося «нового кастового мироустройства», к последствиям «транснационального сетевого общества» и реализации идей трансгуманизма. Рассмотрим эти моменты подробнее.

Новая этика как основа глобальной психоманипуляции

Сегодня на планете разворачивается многоплановая борьба мировоззрений — их скрытое и явное противостояние, осознаваемое людьми ясно или смутно. В этой борьбе переосмысливается вся система отношений человека — к миру и человечеству, к Родине, к согражданам, к людям ближайшего окружения, к самому себе. Переосмысливается и отношение к высшей реальности. Духовно-нравственное нездоровье современного человечества, коррозия его религиозного сознания особо проявляется в «дерзостном взятии на себя роли Творца» (например, в виде манипуляций с материей, генетикой человека, его полом).

Показательно, что национально-культурные особенности в последние десятилетия активно «пиарятся» как устаревшие реалии. Нравственные достижения человечества в культуре продолжают падать под новое, обесценивающее их прочтение. Через разрушающуюся традиционную мораль все явственнее проглядывает новая и достаточно зловещая система ценностей. В результате в человечестве в целом становятся все более заметным депрессивное мироощущение — людям в целом навязывается негативная картина современного мира, связанная с неопределенностью будущего, утратой целевых жизненных установок и духовно-нравственных ценностей. В виртуализирующемся глобальном социокосмосе «белое» легко становится «черным», и наоборот. Это отчетливо видно при сопоставлении новой этики с духовной высотой евангельского Откровения. Как в театре абсурда, все, что традиционно понималось как зло (причем, не только в христианстве), становится «добром», и наоборот. Ложь выдается за истину, грех воспринимается как добродетель — показатель «свободы» личности. Причем добро и зло меняются местами уже на территории зла — зло изобретает и навязывает свое представление о «добре». Именно в разрушении *всех традиционных* представлений о мире православно-христианская традиция видит основное направление удара по человечеству деструктивных сил (Кольцова, Гостев, 2017).

Конкретизируем некоторые грани ДНС-манипуляций.

Антихристианство Запада

Антихристианские установки в западном общественном сознании проявляются сегодня достаточно открыто, например, в высказываниях о начале постхристианской эпохи, всплеске интереса к мистике. Западное общество разрушает фундамент, на котором выросло. Речь идет не только об искажении основ христианской духовной жизни, но и о нравственной распущенности клириков и мирян, включая половые извращения. Отметим, что антихристианскими в Европе являются многие философские идеи уже с эпохи Возрождения и тем более Реформации — секуляризация христианства, идеализация человека, ориентация на материальное и т. п.

Современное нео/псевдолиберальное сознание стало нетерпимым к традиционным мировоззрениям, особенно к христианским ценностям. Мы замечаем добровольное коллективное, как бы осознанное движение (если, конечно, о таком можно говорить при современной глобальной психоманипуляции) к уничтожению влияния на современное человечество всего традиционного в жизни. Дейст-

вительно ли нравственно здоровы люди, не видящие «современного Содома и Гоморры»? Симптомами болезни являются «нравственная слепота» относительно разрушения традиционного брака и семьи, свободы «убийства во чреве», суррогатного материнства, педофилии. Исчезает понятие матери и отца, а термины родитель № 1 и № 2 деформируют суть нравственного воспитания мужчин и женщин. Навязчиво внедряется понятие среднего пола. Детям внушают ложный выбор — быть мальчиком или девочкой.

«Блудное сексуальное поведение» современного человека, в том числе с традиционных позиций противоестественное, обосновывается не только как норма, но и как «божественное явление» (Бейли, 1993). Люди, возражающие против «парадов содомитов», характеризуются как гомофобы. И кто может гарантировать, что приверженцев традиционной нравственности не объявят уголовными преступниками? Ведь национальное и транснациональное «голубое лобби» является мощной геополитической силой.

Антихристианство современного мира определено в выступлениях ряда иерархов Русской православной Церкви МП. Но антихристианство Запада проявилось гораздо раньше. Его пророчески распознал Гоголь. О замещении христианства культом Левиафана писал А. Тойнби. Поражает, как точно уловил суть западного христианства в Легенде о Великом Инквизиторе Достоевский. Доминирующую в мире культуру называет антихристианской и известный на Западе автор — П. Бьюкенен (2003). Все, что считалось постыдным, говорит он, — прелюбодеяние, аборт и др., — сегодня прославляется как достижение прогрессивного человечества.

Духовные тенденции в современном мире соответствуют православно-христианским описаниям апостасии человечества. Святые отцы понимали ее как отход от Бога в псевдохристианство с его гностицистскими корнями. Гностицизму же свойственно многое из идеологии нового мирового порядка — например, создание структур скрытой власти и деление людей на «избранных» и «отверженных». Отношение к последним как к «разумным животным» снимает моральную ответственность по отношению к ним. Гуманизм становится «человечностью», заботящейся об уменьшении лишнего населения планеты с целью сохранить уровень комфорта мировой элите.

Замена нравственной регуляции юридическими нормами

Эта тенденция логично вытекает из предыдущей. Она особенно заметно проявляется в западных и прозападных странах. Но может ли нравственность заменяться правом в принципе?

Если понимать нравственность как отражение *объективно существующих духовных законов в мироздании* (воплощенных в Заповедях, данных человечеству Творцом)¹, то такая замена невозможна. Существование «надмирных» духовных законов сегодня, однако, поставлено под сомнение. В какой мере надо соблюдать то, что не прописано юридически, а тем более мешает свободе? – вопрошает современный человек. Его ответом стало *снятие ограничений для проявления своего «низшего Я»*. В этом пункте мы сталкиваемся с потребительской психологией как важным аспектом изучения состояния ДНС. Интересно, что завышенная самооценка считается многими психологами залогом финансового успеха и личного счастья, универсальным средством от всех проблем. В США люди повышают самооценку приобретением все новых и новых статусных товаров.

Пониманию духовно-нравственного статуса желаний «низшего Я» способствует психологическое прочтение понятия греха² (Гостев, 2008) – нарушение человеком *иерархии составляющих его структур* – на высшую ступень выходит «плотское» начало, которое подавляет духовное, подчиняет себе «душевное» – внутренний мир личности. «Греховный раскол» касается его когнитивной, эмоциональной и волевой сфер. Возможности ДНС-манипуляций возрастают: внешние информационные влияния действуют (преднамеренно и непроизвольно) через желания «низшего Я» человека. Люди получают все большую свободу *для удовлетворения* страстей, а не *свободу от них*. К «демократическому тоталитаризму», оказалось, можно идти и путем безграничного расширения прав личности.

«Вирус либерального сознания»

Данный ментальный вирус блокирует понимание духовной сущности происходящего в мире. В частности, многие люди не понимают того, что либерально-демократические ценности становятся прикрытием формирующегося кастового транснационального «сетевого общества» с надгосударственной системой управления/контроля. Деструктивные духовно-нравственные и психологические последствия этой тенденции, на наш взгляд, не в должной мере осознаются, в том числе и психологической наукой. Тенденция согласия человека на надна-

1 Святоотеческая традиция указывает, что нравственность – это «добропорядочное устройство души человека», основанное на Законе Божьем, и добродетельное проявление этого устройства по отношению к окружающей действительности.

2 Грех есть явление и метафизическое – несоответствие человека своей истинной природе и предназначению.

циональную власть в своих странах – уже проявление «омрачения» сознания, нездоровья ДНС.

Переписывание и переинтерпретация отечественной истории выступает антипатриотической установкой социального восприятия, имеющей выраженное духовно-нравственное содержание. Люди, которые переступили через нравственные нормы, показаны в кинофильмах/сериалах 1990-х годов положительными героями. Но о «кровавых деньгах» заговорили без угрызений совести не только с экранов. В сознание активно внедрялся «информационный вирус» – «человек человеку волк», но никто при этом не вправе давать никаких нравственных оценок. Общество разделилось в нравственном выборе относительно возможности участвовать в разграблении страны (Карамурза, 2000). И многие люди облегченно вздохнули от иллюзорного чувства снятия ответственности перед совестью. Хотя надо признать, что сами люди прельстились привнесенными в их сознание «образами-вирусами». Возникли система идей и особый психологический настрой, определивший состояние ДНС российского общества.

Антироссийский настрой части граждан проявляется в негативных взглядах на историю, государственность и культуру нашей страны. Внутророссийская русофобия является особым духовно-нравственным состоянием, при котором граждане страны не хотят признавать ничего позитивного в ее истории. В определенных кругах, особенно среди так называемой «либеральной интеллигенции», русофобские взгляды считаются даже признаком «продвинутости». Интересно было бы изучить психологические типы русофобствующих личностей, например, открыто говорящих о своих взглядах, сочувствующих, отрицающих в себе русофобию, считающих себя патриотами, но при условии преодоления всего «исторически русского». Отдельный тип – люди, работающие в российской системе образования и науке, а также в СМИиК. Эти люди вынуждены «по долгу службы» проводить в жизнь задаваемые прозападные нормы, стандарты, установки и ценности. Но затем все это в той или иной мере интериоризируется (см.: Психологическое воздействие..., 2012, 2014; и др.).

Из отрицательного отношения Запада к России вытекает не только российская *противозападность* (закономерная реакция патриотического сознания людей), но и *прозападность* (по принципу «полюбим Запад, и это поможет не обижаться на русофобию», на ложные и унижительные оценки отечественных святых и т. п.).

Политико-психологическим исследованиям следует учитывать асимметричность взаимопонимания России и Запада. Духовно-

нравственные достижения российской культуры недостаточно известны на Западе. Западные же ценности достаточно хорошо представлены в истории российской культуры, и многое оценивалось и сегодня оценивается положительно. Но в то же время православно-христианский менталитет воспринимал Европу как «пространство великого отпадения от Истины». Православная душа чувствует, что «прогресс западной цивилизации» — «не от Бога», что многолика похотливость — это цивилизационный тупик, что либерализм — это антихристианская идеология, подменяющая Евангельские ценности, обосновывающая потребности «низшего Я» «свободой» человека.

Психология «внутренней русофобии» частично финансируется субъектами «внешней русофобии» по разным каналам (например, через гранты). Психологически важно изучение того, как влияние внешней русофобии создает условия для формирования внутренней русофобии. Как создается фон, который задает у многих российских граждан предвзятость социального восприятия своей страны, в частности, облегчает искажение фактов, создание ложных трактовок настоящих и прошлых событий? Но многие становятся русофобами по собственной инициативе, часто вследствие нежелания активно противостоять «промыванию мозгов» (формированием понимания происходящего в мире с духовных позиций). Одна из причин внутренней русофобии заключается в том, что идеалом носителей такого сознания является западное «потребительское общество», его система ценностей. Соответственно, в основе русофобии лежит эгоистическое отношение к жизни гедониста.

Такое отношение, однако, не свойственно глубинной российской ментальности (Историогенез и современное состояние..., 2015, 2016). Суть русского духовного патриотизма, содержание которого раскрывает в своих работах И. А. Ильин (Гостев, Борисова, 2012; Лутовинов, Гостев, Шувалов, 2015), состоит в героическом жертвенном служении обществу, в нравственном подвиге во славу Родины, в жизни в соответствии с христианской совестью.

Подчеркнем, что внешняя русофобия через русофобию внутреннюю работает на психологическую и духовную оккупацию России западной цивилизацией с целью ослабления, дезориентации и разрушения страны (см. также: Гостев, 2015, 2017).

Другие нравственные аспекты искажения социального восприятия

Мировые массмедиа в целом действуют при отсутствии моральных ограничений в порождении дезинформации, двойных стандартов,

в циничной подаче материала и т. п. (Гостев, 2017; Кара-Мурза, 2000). Это порождает у людей страхи, растерянность, социальную дезориентацию, рост агрессивности и прочие нарушения в ДНС.

Укажем также на использование в ДНС-манипуляциях искажений содержания главных понятий западной цивилизации: «демократия», «права человека», «гуманизм», «свобода», «либерализм» (см.: Гостев, 2017). В соответствии с либеральными представлениями, например, человек имеет право на любые аморальные действия, если они не запрещены законом. Морально все, что защищает стремление к личной выгоде. Современное представление о гуманизме меняет нравственные ориентиры, создает установку на блокирование передачи традиционных религиозных и культурных ценностей. Ювенальные идеи, например, по сути, запрещают родителям передавать детям собственные ценностные ориентации. Особое место в манипуляции современным «гуманистическим сознанием» играют политкорректность и толерантность как своеобразные блоки осознания в противодействии глобальной психоманипуляции. Любую тему можно закрыть для обсуждения под предлогом неpolitкорректности (ведь даже погодные или спортивные предпочтения могут быть для кого-то неприятны). Обсуждать же негативное содержание данных терминов трудно, поскольку информационное прикрытие солидное — человеколюбие, благие цели, декларации о свободе слова и т. п. Но не будем забывать аналоги понятия толерантности в медицинском смысле¹. Толерантность — это отсутствие удерживающего фактора против распространения деструктивных идей, культов. Толерантность — это прикрытие слабости западного общества сопротивляться не только деструктивным инокультурным влияниям, но и физической агрессии. Европейские мужчины в последние годы продемонстрировали неспособность защитить своих матерей, жен, дочерей. Мужчины, не способные защитить женщин от реального сексуального насилия мигрантов в Европе, показали себя инфантильными, беспомощными. И это следствие того, что представления о традиционной роли мужчины как защитника вытравляется из общественного сознания европейцев.

Святоотеческая традиция подчеркивает: толерантность к греху усиливает зло в мире. Социально-психологическая установка на то-

1 Термин «толерантность» появился для обозначения «терпимости» живого организма по причине ослабления иммунологического ответа на патогенное воздействие. Говоря упрощено, речь идет о неспособности организма сопротивляться болезни. Самым толерантным является организм, умирающий от рака.

лерантность противоположна совести, позволяющей различать добро и зло. В предельном своем развитии толерантность ведет к смерти свободы слова и мысли, к уничтожению нравственности. Не случайно именно защитники толерантности оказываются наиболее нетерпимыми к иным мнениям. Например, радители за права сексменьшинств отказываются считаться с правом людей на приверженность традиционным семейным ценностям.

Ювенальная юстиция

Прикрываясь охраной детства, мощный борец с традиционными семейными ценностями тяжело психотравмирует и отнятого ребенка, и его родителей¹. Причем практика разлучения детей и родителей по сомнительным «ювенальным» причинам возрастает. Детей, например, могут отобрать за предъявление родителями требования прибирать в своей комнате, за ограждение от общения с малолетними преступниками², за воспитание в религиозной традиции. Все громче слышны призывы уважать право ребенка на сексуальную ориентацию. Над семьей осуществляется жесткий социальный контроль, устанавливается уровень материального обеспечения, несоответствие которому влечет за собой изъятие ребенка. Детей знакомят с «их правами» и, соответственно, учат доносить на родителей.

В Европе и США все это уже реальность. И в нашей стране возникает подобная опасность. Понятны потенциальные возможности изъятия из семей миллионов детей в России — из-за бедности семьи, организованной за почти 30 «перестроечных» лет, или за «неправильное» воспитание в соответствии с культурной и религиозной практикой родителей. Самое же страшное, что ювенальные идеи связаны с международным бизнесом детской проституции, порнографии и торговли органами. На наш взгляд, только нездоровым состоянием ДНС можно объяснить тот факт, что права ребенка оказываются менее значимы, чем права педофилов (их права становятся выше прав защитников традиционной нравственности и семьи — см.: Гостев, 2017).

1 Хотя признаем, что порой относительно реально неблагополучных семей ювенальная юстиция детей спасает.

2 По ювенальным законам малолетних преступников надо лишь увещивать «профилактическими беседами». Таким образом общество может получить безнаказанно орудующие в школах, во дворах банды несовершеннолетних «нравственных мутантов» (наркоторговцев, насильников и пр.).

Парадоксально, но психология личности, возрастная психология, психоанализ, психотерапия практически молчат о негативных аспектах ювенальной юстиции. А ведь представителям этих психологических направлений известны последствия лишения ребенка родительской любви, понятны законы закладки системы гендерных установок. Разве им не ясно, что у ребенка, усыновленного гомосексуальной парой, свобода гендерного выбора фактически отнимается.

Духовно-нравственные аспекты новых информационных технологий

В данной теме есть много аспектов (Гостев, 2017, гл. 6), которые невозможно осветить в статье полностью.

Выраженную духовно-нравственную и религиозно-метафизическую составляющую имеют идеи трансгуманизма и «киборгизации неочеловечества». Эти идеи набирают силу параллельно с развитием новых информационных технологий. Данная тематика несет в себе не только идею замены человека как *homo sapiens* неким усовершенствованным человекоподобным существом. Трансгуманизм является, по сути, оккультным антихристианским учением, «выходящим на битву вселенского Света и Тьмы». Об этом и других характеристиках трансгуманизма подробно говорит эксперт в этой области — О. Н. Четверикова (2016).

Создание «нового сверхчеловечества» опирается на сочетание оккультно-магических идей и современных технологий, в частности, генной инженерии, евгенического опыта по клонированию и созданию «искусственной жизни и т. п. Трансгуманизм не только обосновывает новое качество человечества, приобретенного с помощью новых информационных технологий. Он также выражает чаяния бессмертия «высшей касты неоземлян».

Отрадно, однако, отметить озабоченность многих людей генетическо-техническим переустройством человечества. Кем является «человек-киборг» с духовно-нравственной и религиозной точки зрения? Насколько «прогрессивны» идеи неочеловечества, состоящего из *homo* киборгов? В какой мере они сохраняют онтологическое качество «образа Божьего»? Будет ли природа неочеловека обладать этим божественным достоинством или «*homo*-био-роботы» будут уже существами с иной природой? К виртуальному миру глобального киберпространства «человек — образ Божий» вряд ли приспособится, не утратив какой-то сущностной характеристики своей природы. С православных позиций мы видим богоборческий замысел: человек стремится избавиться от нее.

Другим важным духовно-нравственным аспектом роли новых информационных технологий в жизни человечества является построение «глобального сетевого общества». В частности, речь идет об использовании этих технологий в тотальном социальном контроле. Но достаточно очевидно, что Сеть усиливает отчужденность человека в обществе, дает дополнительные возможности в порождении всевозможного сектантства, этносепаратизма и пр. Осмысление же психологической наукой последствий, вытекающих из возможностей «глобального сетевого общества», недостаточно (см.: Китова, Журавлев, 2017; Психологические исследования глобальных..., 2018; и др.). Иллюстрацией этих возможностей являются новые информационные технологии по созданию гигантских мистификаций планетарного уровня (см. о проекте NASA «Blue Beam») (подробнее см.: Гостев, 2017).

Главные манипуляторы духовно-нравственной сферой

Философия постмодернизма

В эпоху постмодернизма получила распространение идея плюралистичности мира, отсутствия в нем абсолютного начала. Не существует и некоего центрального смысла мировой истории. Есть лишь бесконечные, никуда не направленные изменения, бесчисленное множество равновозможных и равноценных «историй человечества». Логика же объявляется равноправной абсурду, что затрудняет человеку возможность разобраться в подобных «ментальных провокациях».

Непроизвольная (непреднамеренная) составляющая постмодернистских взглядов связана с тем, что люди перестали справляться с потоком гуманитарных знаний. И достаточным способом самовыражения был признан подбор человеком цитат, идей, примитивизированных выжимок из произведений классического искусства. *Произвольная* (преднамеренная) составляющая постмодернизма воплощена в известной идее: контроль за производством образов, циркулирующих в обществе, дает власть над его культурной и социально-политической средами. Постмодернизм обесценивает, разрушает моральные, интеллектуальные, эстетические, этические и иные оценки. Вся аксиологическая система личности, групповых субъектов, человечества в целом хаотизируется. В этом постмодернизм служит идее «управляемого хаоса», смене мироустройства на планете. На фоне демонтажа традиционных мировоззрений постулируется построение новой ценностной иерархии, которая подается человечеству (в том числе и на научном уровне) преимущественно в положительном све-

те. Строящийся мир «глобального перехода» уже отчетливо проявляется во всех сферах жизни людей. Прививая слепоту и равнодушие к духовно-нравственной коррозии человечества, постмодернизм становится эффективным помощником в «усыплении совести» людей. Действительно, законы рынка не предполагают милосердия, идея «справедливой мести» оправдывает пролитие крови. Ментальные постмодернистские «перевертыши» в сознании с психологической точки зрения ориентируют человека на «сиюминутное». Все это облегчает глобальную психоманипуляцию.

Масскультура

Постмодернизм деформирует восприятие прекрасного и истинного, уводит от них в мир наркотизирующих образов, создаваемых жанром фэнтези, транслируемых обложками гламурных журналов, рекламой, имаго-символосферой общества в целом. Сегодня мы закономерно видим «слепоту» по отношению к кошунству, рукоплескание «креаклов» циничному и пошлomu. Массовая культура является сильным социально-политическим регулятором. Но может ли человек со здоровой ДНС видеть норму в извращении, а саму норму считать проявлением «устаревшей» эстетики?

Искусство связано с воображением, фантазией, но сегодня эта особенность искусства гипертрофирована. Сила образной сферы человека направлена на подавление его сопротивления вторжению во внутренний мир психоманипулятивных информационных воздействий под видом эстетического материала. Утверждение условности и равноценности всех эстетических и этических систем эффективно служит этой цели. У людей выбивается опора их этических и эстетических норм, ибо главным критерием объявляются личные переживания.

Массовая культура порождает порочный круг возрастания массового оглушения и аморальности: массовое искусство, переработав запрос «низшего Я», предлагает резонирующий ему продукт. И люди потребляют его, формируя следующий заказ.

Ярким видом массовой культуры является *насмешливость, ироничность*, проявляющиеся в анекдотах, телевизионных юмористических передачах, в склонности к «прикольному» и т. п. Взгляд с духовно-нравственных позиций помогают отличать «темный» смех, которым могут, например, осмеиваться совесть, нравственные достоинства человека, серьезное отношение к миру.

При рассмотрении состояния нравственности в России и роли в этом массовой культуры отметим работы А. В. Юревича (2012, 2014). Добавим, однако, некоторые штрихи к выделяемым им тенденциям.

Такова преднамеренное духовно-нравственное растление народов России в постсоветский период. Не секрет, что многие «бизнес-теории», принесенные в 1990-е годы в нашу страну, имеют под собой оккультные основания или кальвинистское обоснование «богоизбранности» лишь богатых людей. Большой темой является спаивание постсоветского народа на фоне депрессии, охватившей большую часть общества после его обворовывания и последующей «люмпенизации». Заметим, что указания на «извечное русское пьянство» до сих пор широко используются в качестве информационно-психологического оружия. Но это искаженный образ православного народа (см.: Гостев, 2017, гл. 5). Также укажем на то, что представления о «правильной жизни» задаются людям с позиции «жизнь должна быть непрерывным развлечением». Соответственно смыслом жизни становится поиск денег на эти цели. Возник и «культ тела», работающий на нарциссизм. Отметим и «безумия спортивных болельщиков», зависящие от политики и, соответственно, от психоманипуляций, связанных с ней, как, например, события вокруг отстранения российской сборной от Олимпийских игр 2018 г.

Важный аспект изучения ДНС-психоманипуляций через массовую культуру связан с тем, что именно она помогает общественному сознанию принять то, что до того не принималось. Механизм «окон Овертона» связан с тем, что на общество оказывается некое целостное неосознаваемое людьми аморальное влияние, формирующее готовность людей к приятию проявлений зла (Смирнов, 2003).

Информационно-психологические атаки на традиционные религиозные ценности

Наиболее сильно сопротивляются информационным воздействиям и подменам (преднамеренно созданным и произвольным) *религиозные традиции*. Религиозный менталитет выступает «призмой», задающей мировосприятие, является мощнейшим регулятором поведения. Гуманитарная наука, в частности психология, недостаточно знает о взаимосвязи пробуждающегося традиционного религиозного сознания, его различных подмен-симулякров и многопланового «секулярного менталитета». В этом плане очевидна значимость изучения образов «культуро-генетической памяти» группового субъекта и влияния этой памяти на исторический опыт, на социальное восприятие (Гостев, 2012, 2015а, б). Исследователь не должен упускать из вида особую значимость осмысления человеком *духовной*

сушности социально-политических процессов в мире в их влияния на нашу страну. Обращение к отечественной духовно-нравственной и религиозной традиции и рассмотрение, прежде всего, православной ментальности (осознаваемой людьми или нет) как фактора социального восприятия становится все более актуальным.

Итак, пришло время исследовать влияние *религиозной веры* на внутренний мир человека (на его социальные установки, ценностные ориентации и т. п.), на групповое сознание и «коллективное неосознаваемое». Для этих целей недостаточна традиционная для психологии опора на «психологию разума» (Юрьев, 2006). Психология личности в вопросе о связи феномена веры с эмоционально-волевой сферой человека, его убеждениями, жизненными ценностями, системой отношений должна особое внимание уделять религиозной вере, в которой психологические характеристики человека раскрываются особым образом. Психологии следует подходить к феномену религиозной веры не как к слепому доверию к непроверенному знанию, а как к особому таинственному восприятию мироздания, специфическому способу получения информации о нем через интуитивное проникновение в онтологию духовного мира. Религиозная вера — это особый вид познания невидимого мира, канал связи человека с «высшей реальностью» (см.: Тайнов, 2002). Очень точно говорит о религиозной вере в этих смыслах И.А. Ильин (Гостев, Борисова, 2012; Ильин, 1993). Православная вера в сегодняшнем мире — духовный дар. Он не описан в психологических категориях (см., напр.: Психологические исследования личности..., 2007, 2016; Психологическое здоровье личности..., 2014; и др.). Но этот дар помогает человеку совершенствоваться, что должно представлять для психологии личности познавательный интерес.

Следует изучать религиозную окраску представлений о правовых и этических нормах, о собственности и финансах, о семье, трудовой деятельности и т. д. Знание об обусловленности социального поведения людей религиозной верой углубляет научное понимание детерминации политических событий в мире. Опасения исследователя в отношении подобной тематики — из-за обвинений в предвзятости, некорректности подходов, «конспирологических фантазиях» или из-за прогнозируемой реакции на ранее сокрытое знание — лишь подчеркивает значимость изучения связей религиозных и политико-психологических феноменов. Так, В.В. Можаровский (2002) указывает, что изучение проявлений религиозного менталитета в социально-политической жизни предполагает рассмотрение влияния содержания веры на поведение, мышление, сознательные и неосозна-

ваемые установки людей, их мироощущение, представления о «добре и зле», волевою регуляцию жизнедеятельности и пр.

Чрезвычайно актуально осмысление влияния религиозного менталитета на структуры геополитических субъектов в современном мире. Базисная религиозная установка обуславливает единство связанного с ней геополитического образования: а) католическая и протестантская Европа и Америка – НАТО/ЕС и т. п.; б) наднациональный исламский мир; в) буддийский мир стран Юго-Восточной Азии; г) «транснациональный иудаизм»; д) современная «постправославная Россия/СНГ». Эти субъекты в мировой политике выражают как унифицированные ценностные ориентации и общие политические цели, так и специфику сознаваемых и неосознаваемых политических установок.

Православно-христианская традиция дает глубинные ориентиры оценки мировых социально-политических процессов. Именно традиционное для исторической России православное мировосприятие несет в себе неприятие лежащей в основе процессов глобализации идеологии «мондиализма», имеющей оккультную основу и предполагающей преобразование мира: уничтожение расово-этнических, религиозных, национально-культурных границ, слияние стран во всемирное государство с наднациональной властью. «Научное» признание процессов глобализации объективными и неизбежными является для истинно православного человека маскировкой построения «царства антихриста», строительства «Нового Вавилона». Но, согласно тем же пророчествам, именно «русское православное царство» противостоянет воссозданному «неоязыческому Риму» с Антихристом во главе. И это тоже фактор политической жизни современной России, поскольку проявления глобализации для многих людей (не только православных) неприемлемы с нравственной позиции – идея «золотого миллиарда», предполагающая меры по сокращению населения планеты, социал-дарвинизм, тотальный контроль за личностью в «компьютерном концлагере», новые этические нормы, культурные стандарты и др.

Симулякры против религиозных традиций

Разрушение мировых религий, идущее на протяжении последних веков, в последние десятилетия усилилось. С 1993 г. подготавливается создание «Организации объединенных религий» с целью «благословлять» решения, выработанные публичной и непубличной мировой политикой (Рябинин, 2009).

Для подрыва традиционного религиозного сознания людей используются влияния деструктивных религиозных культов/организаций (оккультные, псевдохристианские секты и пр.) (От чего нас хотят «спасти», 2001; Соснин, 2012)*. То, что мы знаем о псевдорелигиозных и сектантских опытах, в частности, о «коммерческом неоязычестве» движения New Age, свидетельствует о том, что традиционная религиозность рушится. В мире возникло множество религиозных сект (преимущественно восточной направленности), ставящих своей задачей обучение целительству, магии, развитие экстрасенсорных способностей и пр. Все это – мощный фронт глобальной информационной духовно-психологической войны. Показано, например, использование сектами скрытых лингвистических конструкторов, призванных вызывать «православное благоговение» (Смирнов, 2003).

Плюрализм псевдорелигиозного опыта в сектах, школах личностного роста и т. п. структурах *способствует манипулированию религиозным сознанием, оказывает влияние на политические установки людей и противоречит традиционным религиям*. Постмодернистская идея равноценности любого религиозного опыта успешно создает их подмены-симулякры. Возникающий «богословский примитивизм» при мощном психоманипулятивном сопровождении разрушает ДНС². Ведь в традиционных религиозно-философских системах человек получает многовековой опыт сопротивления этой деструкции. Ориентация же на непосредственный мистический опыт в измененных состояниях сознания, по сути, порождает лишь фантазии о «божественном» (вспомним святоотеческие идеи о «прельщении»).

Поскольку традиционные религии все же сопротивляются своему разрушению, субъектам глобальной психоманипуляции важно подменить религиозную традицию ее внешними проявлениями, обрядностью, поверхностной этикой, разрушить теологическую доктрину, духовную практику. Для этого поощряется растворение конфессиональных границ в «общерелигиозном» опыте. В возникающих симулякрах перемешаны искаженное традиционное религиозное содержание и его современная подмена с прагматической ориентацией.

- 1 Центрами «новой духовности» являются магазины, наполненные эзотерическими товарами. В России функционируют крупные псевдодуховные структуры, проводящие тренинги-семинары, социологические исследования, издающие литературу и др.
- 2 Появились факты христианской исповеди через sms или через Интернет. На очереди, наверное, виртуальные игры в мировое многообразие богослужений и другие проявления «духовной» практики во всемирной паутине.

Религиозная традиция, лишённая своей основы, разъедается изнутри, сохраняя лишь оболочку. Но именно такие религиозные симулякры включены в систему глобальной психоманипуляции.

Объектом сильных информационно-психологических атак выступает православие. В России это, в частности, атаки на него со стороны «внутреннего Ватикана» (Грачева, 2011). В книге православного публициста В. П. Семенко (2013) описаны модернистские течения в православии, показана опасность церковного реформизма, модернизма, подрывающих православную традицию. Современные ее представители подчеркивают (Старец Паисий..., 2002–2008), что в результате возникает формальное православие, лишённое духовной силы.

На пути к единой мировой религии

Построение нового мирового порядка затрагивает не только геополитику, мировую экономику, но и идеологию. Она является неким «общерелигиозным проектом» нового мироустройства. Иоанн-Павел II говорил, например, что *объединенная вера* будет способствовать «миру и безопасности», и призывал все религии поступиться своими принципами во имя этого.

Возникает актуальная тема психологического изучения «экуменического религиозного сознания». Экуменизм, возникнув как движение за объединение христианских конфессий, сегодня претендует на объединение и других религиозных культов, в том числе демонической природы. Понятно, что при создании единой религии возникает много значительных и травматичных психологических проблем у представителей традиционных конфессий, склонных опираться на фундамент теологических и духовно-практических традиций. Люди смогут формально остаться в своих конфессиях, но от них потребуется признание приоритета единой религии. Но таковая вырастает из различных религиозных идей, противоречащих друг другу учений (включая деструктивные культы). Помимо возникшей очевидной путаницы в системе социальных установок (сознаваемых и неосознаваемых человеком), это будет для многих людей означать предательство веры. Возникает вопрос о «психологии стояния человека в верности своей Традиции», причем с учетом ее коррозии и подмен. Для православного христианина сопротивление богоотступничеству имеет особое значение, поскольку критерии предательства веры заданы очень четко.

С другой стороны, отметим следующий важный момент в психоманипуляциях вокруг идеи универсальной религии — ее строительство незаметно для людей, не знакомых с традицией.

Постоянные манипуляции с религиозным сознанием — продвижение идеи «земного рая» — так называемый *хилиазм*. Идея прихода Мирового Спасителя (Учителя и т. п. — Майтреи, Калки, Махди и др.) присутствует в различных религиях).

Иными словами, мы видим, как сегодня на идеи «земного рая в новой эре человечества» работают оккультные учения, древние и современные. Метафизика данных учений допускает появление новой человеческой расы («неочеловечества», о котором шла речь). Проблемы понимания духовно-нравственной сути «трансгуманизма», киборгизации человечества связаны именно с этим вопросом.

Идеи трансгуманизма снимают острую для современного общества тему конспирологического сознания. О приходе к власти на Земле определенных «сверхчеловеческих сил» и о необходимых шагах по претворению в жизнь данного проекта говорится уже открыто.

Заключение

Главный вопрос в изучении проблемы психоманипуляции ДНС — противостояние ее воздействиям на различных уровнях — конкретной личности, социальных групп, субкультур, общества, человечества в целом. Контрманипулятивные ресурсы заключены в состоянии самой духовно-нравственной сферы, которое может блокировать возможности глобальной психоманипуляции, а может и усилить ее. В мире происходит столкновение смыслов и ценностей человеческого бытия, метаисторических сил. И это главный метауровень планетарной информационно-психологической войны (см.: Китова, Журавлев, 2017; Психологические исследования глобальных..., 2018; и др.).

Принципиальный пункт в изучении противостояния коррозии ДНС связан с ролью пока гипотетического для науки метафизического аспекта вопроса (но, подчеркнем, известного религиозно-мистическому опыту человечества) — наличия «светлых созидательных, сил» и сил темных — отрицательных, деструктивных. Это может быть понято как проявление указанного в статье системообразующего теоцентрического принципа в становлении психологии ДНС. В организации планетарной информационной среды отрицательный метафизический фактор, на наш взгляд, является манипулятором особого рода и чрезвычайной силы, действия которого замаскированы. Но есть основания считать, что люди мыслят, чувствуют, действуют под значительным влиянием отрицательных метафизических сил, не замечая этого, или, более того, считая, что их нет в реальности.

Соответственно, противодействие психоманипуляциям в ДНС возможно лишь при условии выстраивания человеком своей «духовной вертикали» из высших смыслов человеческого бытия.

Литература

- Абраменкова В. В.* Социальная психология детства. Учебное пособие. М.: Пер Сэ, 2017.
- Бейли А.* Проблемы человечества. Нью-Йорк—Лондон: Люцис Паблшинг, 1993.
- Бьюкенен П.* Смерть Запада. М.: АСТ, 2003.
- Воловикова М. И.* Нравственная психология: задачи, методы и современное состояние // Проблемы нравственной и этической психологии в современной России. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 21–39.
- Воловикова М. И., Мустафина Л. Ш.* Представления о совести в российском менталитете. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Гостев А. А.* О проблемах становления религиозно-ориентированного психологического знания // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2007а. Т. 4. С. 35–45.
- Гостев А. А.* Психология вторичного образа. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007б.
- Гостев А. А.* Психология и метафизика образной сферы человека. М.: Генезис, 2008.
- Гостев А. А.* Святоотеческая и научная психология: на перекрестке проблем // Материалы XVIII Международных Рождественских образовательных чтений «Психология воспитания и образования современного человека: диалог со святоотеческой традицией». М.: ПИ РАО, МГППУ, 2011а. С. 147–155.
- Гостев А. А.* Психология духовно-нравственного начала человека — направление развития методологических основ психологической науки // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011б. С. 360–378.
- Гостев А. А.* Религиозный менталитет как политический фактор: на «перекрестке» исторической и политической психологии // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. В 2 ч. Ч. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 87–90.
- Гостев А. А.* Психологическое и духовно-нравственное здоровье личности: о некоторых современных симптомах «болезни» // Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы

современного российского общества. Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 132–153.

- Гостев А. А.* Влияние православно-христианской традиции на российский менталитет как проблема исторической психологии // Историогенез и современное состояние российского менталитета. М. Изд-во «Институт психологии РАН», 2015а. С. 25–47.
- Гостев А. А.* Духовно-нравственная сфера человечества как проблема психологического здоровья и измененных состояний сознания // Психология сознания: этнонациональные, религиозные, правовые и регулятивные аспекты: Материалы международной научной конференции 15–17 октября 2015 г. Самара, 2015б. С. 240–245.
- Гостев А. А.* Проблема психоманипуляций исторической памятью в российском обществе в кризисный постсоветский период // История отечественной и мировой психологической мысли: Судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций: Материалы всероссийской конференции по истории психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 499–506.
- Гостев А. А.* Глобальная психоманипуляция: психологические и духовно-нравственные аспекты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Гостев А. А., Борисова Н. В.* Психологические идеи в творческом наследии И. А. Ильина: на путях создания психологии духовно-нравственной сферы человеческого бытия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Грачева Т. В.* Память русской души. Рязань: Зерна-Слово, 2011.
- Делягин М. Г.* Светочи тьмы. Физиология либерального клана: от Гайдара и Березовского до Собчак и Навального. М.: Книжный мир, 2016.
- Даниленко О. И.* Основные дисциплинарные подходы к пониманию душевного здоровья // Концепт душевного здоровья в человекознании. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2014. С. 17–71.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В.* Введение // Психологические исследования нравственности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013 а. С. 5–10.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В.* Психология нравственности как область психологического исследования // Психологический журнал. 2013б. Т. 34. № 3. С. 4–14.
- Иеромонах Максим (Попов).* Анализ и критика внеконфессионального мистицизма как методологической основы трансперсональной психологии: Богословский аспект. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета, 2012.

- Ильин И. А.* Аксиомы религиозного опыта. М., 1993.
- Историогенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. В. А. Кольцова, Е. В. Харитоновна. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Историогенез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Е. Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Кара-Мурза С.* Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000.
- Китова Д. А., Журавлев А. Л.* Социально-психологические детерминанты развития глобальной информационной сети // Наука. Культура. Общество. 2017. № 3–4. С. 10–21.
- Кольцова В. А.* История психологии: проблемы методологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Кольцова В. А., Гостев А. А.* Метаисторические аспекты исторической психологии: новые грани в изучении менталитета // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 45-летию ИП РАН и 90-летию со дня рождения его создателя и первого директора Б. Ф. Ломова (ноябрь 2017 г., Москва). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Кольцова В. А., Журавлев А. Л.* Российский менталитет как предмет психологического исследования: сущностные характеристики и факторы формирования // Историогенез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 7–37.
- Концепт душевного здоровья в человекознании / Отв. ред. О. И. Даниленко. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2014.
- Лутовинов В. И., Гостев А. А., Шувалов А. В.* Духовно-религиозная концепция патриотизма Ивана Александровича Ильина и вызовы современности // Берегиня*777*Сова. 2015. № 2 (25). С. 368–385.
- Можаровский В. В.* Догматическое мышление и религиозно-ментальные основания политики. СПб.: Изд-во ОВИЗО, 2002.
- Нестик Т. А., Соснин В. А., Журавлев А. Л.* Социально-психологические аспекты геополитической стабильности и ядерного сдерживания в XXI в. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- От чего нас хотят «спасти» НЛЮ, экстрасенсы, оккультисты, маги. М.: Даниловский благовестник, 2001.

- Психология здоровья. Учебник для вузов / Под ред. Г. С. Никифорова. СПб.: Питер, 2006.
- Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Психологические исследования личности и ее ценностного мира в современном российском обществе: Сб. науч. трудов. Казань: КГТУ, 2007.
- Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / Отв. ред. М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Психологические исследования нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации: Механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Т. В. Галкина. Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Психология нравственности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Рябинин В. А.* Идеология «тайны беззакония»: философский и политический анализ идеологии «мондиализм». М.: Аиро-XXI, 2009.
- Семенко В. П.* Как разрушают Церковь. Изд. 2-е, второе, перераб. М.: Великий град, 2013.
- Семенов В. Е.* Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. СПб., 2008.
- Смирнов И. В.* Психозкология. М.: ИД «Холодильное дело», 2003.
- Соснин В. А.* Проблема религиозных и ненаучных духовных практик в воздействии на массовое сознание населения // Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противо-

- действия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 247–265.
- Соснин В. А., Китова Д. А., Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Юревич А. В. Массовое сознание и поведение: Тенденции социально-психологических исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Старец Паисий Святогорец. Слова: В 5 т. М.: ИД «Святая гора», 2002–2008.
- Тайнов Э. А. Трансцендентальное: Очерк православной метафизики. М.: Мартис-Пресс, 2002.
- Творчество: наука, искусство, жизнь: Материалы Всероссийской научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Четверикова О. Н. Диктатура «Просвещенных»: Дух и цели трансгуманизма. М.: Благословение. Техинвест-3, 2016.
- Шувалов А. В. Здоровье личности: мировоззренческий и методологический аспекты // Современная личность: Актуальные проблемы и пути их решения. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 76–99.
- Юревич А. В. Нравственная деградация как угроза национальной безопасности России // Проблемы психологической безопасности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 25–46.
- Юревич А. В. Психология социальных явлений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Юревич А. В., Журавлев А. Л. Нравственные проблемы современной России (вместо введения) // Нравственность современного российского общества: психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 5–20.
- Юрьев А. И. Концепция стратегической психологии // Стратегическая психология глобализации: психология человеческого капитала. Учебное пособие. СПб., 2006. С. 13–55.

Патриотизм как характеристика личности и больших социальных групп в условиях современного геополитического противостояния

В. А. Соснин, Ю. В. Ковалева

Современное состояние исследований патриотизма как личностной и групповой характеристики

Феномен патриотизма как один из базовых компонентов общественного сознания имеет комплексную структуру и является объектом изучения многих общественных наук, в первую очередь истории, этнологии, социологии, политологии и психологии. В Институте психологии РАН разработка этого феномена получила фундаментальную реализацию в рамках различных исследовательских направлений (см. также: *Историогенез...*, 2016; Соснин и др., 2017; *Фундаментальные и прикладные исследования...*, 2017; и др.).

Так, прежде всего, утверждается, что патриотизм может и должен быть предметом научного анализа, несмотря на значительные контаминации содержания этого понятия в представлениях обыденного сознания и идеологических ассоциациях (Журавлев, Юревич, 2016б).

Показано, что *патриотизм* — многосоставное явление, а основными элементами его ядра выступают: чувство любви к Родине, готовность приносить личные интересы в жертву общественным, соответствующее поведение и идентификация со своей страной, ее историей и народом. При этом соответствующие компоненты патриотизма неоднозначны и находятся в непростых отношениях друг с другом. С одной стороны, это усложняет понимание патриотизма и его применение к различным ситуациям, с другой, является актуальной проблемой, в решении которой может сыграть решающую роль именно психологическая наука (Юревич, 2016а; Юревич, Журавлев, 2016).

Анализ проблемы также показывает, что в психологии патриотизм целесообразно рассматривать как минимум в двух качествах:

как высшее социальное чувство и как форму социального поведения. Как социально ориентированное чувство отдельного человека патриотизм может оцениваться по интенсивности наряду с другими высшими социальными чувствами и индивидуально-психологическими, например личностными, характеристиками. Когда патриотизм рассматривается как поведение, могут быть выделены существенно различающиеся между собой типы, такие, как неконструктивный (имперский), конструктивный (проблемный) и конформный (Лебедев, Гордякова, 2016).

Однако патриотизм рассматривается не только как индивидуальное, личностное качество и поведенческая характеристика, но и как *групповой феномен*, основа национального самосознания, системообразующий фактор, выполняющий ряд функций:

- будучи важнейшим внутренним резервом развития общества, патриотизм выполняет *функцию объединения государства и сохранения нации как единого целого* (культурного, территориального, государственно-политического, экономического, духовно-религиозного);
- в качестве регулятора поведения, ориентированного на формирование готовности к охране и защите отечества, его государственного суверенитета, патриотизм выполняет *функцию фактора обеспечения национальной безопасности страны в самом широком смысле слова, мобилизации народа в экстремальных ситуациях*;
- патриотизм способствует укреплению духовной связи человека с его культурой, историей и тем самым обеспечивает *историческую преемственность развития общества* (Историческая психология..., 2004; Кольцова, Соснин, 2005; Королев и др., 2011; Соснин, 2009).

Важно отметить, что вышеназванные функции являются связующими между личностью и обществом, между поведением конкретного человека и общественным сознанием, носителем которого он является. Необходимо подчеркнуть, что при исследовании проблематики патриотизма особое практическое значение приобретает исследование специфической формы общественного сознания – *исторического сознания*, охватывающего знания, понимание и отношение субъектов к историческому прошлому в его взаимосвязи с реалиями сегодняшнего дня. А одной из основных функций патриотизма, как известно, является *функция объединения государства и сохранения нации как единого целого* (культурного, территориального, государственно-политического, экономического).

Патриотизм, национальное самосознание и этноцентризм (национализм): соотношение понятий

Немаловажным представляется анализ походов к пониманию самих понятий *патриотизм, национальное самосознание, этноцентризм и национализм*.

Концепция патриотизма в психологической науке восходит к концепции этноцентризма, впервые предложенной представителем социального дарвинизма У. Самнером в 1906 г. (Le Wine, Campbell, 1972). Эта концепция базируется на методологическом принципе бескомпромиссной борьбы за существование, которая определяет характер отношений между людьми и группами в человеческом обществе («побеждает сильный») (Metraux, 1983).

В содержательном плане *этноцентризм* – это совокупность групповых представлений, эмоционально-чувственных состояний, а также идеология взаимоотношений и взаимодействий между собственной группой и другими группами. Субъектами этноцентризма являются разные сообщества, которые дифференцируются от других по этническим (происхождению, по крови), религиозным, социальным и другим признакам и могут рассматривать себя как «мы», а всех остальных – как «они». Позитивные характеристики своей группы резко подчеркиваются и преувеличиваются, а свойства других групп и их члены оцениваются по стандартам собственной группы (часто не всегда объективным) и при этом принижаются. Эти установки и соответствующая идеология обуславливают неизбежность отчужденности, враждебности и взаимной агрессивности в отношениях между сообществами (Соснин, 1997; Соснин и др., 2017; Социальная психология, 2002; и др.).

Наряду с понятием этноцентризма в психологии, общественно-политической и идеологической практике используется ряд других терминов, которые либо синонимичны, либо очень близки по своему содержанию к понятию этноцентризма (национализм, шовинизм и др.).

В одном случае *национальное самосознание* понимается как отождествление (идентификация) себя с национальной или этнической общностью в качестве целостного сообщества (этноса, нации, народа), объединенного теми или иными общими признаками (происхождение, культура, язык, территория и т. д.). Такому самосознанию свойственно стремление к сохранению этих общих признаков и через них – к своей самобытности и целостности (как культурно-уму типу), готовность отстаивать и защищать их и в то же время спо-

способность ассимилировать новое, обогащающее жизнь сообщества на почве своей культуры и адаптироваться к изменяющимся условиям жизни. Главная особенность такого типа национального сознания состоит в том, что ее носители признают равное право всех «других» на их самобытность, их способ жизни, ценности, нормы и т. п. и не считают возможным навязывать другим свои представления, нормы и ценности.

Такое самосознание составляет основу нормального, здорового *чувства патриотизма*, отражающего верность и преданность своей общности, а также включает в себя уважение к представлениям и образу жизни других общностей (Рощин, 1993).

Но уже на ранних этапах цивилизации самосознание человеческих сообществ стало принимать другие формы. Возник и сохраняется до сих пор иной способ «конструирования действительности». При этом типе национальное самосознание неизбежно включает в себя чувство превосходства над другими и переживание того, что «мы» лучше, умнее, сильнее и т. п., чем «они». Такой тип самосознания и составляет сущность *этноцентризма*, в основе которого лежит чувство превосходства, основанное не только на этнических и национальных, но и на политических и идеологических предпосылках, т. е. по сути — национализма.

Противоречие подобных трактовок национализма состоит в том, что идеология, оправдывающая господство одних наций над другими, не может считаться идеологией движения за национальную независимость. Национализм всегда остается национализмом, если в его идеологии сохраняются представления о неравенстве, с доминированием одних наций над другими.

На основании сказанного содержательное определение понятия *национализм* в сопоставлении с понятием *патриотизм* можно сформулировать в двух вариантах.

Во-первых, *национализм* как доминанта национального самосознания может означать установку на идентификацию себя с определенной нацией или общностью, признавая единственную обязанность — реализовывать ее интересы, а также обеспечивать для нее больше власти и престижа (установка на расширяющуюся экспансию своей группы и культуры).

Во-вторых, национализм многими авторами определяется как самоидентификация со своей нацией, осознание общности со своим национальным целым и естественная любовь к своему отечеству с одновременным уважением и признанием права на национальную самобытность других национальных сообществ.

В этой связи необходимо отметить, что в современной научной литературе и в массовом сознании слово *национализм* употребляется в первом значении, предельно близком к понятию *шовинизм* (Доган, 1993; Орлова, 2013).

Между тем в отечественной литературе 1920-х годов (см., напр.: Трубецкой, 1993) и в современной зарубежной научной литературе распространена другая трактовка *национализма*. В западных социологических исследованиях используется пять индикаторов национализма: чувство национальной гордости, но не исключительности; высокая степень доверия к своей национальной армии; готовность защищать свою страну в случае войны; положительное отношение к национально-государственным символам — флагу, гимну; чувство принадлежности к определенному сообществу (этническому, суперэтническому, т. е. объединяющему группу этносов) (см.: Доган, 1993). В таком понимании *национализм* становится синонимичным понятию *патриотизма* и отражает осознание единства, общности с национальным целым и исключает утверждение привилегированного положения одной нации среди других.

Заключая краткий анализ вопроса о соотношении понятий, отражающих восприятие людьми своей принадлежности к той или иной общности и отношений между общностями, можно сказать следующее. Родовым, основополагающим, является понятие *этнического самосознания*. В зависимости от трактовки его содержания и смысла возникли два ряда производных понятий. В одном ряду находятся — *расизм* и *национализм* в форме *шовинизма* и т. п. Другой ряд включает такие понятия, как *патриотизм* и *интернационализм*. В их основе лежат признание *самобытности* и *самоценности* человеческих сообществ и в то же время осознание их права на существование без неизбежной конфронтации друг с другом.

Историческое сознание в условиях информационной войны

В связи с обострением в последние годы геополитического противостояния в условиях глобального информационного воздействия на национальное и историческое самосознание с целью его трансформации или даже разрушения особую остроту и актуальность принимает проблема реализации объединяющей функции патриотизма (Психологическое воздействие..., 2012).

Информационные войны — средство психоисторической войны, направленной на подрыв исторической субъектности геополитического оппонента. Мишенями информационных войн являются боль-

шие социальные группы, объединенные общностью национальных, территориальных, половозрастных, профессиональных, культурных и других признаков. В качестве примера такой войны можно назвать так называемую «холодную войну» и ее промежуточный успех в виде распада в 1991 г. СССР, когда прекратила свое существование такая уникальная историческая общность, как «советский народ».

Стоит отметить, что разрыв между разными историческими эпохами в развитии нашей страны — досоветской, советской, постсоветской, созданный в сознании людей искусственно, прежде всего, с помощью идеологии, обуславливает идентификацию лишь с одним из фрагментов истории страны, с тем или иным аспектом отечественной культуры. Такое положение ведет к возникновению конфликтности в сознании людей (см. также: Проблемы социальных конфликтов..., 2018; и др.), формирует *стойкие эмоциональные состояния неудовлетворенности и ущербности* в восприятии своей истории, обедняет их историческое мировосприятие, уменьшает базис развития национального самосознания. Крушение ценностей и идеалов социализма для многих россиян стало почвой для «разочарования» в своем отечестве. Не только молодые, но и старшие поколения оказались не связанными кровно с историческим бытием и самосознанием своей страны, которые по своей общечеловеческой ценности не уступают истории и культуре любой другой страны. В результате в настоящий период большая часть наших сограждан дезориентированы в духовно-ценностном плане. Имеет место размытость и неопределенность национального самосознания и национальной самоидентификации; распространены настроения и мнения о «ненормальности», «нецивилизованности» и «некультурности» России, о необходимости «учиться жить и мыслить» у западных стран; внушается идея о связи исторических перспектив развития России с ее вступлением в «цивилизованный мир». Важно помочь людям осознать единство и одновременно многообразие исторического прошлого России, преемственность культурных традиций, их безусловную ценность как основания развития современной культурной и общественно-государственной жизни (Кожин, 2002).

Однако представляется, что исчезновение с политической арены того или иного исторического субъекта не означает его исчезновение как субъекта психологического или коллективного (Журавлев, 2002, 2007). Этому есть очевидные подтверждения в общественной жизни ряда стран постсоветского пространства. Например, акция «Бессмертный полк», впервые организованная в 2012 г. как частная инициатива в одном из российских городов, почти сразу была под-

хвачена в СНГ, и начиная с 2015–2016 гг. переросла в общемировое движение, которое на данный момент поддерживает свыше 60 стран. Общая история бывших соотечественников и совместная борьба многих народов мира против фашизма в середине XX в. явились основой демонстрации их современных намерений, направленных на сохранение исторической памяти. Акция «Бессмертный полк» позволила продемонстрировать не только коллективную память, эмоции и чувства, но и готовность действовать сообща в больших социальных группах, а также способность к их самоорганизации.

Большие социальные группы как субъекты психоисторических войн: историко-политический дискурс в XX–XXI вв.

Социально-психологический анализ *больших социальных групп как коллективных субъектов* (подробнее см.: Журавлев, 2007; Журавлев, Емельянова, 2009), являющихся основными участниками информационных войн с позиций не только их уязвимости, но и ресурса сопротивления различным информационным воздействиям, может выступать одним из направлений изучения проблематики *психоисторической войны и патриотизма*.

Представляется, что сопротивление (противостояние) больших социальных групп информационному давлению, будучи коллективным феноменом, может являться источником состояний, переживаний, отношений, представлений отдельной личности, реализующей в своем поведении различные уровни группового и общественно-го сознания.

Проблема воздействия современного российского общества, его информационно-психологической безопасности, в том числе информационного, является одной из актуальных (Психологические проблемы..., 2012; Психологические исследования проблем..., 2013; Психология человека и общества..., 2014). Проблема деструктивных воздействий информации, ее сознательного искажения и конструирования специальных дискурсов остро встает в связи с активной медиацией современной жизни, влияние которой по определению направлено на большие социальные группы (Павлова, Журавлев, 2007; Психология дискурса..., 2016). Исследование конкретных технологий, например, закономерностей психологического воздействия СМИ и тенденций модификации постсобытийного дискурса по отношению к исходному новостному поводу, на данный момент уже получили свое развитие (Гребенщикова и др., 2016; Матвеева, 2016).

Психологические исследования больших социальных групп открывают возможности анализа уровня их *социальной активности*, появления новых групповых феноменов, изменений в осознания ими своего места, а также новых функций и ролей в обществе, то есть такой динамики, которая отражает их способность быть субъектами и, следовательно, влиять на состояния всего общества в целом.

Большим социальным группам может быть приписано качество субъектности на основе *признаков* коллективного субъекта — взаимосвязанности членов группы, их совместной активности и саморефлексивности (Журавлев, 2002). В работах последних лет выделяется также признак, в значительной степени аккумулирующий то, что лишь подразумевается другими, а именно *способность к саморазвитию*, связанному с внутригрупповыми процессами — осмыслением собственных проблем, потребностей и т. д. (Журавлев, Емельянова, 2009, с. 8).

Таким образом, *развитие субъектности* больших социальных групп можно рассматривать как ресурс психологического благополучия общества в целом. Активные, саморазвивающиеся большие социальные группы, способные к саморефлексии и рефлексии, т. е. осознающие собственную историю, актуальные условия своего существования и активно взаимодействующие в связи с различными проблемными внутригрупповыми процессами, могут являться основой перспективного развития общества (Макропсихология, 2009). Очевидно, что данное теоретическое предположение требует как дальнейшего теоретического анализа, так и эмпирического подтверждения.

Описаны также различные проявления субъектности группы — потенциальная субъектность, субъектность как совместная активность (или реальная субъектность) и субъектность как групповая саморефлексивность (Журавлев, 2002; и др.). Определены факторы, влияющие на уровень субъектности большой социальной группы. К ним относятся: общественно-политический строй, актуальная общественная ситуация, традиции совместных действий, стойкая историческая память, опыт совместной активности и система взглядов, внедряемых в групповое сознание (Журавлев, Емельянова, 2009).

Можно заметить, что в различные исторические эпохи, а также в различных общественно-экономических условиях на первый план могут выходить те или иные факторы, влияющие на субъектность больших социальных групп. При этом характеристики больших групп-мишеней также будут различаться в зависимости от таких обстоятельств.

Так, в начале XX в. на историческом изломе общественно-исторических формаций в России в трансформационных процессах оказались задействованы такие большие социальные группы, как классы, при этом основную роль сыграл фактор политического строя страны — монархия, а также глубокие противоречия между правящим классом и классом трудящихся. Межгрупповая разобщенность больших социальных групп, не способных к совместной активности в условиях экономических и военных проблем, сыграла роковую роль в судьбе страны. Хотя в тот период вероятно была роль и других факторов, этот пример приведен с целью иллюстрации именно роли фактора влияния на общественно-политический строй.

На настоящем этапе, как уже отмечалось ранее, в связи с бурным развитием интернета, массовой информатизацией, широким доступом к различным СМИ, возможностями компьютерной графики и цифровых технологий на первый план по воздействию на субъектность больших социальных групп выходит *фактор внедрения систем* взглядов, идей или целостных концепций.

Так называемая «историческая политика», или политизация и идеологизация истории, с конца XX в. определяет глобальную тенденцию и по отношению к России принимает характер особой враждебности (Серегин, 2012). За последние десятилетия оппонентам России удалось распространить значительный объем информации ложного или неоднозначного содержания по самым разным поводам, направленный на разрушение национальной идентичности. Особым нападкам подвергаются сложные или самые значимые моменты отечественной истории. Это, прежде всего, касается Великой Отечественной и Второй мировой войны. Пересматривается ответственность за начало войны, роль Советского союза в победе над фашизмом, обесценивается вклад лидеров страны и полководцев, высказываются сомнения о правильности тех или иных решений (Османов, 2005; Гареев, 2010, 2014). Например, в опросе на телеканале «Дождь» 27 января 2014 г. как дискуссионная была преподнесена тема обороны Ленинграда. Герои обороны Москвы, 28 панфиловцев и их бой на Волоколамском шоссе на уровне директора Государственного архива России в его выступлении на Всемирном конгрессе русской прессы, проходившем в июне 2015 г. в Москве, были названы мифом. Освобождение стран Восточной Европы названо оккупацией и т. д. (Серегин, 2012). Таким образом, история Великой Отечественной войны стала «лакмусовой бумажкой многих современных политических процессов», точкой идеологического и политического противостояния (Чубарьян, 2016, с. 387–388).

Существуют основания считать, что работа по созданию альтернативной истории Второй мировой войны была начата сразу после ее окончания в рамках плана Маршалла и велась с целью обелить немецкую армию, взять реванш за поражение, а по сути обеспечить экономические и политические дивиденды заказчика, в данном случае США. Это объясняет то, с какой легкостью и с чьей поддержкой вошли в международное общественное сознание такие мифы, как «генерал Мороз», «бездарные советские генералы», «забросали немецкие окопы трупами своих солдат», «не жалели мирное население», созданные именно в этом проекте (Серегин, 2012).

Таким образом, построение историко-политического дискурса такого рода укладывается в формулу «кто владеет прошлым, владеет будущим». Атака на историю России осуществляется в рамках психоисторической войны с целью ослабления страны в политическом и экономическом развитии и конкуренции.

Патриотизм как позитивный ресурс больших социальных групп в условиях противостояния информационным воздействиям

Все примеры информационных воздействий, описанные выше, так или иначе влияли на состояние российского общества. Дискуссии, споры, высказывания отдельных лиц демонстрировали раскол мнений, резкость суждений, обиду одной из сторон, обвинения, апелляции к морально-нравственным качествам и другие эмоционально острые состояния. Типичным итогом столкновения мнений по таким значимым вопросам, как правило, являются поляризация мнений и разделение первоначальной целостной группы на «мы» и «они» или на «своих» и «чужих» (Соснин и др., 2011, 2017; и др.).

С позиций психологии больших социальных групп как коллективных субъектов можно сказать, что таким образом актуализируются процессы, подрывающие субъектность группы.

Во-первых, совместная активность и взаимодействие приобретают негативный характер, т. е. по факту являются конфликтом, который дифференцирует группу, разрывая взаимные связи и взаимозависимость членов группы, разрушая ее целостность как коллективного субъекта (см.: Проблемы социальных конфликтов..., 2018; и др.).

Во-вторых, саморефлексивность группы так или иначе фиксирует эти процессы, что приводит к осознанию разрыва и разобщенности. Потеря чувства «мы», соотносимая с потерей значимого объекта, логично должна приводить к негативным эмоциональным состояни-

ям, актуализации таких коллективных негативных чувств, как тревога и страх (Емельянова, 2016). Таким образом, разрыв связи между прошлым, настоящим и будущим, с которым сталкивается группа, делает невозможным реализацию саморазвития, что фактически свидетельствует о снижении уровня субъектности.

Однако подобное моделирование схватывает лишь негативную сторону процесса, не учитывая позитивного ресурса, существующего в обществе, в том числе активизацию защитных процессов, коупингов, направленных как на преодоление разрыва реальных отношений и связей между людьми, так и на сглаживание коллективных когнитивных противоречий и ментальных «пустот» (Емельянова, 2016; Психология повседневного и травматического стресса..., 2016).

Информационное воздействие на российское общество как целостный коллективный субъект в отношении событий Великой Отечественной войны породило разные негативные и позитивные процессы. К негативным процессам относятся, прежде всего, рост уровня нетерпимости к мнению оппонентов, ксенофобия. Это, например, проявилось в *агрессивном стиле* проведения дискуссий в СМИ (Соснин, 2015), в частности, на телевидении, общепринятый на большинстве каналов и, несомненно, используемый не только как средство привлечения внимания аудитории. Вероятно, он также отражает внутреннее состояние дискуссионщиков — выразителей того или иного группового мнения и, возможно, является средством канализации общественного напряжения.

С другой стороны, в обществе стали ярко проявляться различные явления, несущие символический смысл и, по-видимому, направленные на восстановление национальной идентичности. Среди них можно назвать такой яркий жест, как ношение георгиевской ленточки, первоначально сопровождавший празднование Дня Победы, но впоследствии фактически приобретший смысл идентификационного знака. Особый сакральный смысл ленточки подтверждает то, что и она довольно скоро стала объектом дискредитации.

Однако наиболее ярким примером активизации репарационных внутригрупповых процессов остается описанная выше акция «Бессмертный полк», обеспеченная «феноменальным распространением гражданской инициативы» (Нисова, 2015, с. 192).

По данным социологических опросов (Мониторинг общественного мнения..., 2015), большинство респондентов (83%) считают необходимым вести борьбу с фальсификацией отечественной истории, при этом 54% замечали факты фальсификации истории, а 19% называют главным объектом фальсификации события Великой Отечест-

венной войны. Конкретно об акции «Бессмертный полк» слышали 93% респондентов, 13% приняли в ней личное участие, 73% отметили, что она способствует сохранению памяти об этом событии, 60% опрошенных заявили, что имеют в планах участие в этом движении.

Представляется, что на данный момент подобная акция стала уникальным явлением в современной истории страны, которое еще предстоит осмыслить с самых разных научных позиций. Однако уже сейчас в публикациях отмечаются такие моменты, которые могут иметь отношение к *динамике субъектности* российского общества как большой социальной группы. Отмечается, что это движение связано с процессами утраты социальной идентичности (чувства «мы») и ее конструированием на новых основаниях, с дефицитом способов демонстрации принадлежности к референтной группе и актуализации глубинных народных способов самовыражения, преодоления разрыва и восстановления связи поколений (исторической памяти, саморефлексии). Отмечается потребность народа в условиях глобализации и размывания символических кодов в визуализации и подкреплении собственной идентичности и привлечении народных традиций, что, по всей видимости, реализуется в праздновании Дня победы (Крапчунов, 2013; Воловикова, 2016).

Заключение

Представленный многоплановый анализ проблемы патриотизма еще раз подчеркивает значение данного феномена и необходимость его системного изучения.

Связь патриотизма с различными уровнями самосознания народа (этнического, исторического, государственного) показывает онтологическую «привязку» данного феномена к неотъемлемым характеристикам нации, страны. Невозможно представить нацию без истории, а там, где есть история, историческое сознание, необходимым образом возникает личностная или групповая потребность в ее осмыслении, сохранении, передаче и защите. Качество этого процесса определяется чувствами, которые его сопровождают. Любовь к истории, преданность и благодарность героям, самоотверженность в трудную минуту, солидарность друг с другом составляют позитивный базис исторической преемственности и целостности государства.

В настоящей работе это было показано на примере анализа субъектности больших социальных групп, в частности, уникальной гражданской инициативы *Бессмертного полка*, которая продемонстрировала роль патриотизма в решении конкретной задачи сохранения

самоуважения к себе и своим предкам в условиях активизации негативного информационного воздействия, направленного на искажение истории Великой Отечественной войны.

Приведенные в работе примеры позволяют предположить, что тема патриотизма является особенно важной именно для российского общественного самосознания (Семенов, 2017). Причина этого лежит в сложной отечественной истории – уникальном геополитическом положении, особой роли России в XX в., трудностях в поиске и реализации собственного экономического пути. В связи с этим крайне важно создание концепции идеологической политики государства и его национальной идеи, которая по-настоящему сплотила бы многонациональный российский народ (Журавлев, Юревич, 2016а; Юревич, 2016б).

Литература

- Воловикова М. И. Психология масс в контексте праздничной культуры // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. Т. 1. № 3. С. 111–121. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document252.pdf> (дата обращения: 29.11.2016).
- Гареев М. А. Священный долг нашей памяти // Национальные интересы. 2010. 30 (7). С. 2–6.
- Гареев М. А. Великая победа и современные интересы международной безопасности // Военно-исторический журнал. 2014. № 9. С. 30–34.
- Гребенщикова Т. А., Павлова Н. Д., Афиногенова В. А. Модификация интенционального пространства в постсобытийном интернет-дискурсе // Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 201–219.
- Доган М. Угасание национализма в Западной Европе // Социологические исследования. 1993. № 3. С. 16–21.
- Емельянова Т. П. Феномен коллективных чувств в психологии больших социальных групп // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. Т. 1. № 1. С. 3–22. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document195.pdf> (дата обращения: 16.10.2016).
- Журавлев А. Л. Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта. М.: Пер Сэ, 2002. С. 51–81.
- Журавлев А. Л. Большие социальные группы как коллективные субъекты: постановка проблемы и направления исследования // Ре-

- флексивные процессы и управление: Сборник материалов VI международного симпозиума. М., 2007. С. 37–39.
- Журавлев А. Л., Емельянова Т. П. Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 3. С. 5–15.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В. Психологические аспекты поиска российской национальной идеи // Вопросы философии. 2016а. № 8. С. 69–78.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В. Патриотизм как объект изучения общественной науки // Психологический журнал. 2016б. Т. 37. № 3. С. 88–98.
- Историогенез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Историческая психология: предмет, структура и методы. М: МосГУ, 2004.
- Кожин В. В. О русском национальном сознании. М.: Изд-во Алгоритм, 2002.
- Кольцова В. А., Соснин В. А. Социально-психологические проблемы патриотизма и особенности его воспитания в современном российском обществе. // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 4. С. 89–97.
- Королев А. А., Журавлев А. Л., Кольцова В. А. История и психология: неумолчный диалог. Учебное пособие. М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2011.
- Кранчунов Д. Е. Визуальная составляющая народных традиций как средство преодоления кризиса идентичности в современной России // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2013. № 9 (137). С. 249–254.
- Лебедев А. Н., Гордякова О. В. Теоретические и методологические вопросы изучения патриотизма как социального чувства и социально ориентированного поведения // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1. С. 23–40. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document197.pdf> (дата обращения 28.02.2018).
- Макропсихология современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Матвеев Л. В. Субъект в информационной коммуникации: закономерности психологического воздействия СМИ // Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 131–142.
- Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 3 (127).

- Нисова М. В. Аудитория гражданской инициативы «Бессмертный полк» // Журналистский ежегодник. 2015. № 4. С. 191–192.
- Орлова О. Г. Стереотипы о России и русских в американском политическом дискурсе XIX–XX веков. Материалы к составлению словаря // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 3–1 (55). С. 185–192.
- Османов А. И. Об уроках и правде истории Великой Отечественной войны // Вестник Института ИАЭ. 2005. № 2. С. 2–16.
- Павлова Н. Д., Журавлев А. Л. К междисциплинарной проблематике дискурса // Ситуационная и личностная детерминация дискурса. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 6–11.
- Проблемы социальных конфликтов в современной психологии: сущность, детерминанты, регулирование. М.: Изд-во «Институт Психологии РАН», 2018.
- Психологические исследования проблем современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Психологические проблемы современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Психология человека и общества: научно-практические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Роштин С. К. Проблема этноцентризма: теория и политическая действительность XX века // Расы и народы (современные этнические и расовые проблемы). М., 1993. № 23. С. 59–104.
- Семенов В. Е. Российская идентичность и патриотизм в полиментальном обществе // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 3 (7). С. 116–142. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document374.pdf> (дата обращения: 01.11.2017 г.).
- Серегин А. В. Противостоять нашествию забвения // Вестник МГИМО. 2012. № 4 (25). С. 57–64.
- Соснин В. А. Культура и межгрупповые процессы: этноцентризм, конфликты и тенденции национальной идентификации // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 1. С. 50–61.

- Соснин В. А. Роль средств массовой информации и системы образования в воспитании исторической памяти в современной России // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 4. С. 102–105.
- Соснин В. А. Социально-политическая и духовно-нравственная консолидация российского общества: проблема космополитизма и будущее развитие России // Наука. Культура. Общество. 2015. № 3. С. 42–56.
- Соснин В. А., Журавлев А. Л., Нестик Т. А. Проблема психологических технологий в современной психологии // Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики. Материалы V Международной научно-практической конференции. Казань: Отечество, 2011. С. 158–163.
- Соснин В. А., Китова Д. А., Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Юревич А. В. Массовое сознание и поведение: Тенденции социально-психологических исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Социальная психология: Учебное пособие для вузов. М.: Пер Сэ, 2002.
- Трубецкой Н. С. Европа и человечество. М., 1993.
- Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Чубарьян А. О. Вторая мировая война в современной историографии и общественном сознании // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 5. С. 387–395.
- Юревич А. В. Факторы формирования и эволюции национальных менталитетов // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016а. Т. 1. № 3. С. 83–110. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document254.pdf> (дата обращения: 29.11.2016).
- Юревич А. В. Психологические аспекты патриотизма // Прикладная юридическая психология. 2016б. № 1 (34). С. 5–21.
- Юревич А. В., Журавлев А. Л. Проблемы российского патриотизма // Наука. Культура. Общество. 2016. № 1. С. 56–69.
- Le Wine R. A., Campbell D. T. Ethnocentrism: theories of conflict, ethnic attitudes and group behavior. N. Y., 1972.
- Metraux A. Darwinism social // The Encyclopedic Dictionary of Psychology. Oxford: Basil blackwell Publishes Limited, 1983. P. 137–138.

Взаимосвязь базового доверия/недоверия личности и ее доверия к электронной коммерции

Е. В. Шляховая

Предпосылки исследования

В настоящее время в условиях всеобщей *глобализации* (о психологических аспектах глобализации см.: Китова, Журавлев, 2018; Ковалева, Журавлев, 2017; Психологические исследования..., 2018; и др.) экономика использует новые возможности в сети Интернет. Осуществление экономической деятельности благодаря новейшим информационным технологиям становится эффективней и прибыльней. В мировой экономике возник новый сектор — *электронная коммерция*, которая является одной из составляющих «новой экономики» и обретает все большую практическую значимость (Снежковая, 2014).

Доверие — один из основных инструментов проведения сделки купли—продажи как оффлайн, так и онлайн. *Проблема доверия* к электронной коммерции является наиболее важной, так как при совершении онлайн-покупок пользователи подвергаются потенциальному риску по причине анонимности и дистанционности в отличие от реального живого взаимодействия (Gustavsson, Johansson, 2006a, b).

Активное развитие электронной коммерции на российском рынке, значимость проблемы доверия к электронной коммерции, а также недостаток психологических исследований в области электронной коммерции, в частности в области доверия к онлайн-покупкам, являются факторами, определившими проблему нашего исследования.

Теоретические основания

Интернет

Интернет — глобальная информационная система, объединяющая множество информационных сетей (межгосударственных, национальных, региональных, локальных) каналами связи и едиными

для всех ее участников правилами доступа к информации и организации ее использования. Данные правила определяются протоколом передачи данных в Интернет ТСП/IP (Transmission Control Protocol/Internet Protocol). Верхний уровень структуры Интернета представлен системой опорных сетей, как правило, имеющих континентальный и межгосударственный статус. Средний уровень представлен региональными сетями, которые присоединяют к опорной сети информационные ресурсы регионов. Местный (локальный) уровень образуют сети различных организаций, корпораций, университетов, библиотек и т. п., подключенные к региональным сетям, обеспечивающим, в свою очередь, доступ к опорным сетям. Пользователь, подключенный к Интернету, получает доступ к сервисам глобальной сети:

- электронная почта (e-mail) – оперативный обмен сообщениями по телекоммуникационным каналам, скорость пересылки писем и иных сообщений (вложенных файлов) составляет в среднем несколько минут;
- списки рассылки (mailing lists) – рассылка сообщений (информационных, рекламных, учебных, справочных) всем подписчикам за счет объединения по одним адресом электронной почты адресов многих пользователей;
- телеконференции (Usenet) – пересылка сообщений, сгруппированных по определенному признаку (теме телеконференции) по принципу «от одного ко многим», для обмена новостями и мнениями, проведения дискуссий; каждый подписчик имеет возможность обратиться к интересующему его разделу и получать все поступающие туда новости или посылать свою информацию;
- FTP (File Transfer Protocol) – доступ к файлам в файловых архивах, пересылка файлов большого объема, хранящихся в удаленных компьютерных системах; методы передачи файлов и обмена данными между персональными компьютерами;
- WWW – (World Wide Web) служба прямого доступа, позволяющая интерактивно взаимодействовать с представленной на веб-серверах информацией;
- служба IRC (Internet Relay Chat) – система «разговорных комнат» Интернета для ведения текстовых переговоров в режиме реального времени;
- IP-телефония – компьютерная телефония, обеспечивающая все виды телефонной связи, включая сотовую, факсимильную, пейджерную, соединение осуществляется через Интернет посредством использования IP-адресов;

- услуги поиска информации, реализуемые посредством: а) указания конкретного адреса веб-страницы, на которой расположен необходимый пользователю ресурс; б) использования поисковых машин и каталогов Интернета (тематический поиск, поиск по произвольно сформулированному запросу с выдачей списка адресов веб-страниц, содержащих, «по мнению» поисковой системы, запрошенную пользователем информацию) (Информационные технологии, 2015).

В настоящее время интенсивно формируется научное направление психологических исследований интернет-пространства (см.: Несвик и др., 2018; Соснин и др., 2017; Психологические исследования..., 2018; и др.)

Установки по отношению к Интернету

Особое значение в психологических исследованиях установки отводилось в школе Д. Н. Узнадзе (Сингурова, 2016). *Установка* рассматривалась как направленность, склонность, готовность к совершению определенного действия, приводящего к удовлетворению потребности. Она является своеобразным звеном между воздействием внешней среды и психической активностью личности. По мнению Д. Н. Узнадзе, установка не находит отражения в виде переживания в сознании субъекта деятельности, не является актом сознания (Узнадзе, 1961).

В современной психологической литературе в соответствии с психологической структурой деятельности описываются уровень психофизиологических механизмов установки и уровни целевых, смысловых и операционных установок. На любом уровне *основные функции* установок в регуляции деятельности характеризуются особенностями: 1) установкой определяется целенаправленность, устойчивость протекания деятельности, сохранение ее направленности в изменяющихся условиях; 2) установка дает возможность в стандартных повторяющихся ситуациях произвольно контролировать протекание деятельности; 3) фиксированная установка может выступать фактором, который обуславливает инерционность динамики деятельности и затрудняет адаптацию к новым ситуациям (Девяткин, 1999).

На уровне социального взаимодействия в психологии принято говорить о *социальной установке* как готовности человека действовать тем или иным образом по отношению к данному конкретному объекту в каких-то конкретных обстоятельствах (см.: Современная психология..., 1999; Соснин и др., 2014; Социальная психология, 2002;

и др.). Социальная установка выполняет функции общепсихологической установки приспособления, защиты, организации мировоззрения. В основе развития системы установок лежат эмоциональные и когнитивные связи. В процессе социального взаимодействия, общения установки могут претерпевать преобразования. Изменение становится возможным при формировании отношения к определенной проблеме. Трансформировать установку достаточно сложно, поскольку люди стараются избегать такой информации, которая может повлиять на их мировоззренческую позицию, доказать ошибочность их мнения или действия. Известна прямая взаимосвязь между вероятностью трансформации установки и объемом информации. Большое влияние на установку оказывает ее собственная сбалансированность. Человек стремится избегать информации, вызывающей когнитивный диссонанс. Если система установок сбалансирована, то в процессе социального взаимодействия — реального или опосредованного интернет-технологиями — проявляется принцип ассимиляции контрастного действия. В ситуациях, когда чье-либо мнение человеку близко, происходит объединение позиций (ассимиляция), а когда чье-либо мнение вызывает у человека протест — усиление чувства собственной правоты (контраст) (Девяткин, 1999).

Интересным представляется подход Р. Деринга к медиакоммуникативному поведению. Автор выделяет пять тем: социальная обработка информации; симуляция и имаджинация (воображение); социальная идентичность и деиндивидуализация; культура Сети; язык Интернета (Сингурова, 2016). Концепт социальной обработки информации основан на предположении, что люди адаптируют используемые ими информационные средства к своим коммуникативным потребностям. Симуляция и имаджинация связаны с тем фактом, что базирующаяся на тексте коммуникация в Сети позволяет принимать на себя вымышленные социальные роли. Модель социальной идентичности и деиндивидуализации подразумевает, что пользователь принимает контекстуально обусловленную идентичность и предполагает ее наличие у партнера по коммуникации. Если для определенного вида коммуникации важна коллективная идентичность, то партнеры по коммуникации воспринимают себя в первую очередь как членов соответствующей группы. Если же значима индивидуальная идентичность, то партнеры по коммуникации учитывают релевантные для нее признаки (Винтеркофф-Шпурк, 2007).

Представляется, что установки личности по отношению к электронным информационным технологиям как социальные уста-

новки могут складываться и в реальном общении (обмен мнениями или опытом пользователя), и под влиянием сетевых сообществ, групп, контактов — в процессе вовлеченности в коммуникативную, игровую, поисковую деятельность в Интернете, при учебной работе с информацией (Сингурова, 2016).

В своем исследовании установок студентов по отношению к Интернету Н. Л. Сингурова показала, что выявляется достаточно устойчивая (можно сказать, типическая), не зависящая от пола, профессиональной направленности и виртуальной самопрезентации тенденция в распределении различных установок по отношению к Интернету в студенческой среде: социальный комфорт—сниженный самоконтроль—отвлечение—одиночество/депрессия. Для большинства молодежной аудитории Интернет является тем пространством, в котором можно достичь социального комфорта, реализовать потребность в общении с другими людьми и развивать собственную самопрезентацию. В этом пространстве пользователи могут достичь чувства спокойствия и безопасности за счет принадлежности к виртуальной социальной среде. Наряду с этими характеристиками достаточно сильно выражена склонность к снижению самоконтролю в Сети, что свидетельствует о наличии навязчивых мыслей об Интернете, неспособности сократить время пользования интернет-ресурсами, чрезмерной увлеченности сетевыми возможностями. Для многих респондентов Интернет является средством ухода от реальных дел и обязательств, а для отдельных пользователей — средством спасения от одиночества. Степень выраженности отдельной установки по отношению к Интернету проявляется в сравнительном анализе индивидуальных характеристик, связанных с полом, с направлением профессиональной подготовки, с виртуальной идентичностью участников социальных сетей (Сингурова, 2016).

Электронная коммерция

Первоначально электронная коммерция представляла собой форму коммерческой деятельности, один из множества инструментов организации продаж. Не претендуя на самостоятельность, она лишь воспроизводила методы традиционной коммерции, перенося их в виртуальную среду. Неслучайно некоторые авторы в России до сих пор рассматривают Интернет лишь в качестве среды «для построения коммуникаций» (Калужский, 2014).

История электронной коммерции насчитывает всего около двух десятилетий интенсивного развития, что по сравнению с истори-

ей других отраслей экономики кажется малозначительным промежуток времени. Своим возникновением первые системы и методы электронной коммерции обязаны созданию технологий автоматизации продажи авиабилетов, введению пластиковых карт и автоматизированных систем управления ресурсами предприятий (Дик, Луещкий, Родионов, 2005).

По подсчетам исследователей, в настоящее время в России 30 млн активных on-line покупателей (в 2014 г. их число увеличилось на 30%). Электронная коммерция в России переживает стадию активного роста и, по оценкам специалистов, фаза ее роста длилась на протяжении 2012–2017 гг. (Снежковая, 2014).

Электронная коммерция (ЭК, e-commerce) — это автоматизированная коммерческая деятельность, основанная на использовании:

- телекоммуникационных сетей, в первую очередь сети Интернет;
- информационных технологий, в том числе веб-сервисов;
- специальных правовых норм, стандартов, протоколов, классификаторов. В настоящее время ЭК использует передовые технологии ведения бизнеса и информационные технологии. К ним относятся:
- глобальное электронное сетевое пространство (WWW — world wide web);
- электронный обмен данными (ЭОД или EDI — electronic data interchange);
- электронные платежи;
- мобильность и базирующаяся на ней мобильная коммерция;
- языки сетевого взаимодействия, такие как HTML, HTML5, XML; эти языки произошли от языка SGML (standard generalized markup language — стандартный обобщенный язык разметки); HTML — это приложение SGML, а XML — подмножество SGML;
- базы данных, центры обработки данных (ЦОД), системы хранения данных (СХД);
- виртуализация и облачные вычисления;
- технологии обработки больших объемов данных Big Data;
- многоканальность и др.

Электронная коммерция позволяет осуществлять коммерческие сделки в электронной форме между организациями, организациями и частными лицами, организациями и государственными структурами или госбюджетными организациями, используя Интернет и веб. Составной частью электронной коммерции является мобильная коммерция (Гаврилов, 2017).

Сетевая экономика в отличие от традиционной основана не на производственном потенциале, а на транзакционных возможностях ведения бизнеса в сети Интернет, поэтому электронная коммерция имеет дело не с реальными товарами, а с информацией об этих товарах и связанных с ними транзакциями. Продавцы, посредники и покупатели в Интернете извлекают выгоду не от сделок по продаже товаров, а от оказания информационных услуг, связанных с заключением таких сделок. В этом заключается принципиальное отличие электронной коммерции (Калужский, 2014).

Поведение потребителей

Поведение потребителей — это действия, предпринимаемые людьми при приобретении, потреблении товаров и услуг и избавлении от них, т. е. изучение поведения потребителей принято считать наукой о том, «почему люди покупают», в том смысле, что продавцу легче разрабатывать стратегии влияния на потребителей, когда он знает, почему люди покупают определенные продукты или марки (Блэкуэлл, Миниард, Энджел, 2007).

В России психология потребления находится лишь в начальной стадии своего развития и разрабатывается в рамках как социальной, так и экономической психологии (см., например: Проблемы экономической психологии, 2004, 2005; Соснин и др., 2017; Социально-психологическая оценка..., 2017). В США психология потребления существует как самостоятельная отрасль психологии, в Европе является разделом экономической психологии. Концептуальной основой для психологии потребления являются общая психология, социальная психология, маркетинг, культурология, экономика (Посыпанова, 2012).

В определение поведения потребителей включены три базовых вида действий — приобретение, потребление и избавление.

Приобретение — это действия, ведущие к покупке и включающие покупку или заказ продукта. Некоторые из этих действий содержат поиск информации, касающейся особенностей продукта и выбора, оценку альтернативных продуктов или марок и собственно покупку. Аналитики поведения потребителей изучают эти типы поведения, включая то, как потребители совершают покупки — посещают ли они специализированные магазины, торговые центры или пользуются Интернетом? Другие вопросы могут касаться того, как потребители расплачиваются за продукты (наличными или по кредитной карте), покупают ли они продукты для подарка или самим себе,

вывозят ли они покупки самостоятельно или пользуются службой доставки, где они добывают информацию о продуктах и альтернативных магазинах и как торговые марки влияют на выбор продукта.

Потребление — это то, как, где, когда и при каких обстоятельствах потребители используют товары. Например, к вопросам потребления относятся: используют ли потребители товары дома или в офисе, употребляют ли их в соответствии с инструкциями, так, как было задумано, или они нашли свой уникальный способ употребления товаров, опыт использования товара имеет развлекательный или чисто функциональный смысл, используют ли продукт полностью до стадии освобождения или некоторая его часть никогда не используется?

Освобождение — это то, как потребители избавляются от товара и упаковки. Аналитики могут исследовать поведение потребителей с экологических позиций: как потребители избавляются от упаковки или остатков товара, могут ли товары биологически разлагаться, могут ли они быть подвергнуты переработке? Возможно также, что потребители захотят продлить жизнь некоторых товаров, отдав их детям, пожертвовав благотворительным магазинам или продав через Интернет.

На основе общих теоретических подходов к *психологическому отношению* (см.: Купрейченко, Журавлев, 1999; Позняков, Журавлев, 2012; и др.) и эмпирических исследований сформулированы следующие определения потребительских предпочтений и субъект-объектных отношений к товару и услуге (Посыпанова, 2012).

Субъект-объектные отношения к товару и услуге — это эмоционально окрашенные представления и оценки товаров или услуг как объектов купли-продажи. Субъект-объектные отношения к товару/услуге подразумевают субъективность вследствие различной атрибуции их свойств. Отношение — это то, что мы думаем, чувствуем и как действуем в отношении объектов среды, таких, как продукт, магазин. Выявление и оценка отношения потребителей используются для планирования маркетинговых коммуникаций, для оценки маркетинговых акций до их реализации.

Объектами отношений к товару/услуге являются они сами и их характеристики (атрибуты), поэтому можно условно разделить субъект-объектное отношение к товару как *целостное* отношение, и отношение к его атрибутам как *дифференцированное*. Интересно, что отношение к товару более эмоционально, а отношение к атрибутам более рационально. Потребитель придирчиво рассматривает все особенности товара, его части, но сам товар в целом определяет эмоционально — «нравится — не нравится». К потребительским отношениям можно

отнести отношение к себе как к потребителю, к другим как к потребителям и к продавцам.

Субъектом отношений к товару/услуге может выступать личность или социальная группа (Посыпанова, 2012).

С учетом специфики и главного отличия электронной коммерции от традиционной объектом отношений будет являться информация о данных товарах (их характеристиках), представленная в различных формах.

Доверие, базовое доверие/недоверие, доверие к электронной коммерции

В настоящее время для социальных наук изучение доверия, а также амбивалентного существования доверия и недоверия, является актуальным и «популярным» вопросом. Доверие является основой существования человеческого сообщества, самоорганизации и социального партнерства, взаимопомощи и сотрудничества (Доверие и недоверие..., 2013).

При этом определить понятие доверия довольно сложно, так как доверие всегда ситуационно специфично (Gustavsson, Johansson, 2006a, b).

Доверие свойственно человеку, осуществляющему свою «жизнь в мире». «Бытие человека в мире» в самом себе обнаруживает различие на *субъект* как активное начало, *объект* как то, на что направлена субъектная активность, и их *взаимодействие*. Доверие должно быть представлено в каждом из этих моментов: на стороне субъекта, на стороне объекта и во взаимодействии. На стороне субъекта мы имеем психическое явление доверия. На стороне объекта — тот внешний предмет (чаще всего — другого человека), на который доверие направлено. Во взаимодействии — проявление доверия от субъекта к объекту. В каждом из этих случаев доверие должно быть конкретизировано в определенных психологических категориях. При этом, если общая психология или, например, психология личности до определенной степени абстрагируется от внешнего мира и изучает человека, так сказать, самого по себе, то социальная психология — человека вместе с социальным миром, поскольку все ее эффекты — это многообразные психологические последствия бытия человека в социальном мире, его взаимодействия с этим миром, в первую очередь в масштабе межличностного взаимодействия. Другими словами, при социально-психологическом исследовании доверия должно быть изучено не только психическое содержание субъекта доверия,

но и психическое содержание объекта, релевантное доверию, и особенностями их взаимодействия (Антоненко, 2013).

Исторически самой древней формой доверия, свойственной традиционным обществам, исследователи считают доверие, основанное на принадлежности объекта к социальным группам, наделенным особым психологическим статусом. В традиционных обществах это чаще всего кровнородственные связи. Как отмечает А. Селигмен, это «вовсе не доверие, а уверенность в существовании хорошо репрезентированных (и санкционированных), аскриптивных по своей природе ролевых отношений» (Селигмен, 2002).

В современную эпоху меняется сама природа доверия. Отношения доверия становятся, во-первых, функциональными, во-вторых, рациональными, в-третьих, абстрактными (неперсонифицированными) (то, что Э. Гидденс называет доверием к «экспертным системам»). Однако представление доверия в виде особой формы договора или любой формы обмена (персонифицированного или неперсонифицированного, эквивалентного или неэквивалентного) способно несколько исказить подлинную суть доверия (или суть подлинного доверия) (Доверие и недоверие..., 2013).

В качестве устойчивой характеристики, первоосновы доверия и его начальной формы А. Б. Купрейченко выделяет *эмоционально-позитивное отношение*, интерес и открытость субъекта по отношению к партнеру. Характеристикой более «зрелой» формы доверия становится *готовность* проявлять добрую волю в отношении партнера, после которой следует ожидание справедливого и честного отношения (Купрейченко, 2008; Купрейченко, Мерсиянова, 2013).

Сходные взгляды на доверие в его самом глубоком смысле можно найти у К. Роджерса, объясняющего помогающие отношения, т. е. способствующие личностному росту одного участника с помощью другого. Заслужить доверие партнера (принимающего поддержку) можно только в случае истинной надежности и искренности-конгруэнтности (Роджерс, 2002). Таким образом, условием доверия является *открытость* партнеру (искренность чувств и переживаний) и *готовность* проявлять к нему добрую волю (желание помочь человеку стать лучше) (Шляховая, 2013). При этом ожиданием справедливого и честного отношения может стать ожидание личностного роста другого человека и ожидание собственной удовлетворенности от осознания произошедших позитивных изменений в личности другого человека.

В результате теоретического и эмпирического анализов выделяется *совокупность факторов* – слагаемых доверия, наиболее час-

то и обоснованно используемых разными авторами: вера в людей (Э. Эриксон, Дж. Б. Роттер и другие), предсказуемость (Дж. Ремпел и Дж. Холмс, Р. Левицки, М. Стивенсон и Б. Банкер, П. Ринг и А. Ван де Вен и другие), надежность (Т. П. Скрипкина, Дж. Батлер, Дж. Ремпел и Дж. Холмс, Л. Хосмер и др.), единство (А. Л. Журавлев и В. А. Сумарокова, Р. Левицки, М. Стивенсон и Б. Банкер, Л. Заккер и др.). Также выделяются приязнь и расчет, которые не являются компонентами доверия, но очень часто выступают его заменителями. Компонент надежности включает представления субъекта о способности другого человека оказать помощь, поддержать в трудной ситуации и о безопасности окружающего мира. Компонент предсказуемости содержит представления субъекта о собственной способности предсказывать поведение человека и/или специфику объектов окружающего мира в ситуации неопределенности. Компонент единства включает представления субъекта о наличии у него общих с другим человеком целей или мировоззрения и представления о «близости» к миру (открытость и соотнесение себя с миром). Приязнь содержит представления субъекта о собственных положительных оценках другого человека. Расчет подразумевает представления субъекта о причинах выгоды для другого человека поддерживать доверительные отношения (Купрейченко, 2008).

Рассматривая феномен доверия в целом, необходимо остановиться на дихотомии базового доверия и недоверия; преобладание первого является условием психологического здоровья личности, согласно теоретическим представлениям Э. Эриксона (Erikson, 1963).

Схематически базовое доверие и базовое недоверие могут быть представлены следующим образом: недоверие миру, недоверие другим людям, доверие себе, доверие другим людям, доверие миру (Шляховая, 2013).

Базовое доверие и *базовое недоверие* представляют для нас большой интерес потому, что, в нашем понимании, они являются первоисточниками, «родительскими клетками» остальных видов доверия и недоверия: в любом виде доверия и недоверия, проявляемых в конкретных условиях взаимодействия, всегда присутствуют доверие миру, доверие другим людям, доверие себе, недоверие другим людям, недоверие миру как интегративная связь человека, окружающих людей и мира в целом, о которой говорил в своих работах С. Л. Рубинштейн (Шляховая, 2013). Кроме того, в самом описании доверия как психологического отношения с его традиционной структурой, а также в структурах критериев доверия и недоверия другим людям, предложенных А. Б. Купрейченко, присутствует та же инте-

гративная связь человека (представления о самом себе), других людей (представления о партнерах по взаимодействию) и мира (представления об условиях взаимодействия) (Купрейченко, 2008).

Доверие в онлайн-транзакциях часто может быть ключевым фактором, определяющим успешность или неуспешность электронной коммерции. Процесс покупки и продажи товаров в каждой конкретной транзакции состоит из изменяющихся фаз, таких как информирование, согласие/принятие и расчет/оплата. Онлайн-фаза информирования обычно подразумевает активность просмотров в интернет-магазине. Фаза согласия/принятия демонстрирует принятие покупателем выбранного товара и его стоимости. Фаза расчета/оплаты в онлайн-транзакции означает оформление заказа и производство оплаты. При этом каждая фаза транзакции может содержать различный уровень доверия. На фазе информирования уровень доверия покупателя может быть низким, так как доверие еще только формируется при «ознакомлении» покупателя с товаром. На фазе согласия/принятия уровень доверия покупателя может быть средним, так как его доверие закрепляется в условном интервале «Я познакомился с товаром» и «Я покупаю этот товар». На фазе расчета/оплаты уровень доверия покупателя может быть высоким, так как доверие покупателя сохраняется и подтверждается оформлением заказа и произведенной оплатой (Gustavsson, Johansson, 2006a, b).

Способы создания и поддержки доверия в Интернете:

- маркетинг (создание убедительных сообщений для потенциальных покупателей может быть важным этапом для формирования доверия);
- образование (разъясняющие инструкции о работе сайта, процессе покупки способствуют созданию доверия покупателя);
- знак доверия (печати/отметки, подтверждающие покупку);
- сообщество («сарафанное радио» может быть эффективным способом передачи доверия; даже в случае наличия отрицательных отзывов о товаре или услуге общий эффект комментариев в основном положительный);
- прозрачность (достоверная информация о ситуации взаимодействия облегчает прямое общение и способствует развитию доверия);
- защита (возникновению доверия способствуют программы защиты, являющиеся для пользователей подстраховкой в случае возникновения каких-либо проблем);
- код (базовый код сайта является мощным механизмом создания доверия: благодаря данному коду можно улучшить качество поль-

зовательского интерфейса, дизайн, скорость, что в целом повышает надежность сайта);

- разрешение споров/компенсация (урегулирование споров в режиме онлайн помогает сохранить доверие к сайту или сервису. Согласно исследованиям, пользователи, чья проблема была решена удовлетворительно, позже проявляют большую лояльность к рынку) (Gustavsson, Johansson, 2006a, b).

Создание доверия, приводящего к удовлетворенности покупателей, – важная и сложная задача. Исследователи выделяют «пирамиду доверия», состоящую из *шести элементов*, которые в комплексе создают удобство и надежность сайта, что необходимо для лояльности и удовлетворенности покупателей (Petrovic et al., 2003).

Состояние техники безопасности. Важно использовать самые надежные меры безопасности на сайте, что должно быть понятно объяснено потребителям.

Торговая легитимность. Размещение на сайтах брендов очень важно, так как бренды могут помочь потребителям сделать свой выбор в ситуации ограниченной информации о качестве и функциональности продукции. Знакомые имена с общепризнанным качеством могут быть очень полезны в укреплении доверия.

Выполнение. Выполнение заказа – следующее условие для формирования доверия к сайту. Клиенты хотят разместить заказ и получить его оперативно без каких-либо серьезных проблем. В интернет-магазинах нет четкого определения фактических затрат, способных привести к негативным последствиям, поэтому важно объяснить покупателю все расходы и убедиться, что покупатель получает нужный товар в срок.

Настроение и атмосфера. Доверие – это больше, чем просто технические особенности сайта. Потребители хотят быть уверены в том, что их личные данные будут обработаны с осторожностью. Если это не гарантируется, то потребители могут не совершить покупку. Компании следует опубликовать на веб-сайте удобное для чтения положение о конфиденциальности, объясняющее, каким образом личная информация собирается и обрабатывается. Следующие важные элементы – это дизайн и содержание, которые также оказывают влияние на потребителей. Простая навигация на сайте, его оформление и неперегруженные удобные страницы.

Контроль. Когда потребители знают, что они контролируют доступ к личной информации, у них формируется доверие. Компаниям следует запрашивать разрешение на получение личной информа-

ции. Таким образом, чувствуется контроль над процессом покупки, что очень ценится потребителями.

Сотрудничество. Один из способов создания доверия — это поощрение клиентов за общение и информирование друг друга о продукции компании и ее услугах. Когда потребители рассматривают возможность покупки определенного товара или услуги в Интернете, советы от других пользователей относительно данного продукта или услуги высоко ценятся. Покупка услуги кажется более рискованной, поскольку сложно оценить качество сервиса, поэтому рекомендации от других пользователей становятся более ценными, когда идет речь о покупке услуги (Gustavsson, Johansson, 2006a, b).

При этом состояние техники безопасности, торговая легитимность и выполнение заказа относятся к основному блоку, фундаменту «пирамиды доверия»; тон и атмосфера, контроль со стороны покупателя и сотрудничество покупателей являются дифференциаторами (вершиной пирамиды), приводящими к доверию (там же).

Процедура исследования

Исследование взаимосвязи базового доверия/недоверия и доверия к электронной коммерции было проведено в апреле 2017 г. Объем выборки — 46 человек, ее преобладающая часть — студенты Московского экономического института, возраст — 17–23 лет; средний возраст четырех человек (8,7% от выборки) — 47,7 лет.

Методический инструментарий исследования:

- опросник А. Б. Купрейченко «Взаимосвязь доверия/недоверия миру, себе и другим людям», разработанный на основе методики Т. П. Скрипкиной «Рефлексивный опросник уровня доверия к себе» и методики оценки «Вера в людей» М. Розенберга (Купрейченко, 2008). Утверждения опросника направлены на оценку доверия/недоверия личности миру и другим людям и доверия себе в различных сферах жизнедеятельности;
- опросник «Доверие к электронной коммерции» (М. Gustavsson, А.-М. Johansson, перевод с английского Е. В. Шляховой). В основу данного опросника положено определение электронной коммерции как бизнес-коммуникации и взаимодействия через сеть компьютеров, спецификой которого являются покупки и продажи товаров и услуг и оплата с помощью цифровых коммуникаций (Gustavsson, Johansson, 2006a, b). Переводной вариант опросника мы дополнили в части анкетных данных, указав графы пола,

возраста, образования и частоты пользования интернет-магазинами. Данные параметры введены с учетом наших предыдущих исследований в области электронных коммуникаций, в которых проявилась специфика отношения к онлайн-транзакциям с учетом пола, возраста и образования испытуемых;

- опросник установок по отношению к Интернету (R. A. Davis, G. L. Flett, AviBesser в адаптации Э. Губенко). Методологической основой данного опросника послужила когнитивно-бихевиоральная модель ПИИ, описанная Р. Дэвисом (Губенко, 2006). Опросник содержит четыре шкалы: социальный комфорт; одиночество/депрессия; сниженный самоконтроль; отвлечение.

Методы статистического анализа — t Стьюдента, коэффициент корреляции, α Кронбаха. Расчет производился в программе Statistica 6.0.

Результаты исследования

Диагностические возможности переводной методики «Доверие к электронной коммерции» оценивались с помощью расчета коэффициента α Кронбаха, значение которого равняется 0,78. Значение расщепленной надежности — 0,69, значение Гуттман-расщепления — 0,68.

Таким образом, переводной вариант методики в целом демонстрирует хорошие показатели надежности (о требованиях к разработке методик см.: Психология, 2000; Психология XXI века, 2003; и др.). Однако целое значение коэффициента α Кронбаха 0,78 является высоким показателем, что может свидетельствовать о необходимости дальнейшей апробации методики на большей выборке, в результате чего можно принимать решение о наличии неработающих (лишних) утверждений в опроснике.

При расчете t Стьюдента значимые различия проявились в группах респондентов, разделенных по основанию частота использования интернет-магазинами. Респонденты, не использующие интернет-магазины, в большей степени согласны с утверждением, что большинство людей более склонны помогать (среднее значение — 3,88, стандартное отклонение — 0,64), в то время как респонденты, пользующиеся интернет-магазинами, с подобным утверждением согласны в меньшей степени (среднее значение — 3,0, стандартное отклонение — 0,94). Также респонденты, не использующие интернет-магазины, придают меньшее значение репутации/рекомендациям, например, из СМИ, от родных и друзей (среднее значение — 2,0, стандартное

отклонение – 1,53) и функциональности – удобству использования, простой навигации в меню (среднее значение – 3,0, стандартное отклонение – 1,63). Напротив, респонденты, пользующиеся интернет-магазинами, придают большее значение указанным выше параметрам для оценки интернет-магазина как заслуживающего доверия: репутация/рекомендации, например, из СМИ, от родных и друзей (среднее значение – 3,21, стандартное отклонение 1,05); функциональность – удобство использования, простая навигация в меню (среднее значение – 3,91, стандартное отклонение – 0,78).

Респонденты, пользующиеся интернет-магазинами больше двух раз в год, в большей степени доверяют себе в умении прогнозировать поступки других людей (среднее значение – 4,69, стандартное отклонение 0,48). Респонденты, пользующиеся интернет-магазинами один–два раза в месяц, в меньшей степени согласны с указанным выше утверждением (среднее значение – 3,91, стандартное отклонение – 1,22). Также респонденты, пользующиеся интернет-магазинами больше двух раз в год, в меньшей степени согласны с утверждением, что мир вне сети увлекает их меньше, чем нахождение в Интернете (среднее значение – 1,08, стандартное отклонение – 0,29), в то время как респонденты, пользующиеся интернет-магазинами один–два раза в месяц, с подобным утверждением согласны в большей степени (среднее значение – 2,2, стандартное отклонение – 1,32).

При анализе общих оценок параметров, необходимых для доверия к интернет-магазинам, наибольшие значения по степени важности получили: стоимость товара/услуги (среднее значение – 4,23, стандартное отклонение – 0,84), стандартные условия покупки/заказа (условия обмена, возврата и т. п.) (среднее значение – 4,0, стандартное отклонение – 0,82), подтверждение заказа и покупки (среднее значение – 3,9, стандартное отклонение – 1,12), безопасность и надежность платежной системы (среднее значение – 3,72, стандартное отклонение – 1,42). Таким образом, доверие к электронной коммерции, связанной с неопределенностью и риском за собственные деньги получить кота в мешке, для наших респондентов, в первую очередь, связана с гарантиями в отношении товара/услуги и безопасностью онлайн-платежа.

Расчет коэффициента корреляции на уровне значимости $p < 0,05$ выявил положительные и обратные взаимосвязи между доверием к электронной коммерции и базовым недоверием, доверием к себе, доверием к миру, недоверием к другим людям. Также прямые и обратные корреляции выявились между установками по отношению к Интернету и доверием/недоверием к миру, другим людям и до-

верием к себе и доверием к электронной коммерции. Не учитывая причинно-следственных связей данных корреляций, анализ полученных результатов все же позволяет составить определенное представление об изучаемых феноменах.

Утверждение «Объекты и явления окружающего мира меня мало волнуют» (недоверие к миру) имеет обратную корреляцию с утверждением «Информация о принципах поддержки безопасности» ($r = -0,19$) и обратную корреляцию с утверждением «Информация о том, как обрабатывается ваша персональная информация, которую вы указываете при заказе» ($r = -0,48$). Таким образом, чем выше у пользователя недоверие к миру, тем меньшее значение он придает безопасности и конфиденциальности в электронной коммерции.

Утверждение «Я доверяю себе в умении прогнозировать поступки других людей» (доверие себе) имеет положительную корреляцию с утверждением «Информация о том, как обрабатывается ваша персональная информация, которую вы указываете при заказе» ($r = 0,36$) и положительную корреляцию с утверждением «Возможность задать вопрос и получить помощь сразу же, онлайн или по телефону» ($r = 0,45$), т. е. чем выше у респондента доверие к себе в сфере взаимодействия с другими людьми, тем большее значение для него имеет конфиденциальность и обслуживание клиентов для формирования доверия к электронной коммерции.

Утверждение «Следует быть очень осторожным, когда имеешь дело с людьми» (недоверие людям) имеет отрицательную корреляцию с брендом товаров ($r = -0,39$). При этом бренд товаров имеет положительную корреляцию с утверждением «Я стараюсь тесно взаимодействовать с окружающим миром» (доверие к миру) ($r = 0,24$). Таким образом, высокое недоверие к людям снижает значимость бренда товаров для формирования доверия к онлайн-покупкам, что возможно, объясняется представлениями о некачественных товарах, выполненных ненадежными людьми. При этом высокое доверие миру, наоборот, повышает значимость бренда товаров для формирования доверия к электронной коммерции, так как известный бренд, скорее всего, воспринимается как часть надежного мира.

Утверждение «Следует быть очень осторожным, когда имеешь дело с людьми» (недоверие людям) имеет положительную корреляцию с утверждением «Функциональность – удобство использования, простая навигация в меню» ($r = 0,37$), т. е. высокое недоверие к людям обуславливает высокие требования к структуре сайта, удобство использования которого является значимым для формирования доверия к электронной коммерции.

Утверждение «Если не уследишь, люди воспользуются твоим преимуществом» (недоверие к людям) имеет отрицательную корреляцию с утверждением «Дизайн – внешний вид сайта» ($r=-0,23$). Таким образом, недоверие к людям снижает значимость внешнего вида интернет-магазина для формирования к нему доверия, возможно, по причине подозрений со стороны пользователей об искаженной информации, скрывающей за выгодной подачей некачественный товар.

Утверждение «Я доверяю себе в умении прогнозировать поступки других людей» (доверие к себе) имеет положительную корреляцию с утверждением «Функциональность – удобство использования, простая навигация в меню» ($r=0,43$) и положительную корреляцию с утверждением «Информация о компании на сайте (например, список сотрудников; как давно компания в данном бизнесе и т. п.)» ($r=0,35$). Чем выше доверие к себе, тем большее значение для формирования доверия к электронной коммерции имеет функциональность сайта интернет-магазина и сведения об истории создания и сотрудниках интернет-магазина. Возможно, данные характеристики интернет-магазина позволяют пользователям спрогнозировать свою активность при совершении онлайн-покупок.

Утверждение «Окружающий мир является для меня источником опасности» (недоверие к миру) имеет отрицательную корреляцию с утверждением «Информация о компании на сайте (например, список сотрудников; как давно компания в данном бизнесе и т. п.)» ($r=-0,34$). Таким образом, чем больше респондент не доверяет миру, считая его опасным, тем меньшее значение для формирования его доверия к электронной коммерции имеют сведения об истории создания и сотрудниках интернет-магазина.

Среди установок по отношению к Интернету наиболее интересные корреляции проявились со следующими утверждениями. Утверждение «Меня любят лишь немногие, помимо моих сетевых знакомых» имеет положительную корреляцию с утверждением «Окружающий мир является для меня источником опасности» (недоверие к миру) ($r=0,34$), отрицательную корреляцию с утверждением «Человек по своей природе склонен к сотрудничеству» (доверие людям) ($r=-0,38$), отрицательную корреляцию с утверждением «Я доверяю себе в умении прогнозировать поступки других людей» (доверие к себе) ($r=-0,33$).

Утверждение «В Интернете я чувствую себя в наибольшей безопасности» имеет положительную корреляцию с утверждением «Окружающий мир является для меня источником опасности» (недоверие миру) ($r=0,55$), отрицательную корреляцию с утверждением «Чело-

век по своей природе склонен к сотрудничеству» (доверие к людям) ($r=-0,37$), отрицательную корреляцию с утверждением «Я стараюсь тесно взаимодействовать с окружающим миром» (доверие к миру) ($r=-0,34$).

Утверждение «В сети я могу быть самим собой» имеет положительную корреляцию с утверждением «Если не уследишь, люди воспользуются твоим преимуществом» (недоверие к людям) ($r=0,37$), отрицательную корреляцию с утверждением «Я стараюсь тесно взаимодействовать с окружающим миром» (доверие к миру) ($r=-0,33$), отрицательные корреляции с утверждениями опросника о доверии к электронной коммерции – «Политика обработки персональной информации, размещенная на видном месте главной страницы сайта компании» ($r=-0,38$), «Информация о компании на сайте (например, список сотрудников; как давно компания в данном бизнесе и т. п.)» ($r=-0,37$), «Проверяется ли, насколько вам удобно использовать Интернет и техническое обеспечение» ($r=-0,46$).

Утверждение «Человека легче близко узнать через Интернет, чем при непосредственном общении» имеет отрицательные корреляции со следующими утверждениями опросника о доверии к электронной коммерции – «Возможность задать вопрос и получить помощь сразу же онлайн или по телефону» ($r=-0,5$), «Функциональность – удобство использования, простая навигация в меню» ($r=-0,52$), «Информация о компании на сайте (например, список сотрудников; как давно компания в данном бизнесе и т. п.)» ($r=-0,48$), «Проверяется ли, насколько вам удобно использовать Интернет и техническое обеспечение» ($r=-0,37$).

Утверждение «В сети отношения с людьми бывают более глубокими, чем в жизни» имеет следующие корреляции с утверждениями опросника о доверии к электронной коммерции: положительную корреляцию с утверждением «Возможность задать вопрос и получить помощь сразу же онлайн или по телефону» ($r=0,37$), отрицательную корреляцию с утверждением «Репутация/рекомендации, например, из СМИ, от родных и друзей» ($r=-0,57$), отрицательную корреляцию с утверждением «Дизайн – внешний вид сайта» ($r=-0,63$).

Утверждение «Когда я в сети, мне не нужно думать о проблемах вне сети» имеет отрицательные корреляции со следующими утверждениями опросника о доверии электронной коммерции: «Подтверждение заказа и покупки» ($r=-0,39$), «Бренд» ($r=-0,46$), «Функциональность – удобство использования, простая навигация в меню» ($r=-0,4$), «Проверяется ли, насколько вам удобно использовать Интернет и техническое обеспечение» ($r=-0,38$).

Выводы

В целом, подводя итоги проведенного исследования, можно заключить, что доверие, являясь регулятором активности человека, определяет характер его взаимодействия с окружающим миром в различных ситуациях. При этом *ситуационное* доверие определяется глубоким фундаментальным феноменом — дихотомией базового доверия/недоверия.

Анализируя доверие к электронной коммерции, в частности, доверие к интернет-магазинам, можно сделать вывод, что специфика наших онлайн-транзакций определяется личностными феноменами — дихотомией базового доверия/недоверия и установками по отношению к Интернету, а именно склонностью к проблематичному использованию Интернета. При этом проблематичное использование Интернета, проявляющееся в наличии дисфункциональных убеждений о себе и мире и связанное с базовым недоверием, делает доверие к электронной коммерции «менее содержательным», так как часть компонентов данного доверия теряют свою значимость. Напротив, базовое доверие — открытость и активное взаимодействие с миром и другими людьми — позволяет человеку быть более критичным в отношении Интернета и онлайн-покупок.

В качестве главного ограничения проведенного исследования следует отметить небольшой объем выборки, а также отсутствие уравновешенных групп респондентов по частоте использования интернет-магазинов.

Литература

- Антоненко И. В.* Социально-психологическое содержание доверия // Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2013.
- Блэкуэлл Р., Миниард П., Энджел Дж.* Поведение потребителей. 10-е изд. Пер. с англ. СПб.: Питер, 2007.
- Винтеркофф-Шпурк П.* Медиапсихология. Основные принципы. Харьков: Гуманитарный центр, 2007.
- Гаврилов Л. П.* Электронная коммерция: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2017.
- Губенко Э.* Опросник установок по отношению к Интернету. URL: http://flogiston.ru/articles/netpsy/internet_questionary (дата обращения: 18.12.2017).
- Девяткин А. А.* Явление социальной установки в психологии XX века. Калининград: Изд-во Калининградского гос. университета, 1999.
- Дик В. В., Лужецкий М. Г., Родионов А. Э.* Электронная коммерция. М.: Московская финансово-промышленная академия, 2005.
- Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / Отв. ред. А. Б. Купрейченко, И. В. Мерсиянова. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2013.
- Информационные технологии: учебник / Ю. Ю. Громов, И. В. Дидрих, О. Г. Иванова, М. А. Ивановский, В. Г. Однолько. Тамбов: Изд-во ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2015.
- Калужский М. Л.* Электронная коммерция: маркетинговые сети и инфраструктура рынка. М.: Экономика, 2014.
- Китова Д. А., Журавлев А. Л.* Интернет как психологический ресурс геополитического противоборства // Проблемы социальных конфликтов в современной психологии. М.: Изд-во Институт психологии РАН», 2018. С. 343–363.
- Ковалева Ю. В., Журавлев А. Л.* Глобальная психология в условиях современных глобальных вызовов // Функциональные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 1830–1838.
- Купрейченко А. Б.* Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Купрейченко А. Б., Журавлев А. Л.* Отношение современных российских предпринимателей к морально-этическим нормам делового поведения // Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999. С. 89–109.
- Купрейченко А. Б., Мерсиянова И. В.* Проблема оценки уровня и содержания социального доверия // Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2013.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л., Юревич А. В.* Цифровая революция и будущее психологии: к прогнозу развития психологической науки и практики // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 1 (9). С. 6–19.
- Позняков В. П., Журавлев А. Л.* Социальная психология российского предпринимательства: концепция психологических отношений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Посытанова О. С.* Экономическая психология: психологические аспекты поведения потребителей. Монография. Калуга: Изд-во КГУ им. К. Э. Циолковского, 2012.
- Проблемы экономической психологии. Том 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.

- Проблемы экономической психологии. Том 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Психология: Учебник для экономических вузов / Под ред. В. Н. Дружинина. СПб.: Питер, 2000.
- Психология XXI века: Учебник для вузов / Под ред. В. Н. Дружинина. М.: Пер Сэ, 2003.
- Роджерс К.* Становление личности. Взгляд на психотерапию. Пер. с англ. М., 2002.
- Селигмен А.* Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002.
- Сингурова Н. Л.* Сравнительный анализ установок студентов по отношению к Интернету // Акмеология. 2016. № 4 (60). С. 156–162.
- Снежковская Ю. Д.* Проблемы и перспективы развития электронной коммерции в России // Научное сообщество студентов XXI столетия. Экономические науки: сб. ст. по мат. XXVI междунар. студ. науч.-практ. конф. № 11 (26). URL: [http://sibac.info/archive/economy/11\(26\).pdf](http://sibac.info/archive/economy/11(26).pdf) (дата обращения: 05.07.2017).
- Современная психология: справочное руководство / Отв. ред. В. Н. Дружинин. М.: Инфра-М, 1999.
- Соснин В. А., Китова Д. А., Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Юревич А. В.* Массовое сознание и поведение: тенденции социально-психологических исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Соснин В. А., Красников М. А., Журавлев А. Л.* Социальная психология: Учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Форум–Инфра-М, 2014.
- Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Пер Сэ, 2002.
- Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное / Под науч. ред. О. А. Белобрыкиной. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017.
- Узнадзе Д. Н.* Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси: Изд-во АН Гр. ССР, 1961.
- Шляховая Е. В.* Социально-психологические факторы доверия пользователей к информации в электронной массовой коммуникации: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2013.
- Erikson E. H.* Childhood and society. 2nd ed. N. Y.: Norton, 1963.
- Gustavsson M., Johansson A.-M.* Consumer trust in e-commerce. International Business program, 2006a.

- Gustavsson M., Johansson A.-M.* Consumer trust in e-commerce. Kristianstand University. 2006b. URL: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:230780/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 05.07.2017).
- Petrovic O., Ksela M., Fallenböck M., Kittl C.* Trust in the Network Economy. V. 2. Wien–N. Y.: Springer-Verlag, 2003.

Психологические и социокультурные смыслы прощения, развитие способности к прощению

Н. Я. Большунова, О. А. Устинова

Прощение имеет особое значение в русской культуре. Многие лингвокультурологи включают концепт «прощение» в концептосферу русского языка и рассматривают его наряду с концептами «любовь», «совесть», «правда», «душа», «судьба» и др. как наиболее значимые для понимания национального менталитета и характера (Майоров, 2012; Брилева, 2015; Вержбицкая 1993; Сокровенные смыслы, 2004; и др.).

Культурные концепты – лингвокультуремы, по В. В. Воробьеву (Воробьев, 2008), ключевые слова, по А. Вержбицкой (Вержбицкая, 2001), – понимаются как такие «ментальные сущности», в которых представлен «дух народа» (Воркачев, 2003, с. 14), которые являются культурноспецифичными, т. е. обусловленными характеристиками определенной культуры, в отличие от универсальных, присущих всем культурам (Вержбицкая, 1993). Известно также, что язык, согласно положениям таких психолингвистов, как Э. Сепир и Б. Уорф, В. фон Гумбольдт, А. А. Потебня, Д. Н. Овсянико-Куликовский и др., являясь средством выражения смыслов, в то же время определяет специфику мышления и образа мира, языковую картину мира. А. А. Потебня писал, что язык «влияет на все мирозерцание человека... Влияние всякой мелочи языка на мысль в своем роде единственно и ничем незаменимо» (Потебня, 1993). Последователь и ученик А. А. Потебни, Д. Н. Овсянико-Куликовский отмечает, что освоение ребенком национальной культуры начинается с овладения родным языком (Овсянико-Куликовский, 1922). Это подтверждается и современными лингвистами, согласно исследованиям В. В. Колесова, язык и ментальность тесно связаны, миропознание осуществляется через категории языка и сохраняется в нем (Колесов, 2004).

Слова «прощение», «простить» во многих славянских языках этимологически восходят к значению «свободный», «простой», «ис-

цель» (Фасмер, 1986); аналогично в этимологическом словаре Г. А. Крылова слово «простить» трактуется как «простой» в значении «свободный» (Крылов, 2005). Интересную трактовку этого слова предлагает Л. В. Успенский. Он считает, что «древнерусское „простъ“, соответствующее нашему „простой“, значило: прямой, несогнутый. „Простить“ поэтому имело значение „выпрямить“, т. е. „разрешить виноватому, согнувшемуся в раболепном поклоне, выпрямиться“». Обращение «Прости меня!», с точки зрения Л. В. Успенского, имеет смысл: «Позволь мне поднять повинную голову, встать с колен...». Слово «простить» значит также «сделать свободным, освободить» (Успенский, 2009).

По-видимому, этимология слова «прощение» в определенной мере объясняет высокую значимость прощения в культуре общения и традициях русского народа. Например, еще в Древней Руси непрощение (и непримирение) духовных побратимов (друзей) рассматривалось как большой грех. Известный историк В. Долгов (2009) описывает рассказ из «Киево-Печерского патерика» (период домонгольской Руси), в котором «немилосердный ангел» карает одного из побратимов, отказавшего другу в прощении.

М. М. Громыко (1991), опираясь на свидетельства этнографов и собственные этнографические исследования, считает, что обычай просить прощения был весьма распространен в русской деревне: прощения просили при отъезде на длительное время у близких, соседей, роженица и ее муж при затяжных родах просили прощения у соседок. При конфликтах община добивалась того, чтобы виновный просил прощения, если же он отказывался, то ему назначался двойной штраф. Уходя на исповедь в храм, исповедующийся просил прощения у всех членов семьи. Потребность и традиция просить прощения и прощать наблюдались повсеместно. Считалось, что месть – это большой грех, а прощение избавляет от тяготы вины и очищает от грехов.

Значимость прощения и его воспитания были свойственны и дворянской культуре России, что имело важное значение в развитии эмоциональной утонченности и рефлексивности личности. З. П. Горьковская (2015) на основе анализа текстов личного характера (мемуаров, писем и др.) делает вывод, что способность к прощению была вплетена в разные контексты поведения дворянства: управление отношениями в эмоциональном сообществе семьи, предполагающее понимание и прощение; облегчение эмоционального состояния покаянием и прощением; самопонимание и смыслообразование, посредством открытия возможности/невозможности и смысла прощения. Про-

шение, милосердие, понимаемое в системе православных ценностей, «мемуаристы включают в перечень ценностных критериев, позволяющих оценивать своих современников, их поступки и личностные качества» (Горьковская, 2017, с. 81). При этом в личных документах «отсутствует прагматический контекст прощения как стремления к выгоде» (Горьковская, 2015, с. 111).

Обычай отмечать Прощеное воскресенье перед Великим Постом является важнейшей православной традицией. Этот обычай был широко распространен в дореволюционной России и восстанавливается в настоящее время. В Прощеное воскресенье все члены семьи просили прощения друг у друга, просили прощения у умерших, отправляясь на кладбище, у всех знакомых и встречных.

Обычай Прощеного воскресенья, так же как повсеместный обычай воскресной исповеди, учил рефлексии, осознанию своих грехов и пониманию другого. «Даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего» — слова из знаменитой молитвы Ефрема Сирина, читаемой при богослужении в дни Великого Поста.

И. С. Брилева (2015) на материале фольклорных прозаических текстов осуществила анализ смысла концепта прощения как одного из явлений и важного понятия традиционной русской культуры. Существенно, что этот концепт многозначен, это свидетельствует о вращенности его в культуру. Прощение выступает в народном архаическом мышлении как основание отмены наказания (болезни, смерти, подвластности нечистой силе и т. д.) и для согрешившего (нарушившего запрет), и для прощающего. Оно является также условием житейского благополучия. В христианском мировоззрении раскаяние, получение прощения от Бога и прощение со стороны обиженного приобретают сакральный смысл, согласно которому земная и небесная жизнь человека тесно взаимосвязаны. Духовное преображение прощающего и искупительные действия грешника становятся основанием спасения. Причем сила прощения, молитвы за грешника таковы, что они могут изменить посмертную судьбу согрешившего человека.

С точки зрения православного понимания прощения, в его основе лежит, прежде всего, сердечная простота, способность человека обратиться к своим грехам (Феофан Затворник, 1883). Прощение в христианстве безусловно, поскольку его основанием являются любовь, милосердие и осознание собственного греха: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай

ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два» (Мф. 5: 38–41). Прощение должно быть сердечным, искренним, однако оно не равнозначно принятию зла, но наполнено переживанием сочувствия к тому страданию, настоящему или будущему, которое дано испытать грешнику, и может сопровождаться любовно окрашенным наставлением ему. Христианство предлагает иной, новый взгляд на отношения между людьми — отношения любви, доверия, близости, при которых Другой перестает быть чужим и становится «ближним», поскольку все люди связаны друг с другом через отношение к Богу. «Так помяни же грехи, в которых ты прощен или ищешь прощения, и, если не из благодарности за полученную милость, то в несомненной надежде получить ее, прощай, прощай и прощай широким, отверстым и „ширым“¹ сердцем», — пишет Феофан Затворник (Феофан Затворник, 1883, с. 1076–1077). Милосердие христианского понимания мира проявляется также в том, что акт прощения предполагает дар доверия согрешившему человеку, что дает ему силы для преодоления греха, «возможность внутреннего чуда нового рождения» (Бахтин, 1997, с. 112).

Ценность прощения представлена и в других типах культур. Практически для всех религиозных и философских систем прощение выступает как нравственный императив, однако смыслы прощения имеют свою специфику. Даосская практика прощения связана с самосовершенствованием, достижением гармонии и освобождением от негативных эмоций, самопрощением (Лао-Цзы, 2001). Прощение осуществляется ради своего блага: тягость обиды отрицательно сказывается на здоровье и на духовном состоянии, препятствуя самореализации. Значимость прощения отражена в существовании специальных практик, направленных на освобождение от негативных состояний: гнев, боль, обида, и достижение любви, мудрости, гармонии. Понимание смыслов прощения как достижения блага *для себя* (самоусовершенствования в добродетели) доминирует и в конфуцианстве. Причем необходимо уметь отвечать добром именно на добро: «Кто-то спросил: „Говорят, что на зло надо отвечать добром. Что вы на это скажете?“ Учитель ответил: „Как это — отвечать добром? На зло отвечают по справедливости, а на добро отвечают добром“» (Конфуцианское «Четверокнижие», 2004, с. 214).

Своеобразно отношение к прощению в буддизме. Проступок, зло здесь понимается как неправильное, неумелое, «глупое» действие, за которое человек несет ответственность, плодом которого является

1 Искренним.

ся страдание. Поэтому нет смысла ни в покаянии, ни в прощении, однако нет смысла и в наказании, мести. «Сам человек совершает зло, и сам оскверняет себя. Не совершает зла он тоже сам, и сам очищает себя. Чистота и скверна зависят от него самого. Одному другого не очистить» (Дхаммапада, 1960, с. 165). Можно помочь человеку осознать свои проступки, чтобы постараться не повторять их, ибо: «Не имея разума, глупцы поступают с собой, как с врагами, совершая злое дело, которое приносит горькие плоды» (там же, с. 67).

Для ислама прощение имеет особое значение, и, несмотря на то, что действие по отношению к обидчику из оснований справедливости допускается (возмездие при этом должно быть соизмеримо с нанесенной обидой, уроном), однако именно прощение и милость являются особенно ценными для Бога: «Воздаянием за зло является равноценное зло. Но если кто простит и установит мир, то его награда будет за Аллахом. Воистину Он не любит беззаконников» (Сура 42, Аш-Шура «Совет»).

Несмотря на очевидную значимость прощения в традиционной русской культуре это явление до сих пор не стало признанным предметом исследований в российской психологии. В настоящее время имеется относительно немного публикаций, посвященных собственно прощению (Родионова, 2007; Томильцева, 2010; Чукова, Гриценко, 2011; Печин, 2014а; и др.). Возможно, это обусловлено тем, что длительное время в обществе доминировала идеология справедливости, которая предполагала «классовую борьбу» для ее «завоевания». Военные годы, период репрессий, криминальные 1990-е годы, экономическое и социальное неравенство в настоящем, постоянное экономическое и информационное давление на Россию являются существенными причинами актуализации переживаний гнева, несправедливости, обиды, зависти и пр., что с точки зрения психологов, занимающихся проблемой прощения, порождает ответное насилие и отношение к прощению как к признаку слабости (Enright, 2011) человека (государства, социальной группы и т. д.).

Социологи, психологи, культурологи отмечают нарастание в обществе таких явлений, как аномия, ресентимент, моббинг и кибермоббинг, консюмеризм и др., порождаемые совокупностью причин, таких как аксиологическая неопределенность, дезинтеграция общества и разрушение солидарности, культурная травма и духовная мимикрия, вызванные оскорблением памяти и символов как носителей ценностей (Кара-Мурза, 2013; Печин, 2014а).

Недооценка проблемы прощения в психологии особенно показательна в связи с тем, что современная социокультурная ситуация

востребует повышенного внимания к развитию эмоциональной сферы детей и подростков, что проявляется в наличии или отсутствии таких феноменов, как прощение, благодарность, участность, доверительность, переживание благоговения, близости и др. Д. И. Фельдштейн (2011), например, отмечает, что наряду со снижением уровня развития когнитивной сферы и мышления, произвольности, сюжетно-ролевой игры, любознательности, воображения и пр. увеличивается число детей, имеющих эмоциональные проблемы (аффективная напряженность, тревожность, наличие отрицательного эмоционального опыта, агрессия, обостренная реакция на предполагаемую обиду и др.). Д. И. Фельдштейн полагает, что причиной этого является нарастание чувства незащищенности, беспомощности вследствие отсутствия «опоры в близком окружении» и «неудовлетворения ведущих потребностей возраста». Он отмечает также изменение ценностных ориентаций детей, подростков, юношества. В последние годы на первое место выходят интеллектуальные, за ними идут волевые, а затем соматические (здоровье) ценностные ориентации, тогда как эмоциональные и нравственные ценности оказываются наименее значимыми. Такие изменения в эмоциональной и аксиологической сферах отражаются, прежде всего, в характере коммуникативной активности. Как исследования психологов, так и наблюдения педагогов (а также все чаще возникающие чрезвычайные ситуации, связанные с отношением школьников друг к другу, учителям, родителям, животным), свидетельствуют об увеличении и ужесточении детских конфликтов, об отсутствии умения выстраивать позитивные отношения с другими людьми. М. И. Воловикова и Л. Ш. Мустафина (2016) отмечают тревожную тенденцию к отрицанию молодыми людьми нравственного значения совести.

В зарубежной, прежде всего американской, психологии, возможно, вследствие того, что американское общество раньше столкнулось с описываемыми проблемами, исследования прощения проводятся, начиная с 1980-х годов (Печин, 2014б). Особую известность приобрели работы «первопроходца» этой проблемы Р. Энрайта, который является основателем Международного института прощения (The International Forgiveness Institute, 1994), автором методики диагностики прощения в вариантах для взрослых и детей (The Enright Forgiveness Inventory — EFI), а также автором и соавтором учебных программ обучения прощению, действующих в разных странах, особенно в тех, где имеется социальное напряжение. Программы, разработанные для детей разного возраста (от 6 до 18 лет), направлены на работу с агрессией, враждебностью и в то же время на развитие эмпатии,

знакомство с моральными качествами (доброта, любовь, щедрость, уважение и пр.), способствующими прощению. Представляют особый интерес разделы, направленные на развитие представлений о ценности человека, включая ценность самого себя вне зависимости от социального положения, внешнего вида и т. д. Согласно отзывам учителей и результатам диагностики (Enright, 2017; Forgiveness, 2008), реализация программ приводит не только к снижению в школах агрессии, издевательств среди сверстников и увеличивает эмпатию, но и к улучшению успеваемости и общей атмосферы в школе. Реализация программ осуществляется в процессе бесед, обсуждения художественных произведений, жизненных ситуаций, переживаний участников программы.

Р. Энрайт видит свою миссию в том, чтобы способствовать миру. В аннотации к семинару, размещенной на сайте Международного института прощения, обращенному к педагогам, социальным работникам, психологам, родителям и другим желающим, Р. Энрайт обозначает основные принципиальные положения, которым он следует в своей работе: прощение – это путь к миру; акт прощения избирается свободно, к нему нельзя принудить; однако оно дает возможность освободиться от гнета ненависти и негодования и предложить добро человеку, причинившему боль. «Это дает вам шанс жить жизнью любви, сострадания и радости», – обращается Р. Энрайт (Enright, 2017) к участникам семинара. Предупреждая возможные вопросы и критические замечания, он оговаривает, что прощение не равнозначно примирению, забыванию, оправданию и потворству; оно избавляет человека не от несправедливости, а от его последствий; преимущества прощения в том, что результатом прощения становится улучшение отношений с другими людьми, физического и эмоционального самочувствия. Его концепция не связана с какими-либо религиозными или идеологическими пристрастиями. Р. Энрайт и его сотрудники считают, что прощение как дар не требует извинения от обидчика, возможны ситуации, когда обе стороны виноваты друг перед другом и тогда прощать нужно обеим сторонам, интересно также положение о том, что «прощение преобразует как прощающего, так и прощаемого, так как любовь простирается и на последнего. Другими словами, прощение в некоторых случаях может не только восстанавливать утраченные взаимоотношения, но и преобразовывать, улучшать их» (Энрайт, Гассин, Ву, 1997).

Энрайт предлагает 20 шагов, ведущих к прощению, организованных в четыре этапа (Enright, 2001). Если человек выбирает путь прощения, то на первом этапе ему необходимо *осознать* боль и обиду,

которые ему были нанесены, признать наличие у себя гнева и других негативных эмоций; затем следует *фаза принятия решения*, когда человек понимает разрушительность этих переживаний, принимает решение изменить свое отношение к ситуации и, самое главное, отказаться от мщения; *рабочая фаза* включает начало активной работы над преодолением переживания травмы: с одной стороны, это предполагает появление отношения к обидчику как человеку (попытка, например, понять причины поведения обидчика, связанные с его детством, контекстом события и пр., что может сопровождаться сочувствием и сопереживанием), с другой стороны, это работа с переживанием своей травмы как болезни, с которой нужно справиться, а не передавать своей боли другому, что сопровождается переживанием снисхождения к обидчику; наконец, на *четвертом этапе углубления* человек начинает испытывать эмоциональное облегчение от преодоления в себе негативных чувств (исцеление) и обнаруживает в себе способность одаривать других милосердием, щедростью и любовью. В других своих книгах Р. Энрайт предлагает пути осуществления самопрощения и межличностного прощения (Enright, 2012, 2015; и др.).

При всем позитивном отношении и к деятельности Р. Энрайта с сотрудниками по распространению идеи прощения в международном масштабе и к его концепции несколько настораживает преобладание прагматического компонента в понимании прощения. Это свойственно и ряду других зарубежных теорий: прощение необходимо для облегчения собственной жизни и улучшения коммуникаций с другими людьми. Такое локальное понимание реализуется в том, что различного рода семинары и техники активно и достаточно успешно используются для улучшения семейных отношений (Fincham, Hall, Beach, 2006), терапии культурной травмы (Flanigan, 1992), избавления от негативных эмоций (Мартин, 2015), преодоления болезней (Саймонтон, Саймонтон, 2001) посредством работы с обидой, что осуществляется в течение уже 45 лет в Саймонтон онкологический центр в Калифорнии и пр. Такого рода терапевтические практики применяются в настоящее время практическими психологами и психотерапевтами и в России. В то же время недостаточно разработаны методологические аспекты психологии прощения и теоретическое обоснование возможностей и сферы его применения.

Еще один важный аспект состоит в том, что как явление, вращенное в культуру (язык, традиции, мифы, религиозное самосознание), понимание его смыслов, программы его развития, представленные, например, в опыте Р. Энрайта, не могут быть автоматически перене-

сены в практику деятельности российского психолога или педагога. Проблема прощения требует понимания и практического освоения в контексте психологических парадигм отечественной психологии и миросозерцания отечественной культуры, с одной стороны, и реального состояния представлений о прощении в массовом сознании, с другой.

Исследование представлений молодежи о прощении

Наши исследования, включающие анкетирование студентов психологов по разработанной нами анкете (80 респондентов, возраст — 18–24 года, анонимное анкетирование, закрытые и открытые вопросы), свидетельствуют о противоречивом понимании респондентами прощения. С одной стороны, прощение в 50 случаев рассматривается как «освобождение другого», указывается также признание права человека на ошибку, понимание и сочувствие, отказ от мести, негативных чувств по отношению к обидчику. Однако достаточно часто (30%) прощение понимается скорее *прагматически* как избавление *себя* от тяжелых, негативных чувств (вопрос «Что означает прощение?»). В нескольких анкетах респонденты отождествляют прощение с примирением.

«Когда прощаешь, — пишут в большинстве случаев респонденты, — испытываешь облегчение: радость, легкость, свободу и пр.» (вопрос: «Что вы чувствуете, когда прощаете?»). Примерно те же переживания сопутствуют моментам получения прощения, причем, большинство готовы «на многое» для того, чтобы получить прощение (попросить прощения, исправить ошибку, признать вину, сделать что-либо хорошее тому, кого обидел, и пр.). В то же время более половины респондентов указывают, что просить прощения трудно, поскольку это связано с признанием своей вины.

Человек, умеющий прощать, чаще всего (78%) оценивается как понимающий, добрый, отзывчивый, отходчивый, эмпатичный, способный к диалогу, а также в ряде ответов как наивный, имеющий веру в людей, отходчивый; либо отмечается его прямота, свобода, независимость: «Это сильный человек». Лишь в четырех анкетах респонденты (юноши) дали ответ: «Не знаю», причем в одном случае респондент пояснил, что тема эта для него слишком сложна. Трижды встречались также прагматические оценки человека, способного к прощению: дальновидность, прагматизм, жизнелюбие, самоуважение и пр.; и лишь однажды была дана негативная оценка такого человека: чувствительность, слабость, трусость.

Оценка человека, не умеющего прощать, всегда негативна: эгоистичный, самолюбивый, агрессивный, злой, упрямый, негибкий и т. д. Лишь в нескольких случаях к негативной оценке добавляются некоторые качества, свидетельствующие о сочувствии ему: ранимый, чувствительный, уязвимый, неуверенный. При этом, отвечая на вопрос о том, «приходилось ли лично вам намеренно обижать человека», 40% испытуемых признали, что такое случалось «в ситуации, когда другим способом нельзя было поставить человека на место», «из мести», «от обиды», в нескольких случаях (3 человека) «по глупости».

Отвечая на вопросы о том, всегда ли нужно прощать, и если нет, то в каких случаях нельзя, большинство респондентов (81%) достаточно ригорично отвечают, что нельзя прощать предательство, измену, часть респондентов добавляют — убийство. Можно прощать, если человек признает свою вину, а также, если он нанес обиду случайно, либо его проступок был незначительным (обидные слова, не проявил внимания, когда это было необходимо, и пр.). Лишь около 19% испытуемых склонны к безусловному прощению, причем половина из них оговаривает, что *все* простить можно только близкому человеку.

Примерно 70% респондентов признают, что прощать трудно, причем, прощение не обязательно приводит к восстановлению отношений: «Простил и забыл», «Простил и больше с ним не общаюсь», «Простил, но больше не доверяю». Такие ответы в большей мере свойственны респондентам, которым прощать «легко». Прощение примерно в половине случаев, если судить по результатам анкетирования, сопровождается отказом от мести, негативных чувств по отношению к обидчику, и лишь в отдельных случаях респонденты сообщают, что простили из сочувствия, жалости к обидчику.

Интересно, что практически все респонденты уверены, что они умеют прощать (четверо отметили, что они не знают, умеют ли), однако около 80% при этом хотели бы научиться прощать, и половина из них хотели бы научиться «прощать легко» (по-видимому, без тягостных переживаний и размышлений).

Все студенты указывают, что прощать необходимо, и, если бы люди не умели прощать, «мир не мог бы существовать», «все люди жили бы в обиде и злости», «люди были бы одиноки», «наступил бы хаос» и т. д.

Таким образом, результаты анкетирования свидетельствуют о том, что практически все респонденты осознают ценность прощения, однако смыслы прощения, если и улавливаются, то, скорее, интуитивно: простить, т. е. «отпустить». Это определение чаще всего встре-

чается в ответах респондентов. Однако неясно, что именно стоит за этим определением: освободить от вины, довериться, подарить свободу, открыть обидчику возможность для самоизменения, освободить себя от негативных переживаний?

Еще более противоречивым становится понимание прощения, когда речь идет о собственно поступке прощения. Здесь акт прощения обрастает множеством условий, множеством достаточно жестких «если»: если обидчик попросит прощения, если проступок не повторяется несколько раз, если человек осознал свою вину и готов исправиться, если он близкий человек, если это не предательство или измена и т. д. «Если» так много, что возникает сомнение в том, действительно ли респонденты способны к прощению, не лукавят ли они перед собой. По-видимому, несмотря на анонимность опроса, значительная часть респондентов сообщает скорее известные (или даже социально ожидаемые) представления о прощении. Однако как только вопросы анкеты актуализируют реальные ситуации прощения («Приходилось ли вам кого-нибудь прощать», «Кого именно», «Легко ли вам это было делать», «Какие чувства вы испытывали, когда прощали другого», «Приходилось ли вам самим просить прощения» и др.), ответы респондентов обнаруживают непоследовательность и двойственность. Наблюдения показывают, что достаточно часто человек, искренне утверждающий, что он способен к прощению, на деле, в реальной ситуации общения не может удержаться от мести, требует «платы» за прощение в виде особого отношения к нему либо склонен так или иначе ограничивать возможности Другого (обидчика) в его деятельности и пр.

По-видимому, психологические, духовные, нравственные смыслы прощения в большинстве случаев остаются недостаточно отрефлексируемыми, с одной стороны, и отсутствует, утеряна культура прощения, с другой. Прощение как бытовое явление практикуется как средство установления или восстановления отношений с другими людьми, прежде всего, близкими (родителями, родственниками, друзьями, любимыми), его психологический смысл открывается через переживание: избавление от негативных эмоций как себя, так и другого. Однако духовные и нравственные смыслы: прощение как дар любви, как восхождение к правде отношений между людьми, открытие человека в себе и другом, спасение и преобразование себя и другого — остаются скрытыми для респондентов.

Сложность «эмпирического прощения» отмечается и в философских работах о прощении. Так, канадский философ Т. Гувье в статье, написанной в 1999 г., рассматривая разные варианты отношений

между жертвой (или группой людей, ставших жертвой политического или социального насилия) и тем, кто совершил зло, все же выделяет один вариант «непростительного»: нельзя прощать в ситуации, когда отсутствует раскаянье, просьба о прощении (Гувье, 2004). Для французского философа В. Янкевича подлинным является только духовное, безусловное прощение как дар, прощение немотивированное, пронизанное любовью, безвозмездное и даже прощение как «жертвоприношение», поскольку безвозмездно прощающий не рассчитывает на раскаянье и потому может оказаться вновь оскорбленным. Прочие формы прощения он считает прощение-подобными (Янкевич, 2004).

Психологическую сложность и насыщенность прощения нравственными переживаниями открывает в «Книге раздумий» И. Ильин: «Я должен простить, считаете вы, чувствительные люди? Да, конечно, я хочу это сделать. Я это и сделаю, хотя мне это не всегда удастся легко. Люди часто так неблагодарны, зложелательны, коварны! Моя оскорбленная душа порою так ожесточается, что я не знаю, что с нею делать! И тем не менее я стараюсь искоренить в глубине своей души личную обиду, сохранить спокойствие и объективность, не думать более об отвратительном мщении, скорее, взвесить вопрос с точки зрения общечеловеческих ценностей, проявить по отношению к психологии оскорбителя понимание и воздать ему, где только можно, благодеянием. Я должен прямо признаться: мне не удастся ответить на подлости личного врага христианскою любовью; я — не святой, и подобное „прощение“ превышает мои силы... Для того, чтобы быть „должным“ прощать, мне надо прежде всего „сметь“ прощать...Если то, что я должен простить, — „грех“, то прощение грехов — в Руце Господа; у меня нет на это полномочий» (Ильин, 1994, с. 189–190).

В то же время в отечественной психологии, педагогике, культурологии и философии обозначены идеи и концепции, на основе которых может быть построено духовно-нравственное понимание прощения и создана система программ его развития.

Сформулируем положения, которые лежат в основе предлагаемой нами концепции прощения.

— Для С. Л. Рубинштейна «человек есть человек лишь в своем взаимоотношении к другому человеку: человек — это люди в их взаимоотношениях друг к другу» (Рубинштейн, 1973, с. 253), человек — это «часть бытия», «преобразователь жизни» (там же, с. 381), делающий «что-то хорошее в жизни», «утверждающий другого

- человека» и воплощенные в нем истину, добро, красоту (там же, с. 380).
- Представления А. А. Ухтомского, согласно которым доминанта на другом, «доминанта на лицо другого» как «способность переключения в жизнь другого человека, способность понимания ближайшего встречного человека как конкретного, ничем не заменимого в природе самобытного существа» (Ухтомский, 2002, с. 150), лежит в основе подлинной нравственности и духовности.
 - Работы М. М. Бахтина о диалоге согласия как основе отношений между людьми. «Диалогическое *согласие* неслиянных *двоих* или нескольких» (Бахтин, 1979, с. 186) опосредовано «высшим третьим», «наадресатом» (системой ценностей, общей для данного общества, Богом, совестью, представлениями о порядочности, культурным контекстом), устанавливающим содержание, направленность, характер общения и понимания другого. «Жить — значит занимать ценностную позицию в каждом моменте жизни, ценностно устанавливаться» (там же, с. 162).
 - Опыт применения Т. А. Флоренской (2001) в практике консультирования духовного диалога, обращенного к духовному Я человека, в основе которого лежит доминанта на другом и позиция вне-находимости, позволяющая собеседникам обращаться к голосу совести.
 - Представления о глубинном общении Г. С. Батищева, в основе которого лежат идеи: о предпочтении мироутверждения (универсума) самоутверждению, «поскольку мироотрицание оборачивается отрицанием самого себя подлинного»; со-причастности всех субъектов общения в Универсуме; приоритете безусловно-ценностного отношения к миру; доминантности на всех других («Человек не самого себя возводит в Мерило Всем Вещам — и не человечество, — но открывает в других все новые и новые Мерила для себя»); «предвосхищающем утверждении достоинства каждого другого», «его возможности быть иным»; творчестве как свободном даре встречи, даре межсубъектности; со-творчестве как «духе полифонического сотрудничества» (Батищев, 1995, 127–129). Батищев развивает также идею нового типа педагогики «со-творчества и безусловно-ценностной посвященности», основанной на «логике полифонирования или междусубъектности», «способности слышать друг друга» (Батищев, 1997, с. 45–46).
 - Значимы для нашего понимания прощения также идеи Н. А. Бердяева (2000) о коммунитас как общении типа близости, при котором каждый другой воспринимается в своей человеческой под-

линности и интимности, а также откровения П. Слодердайка (2005) о насущности для человека сферы («пузыря») интимного (сердечного, теплого, братского, душевного, доверительного) общения, смыслового, душевного единства и взаимосвязанности, участности человека в бытии, без чего происходит его обезчеловечивание и утрата интересубъективности.

Таким образом, прощение в его высших проявлениях мы рассматриваем как духовно-нравственное явление. Оно включает переживание (в той или иной мере сопровождающееся пониманием, рефлексией, волеизъявлением) участности во взаимодействии с другим (другими), причастности к жизни и судьбе другого, его ценности как человека. Прощение в случае взаимности и ответственности участников диалогу согласия (Большунова, Устинова, 2016) сопровождается изменением как прощающего, так и прощаемого, оно основано на признании и принятии инаковости (другости) другого, доминанте на другом. Прощение как духовно-нравственное переживание и поступок актуализируется соизмерением своих выборов, решений, переживаний, поступков с социокультурными образцами¹, с «голосом совести» и может происходить как необусловленный причинами и обстоятельствами дар другому. В этом случае прощение выступает как нравственная способность человека.

Однако прощение может осуществляться на нескольких уровнях: нормативное, формальное прощение (как в ситуации просьбы о прощении, так и прощения другого) в обыденной жизни. В этом случае оно не имеет самостоятельной ценности для человека и выступает как средство решения каких-либо сугубо прагматических задач: имиджевых, профессиональных, маргинальных, осуществляется из оснований вежливости и пр. Оно не требует больших усилий, может не сопровождаться ни переживанием вины, ни переживанием собственно действия прощения, отчуждено от личности и отношений между людьми, оно анонимно.

Психологический уровень — акт прощения здесь решает задачи достижения эмоционального благополучия. Для прощающего и просящего о прощении оно также выполняет, скорее, функцию средства, однако уже не является внешним, нормативным. Прощающий и прощаемый решают сложные задачи, связанные с переживанием

¹ Социокультурные образцы представляют собой композицию ценностей, свойственную определенному типу культуры, которая выступает как мера, с которой человек соизмеряет свои выборы, решения, поступки, мысли, переживания и т. д. (Большунова, Инчина, 2013).

вины, преодолением обиды, отказом от мести, они прилагают усилия к тому, чтобы справиться с негативными переживаниями, могут использовать различные приемы саморегуляции. Однако эта работа направлена в основном на решение эгоцентрических задач — Другой здесь вторичен: «Простить и забыть». Прощение здесь может иметь даже негативный смысл: простить, чтобы почувствовать свое превосходство.

Третий уровень — социально-психологический: прощение (просьба о прощении и признание вины) выполняет задачи восстановления отношений. Здесь прощение также остается в функции средства и становится частью процесса примирения. На этом этапе прощение, безусловно, сопровождается переживанием, пониманием, саморегуляцией, рефлексией, однако их предметом становится не только сам по себе субъект, осуществляющий прощение, или испытывающий чувство вины и обращающийся с просьбой о прощении, но и отношения между ними (см., напр.: Зайцева, 2016)¹. Прощение наполняется новыми смыслами: осознание другого как Другого, признание его права на «другость», сопровождающееся попыткой понять другого (доминанта на другом), мотивы его поступка, преднамеренности/непреднамеренности, обстоятельств его действий, что создает условия для сопереживания его состояниям (чувству вины, стыда, раскаяния). Появляется возможность диалога, прощения и примирения. На этом этапе особенно важным становится момент обнаружения Другого, «услышанность» его, что актуализирует процесс внутреннего вопрошания о Другом и ответственность Другому.

Наконец, следующий, четвертый уровень — прощение духовно-нравственное. Здесь прощающий и прощаемый осознают или интуитивно чувствуют сакральные его смыслы: прощение как путь к спасению, прощение перед лицом вечности. Прощение утрачивает значение средства и становится Даром другому, становится безусловным. Происходит открытие человеческого в себе и в другом через причастность общей мере (система ценностей, Бог, мировоззрение, социокультурные образцы). Появляются основания социокультурной рефлексии — взгляд на себя и другого глазами «третьего»; диалога, в котором незримо присутствует «третий»; открывается возможность вневходимости и трансгрессиентности самому себе, что позволяет увидеть себя и Другого глазами совести. Например, выявлено (Попова, 2016), что в группе старших подростков с более

1 Н. В. Зайцевой (2016) выявлена положительная связь готовности к прощению у младших школьников (40 чел.) и подростков (40 чел.) с уровнем социального интеллекта (Дж. Гилфорд).

выраженными эгоцентрическими ценностями (методика «Четыре вопроса» Н. Я. Большуновой), относительно низким нравственным потенциалом («Нравственный потенциал личности» Г. Резапкиной) значимо меньше представлена готовность к безусловному прощению. Эти данные, по-видимому, интерпретируемы в контексте значения мировоззрения и аксиологического, социокультурного самоопределения для развития способности к прощению.

Конечно, такое деление на уровни достаточно условно, прощение как духовно-нравственное переживание содержит в себе все выделенные уровни, включая первый, причем даже формальный акт прощения при определенных условиях может актуализировать размышления о его смыслах и стать источником дальнейшего развития.

Однако выделение различных уровней развития способности к прощению позволяет понять основания противоречивости ответов респондентов на вопросы анкеты, рассмотренные выше, а также разрабатывать программы воспитания с учетом их возрастных особенностей. В настоящее время осуществлена апробация основных положений программы развития способности к прощению у старших дошкольников, разработана методика диагностики их способности к прощению, а также разрабатываются и апробируются соответствующие программы для младших школьников и младших дошкольников (Большунова, 2015, 2017).

Целью программы является обретение детьми смысла прощения с учетом возможностей и специфики возраста (психологические и социальные смыслы прощения и прощения как дарения, в основе которого лежит переживание сочувствия, сострадания) и способности к прощению. Программа также предполагает оснащение детей способами и средствами осуществления прощения (фольклорные мирилки, прощалки, специально подготовленные предметы — «прощальные» мягкие руковички, муфточки и пр., позволяющие пережить момент прощения через прикосновение друг к другу, специально подготовленное особое место для совершения действия прощения и т. д.). Обязательным является вовлечение родителей в процесс реализации программы, поскольку это создает необходимую психологическую атмосферу, в которой присутствует дух прощения (его ценность, эмоциональная значимость для всех участников). Смыслы прощения обнаруживаются детьми в соответствии с нашим подходом организации образования дошкольников в формах игры средствами сказки (Большунова, Инчина, 2013; Устинова, 2012), в процессе слушания, драматизации, обсуждения соответствующих сказок,

сочинения и иллюстрирования сказок, диалогов с героями сказок, что создает возможность эмоционального вовлечения детей в отношения героев, сопереживания и содействия им, чувствования себя как переживающего сочувствие «провинившемуся». Придумывание сказок, изготовление «прощальных» предметов, подборки «прощалок» и «мирилок» осуществляются детьми вместе с родителями, что решает задачу участности и детей, и родителей в общем деле, в создании атмосферы доверия, близости, принятия. Родителям обязательно рассказывают о содержании работы, о событиях, которые происходят в группе. Педагоги актуализируют возможность переноса отношений, развернутых в символическом мире сказки, в реальную жизнь детской группы (Большунова, 2017). Значимость сказки (авторской, философской, фольклорной и пр., с учетом возрастных возможностей детей), образующей сюжетную основу взаимодействия, обусловлена тем, что в ней представлены не только определенная система знаний в доступной для ребенка форме, социальные нормы отношений, но и языковая картина мира, система ценностей, свойственная типу культуры, развернутая в символах, образах, отношениях ее персонажей. Так, прощение пронизывает сюжеты многих русских народных сказок (Иван-царевич прощает братьев, совершивших зло из зависти, Марья-краса прощает заносчивость Иванушки, родители прощают непослушных детей и т. д.). Особенно важно начинать эту работу в ранних периодах детства, поскольку этот возраст особенно сензитивен в отношении эмоционального развития (Развитие социальных эмоций..., 1986).

В общем деле и дети, и родители, и педагоги становятся субъектами построения отношений близости, наполненных общими смыслами, ценностями, переживаниями, что порождает ответственность этим смыслом и взаимопонимание. Создаются условия, при которых ребенок чувствует себя «эпицентром бытия», ответственным за преобразование своего бытия в Мир (Абульханова, 2005).

Апробация программы показала, что дошкольники обнаруживают готовность к пониманию смыслов прощения и к доступной для этого возраста рефлексии поступка как своего, так и Другого, что проявляется в улучшении взаимоотношений в детской группе, в появлении отношений прощения: признание вины, просьба о прощении, дарение прощения¹.

1 Высказывания детей: «Непрощение – это, когда все начинают драться»; «Нужно прощать, тогда все будут дружить»; «Нужно прощать, ведь он может нечаянно толкнуть»; «Если плохо сделал, нужно попросить прощения», «Все радуются на прощение» и т. д.

Программы, реализуемые в детских садах и школах Новосибирска и Новокузнецка (Большунова, Устинова, 2016), предполагают одновременную актуализацию способности к прощению трех уровней: психологического, социально-психологического и духовно-нравственного.

Таким образом, наше исследование свидетельствует о том, что, несмотря на противоречивость представлений о прощении среди детей и молодежи и утрату культуры прощения, готовность к освоению психологических, социальных, духовно-нравственных его смыслов остается достаточно выраженной, и реализация в детском саду и школе специально разработанных программ актуализирует у детей ответственность переживанию прощения и способность к его осуществлению.

Литература

- Абульханова К. А. Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. 2005. № 4. С. 3–21.
- Батищев Г. Три типа педагогики // Учительская газета. 1988 г. 14 апреля. URL: <http://old.istu.ru/unit/epign/siip/psiped/3599> (дата обращения: 16.11.2017).
- Батищев Г. С. Особенности культуры глубинного общения // Вопросы философии. 1995. № 3. С. 95–129.
- Батищев Г. С. Введение в Диалектику творчества. СПб.: РХГИ, 1997.
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров, прим. С. С. Аверинцев, С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979.
- Бахтин М. М. Собр. соч. В 7 т. Т. 5. М.: Русские словари, 1997.
- Бердяев Н. А. Творчество и объективация. Минск: Экономпресс, 2000.
- Большунова Н. Я. Прощение как социокультурное явление // Развитие человека в современном мире: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Новосибирск, 14–15 апреля 2015 г.: В 2 ч. / Под ред. Н. Я. Большуновой, О. А. Шамшиковой; Мин-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. Ч. I. С. 160–168.
- Большунова Н. Я. Прощение как духовно-нравственное явление и психологический феномен // Человек и мир. 2017. № 1 Т. 1. С. 201–218. URL: <http://chelovekimir.ru/> (дата обращения: 01.11.2017).
- Большунова Н. Я., Инчина М. В. Развитие индивидуальности и субъектности в формах детской субкультуры: учебное пособие. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013.

- Большунова Н. Я., Устинова О. А. «Вопросчивость» и «ответчивость» как внутренняя работа развития образа я // Челпановские чтения 2016: Диалог научных школ Психологического института: Л. С. Выготский, Б. М. Теплов, Г. И. Челпанов. Сборник научных материалов Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 15 ноября 2016. Альманах Научного архива Психологического института / Сост. науч. ред. отв. вып. О. Е. Серова, Е. П. Гусева. М.—СПб.: Нестор-История, 2016. Вып. 8. С. 340–353.
- Брилева И. С. О категории прощения в системе традиционного мировоззрения (на материале русской народной несказочной прозы) // Мир русского слова. 2015. Вып. 1. С. 35–44.
- Вежбицкая А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифичных контекстах // Thesis. 1993. Вып. 3. С. 185–206.
- Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А. Д. Шмелёва. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Воловикова М. И., Мустафина Л. Ш. Представления о совести в российском менталитете. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Воробьев В. В. Лингвокультурология. М.: Изд-во РУДН, 2008.
- Воркачев С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2007.
- Воркачев С. Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели). Волгоград: Перемена, 2003.
- Горьковская З. П. «От избытка сердца глаголят уста». Тема прощения в истории эмоций в России XVIII–XIX веков // В надежде славы и добра...: исторический факультет НГПУ в образовательном, исследовательском и социокультурном пространстве России: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию НГПУ и исторического факультета (Института истории, гуманитарного и социального образования) (Новосибирск, 14–15 апреля 2015 г.) / Под ред. В. А. Зверева; Мин-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. С. 104–113.
- Горьковская З. П. «Чувства, питая сердце, охраняют его». Аспект истинных и ложных ценностей в эмоциональных репрезентантах дворянства России XVIII–XIX // «Культура — это любовь к миру»: Сибирь, Россия, мир в исследовательском и образовательном пространстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию кафедры теории, истории культуры и музеологии НГПУ (Новосибирск, 12–14 апреля

- 2016 г.) / Под ред. В. А. Зверева, Е. Е. Тихомировой; Мин-во обр. и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017. С. 78–82.
- Громыко М. М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991.
- Гувье Т. Прощение и непрощительное: пер. с англ. Р. Г. Апресяна // Этическая мысль. 2004. Вып. 5. С. 84–107. URL: https://iphras.ru/elib/EM5_6.html (дата обращения: 09.11.2017).
- Долгов В. В. Потаенная жизнь Древней Руси: быт, нравы, любовь. М.: Яуза, 2009.
- Дхаммапада / Пер. с пали, введ. и комм. В. Н. Топорова; отв. ред. Ю. Н. Рерих. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. URL: <http://www.orlov-yoga.com/Dhammapada/DhammaXII.htm> (дата обращения: 09.11.2017).
- Зайцева Н. А. Динамика взаимосвязи социального интеллекта и умения прощать у школьников. Выпускная квалификационная работа. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2016.
- Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий // И. Я. Ильин. Собр. соч. В 10 т. Т. 3. М.: Русская книга, 1994. С. 89–226.
- Кара-Мурза С. Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013.
- Колесов В. В. Ментальность и слово. Пути и источники изучения русской ментальности // Отражение русской ментальности в языке и речи: Материалы Всероссийской научной конференции (8–9 апреля 2004 года). Липецк, 2004. С. 10–26.
- Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / Пер. с кит. и коммент. А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова, Л. С. Переломова, П. С. Попова при участии В. М. Майорова; вступ. ст. Л. С. Переломова. М.: Вост. лит., 2004.
- Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфуслуги, 2005.
- Лао-Цзы. Антология гуманной педагогики. М.: Издательский дом Шалвы Амонашвили, 2001.
- Майоров А. П. Историко-этимологический аспект концепта прощение в русском языке // Вестник НГУ. Серия История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 9. С. 192–196.
- Мартин В. Ф. Четыре Шага к Прощению. Global Forgiveness Initiative, 2015. URL: forgiveness-is-power.com/.../Chietyrie-Shagha-k-Proshchienii-Viliam-Fierghus-Marti (дата обращения: 12.11.2017).
- Овсянко-Куликовский Д. Н. Психология национальностей. Пг.: Время, 1922.

- Печин Ю. В.* Прощение как терапия культурной травмы // Сибирский педагогический журнал. 2014а. № 1. С. 171–174.
- Печин Ю. В.* Становление и развитие психологии прощения в США: краткий обзор // Электронный журнал «Психологическая наука и образование psyedu.ru» 2014б. Т. 6. № 4. С. 194–206.
- Попова В. А.* Отношение к прощению старших школьников как к нравственному явлению: Выпускная квалификационная работа. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2016.
- Потебня А. А.* Язык и народность // Мысль и язык. Киев, 1993. URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_158.shtml (дата обращения: 15.11.2017).
- Развитие социальных эмоций у детей дошкольного возраста / Под ред. А. В. Запорожца, Я. З. Неверович. М.: Педагогика, 1986.
- Родионова А. А.* Удовлетворение нравственной потребности в прощении как условие личностного роста (на примере семейных отношений): Дис. ... канд. психол. наук. Тамбов, 2007.
- Рубинштейн С. Л.* Человек и мир // Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. С. 255–385.
- Саймонтон К., Саймонтон С.* Психотерапия рака. СПб.: Питер, 2001.
- Слотердаjk П.* Сферы. Микросферология. Т. 1. Пузыри / Пер. К. В. Лощевского. СПб.: Наука, 2005.
- Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Томильцева Д. А.* Опыт прощения: социально-философский анализ: Дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2010.
- Устинова О. А.* «Образ Я» и его развитие средствами диалога: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012.
- Успенский Л. В.* Почему не иначе? Этимологический словарь школьника. М.: АКТ, 2009. URL: <http://www.pochemyneinache.com> (дата обращения: 15.11.2017).
- Ухтомский А. А.* Доминанта. СПб.: Питер, 2002.
- Чукова А. С. Гриценко В. В.* Теоретические основы исследования прощения как феномена межличностного общения // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 5. С. 16–22.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986. Т. 3.
- Фельдштейн Д. И.* Глубинные изменения современного детства и обусловленная ими актуализация психолого-педагогических проб-

- лем развития образования // Вестник практической психологии образования. 2011. № 4.
- Феофан Затворник, святитель.* Прощение обид // Домашняя беседа. 1873. Вып. 44. С. 1076–1077. URL: <http://www.pravmir.ru/proshhenie-obid> (дата обращения: 12.11.2017).
- Флоренская Т. А.* Диалог в практической психологии: Наука о душе. М.: Владос, 2001.
- Энрайт Р., Гассин Е., Ву Ч-ру.* Прощение: концепция развития // Психологическая газета. 1997. № 2 (29). URL: <http://www.pressa.spb.ru/newspapers/pg/arts/pg-29-art-9.html> (дата обращения: 30.11.2017).
- Янкевич В.* Ирония. Прощение. М.: Республика, 2004.
- Enright R. D.* Forgiveness is a Choice: A Step-by-Step Process for Resolving Anger and Restoring Hope. Washington, DC: APA Life Tools, 2001.
- Enright R. D.* Psychological Science of Forgiveness: Implications for Psychotherapy and Education. Presented at the Conference, Neuroscience and Moral Action: Neurological Conditions of Affectivity, Decisions, and Virtue. Pontificia Universita della Santa Croce. Rome, Italy, 2011. February, 28. URL: [http://www.couragerc.net/Courage_Home_Page/Santa%20Croce%20paper%20\(PDF\)%20February%2028,%202011.pdf](http://www.couragerc.net/Courage_Home_Page/Santa%20Croce%20paper%20(PDF)%20February%2028,%202011.pdf) (дата обращения: 15.07.2016).
- Enright R. D.* The Forgiving Life: A Pathway to Overcoming Resentment and Creating a Legacy of Love. Washington, DC: APA Life Tools, 2012.
- Enright R.* 8 Keys to Forgiveness (8 Keys to Mental Health). W. W. Norton & Company, 2015.
- Enright R.* On Being Treated Unfairly: Don't Let Them Win Twice! 2017. November 12. URL: <https://internationalforgiveness.wordpress.com/category/blog> (дата обращения: 18.11.2017).
- Fincham F., Hall J., Beach S.* Forgiveness in Marriage: Current Status and Future Directions // Family Relations. 2006. V. 55. Issue 4 (October). P. 415–427.
- Flanigan B.* Forgiving the Unforgivable. N. Y.: Macmillan, 1992.
- Forgiveness: A Sampling of Research Results. American Psychological Association, 2006. Washington, DC: Office of International Affairs, 2008 (Reprinted).

Домашняя среда и благодарность как черта личности и переживание

С. К. Нартова-Бочавер

Введение

Современная мировая психология личности, в частности отечественная как ее существенная часть, имеет несколько важных новых характеристик, которые раньше не проявлялись столь ярко, а именно всевозрастающий интерес к контекстуальным условиям развития и функционирования личности, в том числе окружающей среде, и поиск новых позитивных качеств, которые в настоящий момент рассматриваются не только и не столько как цель существования, но также и как ресурс саморазвития личности (Воловикова, Мустафина, 2016; Гришина, Костромина, 2017; Леонтьев, 2012; Fredrickson, 2004). Считая эти особенности психологии личности исключительно ценными, системообразующими для современных исследований, в настоящей статье мы ставим цель изучить связь двух важнейших психологических явлений, относящихся к совершенно разным сферам личности, эмпирической и феноменологической — домашней среды человека и такого качества личности, как благодарность (переживания и черты). Учитывая, что каждая из переменных относительно недавно изучается в отечественной традиции и наше исследование носит поисковый характер, мы можем ожидать получить совершенно новые данные.

Почему мы вообще считаем целесообразным изучать вместе, казалось бы, столь отдаленные друг от друга и не похожие между собой сущности? Прежде всего, несмотря на различие, и дом, и благодарность выполняют для личности протективные функции. При этом дом дает чувство защищенности, стабильности, силы, а благодарность — чувство избранности, уникальности, «отмеченности» (Нарто-

ва-Бочавер, Кислица, 2017). Более того, и то и другое входит в картину мира субъекта, так как дом представляет собой не только физическую среду, но также архетип, метафору знакомого безопасного мира, а благодарность — это не просто эпизодически возникшая мимолетная эмоция, но также и отношение к миру, в котором человек ощущает себя и свою жизнь ценностью, «благим даром», достаемым не каждому. Поэтому позитивный образ дома и благодарное отношение к миру вполне могут непротиворечиво сочетаться.

К тому же можно ожидать, что они находятся в синергетичных друг другу отношениях — чем более дружественна домашняя среда и позитивен образ дома, тем чаще человека посещает чувство благодарности. С другой стороны, чувство благодарности, будучи направленным на отдельных людей, мир и события, очевидным образом может распространяться и на собственный дом, в котором происходит существенное количество значимых жизненных событий.

Остановимся на немногочисленных исследованиях, которые описывают взаимодействие дома как единства физических, социальных и экзистенциальных качеств одного из пространств человеческого бытия, и личности обитателей. Собственно говоря, эти исследования приоткрывают механизмы, благодаря которым человек персонализирует свой дом, а дом, в свою очередь, не просто воспринимает эти воздействия, но также и стимулирует изменение личности обитателей. Очевидно, что эти влияния в силу сложности взаимодействующих подсистем не могут быть прямыми.

В отечественной психологии существовало две модели взаимодействия человека со средой. Согласно одной из них, человеческая психика изначально непространственна и обретает пространственность путем интериоризации (Леонтьев, 1975). Согласно другой точке зрения, субъект развивается путем экстериоризации своего внутреннего мира (Рубинштейн, 1997). Прогрессивным вариантом понимания взаимодействия человека и мира как циркулярного, основанного на обратных связях, явилась универсальная теория функциональных систем П. К. Анохина (1975), однако она была неспецифична для психологии среды.

За рубежом предлагались более близкие нашему предмету модели, а именно теория функционального круга Я. Иксюля, согласно которой живое существо идеально приспособлено к своей среде благодаря тому, что означает и персонализирует ее в соответствии со своими потребностями (Kull, 2001). Теория места Р. Баркера утверждает, что люди ведут себя по логике места, часто утрачивая при этом межиндивидуальную вариативность (Barker, 1968). Модель линз (Lens

model) Э. Брунsvика показывала, как происходит кодирование-декодирование информации, когда человек судит о чертах личности обитателя по средовым признакам, которыми обладает его жилище (например, можно предположить, что на столе добросовестного человека всегда порядок, над столом хорошее освещение, у него много книг, и все это свидетельствует о внимательном отношении к своим занятиям) (Brunswik, 1956). Теория поведенческих остатков (Theory of behavioral residues) С. Гослинга, развивающая подход Брунsvика, также демонстрирует, что люди наделяют следами своей личности жилища, где они находятся (Gosling et al., 2002). Согласно генетической теории привязанности (Developmental theory of attachment) П. Моргана, привязанность к месту фактуально и генетически неотделима от привязанности к тем людям, что обитают в этом месте, и потому мы можем предположить, что люди вырабатывают определенные социальные качества, отвечающие правилам, действующим в этом месте, т. е. также личностно изменяются под воздействием места (Morgan, 2010). Наконец, теория ядерного аффекта удостоверяет, что повседневные оценки и чувства влияют друг на друга (Andringa, Lanser, 2013; Russell, 2003).

Непрямым свидетельством в пользу возможного генезиса чувства благодарности в условиях дружественного дома могут быть также теория самоактуализации А. Маслоу (1999) и теория проприума Г. Олпорта (2002), согласно которым высшие потребности рождаются при условии и после удовлетворения базовых, обеспечивающих безопасность человека. Более того, моральные качества обусловлены не только структурой личности, но и жизненной ситуацией (Нартова-Бочавер, 1992, 2009; Montada et al., 1988).

Что касается рассмотрения благодарности как независимой переменной, то здесь мы можем обратиться к теории позитивных эмоций, называемой теорией расширения-и-усиления (Broaden-and-build theory), согласно которой позитивные эмоции в отличие от негативных способствуют не мгновенной мобилизации, а расширению сознания, в силу чего человеку могут открываться ранее не замеченные ресурсы и возможности (Fredrickson, 2004). Благодарность как переживание и как эмоциональная черта, безусловно, позитивна и сочетается с любовью к людям и миру. Поэтому вполне возможно и ожидаемо, что мироотношение в целом у благодарных людей будет более позитивным, в силу чего картина мира, включающая и образ собственного дома, будет более дружественной.

Таким образом, есть весомые основания предполагать, что человек и его дом оказывают друг на друга влияние, и дом действитель-

но становится не просто агентом влияния, но и полноценным субъектом человеческого бытия.

Остановимся кратко на характеристике основных переменных исследования.

Мы разработали многомерную синергетическую модель взаимодействия человека и его дома (Нартова-Бочавер и др., 2018). Объектный уровень включает физические качества дома как жилья и те функции, которые он выполняет в жизни своих обитателей. Совокупность этих качеств мы называем функциональностью домашней среды. Субъектно-объектный уровень соотносит функции дома с потребностями обитателей; меру этого соответствия мы называем релевантностью домашней среды. Наконец, субъектный уровень, характеризующийся чувствами обитателей, направленными на свой дом, и связанными с ним смыслами, мы называем привязанностью к дому (Резниченко, 2016). Если функциональность больше связана с качествами и образом реального дома, то привязанность относится также и к дому архетипическому, возможно, даже находящемуся далеко, и потому представляет собой не просто характеристику конкретной среды, но и образа дома как части мировоззрения человека (Бочавер, 2015).

Теперь обратимся к другой переменной, малоизученной в отечественной психологии, — благодарности. Хотя несколько странно прибегать к «обратному переводу» дефиниции явления, присущего русской ментальности, однако за неимением рабочих психологических определений это неизбежно. Итак, благодарность (gratitude) — это «чувство признательности и радости в ответ на получение какого-то дара, будь то вещественный подарок от конкретного человека или спокойное блаженство созерцания природной красоты» (Emmons, McCullough, 2004, p. 554). Благодарность определяется как так называемая эмоциональная черта, настроение или чувство. Благодарность как черта личности (the grateful trait, диспозиция) — это «тенденция с признательностью отмечать позитивное в жизни» (Wood et al., 2010, p. 891). Будучи моральным чувством, благодарность способствует обмену услугами и улучшает отношения между людьми, таким образом укрепляя и общество в целом (Haidt, 2003). Более точно (McCullough et al., 2001) идентифицируются три функции благодарности: это *моральный барометр*, оценивающий качество отношений одариваемого и дарителя в связи с даром, который был получен; это *моральный усилитель*, повышающий вероятность того, что даритель будет делать или дарить нечто хорошее и в будущем; наконец, *моральный мотив*, побуждающий одаренного совершать хорошие поступки для дари-

теля или других людей. Кроме того, отмечается высокая корреляция между ситуативным переживанием благодарности и благодарностью как чертой личности (Wood et al., 2010).

Поисковое изучение благодарности на российской выборке при помощи нарративного метода было предпринято Г. К. Кислицей (2016), идентифицирующей противоречивое сочетание позитивного переживания с ощущением неловкости и «горечи». Перечень событий, «запускающих» переживание благодарности, включал ситуации спасения — избавления, получения подарка и приращения опыта или знаний, поддержку в кризисных обстоятельствах, любовь и внимание, повышение самооценки субъекта; кроме того, были ответы, отмечающие перманентное присутствие чувства благодарности в жизни. Можно увидеть, что часть этих ситуаций связана с домом или происходит дома — там человек переживает инсайты, получает поддержку и поощрение, справляется с жизненными кризисами.

Различались и адресаты благодарности, в качестве которых отмечались люди старшие по возрасту и более сильные по опыту (родители, учителя, старшие родственники, коллеги), равные по статусу (супруги, друзья, случайные знакомые), младшие (дети); респонденты также отмечали, что благодарны самим себе или экзистенциальным сущностям — Богу, судьбе. Эти данные позволяют предположить, что надежный дом вполне может быть источником и объектом благодарности, так как, с одной стороны, он включает живущих там людей, с которыми респондент связан долговременными отношениями и которым может быть многим обязан, а с другой — представляет собой сущностную ценность, наличие которой может наделять человека чувством признательности судьбе. И если качества домашней среды показывают меру ее дружелюбности по отношению к обитателям, то благодарность отражает степень благотворности отношений человека и мира вообще.

Процедура исследования

В нашем эмпирическом исследовании приняли участие 149 респондентов, студентов разных факультетов НУ ВШЭ (32 юноши, 117 девушек, $M_{\text{возраст}} = 18,1$; $SD_{\text{возраст}} = 2,3$). Поскольку выборка не была сбалансирована по возрасту, расчеты велись без учета пола, что будет принято во внимание в дальнейших исследованиях. Исследование осуществлялось по корреляционному плану, в процессе обработки результатов применялся корреляционно-регрессионный анализ.

Использовались следующие методики.

Для исследования образа дома использовались многошкальные опросники Функциональность домашней среды (ФДС), Релевантность домашней среды (РДС) и Привязанность к дому (ПД) (Нартова-Бочавер и др., 2018; Резниченко и др., 2016). Опросник ФДС состоит из 55 утверждений, имеет 7-балльную размерность и включает в себя четыре субшкалы, измеряющие функции, присутствующие в домашней среде (Развитие, Стабильность, Защищенность и Прагматичность). Примеры утверждений: «Мой дом может... Представлять жизненную философию, Направлять жизнь, Соответствовать личности обитателей».

Опросник РДС отражает меру соответствия домашней среды потребностям обитателей, состоит из 35 утверждений и включает в себя семь шкал, имеющих 5-балльную размерность — Приватность, Эргономичность, Отчужденность, Пластичность, Историчность, Ресурсность и Самопрезентацию. Кроме Отчужденности, все шкалы отражают позитивные характеристики дома. Примеры утверждений: «Мой дом меняется вместе со мной», «Человек, который впервые приходит ко мне домой, может много узнать обо мне», «Иметь свой дом — важная цель моей жизни», «Я могу побыть один/одна в моем доме, когда хочу».

Опросник ПД имеет одну шкалу 5-балльной размерности, состоящую из 14 утверждений, и отражает эмоционально-позитивное отношение человека к своему дому, выражающееся в готовности проводить там много времени и стремлении туда возвращаться. Примеры утверждений: «Я чувствую, что мой дом — это часть меня; Мой дом — лучшее место заниматься тем, что мне нравится; Мой дом — это особенное место для меня».

Для оценки переживания признательности и благодарности как черты личности использовались следующие предварительно переведенные и адаптированные нами опросники: ранее опубликованный Тест благодарности (Emmons, McCullough, 2003; Селигман, 2006) и Тест благодарности, обиды и признательности GRAT (Thomas, Watkins, 2003). Тест благодарности исследует благодарность как личностную диспозицию, включает одну шкалу и шесть пунктов. Примеры утверждений: «В моей жизни было и есть многое, достойное благодарности»; «С возрастом я испытываю все большую благодарность и любовь к людям и событиям своей жизни». Тест GRAT включает 44 утверждения и три шкалы: Достаток (D, Abundance, или Lack of a sense of deprivation), Простые радости (P, Simple appreciation) и Благодарность людям (L, Appreciation for others). Примеры утвержде-

ний: «Я считаю, что в жизни важно радоваться мелочам»; «Я считаю, что у меня было больше плохого, чем должно было быть»; «Я глубоко благодарен/на за то, что для меня сделали другие люди». Примечательна шкала Достатка: состоящая в основном из перевернутых отрицательных утверждений, она во многом пересекается с содержанием утверждений о справедливости и демонстрирует, насколько человек чувствует себя «не обойденным» судьбой, жизнью, обстоятельствами. Например: «Добра всегда не хватает на всех, а мне достается еще меньше; На Рождество я никогда не получал(а) столько подарков, как другие, или они были не так хороши». То есть Достаток отражает скорее чувство «необойденности» при сравнении с другими людьми относительно доставшихся человеку ресурсов и привилегий. И если доминанта благодарности как феномена — это чувство собственной личности как дара, то противоположным полюсом может быть переживание того, что человеку было «недодано» нечто, на что он рассчитывал. Содержание шкалы сложно обозначить одним словом, о чем можно судить по тому, что и сами ее создатели затруднялись с названием, однако девизом человека, набравшего по ней много баллов, было бы «Не хуже других». Как мы увидим ниже, именно этот аспект благодарности как скорее отсутствия несправедливости в распределении жизненных ресурсов оказался очень существенным.

Показатели надежности α Кронбаха шкал опросников в данном исследовании составили от 0,67 до 0,91.

Результаты и их обсуждение

В соответствии с ожиданиями, получено большое количество высокозначимых положительных связей между параметрами дружественной домашней среды и показателями благодарности (таблица 1).

Прежде всего, все без исключения показатели функциональности домашней среды оказались связаны с проявлениями благодарности во всех аспектах, причем эти связи высокозначимы, так что сложно выделить наиболее выпуклые результаты. И те качества объективной домашней среды, что отвечают за стабильность и комфорт, и те, что имеют стимулирующий характер, побуждая к новым действиям, образовали большое количество связей с благодарностью как чертой личности и переживанием. Наиболее сильны связи характеристик домашней среды с таким аспектом переживания благодарности, как Достаток (в прямом значении слова, не как богатство, а как *достаточное* количество ресурсов и привилегий по сравнению

Таблица 1
Связь показателей дружественной домашней среды с проявлениями благодарности

Дом/благодарность	Благодарность	Достаток	Простые радости	Благодарность людям
ФДС	0,38***	0,42***	0,29***	0,32***
Прагматизм	0,31***	0,44***	0,25**	0,23**
Развитие	0,37***	0,36***	0,26***	0,34***
Стабильность	0,33***	0,42***	0,26***	0,26***
Защищенность	0,40***	0,30***	0,30***	0,35***
РДС	0,33***	0,36***	0,24***	0,31***
Приватность	0,19*	0,31***	0,17*	0,14
Ресурсность	0,31***	0,35***	0,29***	0,26***
Самопрезентация	0,36***	0,35***	0,30***	0,38***
Эргономичность	0,26**	0,19*	0,23**	0,28***
Отчужденность	-0,26**	-0,42***	-0,04	-0,13
Пластичность	0,17*	0,26***	0,16	0,20*
Историчность	0,13	0,08	0,07	0,24**
ПД	0,23**	0,12	0,29***	0,35***

Примечание: * — значим при $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$; *** — $p < 0,001$; ФДС — функциональность домашней среды; РДС — релевантность домашней среды; ПД — привязанность к дому.

с другими людьми, или отсутствие материальных лишений), что неудивительно ввиду содержания параметров функциональности — это именно те качества, которые обеспечивают комфортную физическую среду и защищают человека от бытовых неудобств и стрессов.

Связи Релевантности с аспектами благодарности, также весьма многочисленные, не столь интенсивны, как связи Функциональности, поэтому можно проанализировать скорее отсутствие связей, нежели их присутствие. Так, показано, что Отчужденность вообще не связана со способностью переживать Простые радости и Благодарность людям — таким образом, если в ранее проведенных исследованиях мы неоднократно обнаруживали, что для параметров психологического благополучия Отчужденность представляет собой самый сильный антипредиктор, который сохраняет свою значимость даже в отсутствие других связей с качествами домашней среды, здесь весомость этой характеристики утрачивается. Уже не в первый раз мы

обнаруживаем, что психологическое благополучие как адаптивный феномен и позитивное развитие как «надситуативное» явление роста имеют различные корни и механизмы становления (Нартова-Бочавер и др., 2018).

Интересно также, что Приватность не связана с Благодарностью людям: складывается впечатление, что дом, который обеспечивает высокую Приватность, вместе с тем делает связи членов семьи между собой слабее или даже свидетельствует о том, что обмен чувствами и услугами внутри такого дома не очень интенсивен и оснований для благодарности становится меньше. Также не в первый раз мы встречаем неоднозначную роль таких качеств домашней среды, как Пластичность и Историчность, в жизни студенческой молодежи. Эти качества не связаны с переживанием Простых радостей, а Историчность вдобавок не коррелирует ни с Благодарностью, ни с чувством Достатка.

Напомним, что первоначально все, кроме Отчужденности, характеристики дома были идентифицированы как однозначно положительные. Однако, если описывать повседневность студенческой молодежи, то Пластичность (возможность видоизменять дом в зависимости от текущих задач) в основном подразумевает скорее неожиданные и не всегда согласованные изменения, которые производятся взрослыми или товарищами по комнате в общежитии, т.е. Пластичность хороша в случае обладания собственным жильем. А в остальных ситуациях, очевидно, комфортнее жить не в доме-трансформере, а в жилище, которое предсказуемо. Что касается Историчности, которая отражает связь истории жизни и семьи с историей дома, то в юношеском возрасте, когда одной из задач развития является сепарация от родительского дома, Историчность не поддерживает человека в его амбициозных устремлениях, скорее ограничивая и мешая ему, и потому также не может сопровождаться переживанием благодарности. Остальные качества Релевантности домашней среды в соответствии с ожиданиями оказались значимо связаны с разными аспектами благодарности как переживания и личностной диспозиции.

Что касается Привязанности к дому, то здесь обнаружены значимо положительные связи с Благодарностью, Простыми радостями, Благодарностью людям, но нет связи с чувством Достатка. Этот факт вполне согласуется с данными С. И. Резниченко о том, что привязанность к дому — иррациональное явление, не связанное с прагматическими качествами дома, отвечающими за комфорт и уют (Резниченко, 2016). С другой стороны, Привязанность к дому — это ресурс,

и потому неудивительно, что он внеположен тенденции к социальному сравнению. Привязанный к дому человек с большей вероятностью воспринимает себя как дар, чем как рядовое обойденное судьбой существо.

Для того чтобы уточнить направление связей, мы осуществили регрессионный анализ. После проверки на мультиколлинеарность и гетероскедастичность у нас получилась следующая модель.

Как и ожидалось, качества дружественного дома вносят вклад в благодарность как переживание и черту личности — обнаружено 15 значимых связей (таблица 2). Функциональность и Релевантность в целом способствуют возникновению всех аспектов благодарности как диспозициональной, так и ситуационной. Больше всего средних предикторов обнаружено у чувства Достатка, что неудивительно, если принять во внимание содержание этого переживания, которое отражает восторг по поводу «земных» радостей, в основном связанных с обладанием.

Таблица 2

Предиктивная роль характеристик домашней среды по отношению к благодарности

Зависимая переменная	R ²	Предиктор	b	p	F	p
Благодарность	0,14	Защищенность	0,38	0,000	25,2	0,000
	0,09	ФДС	0,32	0,000	17,2	0,000
	0,06	РДС	0,26	0,000	10,6	0,000
Достаток	0,40	ФДС	0,41	0,000	16,3	0,000
	0,09	Защищенность	0,30	0,000	15,1	0,000
	0,14	РДС	0,36	0,000	24,1	0,000
	0,23	Самопрезентация	0,49	0,000	16,0	0,000
	0,23	Отчужденность	-0,34	0,000	16,0	0,000
	0,23	ПД	-0,35	0,003	16,0	0,000
Простые радости	0,05	ФДС	0,23	0,004	8,3	0,000
	0,14	Развитие	0,37	0,000	13,0	0,000
	0,03	РДС	0,19	0,023	5,2	0,027
Благодарность людям	0,10	ФДС	0,31	0,000	16,6	0,000
	0,14	Развитие	0,37	0,000	23,3	0,000
	0,09	РДС	0,29	0,000	13,8	0,000

Чувство Достатка, уверенность в отсутствии материальных лишений и несправедливости обусловлено способностью Самопрезентации. Это означает, что благодарность за то, что есть в жизни, в юношеском возрасте тесно связано с возможностью самоэкспозиции, персонализации окружающей среды. С другой стороны, то же самое чувство слабеет при наличии Отчужденного дома, в котором все ломается и не подчиняется обитателям, причиняя им бытовые стрессы и напряжения, и, как ни странно, у людей, которые сильно привязаны к своему дому. Чем сильнее привязанность, тем, по-видимому, в соответствии с данными корреляционного анализа менее вероятно социальное сравнение относительно ресурсов и привилегий, и привязанные к дому люди с большей вероятностью воспринимают себя самодостаточными сущностями, которые многое получили от жизни и судьбы.

Защищенность способствуют возникновению диспозициональной Благодарности и значимо предсказывает благодарность за Простые радости, таким образом спасая от ангедонии и делая человека восприимчивым к повседневным подаркам жизни. Кроме того, обнаружено, что способность дома стимулировать Развитие обитателей предсказывает Благодарность людям.

Примечательно, что среди предикторов за исключением показателя общего РДС, Самопрезентации и Отчужденности оказалось больше параметров Функциональности. Это позволяет предположить, что благодарность как многомерный феномен обусловлена скорее все же объективной жизненной средой, чем ее субъективным представлением. Все эти факты перспективны в прикладном отношении, в том числе в апартмент-терапии, потому что показывают те качества домашней среды, которые целесообразно изменить для развития позитивного и морального мироотношения человека.

Далее нами был осуществлен регрессионный анализ с заменой зависимых и независимых переменных (таблица 3). Обнаружено 12 значимых связей, большинство из которых обнаружило высокую предиктивную силу чувства Достатка. Респонденты, которые считают, что в социальном сравнении обходят многих других относительно доставшихся им ресурсов и привилегий и чувствуют, как много им в жизни досталось, одновременно воспринимают свой дом как функциональный и соответствующий их индивидуальности (ФДС и РДС). Более точно они считают, что он вполне Прагматичен, обеспечивает одновременно Развитие и Стабильность. Помимо этого, дом предоставляет им достаточно Приватности, он Пластичен и оказы-

Таблица 3
Предиктивная роль благодарности
по отношению к качествам домашней среды

Зависимая переменная	R ²	Предиктор	b	p	F	p
ФДС	0,17	Достаток	0,41	0,000	29,9	0,000
РДС	0,14		0,38	0,000	24,1	0,000
Прагматизм	0,20		0,47	0,000	37,0	0,000
Развитие	0,14		0,37	0,000	23,3	0,000
Стабильность	0,16		0,40	0,000	28,0	0,000
Приватность	0,11		0,33	0,000	17,9	0,000
Ресурсность	0,11		0,34	0,000	18,9	0,000
Самопрезентация	0,10	Благодарность	0,32	0,000	17,1	0,000
Отчужденность	0,16	Достаток	-0,40	0,000	27,5	0,000
Пластичность	0,09		0,29	0,000	13,9	0,000
Историчность	0,06	Благодарность людям	0,25	0,000	9,8	0,000
ПД	0,14		0,38	0,000	24,6	0,000

вается сильным Ресурсом, а также вполне подчиняется своим обитателям, не создавая для них бытовых проблем и стресса (антипредиктор Отчужденности).

Диспозициональная благодарность предсказывает только такую характеристику образа дома, как Самопрезентация. Очевидно, стабильно благодарные люди полагают, что дом вполне отражает их личность и что они адекватно его персонализируют. Неожиданно переживание Простых радостей оказалось никак не связано с восприятием респондентами своего дома как позитивного и дружественного. Этот факт требует дальнейшего изучения, пока же в качестве рабочей гипотезы можно предположить, что дом воспринимается как привычная сущность, которая призвана обеспечить нормативный ход жизни, но не переживание эпизодических радостей. Возможно и другое – переживание простых радостей как аспект благодарности связано с позитивным образом дома не напрямую, и эта связь может быть обнаружена только при усложнении дизайна исследования, применении метода стабобработки и введении переменных-модераторов, по крайней мере, пола или индивидуально-психологических характеристик респондентов.

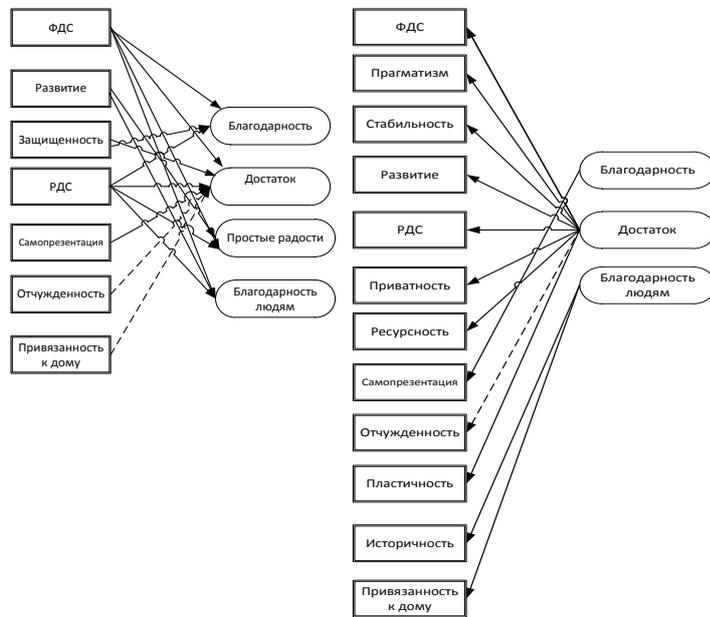

Рис. 1. Предиктивная роль дома по отношению к благодарности (а) и благодарности по отношению к дому (б)

Заключение

Итак, эмпирические данные, полученные в результате проведенного исследования, показывают, что домашняя среда действительно предсказывает проявления благодарности по всему спектру изученных качеств: как личностную диспозицию, как переживание признательности другим людям, как чувство «необделенности» и радости из-за небольших событий. Хотя велик вклад всех рассмотренных переменных отношений человека с его домом – и функционала дома, что представляет собой достаточно объективную характеристику, и чувства соответствия дома личности обитателям, и привязанности к дому, лидирующее положение среди предикторов занимают все же показатели функциональности. Очевидно, что благодарность более связана с комфортностью и удобством дома, чем с характеристиками его субъективного образа.

Что же касается обратных связей, можно отметить, что главным предиктором здесь является чувство полноты жизни как достатка, «необделенности» в распределении ресурсов. Обращаясь к содержанию утверждений данной шкалы, легко увидеть, что, как только

человек начинает думать в соответствии с ними, т. е. его мироотношение становится свободным от рентных установок, обвинения мироздания, он не согласен, что в его жизни происходило больше плохого, чем он заслужил, он не думает, что из-за его страданий мир ему нечто должен, восприятие дома как части мира становится позитивным. И, хотя обнаруженные связи асимметричны, что и представляет собой наибольший интерес, все же в целом мы можем заключить, что в соответствии с ожиданиями и интуитивными представлениями дом и благодарность обуславливают друг друга: дружественный дом вызывает чувство благодарности, а чувство благодарности меняет мироотношение в целом к лучшему.

На наш взгляд, полученные результаты могут иметь полезные психотерапевтические и психоразвивающие приложения. Само переживание благодарности, насколько нам известно, нечасто используется в психотерапевтической деятельности как ресурс в отличие от образа дома как метафоры или модели, например, в психодраме. Полученные в данном исследовании результаты позволяют увидеть обе сущности как эффективные психотерапевтические ресурсы.

В то же время исследование позволило также в заданных переменных рамках верифицировать идею о циркулярных синергетичных связях между позитивным мироотношением человека и его восприятием домашней среды как дружественной.

Литература

- Анохин П. К. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975.
- Бочавер А. А. Представления о доме как элемент персонального опыта // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 5–15.
- Воловикова М. И., Мустафина Л. Ш. Представления о совести в российском менталитете. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Гришина Н. В., Костромина С. Н. Психология личности: переосмысление традиционных подходов в контексте вызовов современности // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2017. Т. 10. № 52.
- Кислиця Г. К. Исследование феноменологии переживания благодарности // Вестник СПбГУ. Сер. 16. 2016. № 3.
- Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975.

- Леонтьев Д. А. Позитивная психология – повестка дня нового столетия // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 4.
- Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999.
- Нартова-Бочавер С. К. Экспериментальное исследование ситуационной изменчивости мотивации помощи // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 4. С. 15–23.
- Нартова-Бочавер С. К. Единство субъекта и бытия как основа естественной психотерапии // Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М., 2009.
- Нартова-Бочавер С. К., Бочавер А. А., Резниченко С. И., Хачатурова М. Р. Дом и его обитатели: психологическое исследование. М.: Памятники исторической мысли, 2018.
- Нартова-Бочавер С. К., Кислица Г. К. Переживание благодарности как личностный ресурс: к постановке проблемы // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 6.
- Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды. М.: Смысл, 2002.
- Резниченко С. И. Феноменология привязанности к дому в разные возрастные периоды: Автореф. дис....канд. психол. наук. М., 2016.
- Резниченко С. И., Нартова-Бочавер С. К., Кузнецова В. Б. Метод оценки привязанности к дому // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13. № 3.
- Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.
- Селигман М. Э. П. Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни. М.: София, 2006.
- Andringa T. C. & Lanser J. J. How Pleasant Sounds Promote and Annoying Sounds Impede Health: A Cognitive Approach // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2013. V. 10 (4). doi: 10.3390/ijerph10041439.
- Barker R. Ecological psychology: Concepts and methods for studying the environment of human behavior. Stanford, CA: Stanford University Press, 1968.
- Brunswik E. Perception and the representative design of psychological experiments. Berkeley: University of California Press, 1956.
- Emmons R. A., McCullough M. E. Counting blessings versus burdens: An empirical investigation of gratitude and subjective wellbeing in daily life // Journal of Personality and Social Psychology. 2003. V. 84. P. 377–389. doi: 10.1037/0022-3514.84.2.377.
- Emmons R. A., McCullough M. E. (Eds). The psychology of gratitude. N. Y.: Oxford University Press, 2004.

- Fredrickson B. L. Gratitude, like other positive emotions, broadens and builds // R. A. Emmons, M. E. McCullough (Eds). The psychology of gratitude. N. Y.: Oxford University Press, 2004.
- Gosling S. D., Ko S. J., Mannarelli T., Morris M. E. A room with a cue: personality judgments based on offices and bedrooms // J. Pers. Soc. Psychol. 2002. V. 82 (3). P. 379–398 doi: 10.1037/0022-3514.82.3.379.
- Haidt J. The moral emotions // R. Davidson, K. Scherer, H. H. Goldsmith (Eds). Handbook of affective sciences. N. Y.: Oxford University Press, 2003.
- Kull K. Jakob von Uexkuell: An introduction. Semiotica. 2001. V. 134. № 1 (4).
- McCullough M. E., Kilpatrick S. D., Emmons R. A., Larson D. B. Is gratitude a moral affect? // Psychological Bulletin. 2001. V. 127. P. 249–266. doi: 10.1037/0033-2909.127.2.249.
- Montada L., Dalbert C., Schmitt M. Ist prosoziales Handeln im Kontext Familie abhängig von situationalen, personalen oder systemischen Faktoren? // Altruismus. Bedingungen der Hilfsbereitschaft / Hrsg. H. W. Bierhoff, L. Montada. Göttingen: Hogrefe, 1988.
- Morgan P. Towards a developmental theory of place attachment // Journal of Environmental Psychology. 2010. V. 30 (1). P. 11–22. doi: 10.1016/j.jenvp.2009.07.001.
- Russell J. A. Core affect and the psychological construction of emotion // Psychological review. 2003. V. 110 (1). P. 145–172.
- Thomas M., Watkins P. Measuring the grateful trait: Development of the revised GRAT. Poster session presented at the Annual Convention of the Western Psychological Association, 2003, April, Vancouver, British Columbia, Canada.
- Wood A. M., Froh J. J., Geraghty A. W. A. Gratitude and well-being: A review and theoretical integration // Clinical Psychology Review. 2010. V. 30. № 7.

Исследование завистливости в юношеском возрасте

Л. М. Попов, Н. В. Горшенина

Одной из основных проблем нравственной психологии является проблема Добра и Зла. Данные понятия на уровне психики и ее внешних проявлений являются органическими элементами установок личности, ее мотивов, целей, а также ценностных ориентаций (подробнее см.: Психологические исследования..., 2011; Психологическое здоровье личности..., 2014; Юревич, Журавлев, 2010; и др.). Зависть является одной из причин асоциального поведения, поскольку сопряжена в большинстве своем с деструктивными особенностями личности (Горшенина, 2014).

А. И. Донцов определяет противоречивость, «нескрываемую двойственность словесного портрета зависти» и определяет зависть как неукротимую стихию, которая, с одной стороны, обладает «созидательной силой желания», с другой стороны, «зависти присуща разрушительная сила ненависти» (Донцов, 2014, с. 8).

В последние два десятилетия эмпирические исследования зависти проводились в сочетании с социально демографическими характеристиками, эгоизмом, мстительностью (Муздыбаев, 1997), качеством супружеской жизни, мотивацией достижения, локусом контроля, ценностными ориентациями, субъективным благополучием личности, стратегиями поведения в конфликтных ситуациях, материальным достатком, склонностью к асоциальному поведению (Бескова, 2010).

Подходы, связанные с изучением психологических особенностей зависти, раскрыты в работах А. Адлера (1997), К. Хорни (1997), Г. Штольца (1998) и др. В отечественных источниках зависть чаще всего рассматривается как деструктивная характеристика личнос-

ти (Александрова, 2002; Бескова, 2010; Казаринова, 2003; Лабунская, 2006; Муздыбаев, 1997; Пилишина, 2013; Шамионов, 2011).

В христианстве зависть рассматривается как один из семи смертных грехов, так как она предполагает убеждение в несправедливости порядка, установленного Богом. В православной традиции зависть противопоставляется великодушию, доброжелательности и состраданию, о ней упоминается в десятой заповеди, нарушая которую, человек удаляется от Бога.

В Ветхом Завете выразительным примером проявления зависти считается поступок Каина по отношению к своему брату Авелю. В Новом Завете зависть является причиной предательства Иисуса Христа, и таким образом она вписывается в моральную доктрину, отрицающую состязательную особенность зависти и ее «белую» разновидность.

Феофан Затворник (2009) причисляет зависть к страсти, которая противопоставляется добру и истине, а основу зависти составляет злоба и ложь. Он называет эту страсть самой несправедливой и ядовитой как для самого завистника, так и для субъекта, на которого проецируется эта страсть. Кроме того, он уточняет, что зависть граничит с эгоизмом, по своей природе она неугомонна и проявляется до тех пор, пока не погубит самого завистника. Рецепт преодоления страсти, связанной с завистью, Феофан Затворник считает избавление от эгоистических чувств, преобладание симпатии к окружающим.

Таким образом, путь к погашению зависти заключается, по Феофану Затворнику, в том, чтобы возвращать в своем сердце добрые семена. Описывая динамику зависти в сердце человека, Феофан Затворник считает, что необходимо делать добро тому, к кому проявляется данная страсть, что и может привести к ее угасанию.

В духовных поучениях преподобных Старцев Оптинских на вопрос «Что может терзать завистника?» преподобный Макарий отвечает: благополучие ближних, даже если сам завистник имеет подобные блага. Лекарством от зависти преподобный Макарий считает любовь к ближнему и смирение (см.: Нужно жить нелицемерно..., 1998).

Преподобный Амвросий пишет, что зависть происходит от гордости и от нерадения к исполнению должного, приводя в пример поступок Каина. Согласно Преподобному Амвросию, зависть необходимо истреблять в самом зачатке с помощью смиренной молитвы и смиренной исповеди, а также с помощью благоразумного молчания.

Святой Иоанн Дамаскин пишет о зависти как о печали по причине чужих благ, которые наблюдает завистник. Иоанн Лествич-

ник считает, что зависть связана со страстью гордыни, а гордыня в православной традиции является самым страшным дьявольским грехом.

В исламской традиции зависть, бесспорно, является объектом осуждения. Согласно исламу, Аллах сотворил естество людей, склонных к проявлению зависти и ревности, как часть мирского испытания. В Коране сказано, что верующие должны непременно избегать формирования данного чувства в своей душе и бороться с ним.

В современных психологических исследованиях нет единого подхода к определению завистливости, что связано с разными позициями авторов.

Таким образом, в психологии проблема дуалистической природы зависти, завистливости до сих пор остается открытой и достаточно актуальной. В результате сложились две точки зрения на проявления завистливости, которые можно трактовать двумя полюсами одного явления: завистливость личности способна проявляться как деструктивная, согласно представлениям о ней в религиозных источниках, и — как конструктивная. Во втором варианте зависть, скорее всего, стала определяться в последние десятилетия, когда в центр внимания философов и психологов стало входить понятие «субъект» с его инициативной деловитостью и стремлением к опережению конкурентов, стремлением к успеху и т. п. (см., напр.: Личность профессионала, 2013; Проблемы субъектов..., 2007; Психология повседневного и посттравматического стресса..., 2016; и др.).

Постановка проблемы завистливости в контексте ее исследования как нравственно-психологической особенности личности позволяет раскрыть новые грани в изучении данного явления.

Для изучения завистливости были подобраны методики, направленные на определение уровня завистливости и нравственно-психологических особенностей личности. В исследовании приняло участие 100 юношей и девушек в возрасте от 18 до 24 лет (средний возраст — 21 год, 50 юношей и 50 девушек).

Завистливость как нравственно-психологическая особенность личности характеризуется позитивным, конструктивным («белая зависть») и негативным, деструктивным («черная зависть») полюсами. Чем больше завистливость тяготеет к ее позитивному проявлению, тем выше показатели деловой активности, принятия другого и ниже — агрессивности в поведении, и наоборот: чем ближе завистливость к ее негативному полюсу, тем выше агрессивность и менее выражены показатели деловой активности.

Обратимся к краткому описанию каждой методики.

Для изучения уровня завистливости использовалась «Методика исследования завистливости личности» Т. В. Бесковой. Процедура исследования заключается в том, что респондентам предлагаются утверждения для оценки по балльной системе. Данная методика включает 47 разных характеристик состояний, чувств, отношений, которые возникают у субъекта в процессе взаимодействия с другими людьми.

Процедура обработки результатов построена на определении шкал опросника: «Зависть—неприятнь», «Зависть—уныние», третья шкала составляет шкалу маскировки. При доминировании у личности «зависти—неприятни» субъект испытывает озлобленность, раздражение, даже гнев, направленные на тех людей, которые добились гораздо больше, чем он. Характерным для такой личности является желание превзойти другого любой ценой и, как правило, сопровождается желанием лишить другого предмета зависти.

«Зависть—неприятнь», согласно Бесковой, может проявляться в злопыхательстве в адрес более успешной личности и даже в низкой форме, такой как сплетни, клевета, беспочвенная критика. Примечательно, что субъект, характеризующийся выраженной формой такой направленности как «зависть—неприятнь», может обладать высоким материальным достатком, иметь хорошую работу и положительные отношения с окружающими людьми, что подтверждается тестовыми показателями «Добро—Зло». У данного субъекта может изменяться самооценка, ее понижение «происходит из-за того, что успехи и достижения другого в какой-то степени принижают его, обесценивают его собственные достижения» (Бескова, 2010, с. 182).

Шкала «зависть—уныние» направлена на иные оттенки чувств завистливости личности, которой, в частности, присущи обида, досада, грусть, отчаяние. Данный субъект чувствует себя обиженным и неуверенным, бессильным что-то поменять. Стартовый механизм проявления «зависти—уныния» заключается в «незаслуженной непреодолимой обделенности», человеку кажется, что он прикладывает все усилия для достижения заветной цели, но успеха не добивается. Такой человек избегает открытых действий, более характерных для «зависти—неприятни», таких как отобрать, присвоить чужое, разрушить и т. п.

Применение методики «Добро—Зло» (Попов, Кашин, Старшинова, 2000) позволяет определить сочетание нравственно-психологических качеств личности, в которых с разной степенью выраженности присутствуют добродетельные и порочные характеристики поведе-

ния. Она состоит из 44 утверждений. Эта методика позволяет изучить именно нравственно-психологические особенности личности.

Оцениваются показатели характеристик «Добро», «Зло» и «Добро минус Зло» (коэффициент человечности), которые могут проявляться у личности на пяти уровнях выраженности. «Добро» характеризуется заметно выраженной духовностью, преобладанием в человеке силы и высоты духа. Людям, у которых отчетливо выражен данный показатель, присущи мягкость, нежность, теплота, сдержанность, скромность в удовлетворении своих желаний, преобладает стремление поддерживать других, толерантно относиться к взглядам окружающих. Личность, обладающая высоким или выше среднего уровнем по показателю «Добро», способна радоваться успехам других людей, чаще основывая свое поведение на общечеловеческих заповедях и следуя: поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой.

Личность с преобладанием проявлений «Зла» имеет в себе порочное начало. Таким людям свойственны высокие или выше среднего показатели по данному критерию, они чаще других проявляют ненависть к окружающим людям, могут испытывать удовольствие от того, что кто-то попал в тяжелую ситуацию. Личность с выраженным показателем «Зло» склонна к жестокости, беспощадна, корыстна, стремится в острой борьбе победить своих конкурентов.

«Добро минус Зло» дает, который можно выявить у респондента на разных уровнях выраженности: от низкого до высокого.

Основываясь на предположении о том, что завистливость как свойство личности взаимосвязано с самооценкой, использовалась методика самооценки личности С. А. Будасси. Необходимость выбора самооценки в качестве одного из важных параметров, влияющих на уровень завистливости личности как нравственно-психологической особенности, обусловлена тем, что самооценка выражается через эмоционально-ценностное отношение к себе, предполагает оценку не только своих психологических качеств и способностей, но и жизненных целей, что базируется на нравственно-психологической основе личности (подробнее см.: Психологические исследования духовно-нравственных проблем, 2011; Психологические исследования личности ..., 2016; Психологическое здоровье личности..., 2014; и др.).

Следующей методикой, позволяющей более полно представить картину качеств личности и демонстрирующей завистливость, является методика «Деловитость, миролюбие, агрессия» (Попов, 2006). По-иному эта методика может быть представлена в литературе как «Дело. Дельфин. Акула» (ДДА).

Выбор данной методики обусловлен аналогами нравственно-психологических показателей, которые сопряжены с показателями «Добро» (в данной методике это этическая предрасположенность вести себя альтруистически) и «Зло» (этическая предрасположенность вести себя эгоистически). Предлагаемая методика позволяет изучить нравственно-психологическую ориентацию личности, в ней представлены подробные описания особенностей мировоззрения каждого типа личности. Способность человека вести себя с партнерами эгоистически автор определяет как поведение «Акулы» (агрессия), а вести себя альтруистически – как поведение «Дельфина» (миролюбие).

Основу теста составляет материал работы Р. Андерсона и П. Шихирева (1994). Авторы отмечают, что главное отличие людей друг от друга – это принцип социальной направленности действия, знак этической направленности действия, его места между полюсами: «только для себя», «только для других». На основе этих параметров выявляются нравственные ориентации личности (только на себя – «Акула», а на других – «Дельфин»). С точки зрения проявления деловой активности данные типы не так различаются между собой (Попов, 2006).

В этой методике оценивается нравственная ориентация личности, что непосредственно касается тематики нашего исследования. Качества, присущие личности типа «Акула», достаточно близки характеристике завистливой личности, стремящейся к еще большим успехам и не останавливающейся ни перед чем в достижении своих целей. В свою очередь, поведение человека типа «Дельфин» демонстрирует наличие миролюбивых качеств, а значит, эти люди не будут проявлять завистливости высокого уровня, тем более она не должна проявляться в отношении к делу (Попов, 2006).

Следующим компонентом, который может быть детерминантой завистливости, является уверенность в себе. Для ее изучения использовался «Тест уверенности в себе» В. Г. Ромека (Ромек, 2008). В тесте определяются: когнитивный компонент уверенности в себе, который по смыслу близок к «вере в эффективность» А. Бандуры, эмоциональный компонент, представленный в методике как социальная смелость/застенчивость, и поведенческий компонент как инициатива в социальных контактах. Важным является тот факт, что автор, определяя валидность теста, описал различия в зависимости от возраста, поэтому в методике предложены нормативные таблицы по возрастным показателям, что в нашем случае очень ценно, поскольку основной объем работы сделан на юношеском возрасте.

Важным компонентом в структуре завистливости личности выступает конкурентоспособность, которую можно рассматривать с философской точки зрения как движущую силу общества (см. также: Ушаков, Журавлев, 2008; и др.), с биологической — как борьбу за существование, с социальной — как важное условие профессиональной и социальной успешности, с психологической точки зрения — как стремление к самореализации.

Завистливость нередко связывают с конкурентоспособностью, в связи с чем была предпринята попытка исследовать личностную конкурентоспособность и определить степень ее проявления на разных уровнях завистливости. Для этого использовалась методика «Экспресс-диагностика личностной конкурентоспособности», под которой понимается форма межличностного взаимодействия, которая характеризуется достижением целей в процессе конкуренции противоборства с другими субъектами (см., напр.: Титова и др., 2008; и др.). При этом выявляются следующие уровни личностной конкурентоспособности: высокий, средний и незначительный уровень; незначительное преобладание свойств, препятствующих проявлению личностной конкурентоспособности; выраженное преобладание свойств, препятствующих проявлению личностной конкурентоспособности; высокий уровень доминирования свойств, которые препятствуют личностной конкурентоспособности.

На основе базовой методики Бесковой, предназначенной для исследования завистливости личности, по результатам общего показателя завистливости (МИЗЛ), все респонденты были распределены на три группы по уровню проявления завистливости: 1-я группа — респонденты с высоким уровнем завистливости (24%); 2-я группа — респонденты со средним уровнем завистливости (48%); 3-я группа — респонденты с низким уровнем завистливости (28%). Выявлено, что наиболее существенные различия имеют место между группами с высоким и низким уровнями завистливости. Выявлены статистически значимые различия ($p \leq 0,001$) между личностными характеристиками: самооценкой, уверенностью в себе, социальной смелостью, но не выявлено значимых различий в показателе «инициатива в социальных контактах» между респондентами с разным уровнем завистливости.

В результате исследования было определено, что в группах с низким и средним уровнями завистливости выявлен высокий показатель уверенности в себе и в сопряженных с ним показателях социальной смелости и инициативы в социальных контактах, тогда как в группе с высоким уровнем завистливости показатель уверенности в себе низкий. Соответственно чем больше проявляется уверенность в се-

бе, тем больше завистливость тяготеет к конструктивному полюсу (во 2-й и 3-й группе), тогда как в 1-й группе, обладающей высокой завистливостью, наблюдаются менее выраженные показатели уверенности в себе, что характеризует личность как приближающуюся к деструктивному полюсу завистливости.

Выявлены статистически значимые различия между уровнями завистливости и показателями методик «Добро—Зло», «ДДА» и личностной конкурентоспособности.

Таким образом, можно констатировать, что нравственно-психологические характеристики, образующие разные уровни завистливости, имеют существенные различия в разных группах. В результате исследования обнаружено, что у респондентов с высоким уровнем завистливости менее выражены показатели «Добро», «Деловая активность», «Миролюбие», тогда как у респондентов со средним и низким уровнем завистливости данные показатели выше среднего уровня, что демонстрирует разные полюса проявления завистливости.

Показатели «Зло» и «Агрессия» более выражены в группе с высоким проявлением завистливости, что свидетельствует о деструктивной природе завистливости у респондентов данной группы, а в группах со средним и низким уровнями завистливости значения данных показателей ниже среднего. Обнаружены также статистически значимые различия между личностной конкурентоспособностью и уровнями завистливости.

Обратимся к результатам корреляционного анализа взаимосвязей показателей, демонстрирующих, что группы действительно отличаются друг от друга разными комбинациями выраженных нравственно-психологических характеристик личности, влияющих на уровень проявления завистливости.

Корреляционный анализ выявил взаимосвязь завистливости с рядом личностных характеристик: *высокий* уровень завистливости положительно коррелирует с самооценкой (0,33; $p \leq 0,01$), агрессией (0,66; $p \leq 0,01$), показателем «Зло» (0,45; $p \leq 0,01$); отрицательно — с социальной смелостью (−0,53; $p \leq 0,01$); показателем «Добро—Зло» (−0,58; $p \leq 0,01$), показателем «Добро» (−0,37; $p \leq 0,01$), миролюбием (−0,38; $p \leq 0,01$), деловой активностью (−0,28; $p \leq 0,01$).

Средний уровень завистливости положительно связан с деловой активностью (0,42; $p \leq 0,01$) и личностной конкурентоспособностью (0,67; $p \leq 0,01$).

Низкий уровень завистливости имеет положительную связь с социальной смелостью (0,61; $p \leq 0,01$), отрицательную — с уверенностью в себе (−0,22; $p \leq 0,05$).

Выраженные различия наблюдаются в группах с высоким и низким уровнями завистливости (1-я и 3-я группы). Вместе с тем обнаружено, что группа с высоким уровнем завистливости образована более жесткими связями, указывающими на сложность изменения показателей завистливости, что логично увязывается с доминированием таких отрицательных нравственно-психологических качеств личности, как невысокие показатели человечности и миролюбия, высокие (по сравнению с остальными группами) — агрессивности и показателя «Зло».

Наиболее структурированными оказались группы со средним и высоким уровнями завистливости (2-я группа — 3 взаимосвязи, 3-я группа — 4 взаимосвязи). В обеих группах ведущая роль отводится высоким показателям (в сравнении с 1-й группой) миролюбия, человечности, нравственно-психологических качеств личности, по показателю «Добро», невысоким значениям агрессивности и показателям «Зло».

Проведенное исследование подтвердило первоначально выдвинутую гипотезу, правильность постановки задач исследования и позволило сформулировать следующие выводы.

1. В результате корреляционного анализа выявлены взаимосвязи завистливости личности с такими ее характеристиками, как самооценка, человечность, уверенность в себе; определены полюса завистливости: конструктивный и деструктивный.
2. На конструктивном полюсе завистливость сочетается с высокими показателями деловой активности, «позитивной» агрессивности в общении, человечности, принятия другого. На деструктивном полюсе данные характеристики имеют низкие значения. На промежуточном — средние.
3. Дальнейшие перспективы исследования могут состоять в выявлении особенностей завистливости личности как нравственно-психологической характеристики на разных возрастных этапах онтогенетического развития человека с констатацией явления *полюсности*, что, скорее всего, может распространяться на значительную часть нравственно-психологических характеристик личности.

Литература

Адлер А. Понять природу человека / Пер. Е. А. Цыпина. СПб.: Академический проект, 1997.

- Александрова Р. И. Зависть и моральная символика // Вестник Моск. ун-та. Сер. «Философия». 2002. № 1. С. 66–81.
- Андерсон Р., Шихирев П. Акулы и дельфины. Психология и этика российско-американского делового партнерства. М.: Дело Лтд, 1994.
- Бескова Т. В. Социальная психология зависти. Саратов: ИЦ «Наука», 2010.
- Горшенина Н. В. Обзор методического инструментария по исследованию зависти // Сборник тезисов и докладов VII межвузовской научно-технической конференции «Дорожно-транспортный комплекс: состояние, проблемы и перспективы развития». Чебоксары, 2014. С. 362–366.
- Донцов А. И. Феномен зависти: Homo invidens? М.: Эксмо, 2014.
- Казаринова Н. В. Виды социальных эмоций. СПб.: Питер, 2003.
- Лабунская В. А. О соотношении зависти, безнадежности и надежды как способа преобразования пространства общения субъекта // Материалы конференции «Психология общения — 2006: на пути к энциклопедическому знанию». М.: Некоммерческое партнерство «Академия имиджологии», 2006. С. 97–111.
- Личность профессионала в современном мире. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Муздыбаев К. Психология зависти // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 6. С. 3–12.
- Нужно жить нелицемерно... Духовные поучения преподобных Старцев Оптиных. Тула: Свято-Введенский монастырь Оптиная Пустынь, 1998.
- Пилишина А. В. Социальное сравнение и оценка как механизмы актуализации зависти в межличностном общении // Ломоносов — 2013 / Отв. ред. А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, М. В. Чистякова. М.: Макс-Пресс, 2013.
- Попов Л. М. Психологические методы исследования персонала. Казань: КГАСУ, 2006. С. 20–24.
- Попов Л. М., Кашин А. П., Старшинова Т. А. Добро и зло в психологии человека. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2000.
- Проблемы субъектов в постнеклассической науке. М.: Когито-Центр, 2007.
- Психологические исследования духовно-нравственных проблем. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

- Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Ромек В. Г. Тест уверенности в себе // Психологическая диагностика: Научно-методический и практический журнал. 2008. № 1. С. 59–83.
- Титова О. И., Журавлев А. Л., Позняков В. П. Гендерные особенности конкуренции и партнерства // Наука. Культура. Общество. 2008. № 4. С. 102–115.
- Ушаков Д. В., Журавлев А. Л. Образование и конкурентоспособность нации: психологические аспекты // Наука. Культура. Общество. 2008. № 3. С. 99–108.
- Феофан Затворник. Мысли на каждый день года. М.: Отчий дом, 2009.
- Хорни К. Собр. соч. В 3 т. М.: Смысл, 1997. Т. 1.
- Шамионов Р. М. Зависть в системе социально-экономических установок и активность личности // Теоретическая и прикладная психология. 2011. № 4. С. 46–52.
- Штольц Г. Эдипова ситуация, эдипов конфликт, эдипов комплекс // Энциклопедия глубинной психологии. Т. 1. Зигмунд Фрейд: жизнь, работа, наследие / Пер. с нем. под ред. А. М. Боковой. М.: ЗАО «МГ Менеджмент», 1998.
- Юревич А. В., Журавлев А. Л. Проблема нравственности в психологической науке // Психология нравственности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 5–12.

Прагматичность и нравственность как факторы психологического отношения к деловому партнерству

Т. С. Вавакина, В. П. Позняков

Статья продолжает изложение результатов серии исследований *Делового партнерства*, которое является важной составляющей предпринимательской деятельности. В наших исследованиях мы ориентировались, в первую очередь, на работы, выполненные в лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН. Это исследования взаимодействия в сфере совместной трудовой деятельности (Журавлев, 2005; Журавлев, Нестик, 2013; Социальная психология труда..., 2010; и др.) и управленческого взаимодействия (Журавлев, 2004; Современные проблемы..., 2002 и др.). Исследования психологии российского предпринимательства, выполненные в ИП РАН (Ермолаева, 1996; Журавлев, Позняков, 1995, 2002, 2012; Журавлев и др., 1999; Журавлева, Журавлев, 2002; Кочеткова, Журавлев, 1999; Купрейченко, Журавлев, 1999; Позняков, 1999, 2001, 2007, 2010, 2012; Позняков, Титова, 2002; Рошин, 1993; Сумарокова, Журавлев, 2012; Титова и др., 2013; Шорохова, 1999; и др.) и представленные в коллективных публикациях под редакцией В. А. Бодрова (Психология предпринимательской деятельности, 1995), Е. В. Шороховой и А. Л. Журавлева (Социально-психологические исследования ..., 1999), заложили основы психологии предпринимательства как нового научного направления экономической и социальной психологии (Журавлев, 1999; Журавлев, Позняков, 2004; Позняков, 2004, 2006; Проблемы экономической психологии, 2004, 2005; и др.). В рамках этих исследований получило свое начало изучение социально-психологических факторов делового взаимодействия в предпринимательской среде (Вавакина, Позняков, 2009, 2013, 2014а, б, 2015, 2016; Журавлев, Позняков, Вавакина, 2017; Позняков, Вавакина, 2009, 2010, 2011, 2013, 2014; Вавакина, 2011, 2013; Никуло,

1 Публикация подготовлена по Государственному заданию № 0159-2018-0001.

Позняков, 2016; Позняков, Груздева, 2013; Позняков, Титова, 2014; Титова и др., 2013; и др.). В самостоятельное направление можно выделить исследования ценностных ориентаций российских предпринимателей (Журавлева, Журавлев, 2002; Позняков, 2007; Позняков, Вавакина, 2010; Журавлева, 2012, 2015; и др.).

Принципы и нормы социального взаимодействия как факторы психологического отношения к деловому партнерству.

Постановка проблемы и замысел исследования

Взаимодействие деловых партнеров во многом определяет их успех в организации и развитии бизнеса. Деловое партнерство в сфере экономических отношений определяется нами как социальное взаимодействие экономически самостоятельных субъектов, основанное на объединении усилий деловых партнеров, направленных на реализацию их деловых интересов в рамках совместной экономической деятельности. Социально-психологическая функция делового партнерства заключается в стабилизации взаимоотношений экономически независимых субъектов за счет привнесения элементов интеграции в их, по сути, конкурентное взаимодействие и определения норм этого взаимодействия, в частности, путем выработки взаимных договоренностей и обязательств. Это сложный многоаспектный феномен, несводимый к интеграции субъектов, обусловленной экономической необходимостью, он может сочетать в себе различные виды взаимодействия, в том числе сотрудничество и конкуренцию. Его характеризуют: автономность и относительная независимость деловых партнеров – субъектов экономической деятельности, чувствительность к вопросам стабильности статусов участников по отношению друг к другу и предпочтение паритетных отношений, особое внимание участников к таким социально-психологическим аспектам взаимодействия, как доверие и ответственность.

Теоретической основой исследования являются положения концепции психологических отношений субъектов экономической деятельности (Журавлев, Позняков, 2002, 2012; Позняков, 2000, 2013а, б, 2018; и др.) и ресурсно-ценностного подхода к анализу делового взаимодействия (Позняков, Вавакина, 2013, 2014; Вавакина, Позняков, 2016; и др.). В рамках данной концепции *психологические отношения* рассматриваются как социально-психологические характеристики субъектов, представляющие собой *эмоционально окрашенные* представления и оценки, объектами которых выступают внешние усло-

вия жизнедеятельности и активности субъекта, характеристики самой активности и ее субъектов, представители различных социальных групп, с которыми субъекты отношений связаны различными видами взаимодействия. Психологическое отношение к деловому партнерству представлено совокупностью частных психологических отношений к различным аспектам делового партнерства и является *интегральной* характеристикой, которая выражает *внутреннюю позицию* субъекта в системе его социально-экономических связей с другими участниками совместной экономической деятельности, выступает социально-психологическим *регулятором* такой формы деловой активности экономических субъектов, как деловое партнерство.

С позиции представляемого нами ресурсно-ценностного подхода к анализу делового взаимодействия существенными характеристиками взаимодействия его участников (партнеров) является содержание ценностей и норм, определяющих позицию, ориентацию того или иного участника взаимодействия, которая придает этому взаимодействию конкретный и определенный смысл. В рамках делового партнерства логично начать рассмотрение отношения к взаимодействию с партнером как к обмену ресурсами, которые можно использовать, т. е. на первый план выходит ценность пользы, выгоды от данного взаимодействия. В данном случае, когда доминирует утилитарная, прагматическая ориентация одного из участников социального взаимодействия, другой участник (партнер) выступает, в свою очередь, преимущественно объектом воздействия, а само взаимодействие – ресурсом, используемым для достижения утилитарных, прагматических целей. Важно отметить, что при этом в качестве таких ресурсов могут рассматриваться и сами психологические отношения, складывающиеся между участниками взаимодействия. Именно в этом смысле можно рассуждать о «социально-психологическом капитале» или о «человеческих отношениях» как ресурсе повышения эффективности деятельности организации или отдельного человека. Такую ориентацию в социальном взаимодействии мы обозначаем как *объектно-ресурсную*.

С другой стороны, второй участник взаимодействия (партнер) может восприниматься и оцениваться не как объект воздействия для достижения своих личных прагматических целей, а как равный себе субъект, имеющий свои, отличные от собственных потребности, цели и интересы, которые следует уважать и учитывать при взаимодействии с ним. Само же взаимодействие рассматривается при этом не как один из ресурсов достижения личной выгоды, пользы от не-

го, но как самостоятельная ценность, заключающаяся в формировании, поддержании и развитии благоприятных для обоих партнеров взаимоотношений. И в этом смысле можно говорить о «роскоши человеческого общения» (А. Сент-Экзюпери) и об абсолютной ценности подлинно человеческих отношений. Такую ориентацию в социальном взаимодействии мы обозначаем как *субъектно-ценностную*.

Ниже мы попробуем ответить на вопрос, какие аспекты взаимодействия формируют базис для успешного сотрудничества в рамках делового партнерства и с чем это может быть связано. Деловая сфера жизни любого человека не существует обособленно, она включена в жизнедеятельность человека в целом. Особенно важно это учитывать, когда мы говорим о представителях такой социальной группы как предприниматели. Деловая сторона жизни человека характеризуется тем, что включает в себя и деловой, и личностный компоненты взаимодействия людей. В контексте исследования социально-психологических особенностей делового партнерства нам представляется важным обратить внимание на эти две составляющие делового взаимодействия.

Не вызывает сомнения деловой компонент, отражающий требования самой экономической деятельности. Он необходим для решения конкретных проблем и задач, встающих на пути достижения цели, и, как правило, достаточно хорошо осознаваем участникам делового партнерства. Именно деловой компонент определяет утилитарность взаимодействия партнеров в бизнесе. В деловом партнерстве утилитарность понимается как *прагматичность*, практичность, рациональность, нацеленность на конкретный результат экономической деятельности. С социально-психологической точки зрения важно иметь в виду, что в крайнем своем проявлении это может выражаться в убеждении делового человека, что «цель оправдывает средство».

Наряду с этим деловая сфера включает и второй – личностный компонент. Он отражает те аспекты социального взаимодействия партнеров, которые непосредственно соотносятся с конкретной личностью, ведущей данную экономическую деятельность. В контексте этих рассуждений мы приходим к необходимости обсуждения тех социально-психологических проблем, которые соотносятся с духовностью личности, этикой делового взаимодействия. *Духовность* в данном случае является антитезой утилитарности, рассматривается как некая идеалистичность, гибкость в достижении собственных целей, предполагающая особое внимание к *нравственной* сто-

роне взаимодействия. Это тот вариант, когда «цель не оправдывает сомнительное средство достижения этой цели».

Нам представлялось интересным выявить отношение деловых людей к некоторым более или менее универсальным нормам взаимодействия. Конечно же, характер самого взаимодействия во многом будет в той или иной степени определен конкретной ситуацией. Так, если формальное взаимодействие в рамках общественных отношений довольно жестко задается и регламентируется, то уже по отношению к иерархически организованному управленческому взаимодействию это можно отнести с определенными оговорками. В этом случае весьма существенным становится «человеческий фактор», особенности личности (как руководителя, так и исполнителя), которые могут определять свой собственный, особенный стиль общения и взаимодействия конкретных людей (Журавлев, 2004). Еще менее регламентированным и заданным извне нормами является паритетное взаимодействие (в нашем случае – деловое партнерство).

Все люди, которые потенциально могут являться деловыми партнерами, с одной стороны, в процессе социализации в условно едином социокультурном пространстве усваивают некоторую систему общепринятых принципов и норм взаимодействия. С другой стороны, каждый человек в той или иной мере избирателен, устанавливая взаимоотношения с другими людьми: и выбирая конкретного партнера, и придерживаясь определенных принципов и норм взаимодействия с ним. В связи с этим возникает интерес к проблеме нормативной регуляции делового партнерства.

В контексте делового партнерства можно сформулировать наиболее общие базовые принципы, понимаемые как внутренние убеждения человека, определяющие его отношение к действительности, нормы поведения и деятельности. Так, *прагматичность*, по определению, является необходимым принципом экономической деятельности. Однако в сфере взаимодействия с другими людьми этот наиболее очевидный принцип не является безусловно единственным. В рассуждениях всех исследователей, обращавшихся к данной проблематике, *ресурсной (прагматической, утилитарной)* ориентации во взаимодействии в той или иной мере противопоставляется *ценностно-нормативная* ориентация. Таким образом, даже в рамках экономической деятельности существенное значение во взаимодействии субъектов имеют социальные нормы и общественные ценности. Мы полагаем, что в этом случае правомерно говорить о таком принципе взаимодействия между людьми, как *нравственность*, понимаемая как следование выработанным обществом этическим нормам

(Воробьева, Купрейченко, 2011; Купрейченко, Журавлев, 1999; Купрейченко, 2014; Психология нравственности..., 2010; Юревич, Журавлев, 2012; и др.). Таким образом, мы рассматриваем два наиболее общих базовых принципа взаимодействия между людьми: *прагматичность* и *нравственность*.

Наряду с этим в качестве наиболее существенных показателей, характеризующих принципы, нормы и правила взаимодействия в рамках делового партнерства, мы выявили следующие: *взаимность* (которая способствует формированию общности норм, принципов и ценностей взаимодействия), *справедливость* (эквивалентность), *равенство*, а также *доверие* и *ответственность*. Кроме того, могут существовать и более частные нормы и правила, регулирующие взаимоотношения между партнерами. Итак, на предыдущем этапе исследований нами были выявлены те аспекты социального взаимодействия, которые формируют нормативный базис делового партнерства (Вавакина, 2013; Позняков, Вавакина, 2014а):

- 1) базовые надситуационные принципы взаимодействия – прагматичность и нравственность, которые могут сосуществовать одновременно и, видимо, призваны уравновешивать друг друга;
- 2) инструментальные принципы партнерства, которыми руководствуется подавляющее большинство людей, когда речь идет о паритетном взаимодействии, причем не только о сотрудничестве (но и в ситуации, например, честного состязания, соперничества): справедливость, взаимность, равенство;
- 3) базовые нормы партнерства: доверие и ответственность;
- 4) условно «неприемлемые» нормы партнерства: влияние, манипулирование, скрытность и лицемерие.

На общем теоретическом уровне выделение и описание различных социальных принципов и норм, определяющих индивидуальные особенности поведения и отношения друг к другу участников делового взаимодействия, является достаточно известным и общепринятым. Вместе с тем эмпирических исследований, которые выявляли бы конкретные взаимосвязи между ориентациями партнеров на эти принципы и нормы и особенностями их отношения к деловому партнерству, практически не проводилось ранее. Поэтому выдвинутые нами и вышеизложенные концептуальные предположения легли в основу серии эмпирических исследований, целью которых стало выявление роли базовых принципов взаимодействия между людьми – прагматичности и нравственности – как психологических факторов отношения к деловому партнерству.

Методика исследования

Теоретико-эмпирическое исследование социально-психологических факторов отношения предпринимателей к деловому партнерству проводилось авторами в 2009–2013 гг. В эмпирическом исследовании приняло участие 468 человек: 289 предпринимателей в 2009–2010 гг. и 179 предпринимателей – в 2012–2013 гг. Выборка представлена респондентами из Москвы, Центрального региона России и Сибири. Во всех регионах было соблюдено распределение по полу 2/3 мужчин и 1/3 женщин, что соответствует представленности мужчин и женщин в современной предпринимательской среде. В исследовании участвовали предприниматели разных возрастных категорий, средний возраст респондентов находится в диапазоне 36–40 лет. Предприниматели представляли разные сферы деятельности малого и среднего бизнеса.

Основной гипотезой, которая проверялась в данном исследовании, выступило предположение о том, что сочетание в разной степени выраженности ориентаций участников делового взаимодействия на базовые и инструментальные принципы и нормы социального взаимодействия определяет их психологическое отношение к деловому партнерству, которое характеризуется эмоционально-окрашенными представлениями и оценками различных содержательных и качественных характеристик делового партнерства, в частности – оценок его успешности и удовлетворенности.

Наряду с этим открытым остается вопрос: почему люди в разной степени ориентируются на, казалось бы, универсальные принципы взаимодействия, руководствуются разными нормами и правилами? Мы полагаем, что ответ на этот вопрос лежит в плоскости рассмотрения особенностей *ценностно-смысловой сферы личности*. Поэтому второй гипотезой нашего исследования явилось предположение о том, что особенности ценностно-смысловой сферы личности выступают существенными факторами, определяющими ориентацию участников делового взаимодействия на базовые и инструментальные принципы и нормы социального взаимодействия.

Основной методикой в нашем исследовании выступил авторский опросник «Отношение к деловому партнерству». Он использовался для выявления ориентаций предпринимателей на принципы и нормы социального взаимодействия и делового партнерства, субъективной значимости мотивов, побуждающих предпринимателей к деловому партнерству и оценок различных содержательных и качественных характеристик делового партнерства, в частности – успешности и удовлетворенности.

Ориентация предпринимателей на базовые принципы социального взаимодействия – *прагматичность* и *нравственность*, а также инструментальные принципы партнерства – *равенство*, *взаимность* и *справедливость* – определялась по ответам на вопрос, насколько важны эти принципы в деловом партнерстве. Отношение к наиболее значимым нормам делового партнерства – *доверию* и *ответственности* – определялось по ответу респондентов на задание: «Оцените степень вашего доверия и вашей ответственности по отношению к другим участникам взаимодействия (по шкале, где: 1 – крайне низкая степень, а 7 – крайне высокая)». Отношение к нормам делового партнерства, отражающим ориентацию на достижение, прежде всего, собственных интересов во взаимодействии: *влияние*, *манипулирование*, *скрытность* и *лицемерие* в партнерских взаимоотношениях – оценивалось по ответу на вопрос: «Насколько допустимо, по вашему мнению, во взаимоотношениях между деловыми партнерами.?». По каждому пункту (влияние, манипулирование, скрытность, лицемерие) респонденты давали оценки по 7-балльной шкале от –3 до +3, в диапазоне «Недопустимо–Допустимо».

Оценка значимости мотивов, побуждающих предпринимателей к деловому партнерству, осуществлялась по четырем характеристикам – возможным вариантам ответа на вопрос: «В какой мере ваше участие в деловом партнерстве определяется для вас следующими факторами?». В качестве вариантов ответов предлагались следующие: возможность использовать материальные, экономические, финансовые, информационные и другие ресурсы партнера, которые необходимы для совместного достижения целей взаимодействия (экономико-ресурсная мотивация); другие причины, «политические» соображения; возможность использовать в своих целях социальные связи, опыт, компетентность, личное расположение партнера и т. п. (социально-ресурсная мотивация); желание сотрудничать с конкретным человеком, иметь дело именно с этим партнером; ценность именно этого человека (субъектно-ценностная мотивация); ценность делового партнерства, оценка важности партнерства как такового (ценность партнерства).

Для оценки эффективности делового партнерства в нашем исследовании мы использовали комплекс показателей, которые фиксировались через ответы на вопросы интервью. С целью сокращения количества переменных мы провели факторный анализ и остановили свой выбор на 4-факторном решении, описывающем 82,2% общей дисперсии.

F1. Оценка успешности процесса взаимодействия с партнерами (28,8% объясняемой дисперсии). В этот фактор вошли переменные:

- насколько активно вы сами инициируете деловое партнерство (факторная нагрузка (0,83);
- насколько легко вам выстраивать успешное взаимодействие с деловыми партнерами (0,79);
- насколько комфортно вы обычно чувствуете себя во взаимодействии с деловыми партнерами (0,70).

F2. Оценка успешности результата взаимодействия с партнерами (23,41%):

- оцените, пожалуйста, каков вклад успешного взаимодействия с деловыми партнерами в конечный результат вашего бизнеса (работы) (0,85);
- как вы оцениваете (в целом) успешность вашего взаимодействия с деловыми партнерами (0,82).

F3. Эмоциональная удовлетворенность взаимодействием (15,1%):

- как бы вы оценили положительные эмоции, удовольствие, получаемое от взаимодействия с вашими партнерами? (0,96).

F4. Эмоциональная неудовлетворенность взаимодействием (14,9%):

- как бы вы оценили отрицательные эмоции, неудовольствие, получаемое от взаимодействия с вашими партнерами? (0,98).

Наряду с авторским опросником использовались и стандартные методики, направленные на оценку ценностных и смысложизненных ориентаций личности, в частности, методика «Ценностные ориентации» М. Рокича и тест «Смысложизненные ориентации» (СЖО) Д. А. Леонтьева.

Статистическая обработка результатов проводилась с использованием корреляционного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

Роль прагматичности и нравственности как базовых принципов социального взаимодействия в рамках делового партнерства

Прежде всего отметим, что нами не было выявлено значимой связи между оценками респондентами важности придерживаться в деловом партнерстве базовых принципов социального взаимодействия *прагматичность* и *нравственность*. Это позволяет сделать вывод

о том, что данные принципы могут сосуществовать относительно независимо один от другого и, вероятно, призваны уравновешивать друг друга в ситуации взаимодействия с другими людьми. Перейдем к анализу взаимосвязей оценок важности придерживаться в деловом партнерстве принципов *прагматичность* и *нравственность* с оценками других важных аспектов делового партнерства. Рассмотрим их взаимосвязи с оценками инструментальных принципов партнерства: *равенство*, *взаимность*, *справедливость*; с оценкой базовых норм партнерства *доверие* и *ответственность* и условно «неприемлемых» норм партнерства *влияние*, *манипулирование*, *скрытность* и *лицемерие*. В таблице 1 приведены только значимые корреляции. Полученные результаты отчасти проливают свет на предпочтения предпринимателей в выборе инструментальных принципов социального взаимодействия. Ориентация и на *прагматичность*, и на *нравст-*

Таблица 1

Коэффициенты корреляции между оценками важности придерживаться в деловом партнерстве принципов *прагматичность* и *нравственность* и оценками других, более частных принципов и норм делового партнерства

Инструментальные принципы партнерства	Базовые принципы взаимодействия	
	Прагматичность	Нравственность
Равенство	0,229*	
Взаимность		0,266***
Справедливость	0,230**	0,373***
<i>Базовые нормы партнерства: доверие и ответственность</i>		
Доверие-планы		0,165*
Доверие-эпизод	-0,149*	
Ответственность-планы		0,151*
Ответственность-эпизод		0,158*
Ответственность-после		0,172*
<i>Условно «неприемлемые» нормы партнерства</i>		
Манипулирование		-0,147*
Лицемерие	-0,148*	-0,266***

Примечание. р – уровень значимости корреляции: *** – $p \leq 0,001$; ** – $p \leq 0,01$; * – $p < 0,05$. Извлечение из матрицы интеркорреляций: приведены только значимые корреляции, N=174–179.

венность предполагает использование *справедливости* как принципа социального обмена. В свою очередь, для деловых людей, ориентирующихся на *прагматичность*, важнее будет *равенство* как инструментальный принцип взаимодействия, в то время как люди, руководствующиеся принципом *нравственность*, будут отдавать предпочтение *взаимности*.

Степень доверия и ответственности во взаимодействии с партнерами в нашем исследовании предлагалось оценить в шести разных ситуациях взаимодействия. Результаты показали, что наименее согласованными оказались оценки как раз по тем ситуациям, в которых выявились взаимосвязи между исследуемыми показателями. Так, можно отметить положительную взаимосвязь ориентации на нравственность с доверием своему потенциальному партнеру на стадии планирования, выстраивания отношений сотрудничества с ответственностью по отношению к нему на данном этапе. Положительно взаимосвязана ориентация на нравственность и с ответственностью в таких наиболее неоднозначных и неопределенных ситуациях, когда есть необходимость взаимодействовать эпизодически, по мере необходимости, а также после завершения партнерских отношений. В свою очередь, ориентация на *прагматичность* обнаружила слабую (на уровне тенденции) отрицательную связь с доверием к партнерам, с которыми они взаимодействуют эпизодически, по мере необходимости.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что *лицемерие* во взаимоотношениях между деловыми партнерами неприемлемо ни с точки зрения *нравственности*, ни с точки зрения *прагматичности*. В то время как *манипулирование* обнаруживает взаимосвязь только с *нравственностью*: чем более деловой человек ориентирован на нравственность как принцип взаимодействия, тем менее он допускает манипулирование во взаимоотношениях между деловыми партнерами.

Перейдем к анализу роли *прагматичности* и *нравственности* как базовых принципов взаимодействия между людьми в рамках делового партнерства. Мы попытаемся решить эту проблему через анализ корреляций оценок этих базовых принципов со смысловыми ориентациями личности и значимостью для деловых людей различных мотивов, побуждающих их к деловому партнерству. Исследование выявило значимые взаимосвязи между оценками важности придерживаться в деловом партнерстве принципов *прагматичность* и *нравственность* и оценками значимости смысловых ориентаций личности. Мы не выявили корреляции оце-

нок важности в деловом партнерстве принципов *прагматичность* и *нравственность* с общим показателем осмысленности жизни (ОЖ). Однако примечателен тот факт, что эти принципы взаимосвязаны с тремя субшкалами, отражающими две конкретные смысловые ориентации и один аспект локуса контроля. Рассмотрим два показателя. Первый – «Цели в жизни», характеризующий целеустремленность, наличие или отсутствие в жизни респондентов целей в будущем, придающих жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. Второй – «Локус контроля – Я (Я – хозяин жизни)», характеризующий представление о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле, контролировать события собственной жизни. С этими показателями взаимосвязана оценка значимости для делового человека принципа *прагматичность*. Это полностью согласуется с представлениями о том, что именно этот принцип позволяет человеку достигать намеченных целей, реализовать свои планы в конкретной деятельности.

Что касается нравственности как принципа взаимодействия, то, как мы отметили, это своего рода антитеза жесткой прагматике, позволяющая более чутко и гибко подходить к способам достижения собственных целей, принимая в рассмотрение социальные нормы, общественные ценности, потребности, интересы других людей, достигая согласия, гармонии во взаимоотношениях с другими людьми. Возможно, именно поэтому оценка важности для человека принци-

Таблица 2

Коэффициенты корреляции между оценками важности придерживаться в деловом партнерстве принципов *прагматичность* и *нравственность* и оценками значимости смысловых ориентаций личности

Смысло-жизненные ориентации (СЖО)	Базовые принципы взаимодействия	
	Прагматичность	Нравственность
Цели в жизни	0,176*	
Процесс жизни		0,158*
Локус контроля – Я	0,145*	

Примечание: р – уровень значимости корреляции: *** – $p \leq 0,001$; ** – $p \leq 0,01$; * – $p < 0,05$. Извлечение из матрицы интеркорреляций: приведены только значимые корреляции, N=177–179.

па *нравственность* взаимосвязана с таким показателем, как «процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни», который определяет удовлетворенность своей жизнью в настоящем, восприятие процесса своей жизни как интересного, эмоционально насыщенного и наполненного смыслом. Содержание этой шкалы совпадает с представлением о том, что единственный смысл жизни состоит в том, чтобы жить. Таким образом, если прагматичность как принцип взаимодействия позволяет ставить и реализовывать цели в жизни, то нравственность непосредственно связана с собственно процессом жизни и удовлетворенностью этим процессом «здесь и сейчас».

Еще более четкое понимание роли базовых принципов взаимодействия приходит в результате анализа взаимосвязей оценок важности этих принципов со значимостью для деловых людей различных мотивов, побуждающих их к деловому партнерству. Результаты исследования, представленные в таблице 3, показывают, что высокая ценность делового партнерства для участника делового взаимодействия, оценка важности партнерства как такового предполагает высокую значимость для него обоих базовых принципов взаимодействия: и прагматичности для достижения цели, и нравственности для выстраивания и поддержания благоприятных взаимоотношений со своими деловыми партнерами. Наряду с этим *прагматичность* явно соотносится с ориентацией на возможность использовать в своих целях экономические и социальные ресурсы партнера, в то время

Таблица 3

Коэффициенты корреляции между оценками важности придерживаться в деловом партнерстве принципов *прагматичность* и *нравственность* и оценками мотивов, побуждающих к деловому партнерству

Мотивы делового партнерства	Базовые принципы взаимодействия	
	Прагматичность	Нравственность
Ценность делового партнерства	0,194**	0,156*
Экономико-ресурсная мотивация	0,219**	
Социально-ресурсная мотивация	0,176*	
Субъектно-ценностная мотивация		0,203**

Примечание: р – уровень значимости корреляции: *** – $p \leq 0,001$; ** – $p \leq 0,01$; * – $p < 0,05$. Извлечение из матрицы интеркорреляций: приведены только значимые корреляции, N=177–179.

как *нравственность* – с желанием сотрудничать с конкретным человеком, желанием иметь дело именно с ним; ценностью для респондента именно этого человека как партнера. Полученные результаты полностью подтверждают правомерность использования ресурсно-ценностного подхода применительно к анализу делового партнерства как вида социального взаимодействия (Позняков, Вавакина, 2013, 2014а, б; Вавакина, Позняков, 2016; и др.).

Таблица 4

Коэффициенты корреляции между оценками важности придерживаться в деловом партнерстве принципов *прагматичность* и *нравственность* и оценками значимости ценностных ориентаций личности

Ценностные ориентации	Базовые принципы взаимодействия	
	Прагматичность	Нравственность
<i>Терминальные ценности</i>		
Здоровье	0,178*	
Счастье других	– 0,197**	
Любовь		0,153*
Творчество	– 0,165*	
<i>Инструментальные ценности</i>		
Честность		0,245***
Жизнерадостность		0,143*
Образованность	0,178*	
Воспитанность	– 0,132 [†]	0,191*
Чуткость	– 0,167*	
Рационализм		– 0,169*
Независимость		– 0,160*
Собственность		– 0,155*
Непримиримость к недостаткам в себе и других	– 0,184*	
Эффективность в делах		– 0,175*
Доброта		0,231**

Примечание: р – уровень значимости корреляции: *** – $p \leq 0,001$; ** – $p \leq 0,01$; * – $p < 0,05$; [†] – $p < 0,1$. Извлечение из матрицы интеркорреляций: приведены только значимые корреляции, N=177–179. Методика ЦО М. Рокича (прямые и обратные корреляции должны интерпретироваться с учетом знака, указанного в таблице, ранги уже инвертированы).

Остается вопрос, кто из деловых людей высоко оценивает важность принципа *прагматичность*, а кто – принципа *нравственность*. Мы предположили, что ответ на этот вопрос может быть тесно связан с особенностями ценностных ориентаций личности наших респондентов.

Действительно, выявились взаимосвязи как с терминальными, так и инструментальными ценностями. Нас не удивило, что высокие оценки важности придерживаться во взаимодействии с партнерами принципа *нравственность* связаны с высокой значимостью ценности *любовь*. Более интересными оказались результаты, касающиеся инструментальных ценностей. Люди тем более ориентируются на *прагматичность*, чем менее для них значимы ценности *воспитанность, чуткость, непримиримость к недостаткам в себе и других*, но более важна ценность *образованность*. В свою очередь, чем более важны для человека ценности *честность, доброта и воспитанность* и чем менее значимы *рационализм, независимость и собственность*, тем выше он оценивает важность придерживаться во взаимодействии с партнерами принципа *нравственность*.

Ориентация на базовые принципы социального взаимодействия и оценка эффективности делового партнерства

Что способствует, а что, может быть, препятствует эффективности делового партнерства? На прагматичность или нравственность в большей степени стоит ориентироваться? Что более важно для успешности взаимодействия? Анализ данных показал значимые корреляции оценок важности придерживаться в деловом партнерстве базовых принципов с факторами эффективности, связанными с собственно успешностью делового партнерства: F1 (Оценка успешности процесса взаимодействия с партнерами) и F2 (Оценка успешности результата взаимодействия с партнерами).

Кроме того, мы сочли необходимым проанализировать взаимосвязи с отдельными показателями, входящими в эти факторы: насколько активно вы сами инициируете деловое партнерство; насколько легко вам выстраивать успешное взаимодействие с деловыми партнерами; насколько комфортно вы обычно чувствуете себя во взаимодействии с деловыми партнерами; как вы оцениваете (в целом) успешность вашего взаимодействия с деловыми партнерами. Полученные данные представлены в таблице 5. Было выявлено, что и тот, и другой принципы, безусловно, важны для эффективного делового партнерства. Существуют некоторые отличия, свои плюсы и в том,

Таблица 5

Коэффициенты корреляции между оценками важности придерживаться в деловом партнерстве принципов *прагматичность* и *нравственность* и показателями эффективности делового партнерства: факторами эффективности делового партнерства и оценками, входящих в них показателей

Факторы эффективности делового партнерства	Базовые принципы взаимодействия	
	Прагматичность	Нравственность
F1 Успешность ПРОЦЕССА	0,232**	0,239***
F2 Успешность РЕЗУЛЬТАТА		0,157*
Оценки показателей эффективности делового партнерства		
Активность инициирования делового партнерства	0,270***	0,273***
Легкость выстраивания взаимодействия		0,178*
Комфортность во взаимодействии	0,258***	
Успешность взаимодействия	0,163*	0,240***

Примечание: р – уровень значимости корреляции: *** – $p \leq 0,001$; ** – $p \leq 0,01$; * – $p < 0,05$. Извлечение из матрицы интеркорреляций: приведены только значимые корреляции, N=174–179.

и в другом случае: деловым людям, ориентирующимся на нравственность, легче выстраивать деловое взаимодействие, ориентирующиеся на прагматичность более комфортно чувствуют себя в деловом партнерстве. Для нас важен тот результат, что оба принципа очень тесно связаны с оценками успешности процесса взаимодействия между деловыми людьми. Это подтверждает наше предположение о важной роли этих принципов в социальном взаимодействии, задающих нормативный базис делового партнерства, позволяющих достигать целей и выбирать достойные средства достижения этих целей.

Отдельно стоит отметить, что мы не обнаружили взаимосвязей оценки важности придерживаться в деловом партнерстве принципов *прагматичность* и *нравственность* с оценками эмоциональной удовлетворенности и неудовлетворенности взаимодействием с деловыми партнерами. Кроме того, не было выявлено и корреляций с характеристиками, непосредственно взаимосвязанными с эмоциональной стороной деловой партнерства: оценкой надежности

партнеров; оценкой опыта взаимодействия с партнерами: взаимопониманием, содействием, поддержкой партнеров и конфликтами в отношениях участников взаимодействия. Не было выявлено взаимосвязей с оценкой вклада успешного взаимодействия с деловыми партнерами в конечный результат бизнеса (работы), а также с социально-демографическими характеристиками предпринимателей: возрастом, образованием, стажем делового партнерства, количеством партнеров. Это позволяет утверждать, что данные принципы: *прагматичность* и *нравственность* имеют отношение именно к социальному взаимодействию, но не к отношениям между людьми. Они дистанцированы от конкретной ситуации взаимодействия. Поэтому их можно считать универсальными, не зависящими от основных социально-демографических показателей.

Надо признать, что в бизнесе с большей степенью, чем в других сферах жизнедеятельности человека, проявляются прагматичность, утилитарность, эгоистически-стратегические тенденции, которые, в свою очередь, для сохранения баланса в отношениях между людьми, для эффективности делового партнерства неизбежно требуют опосредования этическими принципами, внимания к нравственной стороне взаимодействия (см.: Горбачева и др., 2012; Купрейченко, Журавлев, 1999; Титова и др., 2013; и др.). В связи с этим, обратим внимание именно на ситуацию взаимодействия деловых партнеров, непосредственно на те принципы и нормы, которые лежат в основе и во многом определяют сам характер деловых взаимоотношений. Именно в деловом партнерстве этот вопрос становится принципиальным. В конечном итоге сходство или различие в осознании принципов и норм взаимодействия будет определять качество и жизнеспособность деловых взаимоотношений между конкретными партнерами.

Итак, в случае истинного (паритетного) партнерства и та, и другая сторона, являясь субъектами с присущими им характеристиками, в принципе вольны в той или иной мере самостоятельно делать выбор в пользу определенного партнера, принимать решение о формате взаимодействия и общения, определять степень близости отношений, а главное – формировать тот уникальный микросоциальный контекст, в котором готовы существовать оба партнера. Здесь речь идет о том, что наиболее ценно, важно партнерам в отношениях с другим человеком, что допустимо или недопустимо делать или говорить, что поощряется, одобряется, а что может полностью разрушить существующий союз. При этом не стоит забывать, что это процесс обоюдный, встречный, взаимно направленный, приводя-

щий в идеале к общности понимания, признания и принятия конкретных, вполне определенных условий взаимного сосуществования и сотрудничества.

Выводы

В результате теоретико-эмпирического исследования нами были выявлены те аспекты социального взаимодействия, которые формируют нормативный базис делового партнерства: базовые надситуационные принципы социального взаимодействия: прагматичность и нравственность, которые могут сосуществовать относительно независимо один от другого и, вероятно, призваны уравновешивать друг друга; инструментальные принципы партнерства, которыми руководствуется большинство людей, когда речь идет о паритетном взаимодействии, причем не только о сотрудничестве (но и в ситуации, например, честного состязания, соперничества): справедливость, взаимность, равенство; базовые нормы партнерства — доверие и ответственность; условно «неприемлемые» нормы партнерства — влияние, манипулирование, скрытность и лицемерие.

Ориентация предпринимателей на базовые принципы социального взаимодействия связана с их оценками инструментальных принципов и базовых норм делового партнерства, со смысложизненными ориентациями личности и значимостью для деловых людей различных мотивов, побуждающих их к деловому партнерству. Так, ориентация предпринимателей на нравственность в отличие от ориентации на прагматичность положительно взаимосвязана с их оценками ответственности и доверия в деловом партнерстве.

Допустимость лицемерия во взаимоотношениях между деловыми партнерами неприемлема ни с точки зрения ориентации на нравственность, ни с точки зрения ориентации на прагматичность. Допустимость манипулирования обнаруживает взаимосвязь только с ориентацией на нравственность: чем более деловой человек ориентирован на нравственность как принцип взаимодействия, тем менее он допускает манипулирование во взаимоотношениях между деловыми партнерами.

Ориентация предпринимателей на прагматичность связана с показателями смысложизненных ориентаций «Цели в жизни», характеризующих целеустремленность, наличие в жизни респондентов целей в будущем, придающих жизни осмысленность, направленность и временную перспективу и «Локус контроля — Я (Я — хозя-

ин жизни)», характеризующим представлением о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле, контролировать события собственной жизни. Ориентация предпринимателей на нравственность взаимосвязана с таким показателем смысложизненных ориентаций, как «Процесс жизни, или интерес и эмоциональная насыщенность жизни», который определяет удовлетворенность своей жизнью в настоящем, восприятие процесса своей жизни как интересного, эмоционально насыщенного и наполненного смыслом.

Высокая ценность делового партнерства для участника делового взаимодействия, оценка важности партнерства как такового предполагает высокую значимость для него обоих базовых принципов взаимодействия: и прагматичности для достижения цели, и нравственности для выстраивания и поддержания благоприятных взаимоотношений со своими деловыми партнерами. Наряду с этим прагматичность прямо соотносится с ориентацией на использование экономических и социальных ресурсов партнера для достижения собственной выгоды, в то время как нравственность — с желанием сотрудничать с конкретным человеком, ценностью для респондента именно этого человека как партнера. Полученные результаты полностью подтверждают правомерность использования ресурсно-ценностного подхода применительно к анализу делового партнерства как вида социального взаимодействия.

Подводя итоги, отметим, что мы изучаем деловое партнерство предпринимателей. Однако деловые отношения и отношения партнерства могут быть рассмотрены не только на примере данной социально-психологической группы, но и других групп людей, решающих определенные проблемы и задачи в рамках своей профессиональной деятельности и объединяющих усилия со своими коллегами, представителями дружественных организаций и даже в ряде случаев — с конкурентами.

Литература

- Вавакина Т. С. Типы психологического отношения российских предпринимателей к деловому партнерству: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2011.
- Вавакина Т. С. Деловая культура, нормы и принципы делового партнерства в среде российских предпринимателей // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 220–226.

- Вавакина Т. С., Позняков В. П. Деловое партнерство как одна из форм деловой активности предпринимателей // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 4. С. 36–43.
- Вавакина Т. С., Позняков В. П. Образ делового партнера в представлениях российских предпринимателей // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 217–224.
- Вавакина Т. С., Позняков В. П. Отношение предпринимателей к принципам и нормам социального взаимодействия и оценка эффективности делового партнерства // Знание. Понимание. Умение. 2014а. № 2. С. 158–168.
- Вавакина Т. С., Позняков В. П. Психологические факторы эффективности делового партнерства // Прикладная юридическая психология. 2014б. № 2. С. 113–124.
- Вавакина Т. С., Позняков В. П. Доверие и ответственность как ключевые психологические факторы эффективности делового партнерства // Образование и саморазвитие. 2015. № 3. С. 109–116.
- Вавакина Т. С., Позняков В. П. Психология делового партнерства: теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Воробьева А. Е., Купрейченко А. Б. Нравственное самоопределение различных социально-демографических групп молодежи // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 22–33.
- Горбачева Е. И., Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Нравственно-психологические компоненты экономического самоопределения предпринимателей и менеджеров // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 1. С. 50–65.
- Ермолаева Е. П. Предпринимательство: самодиагностика и преодоление психологических барьеров. М.: Институт психологии РАН, 1996.
- Журавлев А. Л. Современные социально-психологические проблемы предпринимательства и руководства // Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999. С. 8–16.
- Журавлев А. Л. Психология управленческого взаимодействия (теоретические и прикладные проблемы). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Журавлев А. Л. Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А. Психология управления совместной деятельностью. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.

- Журавлев А. Л., Позняков В. П. Деловая активность предпринимателей: методы оценки и воздействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П. Программа социально-психологического исследования российских предпринимателей // Современная психология: состояние и перспективы исследований. В 5 ч. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2002. Ч. 5. С. 90–110.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П. Экономическая психология: теоретические проблемы и направления эмпирических исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1. № 3. С. 46–64.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П. Социальная психология российского предпринимательства: Концепция психологических отношений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П., Вавакина Т. С. Ориентация на принципы и нормы социального взаимодействия как фактор психологического отношения к деловому партнерству // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 1. С. 5–15.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П., Дорофеев Е. Д. Социально-психологические факторы деловой активности и успешность деятельности предпринимателей // Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999. С. 44–67.
- Журавлева Н. А. Экономико-психологические характеристики личности с разным типом ценностных ориентаций // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 6. С. 34–49.
- Журавлева Н. А. Динамика ценностных ориентаций предпринимателей в условиях макросоциальных преобразований // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 46–60.
- Журавлева Н. А., Журавлев А. Л. Динамика экономического сознания российских предпринимателей в 90-е годы XX века // Современные проблемы психологии управления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 122–144.
- Кочеткова Н. В., Журавлев А. Л. Динамика социально-психологических качеств современного российского предпринимательства // Социальная психология экономического поведения. М.: Наука, 1999. С. 130–142.
- Купрейченко А. Б. Нравственная детерминация экономического самоопределения. Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Купрейченко А. Б., Журавлев А. Л. Отношение современных российских предпринимателей к морально-этическим нормам делового

- вого поведения // Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999. С. 89–109.
- Никуло Е. А., Позняков В. П.* Ценностные ориентации предпринимателей с разным уровнем ответственного отношения к участникам делового взаимодействия // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 1. С. 79–88.
- Позняков В. П.* Региональные особенности психологических отношений российских предпринимателей к своей деятельности // Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 1999. С. 68–89.
- Позняков В. П.* Психологические отношения субъектов экономической деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000.
- Позняков В. П.* Психологические отношения и деловая активность российских предпринимателей. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2001.
- Позняков В. П.* Экономическая психология как отрасль психологической науки // Проблемы экономической психологии. В 2 т. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. Т. 1. С. 27–57.
- Позняков В. П.* Социальная психология предпринимательства: состояние исследований и современные тенденции развития // А. Л. Журавлев, В. А. Соснин, М. А. Красников. Социальная психология: Учеб. пособие. М.: Форум–Инфра-М, 2006. С. 392–410.
- Позняков В. П.* Предпринимательство как ценность и ценности российских предпринимателей // Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В. С. Степин. М.: Наука, 2007. С. 513–528.
- Позняков В. П.* Программы и методики социально-психологического исследования российских предпринимателей. М.: Изд-во МосГУ, 2010.
- Позняков В. П.* Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 5. С. 5–15.
- Позняков В. П.* Психологические отношения субъектов совместной жизнедеятельности // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 1. С. 167–174.
- Позняков В. П.* Социально-психологические характеристики российских предпринимателей с разным уровнем деловой активности // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 212–220.
- Позняков В. П.* Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной экономической деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

- Позняков В. П., Вавакина Т. С.* Ценностные ориентации как фактор отношения российских предпринимателей к деловому партнерству // Психология в экономике и управлении. 2009. № 1. С. 51–64.
- Позняков В. П., Вавакина Т. С.* Взаимосвязь психологических отношений предпринимателей к деловому партнерству и их ценностных ориентаций // Социальная психология труда: Теория и практика. Т. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 397–420.
- Позняков В. П., Вавакина Т. С.* Типы психологического отношения российских предпринимателей к деловому партнерству // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 2. С. 100–103.
- Позняков В. П., Вавакина Т. С.* Трансформация форм взаимодействия экономических субъектов: ресурсно-ценностный подход // Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы международной конференции. Т. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 228–231.
- Позняков В. П., Вавакина Т. С.* Деловое партнерство как вид социального взаимодействия: ресурсно-ценностный подход // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2014а. № 2 (69). С. 3–11.
- Позняков В. П., Вавакина Т. С.* Ресурсно-ценностный подход к анализу социального взаимодействия субъектов совместной жизнедеятельности // Знание. Понимание. Умение. 2014б. № 3. С. 257–268.
- Позняков В. П., Груздева Е. А.* Социально-психологические факторы ответственного отношения предпринимателей к другим участникам делового взаимодействия // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 3. С. 226–234.
- Позняков В. П., Титова О. И.* Психологические отношения российских предпринимателей: гендерные особенности // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2002. № 3. С. 162–173.
- Позняков В. П., Титова О. И.* Особенности отношения предпринимателей мужчин и женщин к конкуренции и партнерству в деловом взаимодействии // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 4. С. 5–17.
- Проблемы экономической психологии. В 2 т. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. Т. 1.
- Проблемы экономической психологии. В 2 т. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. Т. 2.
- Психология нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.

- Психология предпринимательской деятельности (Развитие российского предпринимательства в начале 1990-х гг.) / Под ред. В. А. Бодрова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995.
- Рощин С. К.* Психология предпринимательской деятельности // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 5. С. 98–109.
- Современные проблемы психологии управления. Сборник научных трудов / Отв. ред. Т. П. Емельянова, А. Л. Журавлев, Г. В. Телятников. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002.
- Социальная психология труда: Теория и практика. В 2 т. Т. 1. / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010а.
- Социальная психология труда: Теория и практика. В 2 т. Т. 2. / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010б.
- Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.
- Сумарокова В. А., Журавлев А. Л.* Региональные и половые различия доверия предпринимателей к разным видам организаций // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 36–45.
- Титова О. И., Позняков В. П., Журавлев А. Л.* Психологические отношения российских предпринимателей к конкуренции и партнерству: гендерный аспект // Психологические исследования проблем современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 287–310.
- Шорохова Е. В.* Психологические особенности российского предпринимательства: исторический аспект // Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999. С. 17–43.
- Юревич А. В., Журавлев А. Л.* Нравственные проблемы современной России (вместо введения) // Нравственность современного российского общества: психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 5–20.

Раздел 3

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Социально-психологические условия формирования духовно-нравственной основы мироощущения и социального самоопределения современной учащейся молодежи

А. С. Чернышев

Социальная ориентация человека как субъекта свободного выбора жизненного пути наиболее полно проявляется в его целостном мироощущении (Олпорт, 1998) и социальном самоопределении как осознанном стремлении занять определенную позицию в обществе (Абульханова-Славская, 1980). Однако свобода выбора сопряжена с принципом этического детерминизма, который является духовно-нравственной основой мироощущения и социального самоопределения (Рубинштейн, 2003).

В этой связи в условиях глубоких социально-экономических изменений в современном мире (подробнее см.: Психологические исследования глобальных процессов..., 2018; Россия в глобализирующемся мире..., 2007; и др.) обращение к духовно-нравственной сфере человека как самому «человечному в человеке» стало одним из перспективных направлений современной отечественной психологии (см., например: исследования духовно-нравственных проблем, 2011; Психологическое здоровье..., 2014; и др.). В рамках данного подхода достаточно активно исследуются проблемы мироощущения и социального самоопределения современной молодежи. В связи со сложностью феномена «духовность» и интересом к его исследованию в различных науках представляется целесообразным обратиться к некоторым подходам в понимании духовности в психологии.

С.Л. Рубинштейн определял духовность человека как способность к любви, при которой человек становится субъектом, способным любить. Высшее в человеке оценивается не отношением к самому себе, не как простое самоусовершенствование, а тем, как и что он изменяет и совершенствует в других людях. В этой связи особое место отводится нравственной детерминанте, определяющей зависимость познания от нравственного облика личности. Мудрость состоит не только в сумме знаний, но и в духовности (Рубинштейн, 2003).

В. Франкл также отмечает, что человек изначально направлен не на себя, а на мир, и только в окружающем мире, обществе, других людях он может найти главный смысл своей жизни. И лишь в той мере, в какой люди забывают о себе в деле, жертвуя себя миру, его требованиям и задачам, они осуществляют и себя (Франкл, 2000). Не случайно среди потребностей, выявленных у людей, не справляющихся с жизненными трудностями, ориентация лишь на себя, свой успех, славу любой ценой приводит к центрации усилий на себе и как следствие — препятствие в росте личности, ее движении к духовной зрелости (о разных направлениях исследования зрелости в психологии более подробно см.: Феномен и категория зрелости..., 2007; и др.).

В наши дни достаточно развернутое определение духовности представлено в работах А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского, А. Л. Журавлева и А. Б. Купрейченко, М. И. Воловикова и др. А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский определяют духовность как «высший уровень развития и саморегуляции зрелой личности, на котором основными мотивационно-смысловыми регуляторами ее жизнедеятельности становятся высшие человеческие ценности» (Краткий психологический словарь, 1998, с. 102–103). Созвучно идеям С. Л. Рубинштейна и В. Франкла утверждается, что наделенный духовностью человек перестает быть изолированным индивидом, решающим эгоцентрические задачи по адаптации к среде, а подключается к созидательной энергии надындивидуальных общностей, тем самым выходя за свои собственные пределы и вступая во взаимодействие с миром на новом уровне. Духовность выступает предпосылкой актуализации личностной «свободы для» (в противовес «свободы от...»). Интересно отметить совпадение данной трактовки духовности в работах А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского с основными теоретико-практическими подходами А. С. Макаренко в его фундаментальном социальном эксперименте по перевоспитанию нравственно искаленных детей (Макаренко, 1998).

В сложной проблеме системной детерминации экономической активности в современных условиях А. Л. Журавлев и А. Б. Купрейченко обоснованно, на теоретическом и эмпирическом уровнях выделяют нравственно-психологическую детерминанту, наделяя ее активной функцией. Принципиальные особенности данного подхода заключаются в том, что нравственная компонента не всегда является просто отражением или следствием экономических условий, а взаимодействует с последними в каком-то смысле как равнозначная, их реальные состояния определяются этим взаимодействием (Журавлев, Купрейченко, 2007).

М. И. Воловикова сущность духовности связывает с содержанием устоявшихся народных традиций, в частности, с праздничной культурой, в рамках которой человек приобщается к духовному опыту состояния мира и единства с другими людьми. В итоге развивается и крепнет нравственный идеал человека (Воловикова, 2005; Воловикова и др., 2003).

Мироощущение как актуальная научная проблема и предмет специального эмпирического исследования изучалось в 1990-е годы и эмпирически исследовалось авторским коллективом (научный руководитель — И. В. Дубровина) в рамках Федеральной программы «Дети Чернобыля». Авторы рассматривали мироощущение учащейся молодежи из регионов чернобыльского следа как субъективное восприятие ею условий своего проживания в данном населенном пункте (конкретной среды жизнеобитания), которое проявляется в эмоциональном настрое определенной модальности (положительной, отрицательной, амбивалентной), что, в свою очередь, влияет на характер восприятия условий жизни вообще.

Наряду с интегральным проявлением мироощущения в рамках эмоционального реагирования авторы раскрыли и структуру мироощущения, включающую такие компоненты, как «чувство-Я», самостоятельность, учеба, социальные контакты, отдых, познание, овладение материальными ценностями, патриотизм, барьеры, препятствие. По данным авторов, эти компоненты образуют структуру, в которой ведущую роль играют такие компоненты, как «социальный контакт», «патриотизм» и «чувство Я» (Дубровина и др., 1996).

Л. И. Уманский с учениками в 1970–1980-е годы изучали мироощущение социально одаренных детей как основу личностной позиции в организаторской деятельности со сверстниками в условиях крупномасштабного формирующего эксперимента по подготовке молодежных лидеров (Уманский, 1980). С целью определения ее динамики в изменившихся социально-экономических условиях на рубеже XX–XXI вв. курские психологи вновь обратились в этой проблеме (Сарычев, Лобков, 2008; Чернышев и др., 2005).

Интенсивное исследование *социального самоопределения* как осознанного выбора своего места в жизни на рубеже XX–XXI вв. также было вызвано социально-экономическими изменениями в стране. В качестве методологической основы изучения феномена представляются наиболее информативными выводы К. А. Абульхановой-Славской о том, что самоопределение представляет собой осознание личностью своей позиции, которая формируется внутри координат системы отношений (Абульханова-Славская, 1980), и идеи С. Л. Ру-

бинштейна о ведущих элементах самоопределения: самодетерминации, собственной активности, осознанного стремления занять определенную позицию в социуме (Рубинштейн, 2003).

А. Л. Журавлев и А. Б. Купрейченко значительно расширили пространство самоопределения молодежи, дополнив традиционные виды самоопределения (личностного, профессионального и коллективистического) экономическим самоопределением, наиболее актуальным в критические периоды развития общества, когда радикально изменяются системы ценностей в массовом, групповом и индивидуальном сознании. Используя уровневую модель самоопределения субъекта для исследования динамично развивающегося сознания в изменяющихся, нестабильных условиях, авторы убедительно показали, что экономическое самоопределение индивидуального и группового субъекта выступает важнейшим фактором его экономической активности (Журавлев, Купрейченко, 2007).

Д. И. Фельдштейн отмечает не только кардинальные изменения современного мира, но и изменения самого человека (современный человек кардинально изменил окружающий мир и изменился сам), что в итоге породило ряд трудностей у современных подростков и юношей. Так, например, образ будущего у современной молодежи «размыт», хотя у их сверстников 30–40 лет назад был сформирован устойчивый и определенный образ будущего (Фельдштейн, 2005).

В этой связи целесообразно изучить *динамику* мироощущений и социального самоопределения и их духовно-нравственную составляющую у молодежи на рубеже XX–XXI вв. В ряде исследований подростков и юношей в 1960–1980-е годы отмечалась выраженная гражданственность, широта и оптимизм во взглядах на окружающий мир и на себя в рамках настоящего и будущего; активное и осознанное отношение к будущему; включенность в совместную деятельность группы и основной организации; сформированность идеалов; стремление к лидерству. Мироощущение и самоопределение актуализировались в развитых формах общественной активности на уровне деятельности и поступков. Однако определенной части учащихся и тогда были присущи негативные черты как на уровне мироощущения, так и в общении, поведении, поступках (категория «трудных подростков») (Беспалов, 2008; Чернышев и др., 2007).

На основе мониторинговых исследований мироощущения и социального самоопределения социально одаренных детей, воспитанников Курской психологической школы лидеров «Комсорг» (комсоргов-

цев) С. В. Сарычев и Ю. Л. Лобков раскрыли особенности динамики мироощущения у разных поколений. Комсорги первых лет не только активно стремились к лидерству в настоящем, но и строили большие планы на будущее; мечтали о больших свершениях, сочетали героические устремления с романтикой. Преданность Родине, патриотизм, дух народности, гуманизм, светлые идеалы дружбы и служения Отечеству проявились не только в сознании, но и в поведении, поступках, совместной деятельности. Стремление эмигрировать, жить «за рубежом», любой ценой нажать побольше денег, чтобы «красиво жить», не входило в сознание комсоргов, никогда эти вопросы не поднимались и не обсуждались, так как считались постыдными. Образ будущего наполнялся уверенностью занять достойное место в жизни, надеждой на поддержку друзей и общества.

Комсорги наших дней — тоже лучшая часть современной молодежи как по ценностным ориентациям, так и по поведению, нравственной культуре. Причем установка на «социальное облагораживание» среды у них представлена, возможно, более сильно, чем у комсорговцев XX в. Однако «образ будущего пугает своей невзрачностью и неопределенностью» и сопряжен с широким полем проблем как личностного, так и социального плана.

Ведущее место заняли проблемы самоопределения, самосознания и самооценки, в частности, такие, как неуверенность в себе; неумение выбрать путь в жизни; неспособность измениться в лучшую сторону, отказаться от наивности и доброты к людям; неумение разобраться в себе; чувство неполноценности и неустроенности (Сарычев, Лобков, 2008; Чернышев и др., 2005).

Особенности мироощущения подростков и юношей в начале XXI в. (2008–2009)

Мироощущение и социальное самоопределение современной учащейся молодежи изучалось нами в разных образовательных учреждениях: образовательных школах (городских и сельских), специализированных классах, школе лидеров и в рамках всероссийского центра «Селигер».

В структуре мироощущения современных учащихся, как и их сверстников 1980-х годов, наиболее выражено «чувство Я», однако расширилась масштабность сопричастности к наиболее крупным социальным объектам — большим городам и даже мегаполисам; а конкретная среда обитания (небольшие города, села, рабочие поселки и т. д.) исключается, происходит как бы «перешагивание» через кон-

кретную среду жизнеобитания. Такое «игнорирование» конкретной среды проживания можно оценить как один из мотивов будущей миграции молодежи из родных мест.

Отмечается своеобразная фрагментарность «поля» мироощущения в структуре наиболее значимых переживаний: актуализируются в большей мере бытовые ситуации (праздники в кругу семьи, виды отдыха, поездки и т. д.), реже – формы социально значимой активности, связанные с различными видами деятельности, особенно совместной. Из традиционных видов деятельности – учебной, трудовой, общественно-политической, художественной, спортивной, досуговой – отражаются спортивная и художественная, сельскими школьниками – трудовая, а учебная и общественно-политическая деятельность обесцениваются. Занижение значимости ведущих видов активности субъекта – учебной, трудовой и общественно-политической – показатель своеобразного «вакуума» в организации жизни современной учащейся молодежи.

Однако «игнорирование» наиболее жизненно значимых видов деятельности (учебной, трудовой и т. д.) не исключает ощущения оптимизма и уверенности в настоящем и будущем и даже надежды на успешное решение прагматических задач, связанных с «добыванием» денег. «Приземленность», прагматизм жизни связывается с деньгами и составляет один из главных компонентов мироощущения. В его структуре у современных подростков и юношей не просматриваются осознанные связи между жизненной перспективой и собственными возможностями для ее реализации. Достаточно легко приписывается себе удел «успешной личности» в будущем не только индивидами с высоким психологическим статусом, но и школьниками с проблемами в учебе, общении, поведении и т. д.

Вместе с тем выявлено значимое влияние особенностей социальной среды и позиции наиболее активной части молодежи на ее мироощущение. Нами проведено исследование мироощущения социально-активной молодежи, участвовавшей во всероссийском молодежном образовательном форуме «Селигер». Данный форум – это образовательный лагерь, в котором в течение двух недель самая активная молодежь из разных регионов России живет и учится в походных, туристических условиях, слушает лекции, проходит тренинги не в привычной лекционной аудитории, а на открытом воздухе в специально построенных павильонах. Для всех участников форума существует ряд обязательных правил: не употреблять алкоголь, делать зарядку, посещать лекции и тренинги, участвовать в общих сборах и др.

Мироощущение подростков и юношей, включенных в подобные молодежные объединения, по ряду показателей отличается от мироощущения «обычной молодежи». В этой связи можно отметить следующее. Чувство патриотизма ярко проявляется у социально активной молодежи, участвовавшей в форуме «Селигер», например, 22% активистов движения выражают мнение: «Я больше всего горжусь родиной и страной», в то время как в остальных группах участников исследования подобные мнения выражаются редко.

Установлено, что у большинства респондентов сложилось положительное отношение к родному городу. Каждый опрошиваемый нашел что-то замечательное в своем месте проживания. Заметны различия в мнениях респондентов, состоящих и не состоящих в молодежных движениях. У второй категории испытуемых большая часть суждений носила эгоцентрический характер: «Мой город замечателен тем, что я в нем живу» (22%) или «...он мой (10%)», «...я здесь родился (18%)». У активистов молодежных организаций наиболее частотны следующие варианты ответов: «...много хороших, замечательных людей» (24%), «...город чистый, красивый, современный» (20%), «...богатая история» (12%).

Следует отметить, что у участников форума «Селигер» наблюдается выраженное ценностно-ориентационное единство мнений, что проявляется в схожести ответов на вопросы анкет, в наличии единого смысла этих ответов: патриотизм, стремление к активной жизни, активная гражданская позиция, высокий уровень самостоятельности, позитивность восприятия мира, направленность на будущее и активное отношение к нему. У данной группы респондентов преобладает позитивное мироощущение, развитая система ценностных ориентации, активная жизненная и гражданская позиции. Активных участников форума характеризует чувство патриотизма, социальный оптимизм, что во многом объясняется приоритетом внутреннего локуса контроля над внешним, т. е. молодые люди верят, что могут сами изменить окружающий мир, многого добиться в жизни. На формирование такой позиции повлияло участие в молодежных движениях, где юноши на практике, в решении конкретных задач увидели, что могут добиваться многого.

Показательны различия духовно-нравственных ориентиров в *социальных представлениях о свободе* у молодежи разных эпох и в зависимости от особенностей социальной среды проживания.

Проблема «свободы личности» волновала и волнует молодежь всех поколений. Молодежь 1960–1980-х годов искренне верила в реальность реализации свободы в настоящем и будущем, хотя особенно

не задумывалась о сложности феномена. В окружающей среде, особенно в СМИ, свобода постулировалась как социальная гарантия. Современная молодежь более критично и с иных позиций воспринимает свободу личности.

Представление о свободе как элементе мироощущения у современных подростков имеет тенденцию к возрастанию его удельного веса в общей структуре и расширению дифференциации, однако этот образ заметно отличается по содержанию в зависимости от социально-психологических особенностей группы членства и основной социальной организации.

Предварительно можно условно выделить две особенности представлений о свободе в зависимости от вышеуказанных условий:

1. Для групп среднего уровня развития это особенно четко проявилось в традиционных средах, большинство индивидов понимают свободу как «свободу от». Для них свобода — это, прежде всего, «независимость», «возможность делать то, что хочу, без ограничений», «когда никто не указывает, человек сам решает, как ему жить», «когда ничего не надо делать», т. е. свобода носит негативный характер (независимость от какого-либо внешнего принуждения, судьбы). Содержание феномена у большинства сводится к приоритету финансового и материального благополучия, полученного легким, почти сказочным путем. Свободный человек в представлении этих школьников — это тот, кто богаче всех, живет в красивых коттеджах, ездит на дорогих иномарках, отдыхает на лучших курортах мира, элегантно одевается и т. д. Поэтому у таких людей высокий авторитет; они не обременены никакими обязательствами.

Носители духовности группы лидеров-организаторов считают, что «свобода» — это «комфорт», «жить, не чувствовать себя чем-то стесненным, скованным, но не выходить за рамки закона», «неограниченность мыслей и действий». В представлениях данного типа заметно выражена экономическая составляющая потребительского характера, а духовно-нравственная сторона отличается примитивностью.

2. В группах высокого уровня развития обычных школ, особенно в развивающих социальных средах, наблюдалось преобладание тенденции «свободы для». Большинство индивидов определяет свободу как «свободу для». Этот контингент подростков и юношей понимает «свободу» как «возможность выбора», «свободу мысли, слова, вероисповедания и передвижения». Для них свобода име-

ет позитивный смысл, «свобода для» как способность и возможность самополагания, самоопределения: «свобода» — это быть собой; возможность проявить себя; заниматься тем, что нравится. Один из самых ярких лидеров определил «свободу» как «быть не-свободным». «Свобода — уловка для глупых и романтических людей, призванная столкнуть их с правильного пути, а далее и свести с ума. „Свободный человек“ — „большой“ человек, отрицающий весь сложившийся порядок мироздания».

Представления об идеале

Значительные изменения претерпел идеал как связующее звено мироощущения и социального самоопределения у всех категорий молодежи. Некоторая часть молодежи оценивает субстанцию «идеал» как насилие над личностью и предпочитает прожить без идеала вообще. У некоторых молодых людей представления об идеале размыты до фрагментарности («можно подражать отдельным свойствам отдельных лиц»); однако молодые люди, прошедшие социальное обучение в развивающей среде, определились со своим идеалом, осознанно выбрав объект для подражания. Можно отметить широкий спектр оснований (критериев) для подражания, включающий более 10 групп: среди них более всего представлены отечественные певцы, актеры, шоумены; затем идут их зарубежные коллеги; учителя (в основном практически психологи) занимают третье место; есть и исторические личности (князь Владимир, Петр I, Колумб, княгиня Ольга, Г. Шелихов); герои войны (Первой мировой и Второй мировой); политики (В. И. Ленин, В. В. Путин, Д. А. Медведев), поэты, писатели (А. Пушкин, С. Есенин, Ю. Лермонтов), спортсмены (Д. Сычев, А. Аршавин, Т. Татьянина).

Таким образом, структура представлений об идеалах, хотя во многом отражает направления современных СМИ, социальные среды с большими воспитательными возможностями (социальные оазисы) способствуют духовно-нравственному обогащению ориентиров для личностного развития.

Представления о будущей России и отношении к Бессмертному полку (2016–2017)

В настоящее время в российском обществе произошли значительные изменения в связи с усложнением геополитической (например, усиливающиеся санкции против России), экономической обстановки и тенденциями роста патриотического настроения, актуализируемого в различных формах общественной активности, например,

в масштабных акциях Бессмертного полка, волонтерском движении молодежи, подготовке кадрового резерва лидеров из молодежи («Губернаторская тысяча») и т. д.

В этих условиях в качестве оптимального социально-психологического механизма социализации личности учащейся молодежи выступает интеграция совместной активности в широком социальном пространстве: индивидов в рамках малой группы, групп в системе социальных организаций разного уровня.

В рамках проведенного нами эмпирического исследования на основе гипотетического предположения, согласно которому влияние личностного потенциала современной учащейся молодежи на становление ее гражданской позиции опосредуется уровнем социально-психологической зрелости группы членства и формой мотивационно-ценностной включенности группы в совместную активность системы социальных организаций разного уровня, установлено, что в сфере мироощущения современной учащейся молодежи значимую роль (по 12-балльной шкале) играют представления о будущей России как справедливой и развитой стране.

В структуре образа будущей России более высоко оцениваются личностно значимые позиции по критерию справедливости:

- реальное равенство граждан перед законом;
- равные возможности для самореализации;
- уверенность в своем будущем.

Значимыми для будущей России оцениваются позиции:

- образ России привлекателен для всех граждан;
- авторитет России во всем мире возрастает;
- наличие сильного лидера, способного объединить народ.

Менее значимыми представляются «социальные лифты», что можно объяснить отсутствием реального опыта учащейся молодежи по использованию благоприятных условий для достижения карьеры.

Закрывает социальные представления о будущей России позиция «в обществе нет разрыва между богатыми и бедными». Такую ориентацию трудно объяснить с позиций гуманизма и добродетели, видимо, фактор социального расслоения общества становится социальной нормой.

Наряду с представлениями о будущей России в структуре мироощущения молодых людей личностно значимым является образ Бессмертного полка как свидетельство сохранения исторической памяти и торжества справедливости, значения победы нашего

народа над фашизмом. Этот образ как бы освещает настоящее миропонимание на основе соединения прошлого и будущего отечества. И в этом его значимость для духовно-нравственного становления современной молодежи.

В структуре образа Бессмертного полка наиболее высоко оцениваются позиции:

- гордость за своих родственников, внесших вклад в победу над врагом;
- возможность увидеть лица людей, которые спасли страну от порабощения фашистами;
- не проходящая скорбь и светлая память о солдате, генерале, труженике тыла;
- чувство сопричастности потомков подвигу отцов, матерей, дедушек и бабушек;
- убедительный способ защитить историческую правду о Великой Отечественной войне вопреки попыткам переписать историю в угоду определенным силам.

Менее значимым представляется позиция «торжественность, масштабность и эстетическая выразительность Бессмертного полка». Мы объясняем это неожиданно неадекватное явление приверженностью молодежи к современной эстетической реальности, далекой от классических традиций гармонии и красоты.

Бессмертный полк как новое, фундаментальное социальное явление, охватившее весь цивилизованный мир, определил позицию активного включения молодежи в его реализацию по разным аспектам:

- непосредственное участие — около 50% опрошенных;
- пропаганда идей Бессмертного полка — свыше 20%;
- наличие интереса — 20%;
- намерение включиться в шествие — 5%;
- отсутствие интереса — 5%.

Вышеуказанные результаты получены на выборке сельских и городских старшеклассников, студентов колледжей и вузов, а также в соответствии с гипотезой социально зрелых групп, включенных в значимую совместную активность различных социальных организаций региона. Такими группами являлись студенческий штаб содействия Бессмертному полку (97 человек), студенческий психологический клуб Бумеранг (18 человек), входивших в структуру Курского государственного университета, а также учащиеся МКОУ Гончаровская СОШ г. Суджа (31 человек).

Для трех указанных общностей характерны высокие количественные показатели образов будущей России и Бессмертного полка и качественные особенности – высокое единство, сплоченность по всем позициям. Созданные условия жизнедеятельности данных групп, образ жизни формируют у человека заданные психологические качества в соответствии с полученными знаниями. Наблюдается совместное переживание чувства сопричастности особой молодежной субкультуре, высокая социальная активность, чувство принадлежности к общественным организациям региона, приобщение к высоким жизненным целям и ценностям.

В других выборках отмечались случаи (2–5%) явно негативно-отного отношения (1–5 баллов из 12) к российским духовно-нравственным святыням. В личной беседе с некоторыми представителями данной группы выявилась стойкая негативная установка ко всему российскому.

В структуре социального самоопределения по-прежнему преобладает личностное и семейное по сравнению с профессиональным и коллективистическим, однако обозначилась тенденция наращивания оптимального самоопределения, включающего личностное, профессиональное и семейное самоопределение. Коллективистическое самоопределение присуще незначительной части опрошенных.

На основании вышеуказанных эмпирических данных можно отметить среди разных причин различия духовно-нравственного облика молодежи две наиболее значимые: а) особенности социальной среды – группы членства и основной организации; б) уровень субъектности индивидов и групп.

На основе данных выводов нами разрабатывались теоретические и технологические подходы к проектированию социально-психологических условий духовно-нравственного обогащения мироощущения и социального самоопределения молодежи. Важным представляется положение Б. Ф. Ломова о том, что психологические знания использовать напрямую, по принципу «короткого замыкания» не эффективно, на основе этих знаний необходимо создать такие условия жизнедеятельности для людей, такой образ жизни, в рамках которого и сформируются у человека заданные психологические качества (в соответствии с полученными знаниями) (Ломов, 1984). В этой связи в условиях социального расслоения общества, неоднородности социальных сред, вплоть до групп с преобладанием грубых отношений, наиболее актуальным является создание развивающих социальных сред (социальных оазисов), адекватных субъектной природе развивающегося человека (Чернышев и др., 2007).

Таким образом, можно считать, что духовно-нравственное воспитание молодежи можно оптимизировать посредством создания развивающих социальных сред. Теоретические основания для создания подобных сред можно обнаружить в концепциях С. Л. Рубинштейна (2003), Б. Ф. Ломова (1984), Л. И. Уманского (1980), А. В. Брушлинского (1996), А. Л. Журавлева и А. Б. Купрейченко (2007), В. И. Панова (2007), В. В. Рубцова (2008), Е. В. Шороховой (Шорохова и др., 1983) и др. Весьма современными и плодотворными представляются идеи Э. Фромма о социальных оазисах и их постепенном расширении на все общество как основном средстве «духовного оздоровления человечества» (Фромм, 1992). На основе вышесказанного были сформулированы гипотезы о социально-психологической помощи учащейся молодежи в духовно-нравственном развитии в рамках формирующего эксперимента в масштабах региона.

Гипотеза 1. Социально-психологическая помощь учащейся молодежи (особенно социально одаренной) наиболее эффективна в условиях экспериментально созданной социальной среды с высокими духовными характеристиками совместной жизнедеятельности, т. е. особый микросоциум, заметно отличающийся по ряду показателей от обычной среды – своего рода «социальный оазис».

Гипотеза 2. Периодическое включение индивидов и групп подростков и юношей в качестве субъектов совместной деятельности и общения в специально созданные реальные улучшенные социальные среды («социальные оазисы») на основе актуализации принципа сочетания социального знания и социального действия ведет к значительным лидерским и личностным изменениям индивидов («социальному обновлению» личности) и повышению уровня социально-психологической зрелости групп.

В нашем понимании *развивающая социальная среда* – это социум, отличающийся от обычной среды более высокими по содержанию и интенсивности характеристиками совместной деятельности и общения, эмоционально и интеллектуально насыщенной атмосферой сотрудничества и созидания. В такой среде наиболее полно актуализируются и межличностные, и межгрупповые механизмы успешного саморазвития личности и групп. Роль психологов-педагогов заключается в том, чтобы задать единые «правила игры». Обучающий эффект обеспечивается, прежде всего, за счет социальной активности самих учащихся.

Построение развивающей социальной среды как базовый принцип социально-психологической помощи обеспечивает и впечатляющие воздействия. Количество одновременно обучаемых достигает двухсот и более человек. Разработанные технологии являются универсальными по возможности переноса и применения в различных организационных условиях работы с молодежью. Технологии основаны на актуализации следующих *механизмов построения развивающей социальной среды*:

- *Формирование духовной культуры молодежного социума*

Главные условия формирования мотивации: совместное переживание юношами чувства сопричастности к особой молодежной субкультуре, сочетающей в себе романтичность и высокую социальную активность; чувство принадлежности к престижной общественной организации региона; приобщение к высоким жизненным целям и ценностям. Для многих юношей обсуждение в широком кругу сверстников вопросов личностного самоопределения и смысла жизни является первой и редкой возможностью осознать свое Я и свой потенциал.

- *Функциональное включение педагогов в совместную деятельность*

Коллектив педагогов выступает не в декларативной форме «группы коллег-единомышленников», но в форме «коллектива созидателей», действующего в соответствии с организационным порядком, ритуалами и атрибутикой, принятыми в данной среде, т. е. педагоги образуют свой отряд и наряду с другими отрядами участвуют в общих построениях, соревнованиях.

- *Включение участников в высокоорганизованную общность*

Уровень организованности развивающей социальной среды резко контрастирует с обычной средой проживания. Организационные нормы, структура, процессы отличаются четкостью и упорядоченностью. Коллективные действия совершаются в быстром и согласованном темпоритме. Характерна высокая степень включенности индивидов в совместную деятельность.

- *Демократическое внедрение организационного порядка*

Организационные нормы и структура представляются на общем собрании в самом начале смены не как «директивы педагогического совета», но как многолетние традиции, в создании которых участвовали и сами воспитанники. Таким образом, подчеркивается возможность и необходимость участия ребят в продолжающемся нормотворчестве.

- *Общая пространственная организация коллективных действий*

Общекolleктивные построения, спортивные состязания, конкурсы, художественное творчество, танцы, хоровые песни и другие групповые мероприятия совершаются в «зоне видимости» для каждого воспитанника. Дети воспринимают самих себя и друг друга через призму общекolleктивной активности, что стимулирует созревание в личности подлинной социальности.

- *Социальное, духовное и предметное обогащение деятельности*

Высокосодержательная и в социальном, и в духовном отношении, разнообразная в предметном плане деятельность является системообразующим фактором развивающей социальной среды, определяя ее направленность и качественное своеобразие. Воспитанники участвуют в групповых дискуссиях на социально и личностно значимые темы, готовят театрализованные представления, состязаются в спортивных и интеллектуальных конкурсах, в песенных и танцевальных фестивалях. Особое место занимает трудовая деятельность: помощь в восстановлении исторических памятников, участие в экологических акциях, помощь престарелым и инвалидам, труд по самообслуживанию. Ежедневно в расписание включены учебные занятия, основной задачей которых является обретение социальных знаний и умений (способы эффективной коммуникации, приемы эмоциональной саморегуляции).

- *Интенсификация интеллектуальных, эмоциональных и поведенческих компонентов совместной деятельности*

Коллективные действия совершаются на вербальном (скандирование девизов, приветствий, пение песен) и сенсомоторном (игры, танцы, построения) уровнях. Мероприятия проходят в быстром темпе. Время и материальные ресурсы для их подготовки ограничены.

Публичность представления результатов повышает ответственность и эмоциональную отдачу участников. Большинство мероприятий проходят в форме соревнований. Эмоциональная насыщенность, необходимость форсировать интеллектуальные и творческие усилия, высокие энергетические затраты – все это обеспечивает максимальное вовлечение каждого воспитанника в совместную деятельность, устраняет опасность возникновения пустых молодежных «тусовок» и создает эффект «огромной, продуктивной жизни».

Эксперимент выявляет проблему *адаптации молодежи* к необычной социальной среде и необходимости определенной подготовки к полному использованию ее возможностей (об общих закономер-

ностях этих процессов см.: Психология адаптации..., 2007; и др.). Проблема снимается благодаря введению «социального обучения», поэтому в «социальных оазисах» целесообразно наряду с существующими направлениями психолого-педагогической практики – педагогическим воспитанием и предметным обучением – выделить новое направление – «социальное обучение».

Социальное обучение – это формирование знаний, умений и навыков конструктивного взаимодействия с людьми на межличностном и социальном уровнях, направленного на достижение разнообразных общественно значимых целей.

По своему предмету и методам оно является одним из видов психологической помощи. Научить в социальном смысле – значит помочь человеку стать зрелой личностью, способной успешно жить в обществе (подробнее о феномене зрелости личности см.: Феномен и категория зрелости..., 2007; и др.). Частной задачей является обучение общению как организация целенаправленного овладения средствами и способами коммуникации с другими людьми. Цель социального обучения – создать благоприятные условия для обретения личностью *качеств субъектности* – самостоятельности, активности, ответственности и социальности в самом широком значении этого слова. Социально обученный человек как субъект владеет искусством жить в обществе, созидавая социальные отношения на основе своего неповторимого личностного потенциала.

В социальном обучении можно выделить три основных направления развития субъектности личности:

- рефлексивное – осознание положительного образа Я и своей социальной позиции; личностная рефлексия является формой саморегуляции на высшем – ценностно-смысловом – уровне развития личности;
- поведенческое – расширение арсенала практических умений жить в гармонии с другими людьми;
- деятельностное – созидание материальных и духовных ценностей, основанное на самодетерминации; именно деятельность обеспечивает переход от статики размышлений и переживаний к процессу реализации своего Я, к реальным действиям.

Результаты

Эксперимент, проведенный по описанной выше схеме в течение 2000–2009-х годов, и эмпирические исследования в 2016–2017 гг. с современным контингентом респондентов выявили обнадежи-

вающие тенденции позитивных духовно-нравственных изменений в структуре мироощущения и социального самоопределения испытуемых участников.

Выводы

- В 2016–2017 гг. мироощущение и социальное самоопределение учащейся молодежи опосредуется мотивацией поиска свободы и справедливости, нарастанием патриотических устремлений, реализация которых связывается с позитивным образом будущей России.
 - Феномен Бессмертный полк актуализировал связь исторического прошлого России с ее будущим.
 - Наиболее значимые результаты проявились в характеристиках «социального обновления личности» (термин А. В. Шаронова), проявляющихся в желании развития у себя лидерских качеств, поиске возможности к самореализации в рамках учебной и внеучебной деятельности, активности в личном самосовершенствовании, работе над своими недостатками, переживаемыми комплексами.
 - Намечились позитивные тенденции в системе социальных установок. Наиболее приоритетными оказались следующие установки: стремление найти смысл жизни и объяснение собственных поисков; осознание собственной значимости: достаточно развитое отношение к себе, умение увидеть самое существенное и существенное в своей личности и жизни. Поражает психологическая точность самооценки и своеобразная культура самоанализа, близкая к уровню профессионального психолога; установка к позитивному изменению среды и социальной ситуации; чувствительность к позитивным изменениям в социальной среде; установка на готовность включения личности в трудную социальную среду; чувство причастности к социальному творчеству, побуждение к созданию нового; установка на успешность в деятельности; опыт правового поведения и т. д.; удовлетворенность жизнью.
- Эти данные о содержании самоопределения молодежи в довольно близки к выводам К. А. Абульхановой-Славской (1980), В. А. Кольцовой и А. Л. Журавлева (2016), В. Е. Семенова (2017), М. И. Воловиковой (2005) о моральном сознании как ведущей детерминанте в российском менталитете.
- Появились изменения в структуре ценностных ориентаций. Наиболее полно обозначилась ценность альтруизма: желание помочь

другим, беречь других людей. Но надо заметить, что пласт альтруистических ценностей обнаружился у молодых людей под влиянием «социального оазиса», а до тех пор он или не осознавался, или — хуже того — был противоположным.

- Расширились представления о добре и зле, о достойной и унижительной для человека жизни. Молодые люди отмечают, что им тесно и душно в обычных условиях жизнедеятельности (семья, школа, улица и т. д.). Они почти примирились с инертной, «серой» средой, не вдохновляющей их на высокую социальную активность и светлые надежды. Однако, оказавшись в благоприятной социальной среде, молодежь страстно желает позитивных изменений привычной среды и преобразует свое социальное самочувствие.
- Эксперимент подтвердил ранее выявленный факт сохранения и даже усиления полученного личностного «импульса» в последующие месяцы (и даже годы), т. е. проявление отсроченного эффекта воздействия.
- Как значимый результат духовно-нравственного обогащения мироощущения и социального самоопределения сложилась ориентация молодежи на развернутую статусно-позиционную структуру социального самочувствия, включающую удовлетворенность индивида своим положением в группе — авторитетом группы среди однопорядковых групп — авторитетом основной организации среди аналогичных организаций. Такая социальная ориентация молодежи выступает социально-психологическим механизмом ее включенности в «созидательную энергию надындивидуальных общностей».
- Произошли позитивные изменения и на поведенческом уровне, в деятельности, поступках. Молодые люди приобретают способность к быстрому включению в организацию совместной деятельности по достижению принятых целей. Успешно реализуют защиту собственных интересов и интересов других, используя при этом культурные способы дискуссии и общения, умение отстаивать свою позицию, разрешать конфликты, адекватно оценивать себя и других. В своих школах после возвращения из Центра многие из воспитанников становятся инициаторами и организаторами различных социально значимых начинаний.

Литература

Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980.

Беспалов Д. В. Специфика и пути актуализации молодежного лидерства в различных социальных средах (на примере вуза и всероссийского молодежного образовательного форума «Селигер») // Психология и современное российское образование (Москва, 8–12 декабря 2008 г.): Материалы IV Всероссийского съезда психологов образования России. М.: Федерация психологов образования России, 2008. С. 414–416.

Брушлинский А. В. Субъект: мышление, учение, воображение. М.—Воронеж, 1996.

Воловикова М. И. Представления русских о нравственном идеале. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.

Воловикова М. И., Тихомирова С. В., Борисова А. М. Психология и праздник: праздник в жизни человека. М.: Пер Сэ, 2003.

Дубровина И. В., Андреева А. Д., Данилова Е. Е. и др. Психологический мониторинг детей, родителей и учителей в районах радиоактивного загрязнения. Вып. 1. Мироощущение подростков и старшеклассников. М.: Ред.-изд. центр «Помощь», 1996.

Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Экономическое самоопределение: теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Кольцова В. А., Журавлев А. Л. Российский менталитет как предмет психологического исследования: сущностные характеристики и факторы формирования // Историогенез и современное состояние российского менталитета. Выпуск 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 7–37.

Краткий психологический словарь. Изд. второе, расширенное, исправленное и дополненное / Под общей ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. Ростов-н/Д.: Феникс, 1998.

Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.

Макаренко А. С. О воспитании. М.: Политиздат, 1988.

Олпорт Г. Личность в психологии. М.: КСП+, СПб.: Ювента, 1998.

Панов В. И. Психодидактика образовательных систем: теория и практика. СПб.: Питер, 2007.

Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Жу-

- Журавлев, М. И. Воловикова, Т. В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В. С. Степин. М.: Наука, 2007.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2003.
- Рубцов В. В. Социально-генетическая психология развивающегося образования: деятельностный подход. М.: Московский городской психолого-педагогический университет, 2008.
- Сарычев С. В., Лобков Ю. Л. Исследование мироощущения молодежных лидеров на рубеже XX–XXI веков // Личность и бытие: субьектный подход: Материалы научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А. В. Брушлинского, 15–16 октября 2008 г. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2008. С. 394–397.
- Семенов В. Е. Изменения в ценностях российской молодежи // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 2058–2065.
- Уманский Л. И. Психология организаторской деятельности школьников. М.: Просвещение, 1980.
- Фельдштейн Д. И. Приоритетные направления развития психолого-педагогических исследований // Бюллетень ВАК. № 6. 2005. С. 1–11.
- Феномен и категория зрелости в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Франкл В. Воля к смыслу. Пер. с англ. М.: Апрель-Пресс—Эксмо, 2000.
- Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992.
- Чернышев А. С., Лунев Ю. А., Лобков Ю. Л., Сарычев С. В. Психологическая школа молодежных лидеров. М.: Московский психолого-социальный институт, 2005.
- Чернышев А. С., Сарычев С. В., Лобков Ю. Л., Скурятин В. И. Социально одаренные дети: путь к лидерству (экспериментальный подход). Воронеж: Кварта, 2007.
- Шорохова Е. В., Зотова О. И., Новиков В. В. Особенности психологии крестьянства (Прошлое и настоящее). М.: Наука, 1983.

Ценностные ориентации молодежи в условиях макросоциальных преобразований

Н. А. Журавлева

Особое значение приобретает изучение ценностных ориентаций, установок и жизненных целей молодежи, поскольку именно они через некоторое время будут определять направление развития общества. Студенческая молодежь представляет собой социальную группу, которая в перспективе формирует основу экономической, политической и культурной элиты нации. С включением сегодняшних студентов, будущих профессионалов в экономическую жизнедеятельность общества их ценностные ориентации будут оказывать — а в некоторых случаях уже оказывают — огромное влияние на социально-экономическое развитие российского общества. Данное обстоятельство указывает на необходимость изучения структуры и динамики ценностного мира той части российского общества, которая воплощает черты будущего. Именно в молодежной среде формируется новый тип личности, который будет доминировать в будущем. Молодые люди составляют большинство представителей новых социальных групп. Многие молодые деятели возглавляют новые общественные и политические организации и могут влиять на общественно-политическую и духовную жизнь страны. Молодежь, в частности студенчество, — это поколение, ценности которого в ближайшем будущем будут в значительной степени определять направление развития всего общества.

Знание того, каких ценностей придерживается молодежь, дает возможность прогнозировать дальнейшие перспективы развития общества и в конечном итоге предвидеть и ближайшее, и весьма отдаленное будущее страны.

Цель данной работы — изучение динамики ценностных ориентаций современной молодежи, которое позволит глубже понять процессы социально-психологических изменений в российской культуре.

Характеристика морально-этических ценностных ориентаций молодежи в 1990–2000-е годы

Динамика социально-психологических феноменов представляет собой результат реально сложившейся формы взаимодействия социально-психологических и экономических переменных в конкретных условиях их функционирования (Журавлев, 1998). С повышением стандартов потребления в связи с общим кризисом, сопровождающим социально-экономическое реформирование российского общества, перед молодыми людьми особенно остро встают материальные проблемы. По мнению Т. В. Кулаковой, выявленное доминирование в структуре ценностного сознания учащейся молодежи ориентаций на экономическую безопасность отражает сохраняющееся с начала реформ кризисное состояние общества. Полученные данные свидетельствуют о характерной для массового сознания современной учащейся молодежи ориентации на ценности, которые связаны с фрустрацией потребности в экономической безопасности. Так, если тип ориентаций преимущественно на экономическую безопасность распространен среди 42% молодых людей, то тип личности, в первую очередь ориентированной на ценности социализации (семья, образование, карьера, друзья, хорошая работа), связанные с достижением определенного социального статуса, характеризует 33,9% учащихся, а направленность на ценности индивидуализации (саморазвитие и самореализацию) – лишь 1,7% (Кулакова, 2006).

Современные жизненные реалии подвергают нравственность молодежи серьезным испытаниям на прочность. В ходе опроса многие респонденты признают, что трудности, с которыми им приходится сталкиваться в разных сферах жизни, вынуждают их к серьезной «инвентаризации» ценностей. В результате большинство молодежи (55%) вынуждены признать, что их успех в жизни во многом зависит от умения вовремя «закрыть глаза» на собственные принципы и соглашаться с тезисом: «Чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступить моральные принципы и нормы». Противоположной точки зрения («Лучше не добиться успеха, но не переступить через нормы морали») придерживаются 44% молодежи. Около половины опрошенных резко негативно высказываются в отношении большинства поступков и явлений, которые принято считать неэтичными, и заявляют, что они никогда не могут быть оправданы (Грядун, 2009; Орлова, 2009).

Можно отметить следующие тенденции, характерные для ценностных приоритетов молодежи в 1990–2000-е годы. Молодые лю-

ди отмечали, что в современных условиях каждый человек, пытаясь выжить и самоутвердиться, удовлетворяет собственные потребности, ставя «личное» выше «коллективного». На смену коллективистско-патерналистскому сознанию, которое было характерно для старших поколений людей, в молодежной среде распространяется модель индивидуалистического утилитарного сознания западного типа (Шарова, 2004).

В молодежном сознании происходит стихийное формирование философии «практического индивидуализма». Система ценностей молодежи отличается ориентацией в большей степени на личные интересы, усилением эгоистических тенденций, безразличия в отношении Другого. Прагматизм большинства молодежи ведет к нарастанию в обществе эгоизма, цинизма и агрессивности (Баева, 2004; Воловикова, 2005а; Грядун, 2009; Манова, 2010; Мошкин, Руденко, 1994; Спиридонова, 2004).

Как в массовом сознании россиян в целом, так и в структуре ценностных ориентаций молодежи снижается роль духовных приоритетов, востребованность гуманистических ценностей и возрастает интерес к потребительским и экономическим. Целостность же общественной жизни состоит в единстве материальной и духовной деятельности. Нельзя не отметить, что узкоиндивидуалистический, эгоистический дух ведет к обеднению человеческих потребностей, подавляет чувства сопереживания, уважения к другим и к самому себе. Происходит эмоциональное отчуждение людей, что ведет к социальной разобщенности (Казанов, 2002; Шарова, 2004).

Результаты исследования, выполненного Л. Б. Осиповой, показали, что в иерархии ценностей подростков в целом снижался статус саморазвития, духовности, аккумулирующий высшие человеческие ценности. Достаточно интенсивно шел процесс «размывания» в сознании подростков таких норм нравственности, как доброта, милосердие, порядочность, честность, ответственность и др. Взамен этому демонстрировалось стремление самоутвердиться даже за счет ущемления интересов других людей (Осипова, 2006).

Данные исследования «Традиции и ценности молодежи», выполненного В. В. Орловой в 2007 г. в Томской области и г. Томск, свидетельствуют о том, что распространение среди молодежи настроений цинизма и равнодушия к идеалам в наибольшей степени ощущается в возрастной группе 17–19 лет, в которой склонность к цинизму отмечается чаще всего – 46% (34% среди 20–23-летних и 31% среди 24–26-летних опрошенных). Напротив, 69% представителей старшей молодежи уверены, что их сверстники тянутся к идеалам, поз-

воляющим прожить жизнь осмысленно (при 66% среди 20–23-летних и 54% среди 17–19-летних респондентов). Почти половина опрошенных в возрасте 17–26 лет (48%) согласилась с утверждением, что сегодня мы живем уже совсем в другом мире, отличном от прежнего, и многие традиционные моральные нормы уже устарели. Противоположной точки зрения придерживается 52% молодых людей, которые уверены, что основные моральные нормы не подвержены влиянию времени и всегда остаются актуальными и современными (Орлова, 2009).

Таким образом, коммерциализация взаимоотношений членов общества, размывание коллективистских принципов поведения серьезно дезориентировали молодых людей в системе приоритетов, девальвировали социальное значение простых норм нравственности (доброты, милосердия, бескорыстия, честности и др.). Политические, социально-экономические, идеологические изменения, имевшие место в российском обществе с начала 1990-х годов, в значительной степени отразились на формировании системы ценностных ориентаций молодежи, которая индивидуалистические и прагматические ценности стала принимать в качестве базовых и социально приемлемых, при этом традиционно нравственные ценности отошли на второй план. В сознании значительной части молодых людей утвердилось понимание того, что в современной действительности сложно преуспеть, если придерживаться нравственных норм (Потапов, 2002; Светлова, 2003).

В рассматриваемый исторический период наблюдалась тенденция к доминированию агрессивных поведенческих стандартов, сравнительная индифферентность к духовным и интеллектуальным ценностям, установка на особую престижность материального достатка и немедленное удовлетворение социальных запросов, но в то же время игнорирование государственных и общественных интересов и целей (Артюхович, 2002). Этому способствовала и доминирующая в средствах массовой информации тенденция замены коллективизма, общечеловеческих идеалов солидарности, взаимопомощи людей на крайний индивидуализм (Казанов, 2002; Матвеева, 2010). Вследствие пропаганды средствами массовой информации преимуществ потребительского образа жизни, индивидуалистического поведения разрушалась привлекательность нравственных идеалов, носителями которых выступали предыдущие поколения.

Зачастую ценности великой отечественной культуры, как народной, так и классической, вытеснялись из сознания молодых людей образцами массовой культуры, ориентированными, прежде всего,

на достижение стандартов «американского образа жизни». В период, когда финансово-экономическая составляющая страны находится в кризисном положении, материальное богатство в виде доминантой ценности стремится стать основой жизни общества, его первоочередной целью. Данная негативная тенденция может подталкивать российское общество и, соответственно, отдельную личность к забвению национальных традиций, выражающих духовно-нравственные устои, веками сохраняющие и организующие естественные социальные структуры, стабилизирующие жизнь этносов (Ераносов, 2010; Кузьмина, 2008). Рост «социального эгоизма» россиян становится серьезным препятствием для оптимизации модернизационного процесса (Артюхович, 2002).

Результаты исследования динамики ценностных ориентаций учащейся молодежи в российском обществе

Процесс формирования ценностных ориентаций – многоплановый, обусловленный многими социальными и психологическими факторами. основополагающими социальными факторами, влияющими на формирование ценностных ориентаций личности, являются макро- и микросоциальные условия жизни личности, а также ее социальные и профессиональные характеристики. Формирование различных структур сознания личности, в том числе ценностной структуры, в большой степени детерминировано теми макросоциальными условиями, в которых она осуществляет свою жизнедеятельность (Абульханова, 1997; Абульханова, Воловикова, 2007; Воловикова, 2012а; Гамова, Сарычев, 2010; Дроздов, Логвинов, 2006; Елизаров, 2008; Позняков, 1997; Журавлев, 2011б; Журавлева, 2009б, 2017; Кольцова, Олейник, 2013; Российская деловая культура..., 1998; Современная социальная реальность..., 2014; Чернышев, Сарычев, 2008; Чернышев, Сарычев, Елизаров, 2015; Юревич, 1999; Юревич, Журавлев, 2014; Хашенко, 2007). Когда в обществе трансформируются социально-экономические условия, люди изменяют свои приоритеты в ценностных ориентациях, адаптируясь к новой социальной среде (Абульханова, 2013; Воловикова, 2005б, 2012б; Журавлев, 1996, 2006; Журавлева, 2016; Зубова, Ивашенко, 2010; Карнышев, 2016; Мангалаева, Макарова, 2013; Семенов, 2011; Юревич, 2009, 2016). На основе жизненного опыта личности, перестройки ее жизненных планов и взаимоотношений с окружающей социальной действительностью происходит переоценка человеком системы своих ценностей.

Модернизация экономической и политической сфер общества и социальной структуры российского социума изменила многое в представлениях о жизненном успехе, о том, какие цели необходимо перед собой ставить и какими средствами для их достижения руководствоваться. Выполненное нами исследование показало, что в условиях социально-экономических реформ в сравнении с другими социальными группами респондентов наиболее динамичными были структуры ценностных ориентаций учащейся молодежи (старших школьников и студентов), что объясняется в целом высокой подвижностью системы их жизненных ценностей, связанной с продолжением ее активного формирования на данном возрастном этапе развития личности (Журавлева, 2011).

Для изучения ценностных ориентаций личности нами применялся адаптированный вариант методики М. Рокича «Ценностные ориентации». Для оценки динамики ценностных ориентаций в конкретные исторические периоды был использован метод поперечных срезов. Исследовательские срезы осуществлялись каждые 2–3 года в течение 12 лет в относительно спокойные в социально-экономическом плане периоды (не раньше чем через 1 год после острых экономических кризисов): в 1994, 1997, 1999, 2001, 2003 и 2006 гг.

При планировании эмпирического исследования учитывалась в первую очередь интенсивность изменений социально-экономических условий в обществе. Состояние ценностных ориентаций личности впервые было зафиксировано осенью 1994 г. после острого социально-экономического кризиса 1992–1993 гг., далее в период, отличавшийся более высокой по сравнению с первым экономической стабильностью, осенью 1997 г. Третий исследовательский срез был сделан примерно через год после экономического дефолта августа 1998 г. — осенью 1999 г. Четвертый исследовательский срез был выполнен весной 2001 г. в условиях относительной экономической стабилизации. Пятый и шестой были осуществлены осенью 2003 г. и осенью 2006 г. в период наметившегося экономического роста. Сравнительный анализ ранговых структур ценностных ориентаций личности в разные исследовательские срезы был выполнен с помощью *t*-критерия Стьюдента. В исследовании принимали участие школьники 10–11-х классов г. Москвы и студенты московских высших учебных заведений общей выборкой 1020 чел. (Журавлева, 2009а).

Основываясь на данных, полученных в результате шести исследовательских срезов, в динамике ценностного сознания студенческой молодежи можно выделить следующие тенденции.

По сравнению с серединой 1990-х годов (1994 г. и 1997 г.) к 2006 г. более выраженными стали ориентации студентов на социальную ответственность: значительно более значимой с 2003 г. стала ценность семьи (с 4-го места она передвинулась на 2-е) и с 2006 г. — собственно ответственность, которая вошла в пятерку наиболее важных ценностей-средств, переместившись с 10-го на 5-е место (рисунок 1). В новых социально-экономических условиях в структуре жизненных приоритетов студентов возросла значимость делового успеха и экономических ценностей. К 1997 г. достоверно более высоким стал ранговый вес ценности образованности (сохранилось 1-е место), в 1994–1999 гг. возрос приоритет предприимчивости (с 11-го она переместилась на 3-е место), в период с 1994 по 2001 г. — ранговый вес терминальной ценности богатства (с 14-го на 9-е место) и собственности как инструментальной ценности (с 18-го на 12-е место), а также после дефолта 1998 г. ценность эффективности в делах переместилась с 13-го на 10-е место.

За прошедшее десятилетие, с середины 1990-х годов (1994–1997) по 2006 г., более низкие ранговые позиции в иерархии ценностных ориентаций студентов стали занимать этические ценности: в 1994–2001 гг. ценность воспитанности с 6-го рангового места опустилась на 12-е, после кризиса 1998 г. честность с 3-го места передвинулась на 4-е, самоконтроль — с 5-го места на 8-е (рисунок 2). В период 1994–2003 гг. менее значимой для студентов стала творческая самореализация: ценность творчества с 8-го места переместилась на 13-е, широта взглядов — с 9-го на 14-е место. После дефолта 1998 г. в структуре инструментальных ценностей студентов снизился ранговый вес самоутверждения: ценность независимости переместилась с 4-го ранга на 6-й.

Таким образом, в период социально-экономических изменений в российском обществе с 1994 по 2006 г. выявлено смещение акцентов в ценностном сознании студентов с направленности на творческую самореализацию, самоутверждение и этические ценности к ориентации на социальную ответственность, достижение делового успеха и экономические ценности. Происходит переориентация с общественных проблем на личные; коллективизм (значимость этических ценностей) постепенно сменяется индивидуализмом (ориентацией на прагматические ценности, достижение делового успеха); наблюдается возрастание значимости материальных ценностей (высокого материального благосостояния и в целом экономических ценностей) и снижение приоритета духовных (личностного роста, самореализации, самоутверждения).

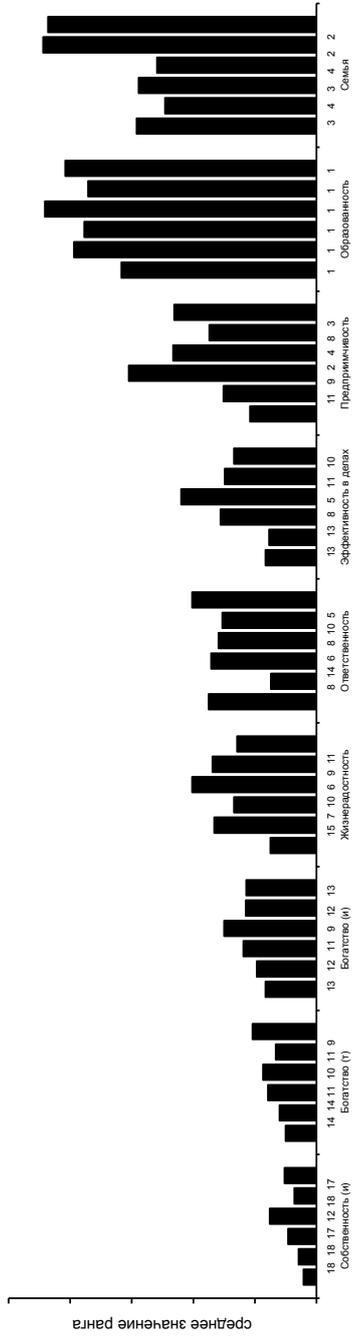

Рис. 1. Динамика ценностных ориентаций студентов, значимость которых возросла в период с 1994 по 2006 г.

В столбце 1 показана значимость ценности в 1994 г., в столбце 2 — 1997 г., в столбце 3 — 1999 г., в столбце 4 — 2001 г., в столбце 5 — 2003 г., в столбце 6 — 2006 г.

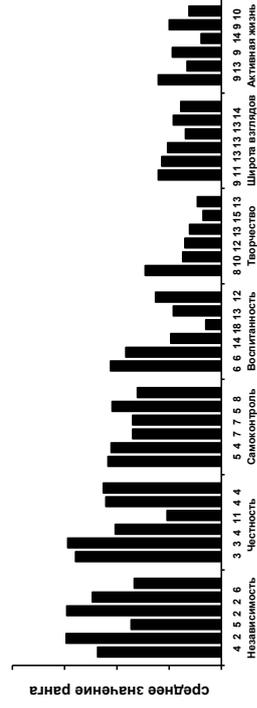

Рис. 2. Динамика ценностных ориентаций студентов, значимость которых снизилась в период с 1994 по 2006 г.

В столбце 1 показана значимость ценности в 1994 г., в столбце 2 — в 1997 г., в столбце 3 — в 1999 г., в столбце 4 — в 2001 г., в столбце 5 — в 2003 г., в столбце 6 — в 2006 г.

Тем не менее из средства развития личности деньги не превращаются в самоцель. Экономические ценности подчинены жизненным установкам, направленным на поиск сферы самореализации, а также стремлению жить в достатке и обеспечить свою семью. При этом богатство вошло в число ведущих десяти жизненных целей учащейся молодежи. Богатство воспринимается молодыми людьми как условие большей свободы выбора, удовлетворения разнообразных потребностей, социального престижа и власти. Материальные ценности стали определять не только содержание и способ реализации основных потребностей, но и образование, жизненные планы, взаимоотношения, этические нормы и даже критерии личностной зрелости. По результатам нашего исследования, в целом возрастание для личности значимости денег сопровождается снижением в иерархии ценностных приоритетов ориентаций на творчество, познание, общение с друзьями и честность (Журавлева, 2012).

По нашим данным, большое значение для адаптации в современном обществе стали иметь предприимчивость, прагматизм, рациональность, инициативность, энергичность, твердая воля, ответственность, эффективность в делах. Однако система терминальных ценностей молодых россиян во многом сохраняет традиционную структуру. Приоритетными целями по-прежнему остаются семья, любовь, общение с друзьями, материальный достаток, работа-карьера, свобода. В первую десятку инструментальных ценностей опрошенных входят, с одной стороны, нравственные ценности честности и терпимости, а с другой — волевые и деловые качества, характеризующие способность решительно действовать в сложных социальных и экономических ситуациях: твердая воля, предприимчивость, ответственность, эффективность в делах. Опору в реализации жизненных целей молодые россияне видят, прежде всего, в ориентации на собственные силы и инициативу. Новые жизненные идеалы стали символом прагматико-ориентированного общественного сознания. При этом традиционно российские ценностные ориентации, обладающие духовно-нравственным содержанием (взаимопомощь, сострадание, дружба), во многом сохраняются в сознании в качестве базовых.

Ценностные ориентации современной личности формируются в процессе адаптации к условиям жизни. Новый тип личности, постепенно складывающийся в современной России, предъявляет определенные требования к социальным качествам личности: ориентирует на индивидуализм, приоритет частного интереса, расчет на собственные силы, инициативу, предприимчивость, ценность бо-

гатства как цели, ориентацию на максимальные достижения в труде и личный успех. В целом можно отметить, что личность становится более практичной и прагматичной. Эти ценности и качества личности позволяют адаптироваться к конкурентной социальной среде. Чтобы занять достойное место в жизни, необходимо обладать социальной активностью, целеустремленностью и предприимчивостью, способностью находить оптимальные решения в нестандартных ситуациях, иметь в разумной мере индивидуалистические установки, ориентацию на себя, потребность в жизненных достижениях и успехе, обладать рациональным и прагматическим отношением к жизни. Эти качества помогают добиться материального успеха, но часто вступают в противоречие с общественными нормами и ценностями, не соответствуют общепринятым морально-нравственным образцам, противоречат многовековым традициям духовной культуры, сложившейся в российском обществе.

Стремление личности к материальному достатку в ущерб многим духовным ценностям, возможно, является следствием глубинных процессов, ведущих к трансформации всей системы ценностных ориентаций личности: повышению индивидуализма, соревновательности и стремления к личному успеху. При этом современная молодежь, в частности студенты, во многом сохраняют традиционную ценностно-ориентационную базу и ставят ценности эмоционального самоопределения выше ценностей материального комфорта.

Система нравственного воспитания как условие становления морально-этических ценностей молодежи

В современной России наметилась устойчивая тенденция смены социокультурной системы ценностей. Уже сейчас необходимо предпринимать меры по сохранению и воспроизводству тех духовно-нравственных ценностей россиян, которые всегда выгодно отличали их от представителей иных культур (Арефьев, 2007). Задача дальнейших исследований состоит в формировании научно обоснованной системы воспитания человеческих качеств, соответствующей традиционным ценностям российской культуры и современной цивилизации.

Система ценностей личности формируется в процессе социализации путем интериоризации — присвоения общественно-политических, нравственных, эстетических идеалов (продуктов общественного опыта и культуры), характерных для данных социальных общностей. Ее формирование происходит по мере усвоения соци-

ального опыта в процессе воспитания и обучения. Отношение к различным жизненным сферам формируется у человека благодаря информации, которую он получает в процессе обучения. Воспитание, в свою очередь, выполняет роль направляющей силы в формировании интересов, ценностных ориентаций ребенка, направляет развитие потребностей, мотивационной сферы. В процессе воспитания развиваются деловые, эмоционально-чувственные, интеллектуальные, общественно-политические, нравственные, эстетические качества личности, формируются ценностные ориентации, соответствующие общественным идеалам.

Совокупность свойств, качеств человека определяется, прежде всего, свойствами и качествами той социальной среды, в которой он развивается. Следовательно, совершенствование личности, ее ценностные ориентации зависят от дальнейшего прогресса общественных отношений в результате идеологической, воспитательной деятельности общества, которая носит целенаправленный, сознательный характер. Эта большая и сложная задача может быть успешно решена только на основе действительно научных рекомендаций, разработанных совместно философами, социологами, экономистами, психологами, педагогами.

Молодежь и ее развитие определяют векторы дальнейшей социокультурной динамики всего общества. Поэтому ценностное управление должно быть ориентировано прежде всего на молодежь. Одним из ключевых факторов является система образования, способная привить определенную систему моральных ценностей (Сысоева, 2006; Манова, 2010).

Система ценностных ориентаций определяет направленность деятельности личности, уровень ее социального творчества и нравственной зрелости, способность и готовность стать социально активным субъектом общественного бытия (Осипова, 2006). Подростковый и юношеский возраст является тем периодом, когда развиваются и формируются психологические структуры, обеспечивающие зрелость личности. Речь идет о становлении самосознания, интенсивно складывающейся системы ценностных ориентаций, идеалов, убеждений. Центральным в процессе личностного становления в этом возрасте является нравственное развитие.

Морально-нравственное развитие представляет собой чрезвычайно сложный и многогранный процесс. Оно включает в себя формирование моральных ценностей, убеждений, представлений, усвоение детьми основных нравственных понятий и категорий, становление нравственного самосознания и т. д. Усвоение детьми содержания

нравственных понятий является важной стороной их морально-нравственного развития. Нравственные категории и нормы выступают эталоном, критерием для оценки себя, окружающих, построения отношений с людьми. В подростковом возрасте формируется образ идеального Я ребенка и его самооценка. Под углом зрения ценностей, зафиксированных в идеальном Я, ребенок начинает оценивать себя и других, поэтому важным моментом воспитательной работы является формирование идеалов подростка (Светлова, 2003).

Усваивая нравственные нормы, ребенок знакомится с содержанием нравственности как таковой и имеет возможность самоопределиваться, выбирая ту или иную нравственную позицию. Знание нравственных принципов и норм в психологии традиционно рассматривается как важная составляющая нравственного сознания личности. Именно наличие этих обобщенных нравственных принципов и законов делает поведение человека по-настоящему нравственным. Для воспитателей, родителей и учителей задача нравственного воспитания молодежи в возрасте 14–17 лет состоит в том, чтобы формировать целостное мировоззрение учащихся, в котором нравственность выступает неотъемлемым компонентом.

Нравственное развитие способно осуществляться хаотично, но высшего его уровня можно достичь только целенаправленными воспитательными усилиями. В зависимости от особенностей воспитания обнаруживается разная степень выраженности составляющих направленности личности, уровня ее нравственного развития. С повышением уровня нравственной воспитанности наблюдаются изменения в ценностных ориентациях и мотивации личности. Чем выше уровень нравственной воспитанности, тем более личность ориентирована на духовные ценности, творчество и мотивирована альтруистически. Социально дезадаптированной молодежи, нравственным воспитанием которой долгое время никто целенаправленно не занимался, в меньшей степени присущи альтруистические мотивы поведения, характерна доминирующая направленность на дело, низкие показатели самоотношения, большая экстернальность в области достижений и интернальность в области неудач. У социально адаптированных юношей и девушек, обучавшихся основам этики, доминирующей является ориентация на творчество, довольно высокая ориентированность на дело, интернальность в области достижений, высокая склонность к сотрудничеству (Бровченко, 2004).

Дальнейшее прогрессивное развитие общества предполагает повышение удельного веса творческого потенциала, что еще раз под-

черкивает значимость и необходимость разработки комплексных программ ценностного воспитания молодежи. Именно креативность личности, в первую очередь, определяет успех в профессиях, связанных с созданием принципиально нового, оригинального продукта, с совершением открытий. Рассматривая связи психологических свойств населения и экономических показателей развития страны, А. Л. Журавлев (2011а) подчеркивает высокую значимость формирования креативности как психологического свойства в рамках образовательной системы.

Уровень нравственной воспитанности выше у людей творческих. Это значит, что развитие творческих способностей в процессе воспитания отчасти может способствовать и нравственному развитию, но не гарантировать его, если акцент делать только на нем. Воспитательные системы, ориентированные на развитие как творческих способностей, так и альтруистической мотивации поведения и духовных ценностей, служат формированию нравственной личности.

Таким образом, нравственное воспитание приводит к формированию четко выраженной нравственной направленности личности, которая проявляется в ее ориентации на высшие духовно-нравственные ценности, лежащие в основе альтруистической мотивации деятельности и предпочтении в основном творческой деятельности.

Воспитательные программы должны включать комплексное воздействие на все три составляющие направленности — мотивационную, ценностную и деятельностную, на их гармоничное развитие. Интериоризация нравственных ценностей включает несколько последовательных этапов, в результате прохождения которых информация нравственного содержания усваивается личностью, приобретает мотивационную действенность (Бровченко, 2004).

В период активного социального становления личности (13/14–16/17 лет) необходимо проводить различного рода мероприятия, способствующие ознакомлению с общечеловеческими ценностями, осознанию общественных и индивидуальных ценностных приоритетов, расширению сферы ценностных предпочтений. Большое значение имеет работа по сплочению членов группы и формированию положительного психологического микроклимата в ней (Дюдокина, 1998). Для молодежи подросткового и юношеского возраста рекомендуются тренинги общения, личностного роста и нравственного прогнозирования, способствующие развитию адаптивно-приспособительных свойств личности и улучшению положения в системе межличностных взаимоотношений.

Значение системы нравственного воспитания молодежи для перспектив социально-экономического и социокультурного развития общества

Проблема нравственного воспитания подрастающего поколения является одной из важнейших, так как будущее народа определяется уровнем сознания и нравственными устоями людей, вступающих во взрослую самостоятельную жизнь. Несмотря на то, что ценности личности в целом меняются на различных этапах развития, многие из них, сформировавшись в подростковом возрасте, остаются устойчивыми на протяжении всей жизни. От того, какие ценности усвоит молодежь, во многом зависит перспектива социально-экономического, социально-политического и социокультурного развития общества.

Для своего дальнейшего развития общество нуждается в формировании самоактуализирующейся личности с устойчивой системой смысложизненных ценностей, способной к высоким профессиональным достижениям, в специалистах, характеризующихся высоким уровнем нравственной культуры. Таким образом, в центре внимания должна находиться культурно-нравственная сторона образования, единство профессионализма и нравственности как основы формирования гуманистического общества, способного при самом интенсивном техническом развитии не терять нравственных ориентиров. Высокая нравственная культура увеличивает эффективность труда, развивает человека (Казанов, 2002).

От того, какие ценности и ориентиры будут культивироваться в обществе, и от того, каких принципов, норм и ценностей придерживается молодежь, во многом зависит успех предпринимаемых в стране попыток выхода из кризиса. Пристальное внимание к системе духовно-нравственных ценностей, возрождение, культивирование и развитие вековых духовно-нравственных традиций способны обеспечить необходимое стабильное существование и развитие общества как единого социального организма. Обращение всего социума к исконному, фундаментальному, традиционному культурному наследию России является продуктивным направлением преодоления большинства негативных процессов и явлений, происходящих в стране (Адева, 1995; Гусарова, 2005; Ераносов, 2010; Сидорова, 2010).

Неотъемлемым условием позитивного существования и развития современного российского социума является сохранение традиций, выражающихся в обществе посредством сложной системы

моделей и стереотипов жизненного поведения, духовной и нравственной практики народа, существующих в современном социокультурном пространстве в качестве неоценимого духовно-нравственного опыта. Важно сохранить и укрепить общую ориентацию российских граждан на совокупность базовых нравственных ценностей, которые способны выступить единым духовным консолидирующим началом.

От характера ценностей, которыми руководствуется молодежь при выборе жизненных стратегий, от мировоззренческих установок молодежи зависит не только ближайшее будущее российского государства, но и будущее цивилизации, поэтому необходимым и актуальным является своевременное изучение ценностных ориентаций молодежи, разработка системы формирования ее нравственной культуры. В современных условиях очень важно осуществлять объективный анализ реального состояния тенденций духовно-нравственной жизни молодых россиян, усилиями ученых выработать концепцию нравственного воспитания молодежи, учитывающую ее жизненные реалии и потребности, способствующую развитию культуры личности.

Поворот сознания молодежи в сторону нравственного идеала в сочетании с такими качествами, как инициатива, деловая активность, трудолюбие, стремление к профессиональному и интеллектуальному росту, является основной проблемой формирования современного нравственного сознания и современной нравственной культуры в целом. В концепции национальной безопасности Российской Федерации провозглашено укрепление и сохранение нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма в качестве основных национальных интересов в духовной сфере бытия современного общества и личности. Являясь важнейшим духовным ориентиром, патриотизм призван воспитывать и развивать в человеке стремление к высоким духовно-нравственным идеалам посредством активно-деятельностной самореализации каждой личности на благо государства. Наиболее ярким проявлением патриотизма является искренняя любовь к своему Отечеству, знание традиций своего народа и уважение к ним (Ераносов, 2010).

Как никогда остро стоит проблема формирования одухотворенной, гармонически развитой личности с устойчивыми нравственными ориентирами, воспитания у молодых людей высоких гражданских качеств, чувства нравственного долга и ответственности за будущее страны и своего народа. Конечной целью воспитания выступает человек с высоким уровнем самоуважения, чести и достоинства, способный нести ответственность за свои решения и перед самим собой,

и перед другими людьми. В качестве определенного заслона на пути распространения чисто прагматического подхода к жизни можно поставить воспитание чувств красоты и справедливости (Артюхович, 2002; Казанов, 2002; Сагеева, 2009).

Одной из наиболее важных социальных задач является ценностное воспитание молодежи. Формирование личностной системы ценностей, ценностных ориентаций происходит в результате воздействия на личность различных факторов, среди которых наиболее значимыми являются семья, образовательные структуры, средства массовой информации. Данная задача должна решаться совместными усилиями всех агентов социализации: семьи, школы, учебных заведений, формальных молодежных организаций. Нельзя переоценить в этой области и возможности государственной молодежной политики (Гусарова, 2005). Гуманизация образования является не только фактором формирования общей культуры личности, но и в значительной степени – средством формирования ее нравственной культуры.

Средства массовой информации в современной России играют все более и более значимую роль в вопросах формирования ценностей и выступают одним из значимых факторов формирования ценностных ориентаций молодежи. В частности, электронные СМИ заполняют значительную часть досуга молодежи, а следовательно, выступают как важнейший инструмент формирования духовного мира, культурных ценностей, социальных установок (Петченко, 2007).

Исследования факторов формирования ценностных ориентаций молодежи позволяют констатировать приоритетность воздействий средств массовой информации в бюджете свободного времени населения, которые не только информируют, но и воспитывают, развлекают, обучают, изменяя строй мышления, стиль восприятия, а также тип культуры. Именно просмотр телепередач является наряду с общением наиболее распространенным видом досуговой самореализации. Во многом молодежная субкультура просто повторяет телевизионную субкультуру (Максимов, 2008; Брик, 2009).

Возрастающее влияние средств массовой коммуникации – процесс, характерный для современного мира в целом. Постоянное развитие технических средств и каналов массовой коммуникации, их всеобъемлющий характер сделали их основными трансляторами социальных и культурных ценностей, фактически заменившими такие традиционные институты социализации, как семья, школа, общественные организации (Полуэхтова, 1997). Средства массовой коммуникации воздействуют на массовое сознание, широко распространяя и популяризируя определенные социокультурные об-

разцы, стили жизни и нормы поведения, моделируя идеальный образ реальности, к которому необходимо стремиться.

Исследования развития ценностного сознания позволяют выявить усиливающееся воздействие рекламы на процесс социализации современной молодежи, а также значительную ее роль в трансформации ценностей подрастающего поколения, в становлении и укреплении социально-позитивных гражданских и нравственных качеств молодежи (Брик, 2009). Содержание рекламных образов, формируемых средствами массовой информации, должно создавать для молодежи образцы достойного поведения, которые соответствовали бы общественным интересам и потребностям.

В современном мире массовая коммуникация является тем видом управляющей деятельности, которая осуществляет формирующее воздействие на систему ценностей как отдельного индивида, так и общества в целом. Средства массовой коммуникации оказывают и положительное, и отрицательное воздействие на современное молодое поколение и общество в целом. Они существенно влияют на формирование эстетических и нравственных ценностей молодежи. Необходимо разработать принципы и методы работы средств массовой коммуникации с молодежью для формирования у подрастающего поколения более высокого уровня культуры.

Необходимо использовать доступность телевидения и с его помощью положительно воздействовать на формирование нравственности. Данные многочисленных исследований показывают, что свободное время большинство россиян проводят либо за телевизором либо за чтением газет и журналов (Муталова, 2009). С учетом этого необходимо, чтобы средства массовой коммуникации выступали в качестве источника информации, формирующей общечеловеческие ценности.

Усилия средств массовой информации, интеллигенции, направленность воспитательного процесса в целом должны способствовать созданию в обществе благоприятной среды, при которой престижными будут такие личностные качества, как порядочность, достоинство, патриотизм, профессионализм, уважение к старшим, осознание ответственности за себя и близких.

Заключение

Масштабные преобразования в экономике, политике, образе жизни населения влекут за собой значительные изменения в ценностных ориентациях личности. Трансформации общественных отношений

в первую очередь проявляются в молодежной среде, так как в силу возрастных, психологических и социальных особенностей молодежь является самой восприимчивой социальной группой, индикатором всех положительных и отрицательных процессов, происходящих в обществе. Ценностные ориентации молодых людей находятся в процессе формирования, а сформировавшись, требуют еще некоторого времени для обретения устойчивости, в связи с чем испытывают большую зависимость от различных внешних факторов. В период активного формирования устойчивого мировоззрения, нравственного сознания, становления ценностной иерархии молодежь с большей легкостью, чем представители более старших поколений, принимает и усваивает все новое в культуре.

В связи с проведением экономических преобразований и становлением рыночных отношений существовавшие ранее ценностные приоритеты отошли на второй план, уступив лидирующие позиции экономическим и материальным ценностям. При этом молодые россияне адаптируются к изменившейся реальности, сохраняя основной каркас своих ценностей и стереотипов. Базовые духовные ценности, связанные с российским социокультурным архетипом (коллективизм, приоритет духовного над материальным и т. п.), в целом не изменились. При определенных условиях прежние ценности могут снова актуализироваться и в измененном, преобразованном виде вновь начать играть важную роль.

Литература

- Абульханова К. А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологические подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 7–37.
- Абульханова К. А. Личность во времени человеческой культуры // Вестник Красноярского гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева. 2013. № 3. С. 40–53.
- Абульханова К. А., Воловикова М. И. Психосоциальный и субъектный подходы к исследованию личности в условиях социальных изменений // Психологический журнал. 2007. № 5. С. 5–14.
- Адеева И. В. Ценностные ориентации молодежи и характер их изменений в современном российском обществе. Теоретико-методологический аспект социологического анализа: Дис. ... канд. социол. наук. М., 1995.
- Арефьев И. А. Предпринимательство как фактор трансформации социокультурных ценностей общества: социально-философский анализ: Дис. ... канд. филос. наук. Ростов-н/Д., 2007.

- Артюхович Ю. В. Нормативно-ценностная модель личности в социальной динамике: Дис. ... докт. филос. наук. Ставрополь, 2002.
- Баева Л. В. Ценности изменяющегося мира: Экзистенциальная аксиология истории. Астрахань: Астрах. гос. ун-т, 2004.
- Брик Л. В. Структура ценностных ориентаций молодежи: анализ факторов формирования и развития: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2009.
- Бровченко А. К. Зависимость формирования направленности личности в процессе интериоризации нравственных ценностей от особенностей воспитания в юношеском возрасте: Дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2004.
- Воловикова М. И. Представления русских о нравственном идеале. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005а.
- Воловикова М. И. Социальные представления о нравственном идеале в российском менталитете: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2005б.
- Воловикова М. И. История и современное состояние исследований в лаборатории психологии личности Института психологии РАН // Современная личность: Психологические исследования / Отв. ред. М. И. Воловикова, Н. Е. Харламенкова. М., 2012а. С. 59–76.
- Воловикова М. И. История, современное состояние исследований и перспективы развития психологии личности // Психологический журнал. 2012б. Т. 33. № 1. С. 20–29.
- Гамова Е. И., Сарычев С. В. Социально-психологические аспекты мироощущения российских подростков и старшеклассников // Психология образования: социокультурный ресурс. М.: Общероссийская общественная организация «Федерация психологов образования России», 2010. С. 206–208.
- Грядунов М. В. Социокультурная регуляция морально-нравственных ценностей студенческой молодежи в современной России: Дис. ... канд. социол. наук. М., 2009.
- Гусарова М. А. Ценностные ориентации современной российской молодежи: на примере Краснодарского края: Дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2005.
- Дроздов С. В., Логвинов И. Н. Мотивация студенческих лидеров как фактор повышения эффективности информационной образовательной среды в вузе // Вестник Моск. городского пед. ун-та. 2006. № 7. С. 66–67.
- Дюдюкина Л. А. Влияние групповых отношений на ценностные ориентации старших школьников: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1998.

- Елизаров С. Г.* Теоретические аспекты изучения мотивационно-ценностной включенности малой группы в социальную систему. Курск: Курский гос. ун-т, 2008.
- Ераносов О. И.* Духовно-нравственные традиции в контексте ценностных ориентаций личности в современном российском обществе: Дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2010.
- Журавлев А. Л.* Социально-психологические проблемы детерминации поведения личности и группы в изменяющемся обществе // Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996. С. 3–21.
- Журавлев А. Л.* Взаимодействие социально-психологических и социально-экономических феноменов в изменяющемся обществе // Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М., 1998. С. 11–37.
- Журавлев А. Л.* Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011а.
- Журавлев А. Л.* Современные тенденции развития социальной психологии в России // Знание. Понимание. Умение. 2011б. № 4. С. 20–28.
- Журавлева Н. А.* Современные тенденции в ценностных ориентациях российской молодежи // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2011. № 3. С. 139–146.
- Журавлева Н. А.* Динамика ценностных ориентаций личности в условиях макросоциальных изменений // Макропсихология современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009а. С. 207–278.
- Журавлева Н. А.* Экономическое сознание предпринимателей в современном российском обществе // Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы / Под общ. ред. А. Д. Карнышева. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009б. С. 278–283.
- Журавлева Н. А.* Современные тенденции в ценностных ориентациях российской молодежи // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2011. № 3. С. 139–146.
- Журавлева Н. А.* Экономико-психологические характеристики личности с разным типом ценностных ориентаций // Психологический журнал. 2012. № 6. С. 34–49.
- Журавлева Н. А.* Влияние социально-экономических изменений на мотивационно-ценностную структуру личности и социальной группы // Пензенский психологический вестник. 2016. № 1. С. 2–18.

- Журавлева Н. А.* Ценностные ориентации личности в условиях улучшения экономической ситуации в российском обществе в 2003–2006 гг. // Гуманитарный научный вестник. 2017. № 4. С. 9–17.
- Зубова Л. В., Иващенко А. В.* Психологические особенности ценностных ориентаций подростков с различной направленностью личности. Оренбург, 2010.
- Казанов Х. М.* Трансформация ценностных ориентаций в современном российском обществе: Дис. ... докт. филос. наук. Нальчик, 2002.
- Карнышев А. Д.* Проблемы и ресурсы формирования патриотизма в регионах Сибири и Дальнего востока // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2016. Иркутск: Байкальск. гос. ун-т, 2016. С. 70–83.
- Кольцова В. А., Олейник Ю. Н.* Историческое сознание личности как компонент ментальности поколения // Информационный гуманитарный портал Знание. Понимание. Умение. 2013. № 6. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/6/Koltsova-Oleinik_Historical-Consciousness (дата обращения: 06.10.2017).
- Козьмина О. А.* Ценностные ориентации работающей молодежи в современной России: Дис. ... канд. социол. наук. Ставрополь, 2008.
- Кулакова Т. В.* Ценностная структура массового сознания учащейся молодежи в транзитивном обществе: региональный аспект: Дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2006.
- Максимов С. В.* Ценностные ориентации современной российской студенческой молодежи: социально-философские аспекты: Дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2008.
- Мангалаева Л. М., Макарова А. П.* Особенности ценностных предпочтений и морального выбора у студентов // Современные наукоемкие технологии. 2013. № 7–2. С. 147–149.
- Манова М. В.* Влияние ценностей предпринимательства на культуру трансформирующегося общества: социологический анализ: Дис. ... канд. социол. наук. М., 2010.
- Матвеева Н. А.* Влияние телевидения на формирование ценностных ориентаций подростков и пути преодоления его негативных последствий: Дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2010.
- Мошкин С. В., Руденко В. Н.* За кулисами свободы: ориентиры нового поколения // Социологические исследования. 1994. № 11. С. 82–88.
- Муталова Г. М.* Ценностные ориентации и предпочтения в повседневной жизни горожан: Дис. ... канд. социол. наук. Уфа, 2009.
- Орлова В. В.* Ценностные приоритеты молодежи в Сибирском регионе // Социологические исследования. 2009. № 6. С. 95–99.

- Осинова Л. Б.* Взаимодействие факторов формирования системы ценностных ориентаций школьников старшего подросткового возраста: Дис. ... канд. социол. наук. Тюмень, 2006.
- Петченко Т. С.* Роль средств массовой информации в формировании ценностных ориентаций современной российской молодежи: Дис. ... канд. социол. наук. Ставрополь, 2007.
- Позняков В. П.* Социально-психологические отношения в трудовом коллективе в условиях изменения форм собственности // Совместная деятельность в условиях организационно-экономических изменений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. С. 91–103.
- Полуэхтова И. А.* Американские фильмы как фактор социализации молодежи в России 90-х годов // Социальные изменения в России и молодежь. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 1997. Вып. IX. С. 57–81.
- Потапов В. П.* Моральные ценности российской молодежи: Содержание, факторы и тенденции изменений (по материалам социологических исследований 70–90-х гг. XX в): Дис. ... докт. социол. наук. М., 2002.
- Российская деловая культура: история, традиции, практика. М.: Международный центр научно-технической информации, 1998.
- Сагеева Е. Р.* Ценностная направленность в континууме «Я–не Я» и ее связь с социально-психологическими характеристиками личности: Дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2009.
- Светлова Н. В.* Особенности ценностных ориентаций и нравственного самосознания учащихся средней школы: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2003.
- Семенов В. Е.* Духовно-нравственные ценности и воспитание как важнейшие условия развития России // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 5. С. 92–96.
- Сидорова Н. В.* Онтологические основания ценностей и ценностных ориентиров: Дис. ... канд. филос. наук. Якутск, 2010.
- Современная социальная реальность России и государственное управление. Т. 1. М.: Институт социально-политических исследований РАН, 2014.
- Спиридонова В. А.* Проблема ценностей в социологии: Историко-теоретический аспект: Дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2004.
- Сысоева Г. А.* Духовные ценности российской молодежи как фактор социального управления: социологический анализ: Дис. ... канд. социол. наук. Пятигорск, 2006.
- Хашченко В. А.* Типология субъективного экономического благополучия // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 1. С. 58–69.

- Чернышев А. С., Сарычев С. В.* Изучение динамики мироощущения подростков и юношей в изменяющейся России (на рубеже XX–XXI вв.) (основы теоретического и экспериментального подходов) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2008. № 3. С. 85–93.
- Чернышев А. С., Сарычев С. В., Елизаров С. Г.* К вопросу о перспективах отечественной психологии в решении задач российского общества // Психологический журнал. 2015. № 2. С. 113–119.
- Шарова Е. Б.* Формирование ценностных ориентаций студентов в период обучения в высшем учебном заведении: Дис. ... канд. социол. наук. Тюмень, 2004.
- Юревич А. В.* Психологические особенности российской науки // Вопросы философии. 1999. Т. 53. № 4. С. 11–23.
- Юревич А. В.* Нравственность в современной России // Экономические стратегии. 2009. Т. 11. № 3. С. 58–63.
- Юревич А. В.* Факторы формирования и эволюции национальных менталитетов // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 3. С. 83–110.
- Юревич А. В., Журавлев А. Л.* Количественная оценка психологического состояния современного российского общества // Современная социальная реальность России и государственное управление. М.: Институт социально-политических исследований РАН, 2014. С. 92–100.

Нравственно-психологические аспекты исследования структуры отношений старшеклассников к способам материального самообеспечения

Д. А. Китова

Переход к рыночной экономике, начатый в начале 1990-х годов, привел к развитию новых форм собственности и отношений к ним (Журавлев, Позняков, 2012; Актуальные проблемы..., 2015; Шаков, Китова, 2017). Основная масса россиян оказалась не готова к рыночным отношениям, возникла острая необходимость подготовки населения к экономическому самообеспечению (Китова, 2012, 2018). Бесспорно, проблема психологической подготовки личности к новым условиям экономической жизнедеятельности актуальна практически для каждого члена российского общества, но особенно важно наличие такого рода подготовки в период выбора путей и способов экономического самообеспечения, когда молодым людям приходится готовиться самостоятельно решать вопросы удовлетворения экономических потребностей (Дышеков, Китова, 2011). Но проблема усугубляется тем, что в большинстве своем сами педагоги и психологи оказываются не готовы к оказанию психологической поддержки в вопросах экономической подготовки личности, так как разработка данной проблемы находится в самом начальном состоянии (Формирование психологической..., 2011).

Противоречие между возросшей ролью экономического фактора в частной жизни граждан в современных условиях и отсутствие подготовки к материальному самообеспечению у молодежи вызывает массу вопросов, на которые не может дать ответы ни родительская семья (в силу той же неготовности большинства российских семей), ни школа, которая традиционно была отстранена от подготовки человека к планированию и реализации повседневной жизнедеятельности.

Бедность большей части населения на фоне неуклонного роста национального богатства страны не может не привлекать внимание современной науки (см., например: Современная социальная реаль-

ность..., 2014; и др.). Для ее преодоления предлагаются многочисленные рецепты, но большинство из них сводится к внешнему по отношению к личности влиянию в форме разнообразной помощи. Такая помощь полезна, но исчерпывающе проблему может решить только сам человек. А ее решение необходимо в условиях современной России, когда государство вследствие приватизации утратило основной фонд своей собственности и серьезную материальную помощь оказать не может.

Как признают многие специалисты, решение проблемы преодоления низкого материального достатка только в экономических рамках невозможно. Материальное самообеспечение личности как научная проблема носит *междисциплинарный характер* и является объектом исследования целого ряда отраслей знания (Гочияев, Китова, 2011; Журавлев, Журавлева, 2002; Китова, 2003). Уровень жизни личности во многом определяется и ее психологическими характеристиками. Феномен бедности выступает одним из наиболее актуальных объектов современной психологической науки и весьма глубоко и разнопланово исследуется учеными как в западной, так и в отечественной науке. Так, например, Р. Кийосаки утверждает, что одной из основ богатства или бедности являются психологические характеристики личности, а деньги только подчеркивают, какие жизненные схемы принимаются человеком. Автор предостерегает от иждивенческих настроений, справедливо полагая, что само по себе желание «больше денег» (и их получение) не решает проблемы: «если вы стремитесь потратить все, что получаете, скорее всего, увеличение доходов просто приведет к росту расходов» (Кийосаки, 2016, с. 251).

О *психологических причинах* бедности говорят многие современные исследователи.

Т. Д. Бурменко к основным психологическим чертам бедных относит: нетерпимость в сочетании с безразличием, что позволяет манипулировать сознанием бедняков, низкая ответственность, иждивенчество, безысходность, люмпенизация, склонность к пьянству, униженность, озлобленность, зависть и т. д. (Бурменко, 2007).

Л. Л. Одинец, говоря о психологических причинах бедности, ставит проблему *экономической направленности* личности, выделяемую им в структуре экономического сознания и экономического поведения. Автор полагает, что, раскрыв содержание экономической направленности, можно наглядно представить потенциал личности в экономике, политике, бизнесе. Он развивает данную идею следующим образом: «По сути, от того, насколько адекватно человек воспринимает экономические отношения, зависит эффективность его

экономической деятельности. Сегодня стала нормой экономическая отстраненность, которая проявляется в низком уровне политической и экономической активности населения, в недовольстве и недоверии ко всем уровням власти, в низкой мотивации к труду (как следствие отсутствия мотивации частного собственника) и в субъективном ощущении собственной бедности. Все эти факторы являются наглядными показателями слабой экономической направленности личности. Мы не всегда осознаем, что существующая система экономических отношений не только причина, но и следствие нашей пассивности. Разорвать этот «порочный круг» может только человек, имеющий в числе других и экономическую направленность, которая содержит в себе определенный набор ценностных ориентации, установок, идеалов, убеждений, мотивов и определенный потенциал для достижения целей» (Баркова, Одинец, 2001, с. 149).

О. С. Дейнека выделяет некоторые «константы» психологического портрета бедных людей:

Временная константа — отсутствие способности личности откладывать удовлетворение своих незначительных сиюминутных желаний и целей во имя достижения более поздних, но более важных и значимых, т. е. у бедных выражена текущая ориентация во времени и кратковременные виды на будущее.

Пространственная константа — у бедных ярко выражен внешний локус контроля, т. е. бедные люди склонны считать, что события жизни (в том числе и экономические) управляются случаем, удачей, более значительными личностями или силами, не подвластными их пониманию и не обусловлены их собственным поведением.

Энергетическая константа проявляется в том, что у бедных слабо выражено стремление к материальному успеху, мотив избегания неудачи выражен сильнее мотива достижения, т. е. люди больше боятся поражений и разочарований, чем желают успеха (поэтому избегают предпринимать какие-либо действия для изменения материальных условий жизни).

Информационная константа выражается в низкой самооценке, слабо развито чувство собственного достоинства, присутствуют элементы неуверенности в себе (Дейнека, 2000).

Говоря о специфике бедности в нашей стране, автор обращает внимание на то, что зарубежные психологи видят одну из психологических причин бедности в России в *завышенном уровне потребительских притязаний* населения после открытия «железного занавеса» при *слабо развитом финансовом самоконтроле*, т. е. в нарушении временной перспективы экономического поведения (там же).

Понимание «психологической структуры» бедности позволит государственным и социальным институтам разрабатывать и осуществлять более взвешенную социально-экономическую политику в отношении бедных слоев населения. Кроме того, наличие такого рода знаний позволит воздействовать на процесс *экономической социализации* подрастающего поколения, более четко определять необходимость и цели психолого-педагогической помощи, разработать технологию экономического образования в школах и вузах. Эти знания окажут помощь в создании соответствующих программ психологической поддержки родителей, что обеспечит благополучное экономическое будущее детей.

Особенно важно отслеживать особенности *экономической адаптации* детей, формирования их экономической компетентности. В этом отношении старший школьный возраст можно считать одним из сензитивных периодов для планирования материальных условий самостоятельной жизнедеятельности, в частности, основ материального самообеспечения. Ведь известно, что при переходе от подросткового к раннему юношескому возрасту устремленность в будущее становится основной направленностью личности, в этот период появляется жизненный план, установка на сознательное построение своей жизни, постепенное включение в различные сферы общественной жизни. Для внутренней позиции старшего школьника характерно особое отношение к будущему, восприятие и оценка настоящего с позиции будущего.

В. П. Шейнов приводит результаты социологического исследования, проведенного среди студенток МГУ имени М. В. Ломоносова. По этим данным, такие качества, как надежность и доброта, уже не являются мужскими достоинствами, их не отметил никто. Зато девушки убеждены в том, что муж, прежде всего, должен обеспечивать семью; такой ответ дали 98% опрошенных (Шейнов, 2001).

Анализ целого ряда психолого-педагогических исследований (Д. А. Китова, Д. М. Агирбова, Л. М. Койчуева, А. Б. Купрейченко, Н. А. Журавлева и др.), направленных на анализ структуры и динамики экономических ориентаций российской молодежи, показывает, что у молодых людей, помимо традиционных духовных ценностей (дружба, семья, любовь и т. д.), появились и новые, такие как ориентация на высокий заработок и высокое положение в обществе. По результатам эмпирических исследований, только 15% школьников оказались полностью согласны с утверждением, что «труд — это способ самореализации человека», для большинства же старших школьников это лишь «источник дохода». При этом авторы обратили внима-

ние на то, что желание получать высокие заработки не подкреплены желанием трудиться: старшеклассники не всегда склонны предпринимать трудовые усилия для достижения обозначенных экономических высот. Настораживает тот факт, отмечают авторы, что примерно половина опрошенных проводит свой досуг перед телевизором, причем среди любимых передач старшеклассники в основном называются развлекательные. Невелик и процент учащихся, подрабатывающих после занятий (2%), и лишь 10% учащихся предпочитают заниматься хозяйственными делами. Подавляющее большинство школьников посвящает свое свободное время «прослушиванию музыки» (Бочарова, Тихонова, 2001).

Таким образом, существует серьезная проблема формирования психологической готовности молодежи к материальному самообеспечению, которая тесно сопряжена с вопросами гуманизма и духовно-нравственного выбора (Журавлев, Купрейченко, 2003; Журавлева, 2013; Журавлев, Воловикова, 2016; Нравственность современного российского..., 2012).

Экономико-психологическая подготовка старшеклассников к материальному самообеспечению в контексте гуманистической парадигмы. Образование в гуманистической парадигме, как известно, выстраивается на принципиально иной ценностной основе, чем в авторитарной педагогике. Гуманизм как широкое общеполитическое понятие представляет собой мировоззрение, утверждающее ценность человеческого существования, свободу и суверенность прав каждого человека, достоинство личности. *Гуманизация образования* — это, прежде всего, перенос ценностных ориентаций с государства на человека, построение педагогической деятельности, ориентированной на защиту прав и свобод учащегося, признание его в качестве *доминантного субъекта* педагогического процесса и субъекта саморазвития.

В. П. Бедерханова так оценивает необходимость переориентации образовательной парадигмы государства: «В прошлом старшие оценивали успешность своей воспитательной системы, прежде всего, по тому, насколько им удалось передать детям накопленные знания, умения, навыки, ценности. Детей готовили к жизни в обществе, которое — это предполагалось — в главных своих чертах будет похоже на тот мир, в котором жили их родители. В современных условиях развития общества ситуация меняется. Изменения, социально-экономические преобразования, происходящие в постиндустриальном обществе настолько динамичны и значительны, что никто уже не сомневается: сегодняшним детям предстоит жить в мире, существенно отличном от того, в котором живут их родители»

ли, воспитатели» (Бедерханова, 2001, с. 29). Всерьез встает вопрос о культуре общения между поколениями, о престиже народных традиций в воспитании. Чем больше социально значимых изменений происходит в единицу времени, тем заметнее различия между поколениями, тем сложнее механизмы передачи культуры от старших к младшим и тем избирательнее отношение младших к социальному и культурному наследию. Поэтому свою воспитательную работу мы должны, продолжает автор, «оценивать не только по тому, как нам удастся передать молодым свои знания и убеждения, но и по тому, сумели ли мы подготовить их *действовать самостоятельно* и принимать решения в условиях, которых заведомо не было и не могло быть в жизни их родителей» (там же).

Автор анализирует несколько психолого-педагогических моделей воздействия на процесс развития личности. При *информационном* и *операциональном* подходах это влияние происходит через создание образа мира или научной картины мира в сознании учащегося (неоправданно ставится знак равенства между усвоенным учащимся «культурным» значением и личностным смыслом как индивидуально-личностным образованием). В соответствии с этими двумя подходами учитель обращается с учеником как с объектом (в информационном подходе) или субъектом (в операциональном подходе) учебной деятельности. От ученика ждут унифицированного поведения и бесстрастности. В *нормативном* подходе это влияние на личность ученика осуществляется через формирование жестко регламентированных нормами поведенческих моделей. При таком подходе к ученику относятся как к субъекту социальной адаптации. И именно это в отечественной культурно-научной традиции зачастую называлось формированием личности. В *личностно-ориентированном* подходе — это влияние на возникающие личностные смыслы учащегося. Оно осуществляется через организацию «проживания» учащимся учебных ситуаций, при котором формируемое знание становится личным опытом. Личностно-ориентированный подход предполагает обращение с учеником как с субъектом жизни, оказание ему помощи в построении смысловой иерархии, в определении смысла жизни, в поиске сфер и способов самоактуализации.

Гуманистические идеи просвещения находят свое продолжение и в работах К. Роджерса, который предлагает отказаться от системы формального образования, уйти от отметок и зачетов, от научных степеней как мерила компетентности человека. Обучение должно быть преобразовано в путь *развития человеческого опыта* через

нестандартные, открытые формы непрерывного самообразования (Роджерс, 1993).

В русле гуманистической парадигмы образования, определяя цели воспитания, необходимо исходить из необходимости развития у детей и молодежи способностей и личностных качеств, помогающих *реализовать себя* и как существо сугубо общественное, и как неповторимую индивидуальность со своими специфическими запросами и индивидуальными способами социальной самореализации. О. С. Газман отмечает, что при этом нельзя ограничиваться задачами «кем быть» и даже «каким быть», необходимо выделить совершенно самостоятельный вопрос «как жить?», как построить индивидуальный образ жизни, выбрать оптимальный режим интеллектуальных, эмоциональных, физических нагрузок, способ реакции на невзгоды и удачи, подходящий тип трудовой деятельности, взаимно-щадящий характер отношений с людьми. Таким образом, для педагога главное — помочь молодому поколению в реальном освоении *существующих* норм жизнедеятельности (Газман, 1995).

В рамках гуманистического подхода следует определить *подготовку старшеклассников к экономическому* самообеспечению как психолого-педагогический процесс, который предполагает необходимость: совместного определения целей учащихся с учетом личностных возможностей и ресурсов школьников, с учетом особенностей среды; поиска возможных способов достижения намеченных целей; прогнозирования возможных проблем и путей их преодоления, учитывая реально существующую социально-экономическую среду (Найманова, Китова, 2016).

Эмпирический анализ представленности экономического фактора в структуре жизненных планов старшеклассников. В основу данной статьи легли беседы, наблюдения и письменные опросы, которые проводились со старшеклассниками на протяжении трех лет. В исследовании приняли участие 217 респондентов. Со старшеклассниками обсуждались следующие вопросы: каковы экономические условия жизни населения и самих старшеклассников; как оценивают респонденты свою экономическую обеспеченность; в чем они видят причины имущественного расслоения населения; справедливо ли наличие бедных и богатых в обществе; в какой связи находятся решения государства с экономическими условиями жизни людей; насколько удовлетворены респонденты системой их подготовки к экономическому самообеспечению; какие в этой связи есть предложения по совершенствованию учебных дисциплин и программ обучения. Полученные материалы были использованы в создании опросного листа,

который включает 11 вопросов, варианты ответов заранее старшеклассникам не предлагались. Предполагалось, что при таком подходе каждый старшеклассник свободно и полно объективирует основные компоненты планов экономического самообеспечения, свойственные каждому. Анализируемые в этой статье вопросы опросного листа представлены далее в тексте.

Для выявления значимости экономических факторов в сознании старшеклассников задавался вопрос: «Какие события за последнее время более всего обрадовали вас?». Из общего числа ответов на этот вопрос опросного листа экономическую сферу упомянули всего 11,2% опрошенных. Оказалось, что радуют их хорошие оценки, рождение брата или сестры (племянника или племянницы), хорошая погода, различного рода юбилеи, результаты политических выборов российского и регионального уровней, всевозможные поездки по стране и за рубежом и т. д. Таким образом, радостные события в жизни респондентов не всегда имеют прямое отношение к экономическим условиям жизни, а вопросы экономической обеспеченности порождают положительные эмоции только у каждого десятого. Эти данные косвенно свидетельствуют о низкой удовлетворенности старшеклассников экономическим положением родительской семьи.

Такой вывод подтверждают ответы старшеклассников и на второй вопрос: «Какие события за последнее время более всего вас огорчили?». Экономическая проблематика, как выяснилось, вызывает огорчения у 91,3% опрошенных. Вот некоторые ответы: «Хочу получить высшее образование, а денег у родителей мало» (отличник, 11-й класс, село). Ученица 10-го класса пишет «Хочется стильно одеваться, а денег не всегда хватает». Ученик 11-го класса городской школы: «Когда я вижу нищету наших горожан, мне стыдно за людей и за свою страну». Еще более значимы ответы на последний (одиннадцатый) вопрос опросного листа: «Что бы вы хотели еще высказать относительно проблем, которые волнуют вас?». Ответы распределились следующим образом (см. таблицу 1).

Как видно из результатов, представленных в таблице 1, большинству событий экономического характера респонденты дают отрицательную оценку.

Чтобы выяснить, насколько старшеклассники удовлетворены собственными экономическими условиями жизни, им был задан прямой вопрос: «Насколько вы удовлетворены своим экономическим положением?». Предоставлялся выбор из шести позиций: «полностью», «в основном», «терпимо», «нуждаюсь (в чем?)», «не удовлетворен», «нищенствую». Оказалось, что «полностью» удовлетворенных

Таблица 1

Ответы на вопрос: «Что бы вы еще хотели высказать относительно проблем, которые волнуют вас?»

№ п/п	Характер ответов	Кол-во (%)
1	Низкий уровень жизни	20,8
2	Проблемы образования	20,5
3	Неуверенность в завтрашнем дне	14,3
4	Проблемы трудоустройства	13,9
5	Преступность	13,5
6	Недостатки политического руководства страной	12,6
7	Низкая эффективность мер по стабилизации экономики	10,4
8	Низкая оплата труда в бюджетных организациях	6,6
9	Отсутствие первоначального капитала	6,1
10	Система здравоохранения	4,2
11	Экология	4,2
12	Несовершенство налогового законодательства	4,2
13	Наркомания	3,7
14	Прочие проблемы	0,5

среди опрошенных всего 2,4%, «в основном» — 11,3% и «терпимо» — 24,0%. Всего, таким образом, в зоне удовлетворенных и хотя бы терпимых условий живет меньше половины опрошенных (37,7%). Остальные относят себя к «нуждающимся» (18,6%) и «неудовлетворенным» (39,6%). Нищими себя считают 3,1%. Таким образом, основная масса старшеклассников не удовлетворена экономическим положением своей семьи.

Чтобы оценить, какие старшеклассники намерены выстраивать взаимоотношения с государством, в опросный лист был включен вопрос «Как вы относитесь к налогам?». Предлагалось выбрать ответ из следующих пяти вариантов: «надо платить честно», «лучше не платить», «если платить честно, то разоришься», «надо откупиться взяткой», «не платить опасно». Анализ ответов выявил, что с уплатой налогов связаны чрезвычайно сложные переживания, далеко не всегда способствующие уважительному отношению к решениям органов власти, более 40% старшеклассников допускают возможность недобросовестной уплаты налогов.

Наше исследование показало, что старшеклассники выделяют шесть типов условий, способствующих обогащению личности в рыночных условиях: политические, экономические, правовые, личностные, нравственные и фаталистические.

Политические условия обогащения. Богатство объясняется негативным влиянием государства на материальные условия жизни граждан. Так, 6,0% школьников считают причиной богатства некоторых граждан непродуманную политику государства. Городские школьники имеют численный перевес в этой позиции (7,8% против 4,1%).

Вторыми по значимости условиями обогащения старшеклассники назвали *экономические условия* — наличие хорошей работы или/и своего бизнеса. Такой позиции придерживаются 60,8% опрошенных, из них 54,9% — городские школьники, 66,6% сельские. Можно отметить, что городские школьники более ориентированы на свой бизнес, а сельские предпочитают наемную работу.

Правовые условия. По мнению многих старшеклассников, важным условием достижения материального достатка является откровенно *криминальный путь обогащения*. Здесь главенствующим является мнение, что значительное богатство можно нажить только посредством нарушения законодательства, и так считают 41,2% городских школьников и 35,4% сельских (среднее значение для тех и других — 38,3%). Отсюда вытекает весьма серьезный вывод: более трети всех обследованных старшеклассников материальный достаток связывают с криминальными поступками — махинациями, грабежами, взяточничеством, рэкетом, воровством, мошенничеством, контрабандой и т. п.

Фаталистические условия. Сюда мы включили позиции тех старшеклассников, которые склонны думать, будто обогащение никак/иногда не зависит от самого человека, его поступков и воли. Почти каждый четвертый школьник (24,5%), а среди сельских школьников — практически каждый третий (31,3%) считает ведущим условием обогащения (иногда и единственным) везение, удачу, выигрыш в лотерею, наследство и т. п.

Нравственные условия. Некоторые старшеклассники связывают причины обогащения с нравственными характеристиками личности. Это, видимо, связано с тем, что многие противоправные способы обогащения, используемые некоторыми гражданами, не могут быть доказаны с юридической точки зрения и, как следствие, остаются ненаказанными в административно-правовой или уголовной форме. Такое положение дел вынуждает прибегать старшеклассников к нравственным оценкам и порицаниям этих фактов (хотя не-

льзя отрицать и возможность проявления механизмов психологической защиты). В целом 34,2% старшеклассников склонны оценивать способы обогащения состоятельных россиян как преступление против морали, сделку с совестью и попрание нравственных ценностей. Здесь также лидируют городские школьники, среди них таких позиций придерживаются 39,2%, что на 10,0% выше, чем у представителей сельских школ.

Уровень и качество образования. Некоторые школьники (3,0%) уверены, что качество и своевременность образовательного багажа личности является одним из определяющих условий обогащения в современных условиях. Следует отметить, что этот показатель выявлен только за счет городских школьников, среди которых придерживаются такого мнения 5,9%. Они склонны считать, что в новых социально-экономических условиях любая успешная деятельность по материальному самообеспечению не может быть свободна от: работы на компьютере, знания и понимания особенностей рыночных отношений, экономики и бизнеса, финансовых и правовых знаний, основ маркетинга, сбыта и все чаще — знания иностранных языков.

Отдельно можно выделить *временные параметры* обогащения, которые, хотя и не являются абсолютно самостоятельными условиями обогащения, сопровождают все вышеперечисленные причины. Так, говоря об экономических или личностных условиях обогащения, старшеклассники отмечают, что достижение материального благополучия — это не сиюминутное явление, а результат планомерных и длительных усилий, что отметили только 2,1% сельских школьников. Оказалось, что абсолютное большинство старшеклассников не осознают одно из самых главных условий достижения материального благополучия — ресурс времени. Обобщенные результаты представлены в таблице 2.

Теперь перейдем непосредственно к *психологическим условиям* обогащения, проистекающим из психологических характеристик человека. Самое сильное впечатление производит то, что из всех групп выделенных условий наибольшее внимание респонденты уделили человеческому фактору, значимость влияния психологических условий на обогащение отметили в среднем 72,0% респондентов, при этом городские школьники отдают приоритет психологическим условиям в 2 раза чаще, чем сельские (96,0% и 48,0% соответственно).

В этой позиции (психологические условия обогащения) старшеклассники указали более 100 форм проявления психики человека, составляющих основу материального благополучия. Старшекласс-

Таблица 2

Условия обогащения человека, по мнению старшеклассников

№ п/п	Условия обогащения человека (мнение старшеклассников)	Городские школьники (%)	Сельские школьники (%)	Среднее значение (%)
1	Психологические	96,0	48,0	72,0
2	Экономические	54,9	66,6	60,8
3	Юридические	41,2	35,4	38,3
4	Нравственные	39,2	29,2	34,2
5	Фаталистические	17,6	31,3	24,5
6	Политические	7,8	4,1	6,0
7	Образовательные	5,9	—	3,0
8	Временные	—	2,1	1,1
9	Затруднились ответить	—	2,1	1,1

ники выделили следующие психологические блоки, способствующие достижению материального достатка: темперамент (*шустрый, пробивной, активный*); характер (*приспосабливаемый, добрый, бескорыстный, доверительный, коммуникабельный, усердный, упорный, предприимчивый, настойчивый, бережливый, общительный, наглый, терпеливый, независимый, жесткий*, но более всего указывают на *выраженность волевых качеств*); интеллект и способности (*сообразительный, думающий, талантливый*); направленность личности (*стремление, желание, целеустремленность*).

Интересно сопоставить качества личности людей с высоким уровнем материального достатка, выделяемые старшеклассниками, с достоверными научными данными, полученными современными исследователями психологии богатства. В частности, чтобы выявить индивидуально-психологические компоненты и причины экономико-психологической адаптированности, О. С. Дейнека обратилась к исследованию качеств, характерных для представителей различных по материальным условиям жизни социальных групп. В ходе исследования были выявлены многочисленные качества, способствующие экономической адаптации личности, которые сведены в таблицу 3. В эту же таблицу для сравнительного анализа мы включили мнения старшеклассников.

По результатам исследования О. С. Дейнеки, универсальными для всех экономически успешных людей (активных субъектов хозяйст-

Таблица 3

Качества личности людей
с высоким уровнем материального достатка

Блоки	Качества личности людей с высоким уровнем материального достатка	
	по О. С. Дейнека	по мнению старшеклассников
Темперамент	<i>Энергетическая одаренность, стрессоустойчивость и такие формально-динамические подструктуры, как обучаемость, саморегуляция и активность</i>	<i>Шустрый, пробивной, активный</i>
Характер	<i>Дробность, гибкость характера (в разных сферах своей жизни человек проявляет разные черты характера и установки), но главное – выраженность волевых качеств</i>	<i>Приспосабливаемый, добрый, бескорыстный, доверительный, коммуникабельный, усердный, упорный, предприимчивый, настойчивый, бережливый, общительный, терпеливый, но более всего указывают так же на выраженность волевых качеств</i>
Интеллект и способности	<i>Высокий удельный вес прикладного интеллекта, гибкость, но поверхностность мышления, высокий уровень развития памяти и внимания</i>	<i>Сообразительный, правильное мышление</i>
Направленность	<i>Выраженность мотива достижения, преобладание направленности на дело над направленностью на общение и на себя</i>	<i>Стремление, желание, целеустремленность</i>

вования, удовлетворенных своим доходом) оказались энергетические (*активность*) и мотивационно-волевые качества (*целеустремленность, настойчивость, самостоятельность* и т. п.), являющиеся в условиях рыночной экономики ядром адаптации, а также гибкость и мобильность. Безусловно, важен ансамбль, сочетание качеств, а не только выраженность, поскольку они сложно взаимосвязаны и могут даже противоречить друг другу (например, *гибкость* и *очень сильная воля*).

По мнению старшеклассников, для достижения материального благосостояния необходимы те же блоки качеств. Прозорливости старшеклассников можно было бы удивиться, если бы эти данные были получены от каждого из них. К сожалению, это синтез

всех мнений, а если рассматривать мнение каждого школьника отдельно, то мы получим фрагментарные, неточные и противоречивые мнения.

Анализ результатов исследования позволил сформулировать следующие выводы.

1. На протяжении последних десятилетий в российском обществе произошли кардинальные социально-экономические преобразования, вследствие которых основная масса россиян, воспитанная в социалистической системе, оказалась не готовой к материальному самообеспечению в условиях рыночных отношений.
2. Происходящие процессы вызывают необходимость адаптации субъекта хозяйствования к изменяющимся экономическим условиям, уровень такой адаптации или дезадаптации проявляется в низком или высоком благополучии, определяет качество жизни человека и его экономический статус.
3. Проблема психологической характеристики бедных является чрезвычайно актуальной и исследуемой темой, но она практически не затрагивает подготовки школьников к успешной социально-экономической адаптации в рыночных условиях, а имеющиеся подходы к подготовке школьников к экономической деятельности в психолого-педагогической науке формулируются слишком обще и практически не ориентируются на самый нижний уровень экономики – на материальное самообеспечение школьника в рыночных условиях.
4. Большинству школьников свойственна низкая удовлетворенность уровнем экономического достатка, вместе с тем школьники не могут представить способы, которыми они намерены это изменить.
5. По вопросу об учете экономических условий жизни населения в решениях правительства школьники считают (81,7%), что эта проблема недостаточно беспокоит руководителей всех уровней системы государственного управления.
6. Как оказалось, более трети старшеклассников (37,2%) склонны полагать, что в основе богатства и экономической состоятельности лежат аморальные поступки и противоправные действия. Вот ряд высказываний по поводу материально обеспеченных граждан: «они наворовали в свое время», «они ворюги», «они ничем не гнушаются», «им плевать на законы», «они всех обманывают», «они живут за счет бедных», «они готовы грабить», «это люди без морали» и т. д.

7. Обсуждаемым условием достижения экономического достатка многие старшеклассники склонны считать противоправные и аморальные поступки и действия. Это создает конфликтную психологическую ситуацию, может провоцировать школьников на непредсказуемые действия, что свидетельствует о необходимости включения в психолого-педагогическую систему формирования личности школьника нормативных моделей экономической самореализации.

Перспективы исследования

Сопоставление предполагаемых условий обогащения, выделяемых старшеклассниками, с реальными условиями социально-экономической практики показывает, что основная проблема оценки старшеклассниками «богатства» и «бедности» заключается в том, что они оценивают *результат* (конечный итог) деятельности по экономическому самообеспечению (богатство или бедность) в отрыве от *процесса* экономического самообеспечения, который остается неосознаваемым.

Ситуация требует переориентации образовательной парадигмы с учетом повседневных экономических потребностей старшеклассников. В русле такого подхода подготовку старшеклассников следует рассматривать как систему совместного определения целей учащихся с учетом личностных возможностей и ресурсов школьников, чему будет способствовать «доведение» до сознания старшеклассников *деятельностной структуры материального самообеспечения*, которая составляет непрерывную цепь событий от осознания своих экономических потребностей, через цели, мотивы, способы действий к конечному результату

Литература

- Актуальные проблемы социальной психологии и психологии профессиональной деятельности: коллективная монография. СПб.: НИЦ АРТ, 2015.
- Баркова Н. П., Одинец Л. Л. Прогнозирование успешной деятельности человека-оператора // Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы: Материалы второй международной научно-практической конференции. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2001. С. 149–152.
- Бедерханова В. П. Становление личностно-ориентированной позиции педагога. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2001.

- Бочарова Н. И., Тихонова О. Г. Организация досуга детей в семье. М.: Академия, 2001.
- Бурменко Т. Д. Сфера услуг: менеджмент. М.: Кнорус, 2007.
- Газман О. С. Педагогическая поддержка детей в образовании как инновационная проблема // Новые ценности образования: десять концепций и эссе. М., 1995. Вып. 3. С. 58–64.
- Гочияев А. И., Китова Д. А. Психологические особенности формирования экономического сознания студентов // Гуманизация образования. 2011. № 3. С. 107–113.
- Дейнека О. С. Экономическая психология: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2000.
- Дышеков Б. Н., Китова Д. А. Формирование психологической готовности личности к легитимной предпринимательской деятельности // Психология в экономике и управлении. 2011. № 1. С. 29–35.
- Журавлев А. Л., Воловикова М. И. ИмPLICITные представления о признаках нравственной элиты // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 50–59.
- Журавлев А. Л., Журавлева Н. А. Программа социально-психологического исследования экономического сознания личности // Современная психология: состояние и перспективы исследований: юбилейная научная конференция. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. Часть 5. С. 11–41.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П. Социальная психология российского предпринимательства: Концепция психологических отношений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Журавлева Н. А. Психология социальных изменений: ценностный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Кийосаки Р. Т., Лектер Ш. Л. Богатый папа, бедный папа. М.: Попурри, 2016.
- Китова Д. А. Материальное самообеспечение личности в изменяющихся социально-экономических условиях России. Психологическое исследование. Ставрополь: Изд-во Сев-КавГТУ, 2003.
- Китова Д. А. Экономическая психология субъекта жизнедеятельности: теория, методология, практика // Экономическая психология в современном мире. М.: Финансовая академия при Правительстве РФ, 2012. С. 148–161.
- Китова Д. А. Экономическое самообеспечение личности в условиях глобальных информационно-коммуникационных процессов //

- Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 8. М.: Изд-во «Института психологии РАН», 2018. С. 135–157.
- Койчуева Л. М., Китова Д. А. Психологические особенности представлений студентов о распределении бюджета семьи // Интеграция науки и практики как механизм эффективного развития современного общества. М.: НИИЦ «Институт стратегических исследований», 2011. С. 89–93.
- Найманова Б. А., Китова Д. А. Правовые аспекты в представлениях студентов о способах достижения экономического благополучия // Вестник Университета Российской академии образования. 2016. № 1. С. 87–91.
- Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психология: Учебник для технических вузов / Под ред. В. Н. Дружинина. СПб.: Питер, 2000.
- Роджерс К. Р. Клиентоцентрированная психотерапия. М.: Рефлбук, 1993.
- Современная социальная реальность России и государственное управление: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году. В 2 т. Том 1. М.: ИСПИ РАН, 2014.
- Формирование психологической готовности молодежи к предпринимательской деятельности в сфере малого бизнеса: коллективная монография. Карачаевск: Изд-во КЧГУ, 2011.
- Шаков А. М., Китова Д. А. Отношение к собственности как предмет психологического исследования // Гуманизация образования. 2017. № 1. С. 74–80.
- Шейнов В. П. 12 секретов успеха. М.: Инфра-М, 2001.

Современное состояние проблемы морального развития в подростковом возрасте

Т. П. Авдулова

Вступление

Моральное развитие — процесс возрастного освоения и интериоризации нравственных норм, категорий и принципов, их когнитивное осмысление, эмоциональное принятие и поведенческая готовность реализовывать в системе межличностных отношений.

Значимыми для морального развития подростков являются следующие психологические новообразования. *В эмоционально-волевой сфере*: рост эмоциональной регуляции поведения, принятие личной ответственности, новый уровень развития высших (или социальных) эмоций (эмпатии, чувства стыда, чувства вины, жалости, чувства справедливости, любви); *в когнитивной сфере*: развитие формально-логического мышления, формирование рефлексии, развитие временной перспективы личности; *в личностной сфере*: формирование эго-идентичности, преобразование самосознания, изменение эгоцентрической позиции личности.

Однако, помимо классических возрастных компонентов собственно психологической трансформации личности подростка в направлении формирования социоморального мировоззрения, принципиально важно выделить современные условия и особенности нравственного становления личности в отрочестве и юности:

1. Закономерная возрастная потребность подростков в ценностных мировоззренческих ориентирах взросления натывается на отсутствие социальной поддержки, когда большая часть запросов молодежи на духовность и идеологию в позитивном ее значении сталкивается с пустотой и отрицанием самой возможности ценностных идеалов, что ведет к росту в среде молодежи экзистенциальной депрессивности. А растущая доступность и многообразие форм образования и возможностей компенсации разного

рода сложностей для подростков на самом деле не обеспечивает полноценной социализации и вхождения в общество. Социализационные модели не конкретизированы (именно в своей нравственной составляющей), но развитие общества уже и не ждет однозначных моделей, а нуждается в субъектах, способных решать актуальные, трансформирующиеся социальные задачи и находить гибкие модели реализации себя в обществе. Дефицит идеологии как ценностных глобальных ориентиров взросления ведет к трудностям в формировании мировоззрения подростков, т. е. решение одной из универсальных возрастных задач оказывается осложненным.

2. Именно в подростковом возрасте моральное развитие проходит испытание в плане толерантности и универсальности, когда в условиях глобализации и реального активного взаимодействия представителей различных этносов, культурных, религий и социальных систем подросток проверяет и адаптирует собственные моральные представления, одновременно осознавая и пропуская через свой ценностный мир иные нравственные системы. Вопросы универсальности и вариативности встают перед подростками существенно раньше того возраста, когда они способны системно и последовательно осуществлять свой идентификационный моральный выбор, что делает сомнительным сам процесс рефлексивного присвоения моральных норм и правил.
3. Растущие требования к самопрезентации и стремление подростков им соответствовать искажает процесс построения целостной идентичности. Критерии самооценки все больше вынесены во вне и оказываются формальными (количество «друзей» на «стене» в соцсетях, количество «лайков» и т. д.) и связанными с потреблением. Странички в соцсетях, феномен «селфи», многочисленные презентации себя в обществе преследуют цель создания максимально привлекательного, популярного образа, но с очевидной закономерностью парадокса ведут к потере собственного Я, деперсонализации и неспособности поддерживать длительные, глубокие отношения. Общение подменяется самопрезентацией, а моральная идентичность вытесняется потребительскими идентификациями.
4. Центр тяжести в проблеме формирования нравственности для подростков переносится с когнитивного развития на социальное и определяется макро- и микросоциальными условиями развития индивида. Понимание и интерпретации норм и правил

оказываются все менее значимыми, тогда как конкретные ситуационные факторы могут менять направление рассуждений подростка достаточно контрастно.

5. Смещение гендерных и половых ориентиров взросления и идентификации в обществе не может не сказаться и на моральном развитии. Традиционная дифференциация морали справедливости и морали заботы в исследованиях Л. Кольберга, К. Гиллиган и Н. Айзенберг увязывалась с полоролевым поведением и теми гендерными спецификациями, которые определяли развитие юношей и девушек, теперь они перестают быть ориентирами и эталонами развития. Для современного молодого человека выбор моральных ориентиров становится еще более сложной и требующей значительной личностной зрелости деятельностью.
6. Большинство исследователей выделяют внутри семейного фактора такие значимые для морального развития параметры, как взаимное уважение, интенсивность и качество общения родителей с детьми, семейная дисциплина и вид применяемых наказаний. Подчеркивается также значение доверительных отношений и эмоциональной привязанности. Близкие, сердечные отношения благотворно влияют на процесс морального развития, действуют механизм уважения к родителям, желание подражать им и стремление оправдать надежды близких в отношении своего социального (в том числе и морального) облика. Однако кризис семьи, нарушенные эмоциональные связи и распространенность разводов ведут к растущим сложностям реализации условий морального развития. Особенно остро эта проблема стоит в отношении фактора отцовства, который во многих исследованиях выделяется как ведущий в моральном развитии подростков обоих полов.
7. Наконец, кризис общества и очевидный вектор индивидуализации создает напряженность и конфликтность в сфере морального развития для подростков, так как традиционные ценности сотрудничества, коллективизма и кооперации фактически утратили свою роль, а индивидуализм не принял социально приемлемых, нравственно ориентированных форм. Обобщенные, объединяющие социум моральные ориентиры по-прежнему не определены, а общество находится, по определению А. В. Юревича, в состоянии «дефицита внутренних нравственных регулятивов» (Юревич, Ушаков, 2010, с. 202).

Общее содержание изменения моральной позиции в отрочестве и юности

Традиционно процесс морального развития понимается в виде трех векторов, пересекающихся, но не совпадающих друг с другом. Это, во-первых, формирование сдерживания, основанного на тревоге и ведущего к интернализации запретов, во-вторых, формирование заботы, основанной на эмпатии и ведущей к развитию альтруизма и, наконец, формирование моральных суждений, основывающееся на формальном мышлении и ведущее к развитию способности принимать решения в ситуации морального конфликта (Hoffman, 1970). Три направления морального развития претерпевают существенные изменения в отрочестве под влиянием внутреннего развития подростка и включения в новые социальные контексты. Например, мораль страха наказания не соответствует ценностям, принятым в демократической студенческой среде, а эмпатичность может разрушаться при столкновении с серьезными жизненными трудностями, подменяясь нравственным цинизмом.

Моральное развитие подростка тесно связано с процессами социализации. Дюркгейм настаивал на том, что «единственным источником морали является одобрение со стороны общества», а Пиаже разделял эту точку зрения, подчеркивая социальный смысл нравственности. Развитие социальных отношений, признание прав других людей формирует уважение к этическим законам. Показано, что стиль моральных суждений индивида зависит от источников нравственных предписаний, определяемых обществом. Это может быть общинное установление, логическое правило, система санкций или религиозная догма (Авдулова, 2017).

Становление идентичности как системной, целостной структуры личности в подростковом возрасте включает в себя формирование и моральной идентичности, морального компонента Я. Моральная идентичность подростка формируется как комплексное представление о себе, осознание себя в качестве носителя определенных моральных принципов, ценностей и структур. Эти структуры приняты субъектом осознанно и определяют для него личностный смысл поступка. Для некоторых подростков моральные категории становятся смыслообразующим звеном Я-концепции и определяют отношения с окружением. При этом предпочтение моральных ценностей в реальной жизни осуществляется при минимальном уровне сознательного контроля (Blasi, Glodis, 1995).

По мнению Дж. Блази, моральная идентичность вытекает из психологической потребности совершать действия в соответствии

с собственным идеалом, а источником моральных действий является внутренняя непротиворечивость образа Я. Структура моральной идентичности формируется в следующей последовательности. Моральные суждения проходят через оценку ответственности и необходимости морального действия для субъекта, далее в зависимости от индивидуальных различий суждениям присваивается личностный смысл, подкрепляющий стремление к действию в направлении отсутствия противоречий с самим собой (Blasi, Glodis, 1995).

Образ Я в контексте морального развития задается следующими положениями:

1. Основным психологическим фактором моральной саморегуляции является самосознание.
2. Моральное поведение определяется той формой самосознания, которая характеризуется расслоением целостного образа Я на Я-реальное и Я-потенциальное.
3. Мотивом, побуждающим человека соблюдать социальные нормы, является стремление сохранить исходный положительный образ себя.

Высокий уровень моральной идентичности предсказывает более высокий уровень соблюдения принципа добровольности, положительно связан с перцептивной и рефлексивной «моральной внимательностью», сочувствием и другими формами просоциального поведения (Aquino, Reed, 2002).

У старших подростков и юношей появляется характерная для взрослых позиция в моральных суждениях делать выводы о поведении окружающих на основании собственной личностной позиции. Так, в ряде исследований было показано, что подростки, демонстрирующие стабильные моральные суждения высокого уровня склонны интерпретировать поведение других людей в терминах морали и воспринимать личность другого человека в контексте его личностных качеств, в частности связанных с нравственностью (Narvaez et al., 2006). «Моральный характер» откладывает отпечаток на обработку информации, особенно информации социального характера. Интериоризированные моральные ориентиры позволяют быстро активизировать определенные когнитивные схемы для анализа и интерпретации социальных ситуаций, обеспечивают принятие моральной ответственности независимо от ситуации.

«Моральный характер» является феноменом, связанным с моральным знанием, но вместе с тем самостоятельным конструктом, включающим в себя знания и особенности личности, действующим

на основании разума, представлений о правде и желания подтвердить себя в качестве личности, обладающей определенными качествами (Power, 1997).

Моральные эмоции и моральное поведение подростков

В моральном поведении подростка важным компонентом регуляции является чувство вины, усиливающее субъективное переживание ответственности за нарушение правил. Вина появляется тогда, когда ребенок начинает давать себе отчет в том, что он поступил неправильно по отношению к другим. Хоффман, Айзенберг оценивают чувство вины наряду с эмпатией, гордостью и завистью как эмоции высшего уровня. Чувство вины напрямую связано с самооценкой и стимулирует активность субъекта в отношении самопознания. Ощущение вины ведет к стремлению изменить себя или свое поведение, становится регулятором социального взаимодействия. Ценности общества не только познаются, но и переживаются через эмоциональные оценки. Эмоциональный аспект поведения обеспечивает переход моральных убеждений в личностные ценности (Авдулова, 2017).

Интересно, что взаимосвязь между моральными эмоциями самоотношения и особенностями поведения не меняется в разные возрастные периоды, но носит принципиально устойчивый характер. Так, в кросс-культурном лонгитюдном исследовании под руководством Креттенауэра в течение 20 лет отслеживались особенности морального развития и социализации детей, была доказана устойчивость моральных эмоций разной атрибуции: как в отношении себя, так и в отношении героев различных моральных дилемм и участников различных ситуаций (Krettenauer et al., 2013). Кроме того, было показано, что индивиды, у которых в детстве обнаруживались низкий уровень симпатии к окружающим, дефицит дисциплины, дефицит самоорганизованности и сотрудничества, а также низкий уровень щедрости и честности, на протяжении отрочества, юности и зрелости демонстрировали устойчивое асоциальное поведение и аморальные диспозиции.

Самым известным и масштабным исследованием взаимосвязи поведенческих предикторов детства и асоциальным поведением в зрелости является новозеландское лонгитюдное исследование; на протяжении 23 лет наблюдалась большая группа детей от 3 до 26 лет и получены когортные эпидемиологические показатели по ряду особенностей здоровья, но и по поведенческим характеристикам. Дети, которые в 3 года демонстрировали проблемы с послушанием и регу-

ляцией поведения, были не способны к сотрудничеству, в 21 год демонстрировали стабильную готовность совершать противоправные действия и нарушали социальные нормы и правила.

Соответственно можно говорить об устойчивом вкладе моральных эмоций в моральное поведение и констатировать устойчивость, надежность и прогностичность этой связи. Те отношения, которые сложились между эмоциональной характеристикой поведения нарушителей моральных норм и поведением субъекта в детстве не претерпевают сколько-нибудь значимых изменений в юности. Наиболее устойчивым оказалось такое качество, как добросовестность, ответственное отношение к обязанностям. А в группе эмоциональных отношений наиболее важным и надежным показателем стало эмоциональное самоотношение.

Понимание себя строится по линии осознания противоречий между собственными действиями и принципами в контексте ориентации на других людей. Так, в исследовании Д. А. Дружиненко были получены результаты подтверждающие, что уровень моральной самооценки определяет интенсивность переживания чувства вины подростком. Чем выше моральная самооценка, тем интенсивнее переживается чувство вины в ситуации нарушения моральных норм. Интенсивность переживания чувства вины в контексте отношений со сверстниками у старших подростков повышается, а в контексте отношений с родителями – снижается. Показано, что высокий уровень моральной самооценки в сочетании с высоким уровнем переживания чувства вины в случае нарушения моральных норм связан с высокой внутренней конфликтностью и самообвинением. Подростки с невысокими показателями по данным параметрам отличаются неуверенностью в мнении окружающих о своих личностных качествах. Подростки с высоким уровнем моральной самооценки и невысоким уровнем переживания чувства вины более уверены в себе и в большей степени склонны принимать свои недостатки, обнаруживая известную степень ригидности (Дружиненко, 2007).

Моральное поведение подростков зависит и от такого качества личности, как локус контроля. В различных экспериментальных работах была установлена связь между экстернальностью-интернальностью и способами разрешения конфликтных ситуаций, принятия решений, формированием межличностных отношений. Так, например, экстерналы чаще приписывают значение внешним, ситуационным факторам, тогда как интерналы склонны наделять ответственностью участников ситуации и более активно искать информацию, разъясняющую происходящее.

Локус контроля как медиатор развития эмоциональной сферы, опосредующей, в свою очередь, процесс принятия решения по моральным дилеммам, связан с моральным развитием. Интернальность связана с более высоким уровнем эмоциональной саморегуляции, обеспечивающим развитие моральных суждений и способность к зрелому решению моральных конфликтов (Dienstbier, 1975).

Крепнущее у подростка чувство справедливости позволяет выделять все противоречия и несоответствия социальных отношений, подросток должен разрешить для себя эти парадоксы, выстраивая жизнь. Борьба против несовершенства мира не может быть логичной и рациональной, поэтому и поведение подростков редко бывает последовательным.

Формируется вера в справедливый мир (Belief in a Just World — BJW). В ходе развития предпринятые объяснения трансформируются в более реалистические причинные и относительные объяснения, приводящие к снижению верований в постоянную справедливость. Однако уже Пиаже высказывал предположение, что вера в справедливый мир отчасти сохраняется и у взрослых. Значительное число взрослых чувствует неудачу как заслуженную. Очевидно, у некоторых взрослых «есть потребность полагать, что они живут в мире, где люди получают то, чего они заслуживают» (Karniol, 1980).

При исследовании рассуждений детей и студентов колледжа о справедливости не наблюдалось различий между уровнем использования причинной связи. Положительные результаты для историй с хорошими побуждениями и отрицательные результаты для историй с плохими побуждениями оценивались детьми и подростками всех возрастов как более справедливые, чем противоположные комбинации.

Однако возрастные различия все-таки имеют место в особенностях логики рассуждений. Младшие дети в целях подтверждения веры в справедливый мир готовы нарушать логику и идти против фактов, тогда как подростки и юноши находят достаточную логическую аргументацию в обосновании справедливого мироустройства. Исследования показали, что вера в справедливый мир не связана ни с одним из оцененных уровней морального развития, ни с отношением к социальным проблемам (Orpenheimer, 2005), тогда как собственно моральное развитие всегда обнаруживает корреляционные связи с социальными отношениями.

Вера в справедливый мир является двумерным образованием и включает в себя общее концептуальное измерение («справедливый мир») и личное концептуальное измерение («со мной обращаются

справедливо»). В исследованиях подростков с различным уровнем среднего образования (возрастной диапазон от 12 до 21 года) изучались общая и личная BJW. К. Дальберт показала, что старшие участники продемонстрировали значительно более низкие верования в общий и личный справедливый мир. Для всех возрастных групп показатели личной веры были выше, чем общей. Кроме того, была обнаружена отрицательная корреляция между BJW и образовательным уровнем подростков. Это позволяет предположить, что чем выше уровень образования (познавательное развитие), тем ниже общий показатель BJW. Вместе с тем личная вера в справедливый мир связана с образовательным уровнем положительно. В этом можно усмотреть компенсаторную стратегию развития, когда уменьшение веры в общую справедливость дополняется увеличением веры в персональную справедливость. Для старших подростков, начиная с пятнадцати лет, характерны отказ от веры во всеобщую справедливость и закономерность, сохраняющаяся и даже возрастающая вера в справедливость их собственной судьбы в хаотическом феноменальном мире (Dalbert, 1999).

Ответственная мораль появляется, когда стабильность и порядок не требуются как единственно возможное основание окружающего мира. Так, на протяжении подросткового возраста фактически не меняется отношение к правам человека, ориентированное на справедливость, а принципиальные изменения обнаруживаются уже за пределами двадцатилетнего возраста. Старшим подросткам трудно иметь дело с миром, который не упорядочен и принципиально несправедлив (Jose, 1990).

В отношении к правам человека в отрочестве обнаружены более высокие суждения у девушек, чем у юношей, хотя применительно к вере в справедливый мир гендерных различий не обнаружено. Вообще проблема гендерных различий в исследованиях морального развития подростков поднималась достаточно часто. Экспериментальное систематическое варьирование пола участников исследования и пола персонажей моральных дилемм обнаружило различия в суждениях старших подростков (McGillicuddy-De Lisi, 2003). Эффект пола проявился независимо от того в какие отношения были включены персонажи историй (близкие или далекие) и независимо от пола самих участников. И юноши, и девушки старшего подросткового возраста (17–19 лет) предполагали, что, когда герой дилеммы — мужчина, он будет строить свое поведение на принципах совести, прав, справедливости, соответствующих 5–6 стадиям морального развития в периодизации Кольберга. В отношении женщин — героев

моральных дилемм подростки значимо чаще выстраивали обоснование, соответствующее 3–4 стадиям. Юноши и девушки, идентифицируясь с персонажами, считали, что поведение мужчин должно руководствоваться более принципиальными суждениями, чем поведение женщин. По мнению подростков, мужчины должны строить суждения на основании логики, а женщины – чаще ориентироваться на чувства и беспокойство о других (McGillicuddy-De Lisi, 2003). Показательно, что в классических дилеммах Кольберга героем истории всегда был мужчина.

В этом же исследовании сравнивались эффекты пола в отношении симпатии к персонажам моральных дилемм. Все подростки независимо от пола вновь продемонстрировали сходные результаты дифференцированного восприятия героев историй. Юноши и девушки более благосклонно воспринимали героев-женщин и принимали в отношении положительные решения значимо чаще, чем в отношении героев-мужчин (McGillicuddy-De Lisi, 2003).

Эти результаты относительно эффектов пола в отношении героев гипотетических моральных дилемм в различных контекстах показывают, что этика переплетена с полом не только через определенную для пола модель социализации, как это утверждала К. Гиллиган, но ожидания в отношении морального поведения меняются в зависимости от пола оцениваемого человека. Традиционные гендерные различия в нравственном становлении личности связывают развитие юношей с преобладанием чувства справедливости, завоеванием автономии, а развитие девушек – с приоритетом эмпатийной направленности, сопереживания и заботы.

Современные модели морального развития

В настоящее время в психологии нравственности и исследованиях морального развития подростков и юношества наиболее распространены и востребованными являются двенадцать моделей морального развития или моральной мотивации, что подчеркивает дифференциацию механизмов моральных трансформаций в личности и ставит общество перед необходимостью разработки многомерных моделей социализации подростков и юношества.

Модель 1. Формирование моральной картины мира

Наиболее простой и формальной моделью является подход, ориентированный на общее нравственное видения мира, стремление моделировать государственное устройство, включающее обеспечение

моральных стандартов, прежде всего, в образовательных организациях школа–вуз. Необходимыми компонентами этой достаточно очевидной и напрашивающейся модели является появление в обществе следующих представлений:

- школа может быть нравственно ориентированной и способной формировать у молодого поколения ответственность, уважение к обществу и моральным нормам;
- общественное мнение способно задавать и регулировать ориентиры развития;
- неудовлетворенность общества существующим положением моральных стандартов в отношениях между учителями и учениками, между самими учащимися.

В этом направлении проводятся исследования дизайнера школьных и вузовских программ обучения, введение новых норм взаимодействия, изменение позиции учителей (через программы направленного развития) (Handbook of Moral Motivation, 2013).

Модель 2. Моральный закон ответственности

Эта модель основывается на поздней концепции Л. Кольберга, согласно которой моральное действие определяется не столько стадией развития, сколько нравственным выбором, отношением к ответственности и рядом личностных особенностей, напрямую не связанных с нравственностью, таких как саморегуляция, эго-контроль, внимание и IQ (Handbook of Moral Motivation, 2013). И хотя эти факторы, согласно модели, действуют симультанно, основной акцент сосредоточен на ответственности, поскольку, если человек принимает на себя ответственность, он способен действовать морально. В таком случае ответственность и моральные обязательства, принимаемые молодым человеком, становятся действующим механизмом.

Модель 3. Деонтические суждения

Развитие концепции Кольберга привело к появлению модели, согласно которой, деонтические (нравственные) суждения сами по себе являются мотивирующим фактором и субъект, рассуждающий морально, уже становится агентом морального действия. В этой модели деонтические суждения пересекаются с понятиями моральной мотивации и выбора ценностей (Rest et al., 1999). Моральный выбор, основывающийся на ценностных ориентациях, и структура суждений становятся причиной тенденции действовать, основываясь на логических механизмах суждений: дедукции, индукции и исклю-

чения. Моральное действие становится суммирующей результатов социального генезиса и развития мышления.

Свое развитие модель получила в исследованиях ценностных ориентаций М. Рокича, С. Шварца.

Модель 4. Четырехкомпонентная модель

Данная модель, автором которой является Дж. Рест, включает в себя следующие компоненты: моральные суждения, моральная чувствительность, моральная мотивация и моральное желание действовать, определяемое моральным характером. Все компоненты были выделены путем факторного и метаанализа и оказались независимыми друг от друга, что позволяет согласованно оценивать способность человека действовать в соответствии с моралью. При столкновении с ситуацией, требующей моральной оценки, субъект инициирует контроль и моральную компетентность, далее включаются моральная мотивация и запускается желание действовать. Моральная чувствительность проявляется в сензитивности к потребностям и состояниям других людей, их желаниям и интересам, а также в рефлексии последствий своих поступков и их влиянии на других людей. Моральные суждения позволяют рационально скорректировать позицию, которая формируется у субъекта вследствие моральной чувствительности. Моральная мотивация обращает человека к системе его ценностей и идеалов и корректирует действие, исходя из личностных убеждений. Однако всего этого может оказаться недостаточно, если у субъекта нет намерения действовать. Четвертый компонент модели является принципиально важным, так как он отвечает за готовность и способность действовать морально, противостоять внешнему давлению, активно реализовывать собственные убеждения.

В практических исследованиях эта модель транслируется в еще более простом варианте последовательно включающихся компонентов: распознавание морального содержания (1-й компонент); осознание долженствования (2-й компонент); принятие на себя ответственности (3-й компонент) и готовность компетентно действовать в соответствии с долженствованием. Наибольшее распространение эта модель получила в программах профессионализации, профориентации и первичного профессионального обучения подростков и юношества (Vebeau, Monson, 2014).

Модель 5. Я как регулятор морального действия

В основе этой модели лежит концепция «Морального Я» Дж. Блази как способности личности к моральной саморегуляции на основе

персональных целей, способности принятия решений, контроля активности и оценки самооффективности. Механизмом морального действия становится сознательное установление единства между текущей проблемной ситуацией и идеальной моделью, существующей у субъекта (Blasi, Glodis, 1995). И хотя Блази различает собственно идеал морального поведения и его реализацию в конкретных жизненных ситуациях, он намеренно выделяет в качестве определяющего мотива желание субъекта быть моральным и действовать на основе морального закона. В основе лежит интерпретация мира через моральные критерии и использование моральной эвристики как доминирующей позиции.

Моральная идентичность появляется как раз в то самое время, когда моральные категории становятся существенными и важными для самопонимания подростка (Blasi, Glodis, 1995). У каждого подростка начинает проявляться моральная индивидуальность, когда самость строится вокруг моральных обязательств. Исследование моральных характеров показало, что люди, которые следуют в жизни моральным обязательствам, имеют тенденцию выравнивать самооценку по отношению к моральным идеалам. Моральные категории (схемы, нормы, опыт), которые являются существенными, центральными и важными для идентичности, являются основанием для понимания и интерпретации социального ландшафта.

Модель балансирует между понятием моральной индивидуальности (но не сводится к моральным чертам) и понятием моральной идентичности, но не обращается к групповым нормам и ориентирам. Моральная саморегуляция является моделью сознательного построения личностью рационального морального идеала, который мотивируется собственными решениями, убежденностью, самоконтролем и собственной активностью, которые рождаются во внутреннем диалоге (Handbook of Moral Motivation, 2013).

Модель моральной саморегуляции в отдельных исследованиях показывает, что личность и ее моральный эго-компонент не только неразделимы, но как целостная система являются единственным надежным средством профилактики и преодоления подростковой делинквентности. Формирование морального Я и преобразование регуляторных компонентов в контексте моральных эталонов является задачей работы по формированию моральной личности.

Социально ориентированные подростки, участвующие в общественных организациях, работающие в приютах, показали в обследованиях внутреннюю связь Я-реального и Я-идеального, что обеспечивало реализацию целей идеального Я, тогда как для подростков,

Я-реальное и Я-идеальное которых не связаны, реализация целей ограничена или затруднена. Среди подростков, активно включенных в общественную деятельность, в 70% обнаруживается синхронизация Я-реального и Я-идеального (Blasi, 1995).

Модель 6. Совместной регуляции

Моральная регуляция является в разном соотношении усредненным результатом действия различных ситуаций и контролируемых вмешательств влияния личности и общества. Три типа личностных особенностей играют роль в эффективности общественного воздействия на человека: 1) общественный кластер, включающий социальную поддержку и воспитание; 2) кластер выбора, характеризующий открытость новому опыту; 3) кластер традиционализма, характеризующий нормальное функционирование личности.

Эти кластеры задают моральную регуляцию в пространстве между общественным воздействием и индивидуальным выбором личности, между социальными и персональными ценностями. И если в классических исследованиях эти влияния рассматривались дифференцированно (даже изолированно), то новая идея подхода «Совместной регуляции» свидетельствует о комплексном и динамическом влиянии этих систем, а механизмом морального развития становится именно конфликт, порождаемый в противоречивых воздействиях каждого из кластеров.

Этот подход ставит вопрос о том, как взаимодействуют и регулируют друг друга личные и общественные интересы, ценности и возможности действовать (Walker, Vries, 1987). Классическая моральная дилемма предполагает определенный суверенитет действия героя, тогда как в реальности моральное поведение личности во многом опосредуется или прямо ставится в зависимость от действий множества других людей и отношения общества в целом. Благодаря этой модели делается сомнительной ортодоксальная моральная традиция оценки выбора только внутри личности и допущения, что человек оценивает ситуацию, исходя из моральных критериев. На деле конфликт носит более широкий и проблемный характер.

Модель 7. Мотивирующих намерений

Мотивация как сила, запускающая активность, представляет собой спрессованные элементы индивидуальных верований, целей и желаний, которые определяют направление этой активности и оправдывают ее смысл. Эти компоненты могут конфликтовать между собой, и проблемой для анализа является вопрос о том, как из желаний

и целей формируется намерение и моральное действие. Согласно этому взгляду, этическая информация, помещенная в нужную часть цепочки последовательностей и связанная с желаниями и целями, оказывает принципиальное влияние на действия.

Модель 8. Эмоции как факторы морального действия

Если агрессивность является наиболее четким знаком, а зачастую и причиной аморального поведения, то для морального поведения должны быть аналогичные маркеры, которые могут оказаться и факторами. Речь идет не о собственно моральных чувствах стыда, вины или эмпатии, а о фоновых переживаниях, которые могут способствовать выбору моральной формы реагирования на ситуацию. Показано, что даже те подростки, которые прекрасно ориентируются в состояниях и ощущениях жертвы, не всегда готовы ей сопереживать.

С другой стороны, приписывание себе определенных состояний вызывает мощную эго-синтонию, желание реализовать испытываемые чувства. Таким образом, целый спектр чувств может регулировать поведение человека в моральных ситуациях, и если чувства, связанные с дружескими отношениями, партнерством и моральной мотивацией получают развитие, то в дальнейшем именно они становятся навигаторами поведения.

Модель 9. Побуждения справедливости

В современной психологии выделены два фундаментальных индикатора способности личности к моральному поведению — вера в справедливый мир и чувствительность к справедливости. Именно эти конструкты являются на сегодняшний день центральными для понимания нравственной личности (Lerner, Miller, 1978). В противовес редуционистским позициям, объясняющим моральное поведение через скрытый эгоизм или социальное оправдание, вера в справедливый мир встраивается в структуру личности и позволяет человеку в любой ситуации реагировать морально, видеть справедливость в качестве основного критерия и переживать справедливость как собственный стандарт жизни. Вера в справедливый мир является своего рода внутренним контрактом, который поддерживает положительную иллюзию воздаяния по заслугам и является фактически одним из самых мощных и надежных факторов морального действия.

Чувствительность к справедливости — самостоятельный феномен и отражает индивидуальную способность к восприятию несправедливости и к реакциям на это переживание (Schmitt et al., 2005). Чувствительность к справедливости оказалась качеством стабиль-

ным во времени и в разных контекстах и прогностичным в отношении поведенческих реакций субъекта. Было показано, что чувствительность к справедливости не смешивается, казалось бы, с близкими чертами толерантности, межличностного доверия или эмоциональности и совершенно независима от черт большой пятерки.

Вера в справедливый мир и чувствительность к справедливости выполняют целый ряд адаптивных функций: регуляцию собственного поведения субъекта; ожидание от окружения справедливого функционирования и создание интерпретационных рамок мира как упорядоченного и осмысленного. Подростки с высокой чувствительностью к справедливости реже переживают одиночество и депрессию, они более дружелюбны, оптимистичны и хорошо социализированы, чаще демонстрируют просоциальное поведение и готовность к альтруистическим поступкам (Нартова-Бочавер, Астанина, 2014а).

Модель 10. Отражение социальной информации

Оригинальный взгляд на моральное развитие озвучивается такими авторами, как Квок и Селман, которые подчеркивают, что большинство людей не осознают своих ценностей и намерений и основным источником действий для них становится отраженная информация о прошлых ситуациях и прошлых решениях (Handbook of Moral Motivation, 2013). Когда мы говорим о моральных суждениях и принятии решения, нам следует интерпретировать эти действия как оценку прошлых ситуаций, анализ собственного опыта действий и историй столкновения с моральным выбором. Источниками социальной информации становятся: а) гражданская позиция; б) этическое отражение прошлого; в) историческое понимание.

Данный подход претендует на возможность вскрыть эгоистические основания, стоящие за моральными действиями, благодаря пониманию того опыта, который субъект интерпретирует в качестве основания для дальнейших действий. Такой взгляд меняет моральное развитие на решение прагматичной, но предсказуемой и прогнозируемой задачи. Применительно к подросткам одним из наиболее значимых контекстов является семейная ситуация и позиция родителей в отношении нравственных категорий.

Модель 11. Механизм интересов

Еще один подход к моральной мотивации апеллирует к интересам как механизму развития. Различия в интересах определяют различия в моральной позиции. Интересы могут варьироваться в разных

сферах, но наиболее важными проблемными полями для морального развития являются интересы в области общества, политики, религии, личности и собственно морали. Выделяют такие контенты интересов, как этика безопасности (в том числе активность моральных решений), этика обязательств (включая этику отношений) и этика образов, культуры (включая этику реализованности и способности решать проблемы) (Narvaez, 2006).

Человек, проявляющий интерес в определенной сфере, делает это, в частности, потому что обладает рядом способностей как предпосылками для развития интересов, а затем и сформированными компетентностями как следствием реализации интересов. Важным компонентом авторы подхода считают формирование в системе образования ориентации на моральные интересы и поддержку ситуативного, контекстного влияния окружения на формирование норм и ценностей.

Этот подход основан на понимании механизмов активности теории Х. Хекхаузена, его внутренних (интринсивных) мотивах-активаторах, которые существуют в форме ценностных диспозиций. Эти этические диспозиции формируются под влиянием среды, контекстов и не зависят от потребностей или физиологических состояний. Важнейшей характеристикой этих интересов-диспозиций является динамическая направленность, т. е. инициация действия.

Модель 12. Процедурная мораль

Данная модель основывается на исследованиях процедуры принятия решений, когда субъект балансирует между фундаментальными нравственными обязательствами справедливости, честности и помощи. При этом помощь может потребовать нарушения честности, а справедливость исключить возможность помощи. В зависимости от процедуры рассуждений или полноты анализа ситуации решение будет меняться. Озер в рамках данной модели выделил пять типов процедуры рассуждений: 1) стремление предотвратить негативные последствия; 2) передача ответственности; 3) одностороннее решение (ориентация на одно из норм); 4) неполное обсуждение; 5) полный анализ. В зависимости от способа рассуждения субъект приходил к разным выводам в отношении моральных ситуаций и способов действия (Oser, 2005).

Реальная процедура решения включает в себя оценку и финансовых последствий, и изменений в правах, ущемление привычек и пр. Вместе с тем даже в процедуре полномасштабной оценки ситуации, определения всех противоречий и последствий, как показы-

вают исследования, в момент действия возникают «слепые пятна», когда выбор не является очевидным следствием анализа и имеется пространство экзистенциальной свободы выбора без учета рациональных последствий.

Применительно к этой модели уместно вспомнить о двух классических противоречиях в понимании закономерностей морального развития. Это разведение моральной ориентации субъекта на когнитивные (Л. Кольберг) и эмоциональные (К. Гиллиган) основания, что на прагматическом уровне решается как выбор в пользу нормы справедливости (ориентации на права и свободы людей) или нормы помощи и заботы (ориентации на благополучие людей через сочувствие и эмпатию).

Второе противоречие говорит о гетерохронности моральных суждений и возникающих эффектах декаляжей, смены уровней суждений в разных контекстах. В зависимости от полноты суждений или выбора доминирующей нормы, учета обстоятельств и пр. уровень моральных суждений будет неизбежно меняться.

Сами подростки предпочитают такие методы освоения ценностей и нравственных норм, как дискуссии и обсуждения. В исследовании суждений детей и подростков о различных методах обучения ценностям было показано, что если младшие школьники положительно относятся к прямым инструкциям о «хорошем» поведении, о ценностях и должном, ориентируются на авторитет взрослого, то подростки стремятся взвешивать различные ценности, сравнивать их смысл, значение и соблюдать этические нормы на основании свободного осознанного выбора (Helwig et al., 2008).

Канадские исследователи обнаружили, что среди четырех типов методов обучения ценностям патриотизма и антирасизма (прямое обучение, внушение, поведенческий тренинг и обсуждение) младшие дети (7–8 и 10–11 лет) более адекватно воспринимают прямую инструкцию и внушение, а ниже всего оценивают эффективность метода дискуссии. Подростки рассматривали методы дифференцированно в зависимости от типа ценности, и если применительно к ценности патриотизма метод внушения они оценивали крайне отрицательно, считая, что подвергаются идеологической обработке, то в отношении ценности антирасизма внушение не вызывало такого отторжения. В целом подростки настаивали на использовании автономных, активных методов обучения ценностям, таких как дискуссии и обсуждения (Helwig et al., 2008).

Старшие подростки координировали средство обучения, социальный контекст, специфический оцениваемый метод и сами цен-

ности. С годами возрастает дифференциация контекстов. Анализ контекстов показал, что для подростков значимым социальным контекстом, положительно сказывающимся на обучении ценностям, являются сверстники, а для младших школьников — учитель. У подростков появляется чувствительность к идеологическому влиянию в отношении ценностей и стремление обладать возможностью самостоятельного выбора в восприятии инакомыслия. Вместе с тем подростки оценивают вариант участия учителя в дискуссиях как более предпочтительный по сравнению с версией обсуждений, осуществляемых только школьниками.

Цикл исследований особенностей морального развития у современных российских подростков

В рамках описанных моделей нами был проведен цикл исследований особенностей морального развития подростков, изучалось родительское влияние на представления подростков о справедливости, чувствительность к справедливости, вера в справедливый мир и социальные представления у специфических выборок подростков (подростков, оставшихся без попечения родителей, склонных к риску).

Исследование родительского влияния на представления подростков о справедливости

Исследование представлений родителей о справедливости и особенностей морального развития старших подростков было направлено на проверку следующих гипотез:

- 1) подростки в своих представлениях о справедливости воспроизводят представления родителей о справедливости;
- 2) чувствительность подростков к справедливости связана со стилем воспитания родителей (Авдулова, Уханова, 2018).

Развитие моральной позиции в отрочестве обеспечивается динамичным социальным и личностным самоопределением, принципиальными изменениями в мировоззрении и убеждениях, а отношения взрослого субъекта с миром все больше опосредуются нравственными представлениями. Вместе с тем этическая картина мира в значительной степени формируется по модели предпрешенной идентичности, отражая семейные представления и ценности. Традиционные представления о сепарации подростков как магистральной линии развития ведут к дифференцированному анализу их моральных представлений, тогда как в реальности картина моральной

позиции подростков в значительной степени остается связанной с позицией родителей. Определяющие для развития в отрочестве процессы интеграции личности вбирают, пропуская через субъекта родительские конструкты, касающиеся представлений о справедливости, о должном. В этом контексте нам представляется принципиально важным изучать представления о справедливости родителей как прямой фактор морального развития подростков.

Внутри семейного фактора можно выделить такие значимые для морального развития показатели отношений, как взаимное уважение, интенсивность и качество общения родителей с детьми, характер обратной связи и дисциплинирующих воздействий. Подчеркивается также значение доверительных отношений и эмоциональной привязанности. Наряду с этим естественным фактором становится собственная нравственная позиция родителей, регулируемая представлениями о справедливости, которые могут быть оценены как с точки зрения значимости (уровня), так и через определение субъективной позиции, т. е. того, «какой личный опыт проецирует (субъект) на готовность быть обиженным, чувствовать себя защитником слабых или проявлять великодушие в ущерб собственным интересам» (Нартова-Бочавер, Астанина, 2014а).

Классическое исследование М. Хофмана о влиянии стиля воспитания на моральное развитие детей показало преимущественную роль стратегий индукции по сравнению со стратегиями лишения любви или принуждающего требования. Моральная зрелость детей формировалась под воздействием объяснений, подчеркивающих вред для окружающих определенных действий с помощью обоснования репарационных действий (Hoffman, 1970). В отношении других воспитательных воздействий были обнаружены отрицательные корреляции.

В исследованиях Е. Палмер и С. Холлин важнейшими компонентами семейного воспитания, связанными с моральным развитием, являются контроль над поведением ребенка и эмоциональное отношение, т. е. базовые стилистические характеристики воспитания. Высокие показатели контроля, сопряженные с эмоциональной зависимостью (несамостоятельностью), значимо связаны с низкими показателями морального развития, особенно для девочек (Palmer, Hollin, 2001).

Процедура исследования

В исследовании приняло участие 27 полных семей. Испытуемыми выступали 27 подростков в возрасте от 16 до 17 лет и 54 родителя (от-

цы и матери подростков) в возрасте от 37 до 45 лет. Всего исследованием был охвачен 81 участник. Средний возраст подростков – 16 лет 2 месяца. Средний возраст родителей – 39 лет. В таблице 1 названы методики, которые проводились с подростками и их родителями.

Таблица 1
Методики исследования

Родители	Подростки
Чувствительность к справедливости (М. Шмитт, адаптация С. К. Нартовой-Бочавер)	Чувствительность к справедливости (М. Шмитт, адаптация С. К. Нартовой-Бочавер)
Шкала совестливости (В. В. Мельников, Л. Т. Ямпольский)	Шкала совестливости (В. В. Мельников, Л. Т. Ямпольский)
Анализ семейных взаимоотношений (Э. Г. Эйдемиллер и В. В. Юстицкис)	Родителей оценивают дети (зеркало АСВ) (И. А. Фурманов и А. А. Аладын)

Чувствительность к справедливости оценивалась по четырем показателям: с позиции жертвы, с позиции свидетеля, с позиции нарушителя и с позиции бенефициара. По данным автора методики и других исследователей, между четырьмя показателями измерения чувствительности к справедливости, с одной стороны, существует значимая связь, а с другой стороны, они отражают разные реакции субъекта на несправедливость.

По методикам АСВ и АСВ зеркальный анализировались следующие компоненты стиля: гиперпротекция (Г+), гипопротекция (Г–), степень удовлетворения потребностей ребенка (шкалы У+ и У–), уровень требований (шкалы Т+ и Т–), уровень запретов (З+ и З–), строгость санкций (шкалы С+ и С–), предпочтение у подростка детских качеств (ПДК), воспитательная неуверенность (ВН) и фобия утраты ребенка (шкала ФУ).

Шкала совестливости позволяет оценить уровень общей ориентации на моральные нормы и правила.

При анализе результатов исследования использовался непараметрический U-критерий Манна–Уитни, корреляционный анализ по критерию Пирсона с помощью статистического пакета программ SPSS 20.0.

Основные результаты и их интерпретация. Данные статистического анализа взаимосвязи чувствительности к справедливости для подростков и родителей отражены в таблице 2.

Таблица 2

Корреляции между чувствительностью к справедливости у подростков и их родителей

Подростки	Родители	г	р
Чувствительность бенефициара	Чувствительность бенефициара, отцы	0,963	≤0,01
	Чувствительность бенефициара, матери	0,892	≤0,01
Чувствительность жертвы	Чувствительность жертвы, отцы	0,976	≤0,01
	Чувствительность жертвы, матери	0,853	≤0,01
Чувствительность нарушителя	Чувствительность нарушителя, отцы	0,680	≤0,01
	Чувствительность нарушителя, матери	0,599	≤0,01
Чувствительность свидетеля	Чувствительность свидетеля, отцы	0,958	≤0,01
	Чувствительность свидетеля, матери	0,590	≤0,01

Статистический анализ данных подтвердил высокую положительную связь между чувствительностью к справедливости родителей с позицией жертвы, свидетеля, бенефициара и нарушителя и чувствительностью к справедливости подростка с тех же позиций. Чем выше уровень выраженности той или иной позиции у родителя, тем выше эта позиция выражена у подростка. Тем самым была надежно подтверждена первая исследовательская гипотеза о том, что подростки в своих представлениях о справедливости воспроизводят представления о справедливости родителей.

Исследование взаимосвязи стиля родительского воспитания и особенностей моральной позиции подростков отражены в таблице 3. Компоненты стиля воспитания отцов обозначаются индексом «о», матерей – индексом «м».

На высокую чувствительность подростка к справедливости с позиции жертвы, т. е. доминирование переживания жалости, влияют такие компоненты стиля родительского воспитания, как «искусственная инфантилизация» ребенка с материнской стороны (ПДКм), гиперпротекция со стороны отца (обратная зависимость), минимальные родительские требования, по мнению самого подростка. Прямая значимая связь между ПДКм и чувствительностью жертвы у подростков свидетельствует о том, что чем больше мать стимулирует сохранение у подростка таких детских чувств, как непосредственность, наивность и т. д., тем выше у него будет выражена чувствительность к несправедливости в отношении жертвы, т. е. восприятие несправедливости через призму жалости к жертве.

Таблица 3

Корреляции между чувствительностью к справедливости у подростков и компонентами стиля воспитания родителей

Подростки	Компоненты стиля воспитания	г	р
Чувствительность жертвы	ПДКм	0,760	≤0,01
	Г+о	-0,589	≤0,05
Чувствительность свидетеля	ПДКм	0,627	≤0,05
	У-м	0,576	≤0,05
	С-м	-0,694	≤0,05
	Т+о	-0,810	≤0,01
	ФУо	-0,594	≤0,05
Чувствительность нарушителя	ВНо	-0,689	≤0,05

Аналогично и с недостаточностью требований к подростку. Чем меньше, с точки зрения подростка, обязанностей в семье он будет иметь, тем больше будет выражена его чувствительность жертвы.

Чувствительность жертвы обнаруживает у подростков отрицательную корреляцию, связанную с гиперпротекцией отца. Чем меньше своего внимания, времени и сил отец тратит на подростка, тем выше уровень сформированности позиции жертвы по отношению к справедливости у подростка. Таким образом, преимущественная готовность идентифицироваться с жертвой ниже у подростков, отцы которых активно включены в воспитание, поддерживают подростка.

В этом контексте важно вспомнить, что в ряде исследований убедительно показана общая тенденция пассивности и подмены реального поведения внешними эмоциональными проявлениями в ситуациях несправедливости для субъектов, демонстрирующих чувствительность жертвы (Нартова-Бочавер, Астанина, 2014а). Кроме того, доминирующая чувствительность жертвы определяет страх субъекта самому не оказаться в ряду обиженных, что, в свою очередь, ведет к низкой просоциальной активности и высокой вероятности эгоистического поведения» (Lotz et al., 2011).

На высокую выраженность позиции свидетеля по отношению к справедливости влияют такие факторы родительского воспитания, как проекция детских качеств, игнорирование потребностей подростка и минимальность санкций со стороны матери, чрезмерность требований-обязанностей и фобия утраты ребенка со стороны отца. Иными словами статистически значимая зависимость наблю-

дается между выраженной чувствительностью свидетеля подростка и пренебрежением удовлетворения потребностей подростка, а также его психологической инфантилизацией со стороны матери.

Недостаточное стремление родителя к удовлетворению потребностей подростка, зачастую связанных с моральным развитием (например, потребность в эмоциональном контакте и общении), как и неготовность матери принимать факт взросления подростка, ведут к высокой чувствительности подростка к справедливости с точки зрения свидетеля, т. е. позиции невмешательства при нарушении справедливости.

Обратные корреляции между чувствительностью к справедливости у подростков и компонентами стиля воспитания родителей были выявлены по позиции крайне редкого применения наказаний со стороны матерей. Фобия утраты ребенка и чрезмерность требований-обязанностей отрицательно коррелируют с чувствительностью свидетеля. Чем больше указаний отца на то, что можно делать, а что нельзя, поступает в адрес ребенка, тем самым лишая его всякой самостоятельности в выборе способа поведения, тем меньше у подростка выражена чувствительность к справедливости. Низкий уровень чувствительности свидетеля свидетельствует о том, что субъект не включается в переживания по поводу несправедливости в отношении других людей. Позиция свидетеля является наименее вовлеченной в моральный конфликт по сравнению с тремя другими.

На высокий уровень чувствительности к справедливости с позиции нарушителя влияет фактор отцовской воспитательной неуверенности. В ситуации, когда отец берет на себя вину в совершении воспитательных ошибок, когда он позволяет подростку собой манипулировать и пасует перед доминирующей позицией ребенка, у подростка не возникает чувства вины, когда он, например, обогащается за счет другого. Чем в большей степени родитель «идет на поводу» у ребенка, тем в меньшей степени у подростка проявляется чувствительность к справедливости со стороны нарушителя.

Отметим, что наиболее благоприятная позиция чувствительности бенефициара у подростков не обнаружила значимых корреляций ни с одним компонентом стиля воспитания родителей.

Таким образом, вторая исследовательская гипотеза, направленная на оценку влияния стиля воспитания родителей на чувствительность подростков к справедливости нашла свое подтверждение.

Важно отметить также значимую положительную связь между уровнем совестливости у подростков и уровнем совестливости у отцов ($r = 0,676$ при $p \leq 0,05$). Данный показатель также усиливает роль

родительского фактора в моральном развитии подростков. Корреляций с уровнем совестливости матерей не обнаружено. Наоборот, обнаружены отрицательные связи между уровнем совестливости подростков и чувствительностью бенефициара у матерей ($r = -0,673$ при $p \leq 0,05$) и чувствительностью свидетеля у матерей ($r = -0,539$ при $p \leq 0,05$).

Формирование чувствительности к справедливости у подростков осуществляется в системе родительских ценностей и той системы воспитательных воздействий, которые фактически становятся механизмом ранжирования и присвоения отношения к справедливости как субъективного регулятора. В зависимости от присваиваемой позиции в отношении справедливости формируется и поведение подростков. Гипертрофированная детская позиция подростка связана с формированием преимущественной ориентации на позицию жертвы в ситуациях несправедливости как с родительскими образцами, так и с механизмами воспитательного воздействия, ограничивающими самостоятельность и независимость подростка. А такая позиция, как чувствительность нарушителя, отрицательно связана с воспитательной неуверенностью отцов, т. е. уверенная включенность отцов в воспитание подростков обеспечивает достаточно высокий уровень чувствительности нарушителя. Чувствительность к справедливости с позиции нарушителя обеспечивает в целом достаточно активную моральную позицию субъекта и готовность вмешиваться в ситуации несправедливости.

Исследование представлений о справедливости у подростков, воспитывающихся без семьи

Второе исследование было посвящено изучению представлений о справедливости у подростков, воспитывающихся без семьи (Авдулова, 2015). Характеристика выборки: в исследовании приняли участие 32 подростка в возрасте от 14 до 16 лет, мальчики и девочки. Исследование проводилось на базе ГБОУ школы-интерната № 24 для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, Юго-Западного округа г. Москвы.

В исследовании анализировались особенности веры в справедливый мир (К. Дальберт), ориентация на «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леунга, чувствительность к справедливости (М. Шмитт) и ориентация на индивидуализм и коллективизм (Х. С. Триандис и М. Дж. Гелфанд).

Социальные правила, исследуемые в методике «Социальные аксиомы», в отличие от ценностных ориентаций, подтверждают

связь между фактически воспринимаемыми сторонами реальности и определяют эту связь в качестве жизненного ориентира личности. М. Бонд и К. Леунг, обобщая и систематизируя социальные аксиомы, выделили три наиболее общих, на их взгляд, базовых положения: контроль судьбы, религиозность и ожидание вознаграждения (награда за усилия):

1. Награда за усилия. Суждения этой социальной аксиомы отражают оптимизм в отношении того, что трудности жизни могут быть преодолены личностными усилиями и приложением ресурсов человека к решению проблем. Эта аксиома отражает готовность принимать на себя ответственность и труд по построению собственной жизни.
2. Религиозность. Содержание этой аксиомы фокусируется на положительных функциях веры и религиозной позиции. Авторы выделяют религиозную веру и практику как неотъемлемую черту любой культуры. Отношение различных культурных групп к религиозности варьируется и отражает социализационные процессы в целом.
3. Контроль судьбы. Данный фактор определяет отношение к таким жизненным темам, как предсказуемость важных результатов и «предрешенность» того, что происходит в жизни. Эта аксиома отражает отношение к фатализму.

Вера в персональный справедливый мир (PBJW) у подавляющего большинства подростков, оставшихся без попечения родителей, находится в диапазоне средних значений (72%), высокие значения не обнаружены, тогда как вера в общий справедливый мир (GBJW) более чем у четверти подростков достигает высоких значений (27%). Мы наблюдаем нетипичное соотношение между PBJW и GBJW, более традиционным является перевес персональной веры в справедливый мир и утрата иллюзии в отношении общей справедливости. Так, в нашем исследовании социальных представлений у подростков той же возрастной группы, но воспитывающихся в семьях (семьях разного типа), высокие показатели по вере в персональный справедливый мир были обнаружены у 39% подростков, а по вере в общий справедливый мир — у 27%. Уровень веры в справедливый мир и соотношение между ее компонентами дают различную картину представлений о справедливости у подростков.

Возрастная динамика развития ведет к тому, что подростки утрачивают веру в общий справедливый мир, но сохраняют веру в персональный справедливый мир, которая ложится в основу ценностной

позиции подростка и его стратегий совладания с трудными ситуациями. Если вера в персональный справедливый мир является достаточно надежным прогностическим фактором реализации справедливости по принципу помощи, поддержки и прощения, а также отрицательно связана с делинквентным поведением, то общая вера в справедливый мир, напротив, положительно связана с делинквентными установками и отрицательно — с социально поддерживаемыми целями.

Анализ отношения подростков нашей выборки к социальным аксиомам показывают наибольшее доверие к социальной аксиоме «Контроль судьбы»: высокие показатели продемонстрировали 34% подростков. Треть подростков из школы-интерната проявляют высокую уверенность в контроле своей судьбы и уверенность, что это социальная аксиома работает, т. е. человек сам принимает решения в своей жизни и ответствен за нее. В отношении аксиомы «Религиозность», т. е. веры во влияние высших сил на жизнь и позитивного отношения к религиозным догматам позиция подростков в основном концентрируется вокруг средних значений. Среди подростков 66% признают, что в той или иной степени высшие силы влияют на их жизнь. Вместе с тем почти четверть отрицают аксиому религиозности.

Сходные результаты мы получили по отношению к аксиоме «Награда за усилия»: четверть подростков (25%) не разделяют этой аксиомы и утверждения о том, что трудности могут быть преодолены усилиями человека, приложением ресурсов личности к разрешению проблем, что труд будет вознагражден. Для них характерен, с одной стороны, реалистический взгляд, но, с другой стороны, определенное разочарование в социальном устройстве мира. Именно по аксиоме «Ожидание вознаграждения» мы обнаруживаем значимые различия в сравнении с выборкой подростков, воспитывающихся в семье. Более половины подростков из семей (51%) считают, что получают в жизни справедливое воздаяние, если будут трудиться и поступать в соответствии с законом. Кроме того, в исследованиях А. Н. Татарко и Н. М. Лебедевой на взрослой выборке было показано, что высокие показатели по аксиоме «ожидание вознаграждения» коррелируют с гармоничными межличностными отношениями» (Татарко, Лебедева, 2008).

Результаты проведения методики «Шкала чувствительности к справедливости» М. Шмитта по нашей выборке показали в отношении чувствительности жертвы достаточно высокие значения: более половины подростков (56%) продемонстрировали высокую

идентификацию с жертвой, т. е. переживания о страданиях жертвы, чувствительность к тому, что в ситуациях несправедливости жертва оказывается в чем-то уязвленной. Большинство подростков сопереживали жертве. Вместе с тем показано, что позиция жертвы может привести к эксплуатации своего незащищенного положения и принятию пассивности. В выборке подростков из семей высокие показатели чувствительности к позиции жертвы продемонстрировали 41% респондентов.

Наибольшее количество подростков из школы-интерната проявили максимальный уровень чувствительности бенефициара (97%), т. е. все подростки, за исключением одного, проявляют позицию переживаний внутренних угрызений совести и сомнений, когда получают некоторые преимущества в ситуации несправедливости, некоторую пользу как подарок судьбы или стечение благоприятных обстоятельств. В ситуации неожиданной выгоды, когда их достижения оказываются несправедливыми по отношению к кому-то другому, подростки из школы-интерната очень остро чувствуют эту несправедливость и испытывают выраженное чувство вины. Это любопытный показатель, так как в группе подростков из семей ($n=63$) высокую идентификацию с чувствительностью бенефициара показали только 29% респондентов (различия значимы). Остается открытым и порождает различные гипотезы вопрос о том, почему подростки из интерната особенно остро реагируют на несправедливость, которая оборачивается для них выгодой. Предположительно это может быть связано со структурой самооценки и самоотношения, а также эмоциональной депривированностью и опытом жизни в ситуации дефицита индивидуального внимания и индивидуального выигрыша.

Два оставшихся варианта идентификации с позицией свидетеля или чувствительностью нарушителя представлены преимущественно средними значениями.

Статистический анализ полученных данных позволил обнаружить определенные значимые связи между различными компонентами представлений о справедливости у подростков, оставшихся без попечения родителей. Значимые двусторонние корреляции, обнаруженные для показателей веры в справедливый мир, представлены в таблице 4.

Потребность в порядке значимо положительно связана в позиции подростков школы-интерната с верой в социальную аксиому «Ожидание вознаграждения» на уровне 0,421 при $p \leq 0,05$. Вера в персональный справедливый мир, как и вера в общий справед-

Таблица 4
Статистические закономерности для показателей веры
в справедливый мир

Показатели веры в справедливый мир	Религиозность, R	Ожидание вознаграждения, RA	Горизонтальный коллективизм, HC
PNS Потребность в порядке		0,421*	
PBJW Вера в персональный справедливый мир	0,359*		0,451**
GBJW Вера в общий справедливый мир	0,367*		
FC Контроль судьбы		0,439*	
R Религиозность			0,381*
RA Ожидание вознаграждения	0,624**	0,362*	0,637**

Примечание: * – корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя); ** – корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

ливый мир, в свою очередь, значимо положительно связана с аксиомой религиозности. По всей видимости, выраженные религиозные убеждения у подростков школы-интерната, с одной стороны, противопоставляют личность подростка социальному окружению сверстников, а с другой стороны, ориентируют на индивидуализированную траекторию развития (персональная ответственность, персональное развитие).

Позиция принятия справедливости как универсальной закономерности если и формируется у подростков, воспитывающихся вне семьи, то в связи с религиозными убеждениями. Очевидно, что и коллективизм в отношении равных, позиция сотрудничества со сверстниками также связана с верой в персональный справедливый мир. Учитывая, что вера в PBJW в нашей выборке оказалась не самой распространенной, ограниченность равных коллективистических отношений становится негативным фактором в развитии подростков.

Вера в контроль над судьбой значимо положительно связана с горизонтальным коллективизмом, что в условиях школы-интерната является отражением определенного единства товарищеских отношений, которые позволяют справляться с трудными ситуациями

и сопротивляться обстоятельствам. Поддержка сверстников позволяет верить в возможность контроля судьбы.

Также обнаружена значимая положительная связь между верой в контроль судьбы и чувствительностью нарушителя, т. е. острое восприятие несправедливости в контексте нарушения чьих-то прав как стремление и готовность влиять на жизнь.

По-видимому, можно поставить вопрос о том, что социальная и эмоциональная депривация, неизбежно характерная для стиля воспитания в российских социальных учреждениях, ведет к развитию в подростковом возрасте менее выраженной веры в справедливый мир в целом. Нестабильные условия социального окружения могут замедлять развитие веры в справедливый мир (Lerner, Miller, 1978). Очевидно, что вера в справедливый мир возникает как принятие предсказуемости и условной безопасности мира. Снижение ВСМ потенциально усиливает чувствительность к эксплуатации и подозрительность, а также может усиливать эгоизм и асоциальность.

Кроме того, перераспределение доминирования в пользу веры в общий справедливый мир кардинально меняет отношение подростка к справедливости, создавая установку «Для других мир справедливее» и формируя позицию обвинения (Dalbert, 2002). Акцент на общей ВСМ прогнозирует скорее негативный полюс справедливости как фиксации на жертвенности и понимание справедливости как отмщения, а не прощения, что более типично для доминирования веры в персональный справедливый мир (Strelan, Sutton, 2011). В этой связи чрезвычайно важными представляются данные исследований о том, что для подростков персональная вера в справедливый мир ориентирует на достижение целей и отрицательно связана с делинквентностью, тогда как общая ВСМ положительно связана с делинквентностью и отрицательно — с социально позитивными жизненными целями (Dalbert, 2002). При этом, хотя настроенность в отношении справедливости во многом иллюзорна, тем не менее показано, что установки творят поведение.

Чувствительность к справедливости у подростков, оставшихся без попечения родителей, связана с определенной незащищенностью и уязвимостью чувства Я, а также амбивалентностью, так как позиции бенефициара и жертвы плохо сочетаются. Чувствительность бенефициара ориентирована на просоциальное поведение, а чувствительность жертвы — на эгоистическое. Сочетание высоких показателей ВСМ общей и чувствительности жертвы относится к числу

рисков личностного развития. В других исследованиях было показано, что чувствительность жертвы обладает выраженным разрушительным потенциалом для личности и сопровождается деструктивными переживаниями (Нартова-Бочавер, Астанина, 2014а).

Вместе с тем чувствительность бенефициара характеризует субъекта как носителя кооперативных решений и стремления оказать реальную помощь в ситуациях несправедливости, дает личности переживание высокой самооценности.

Наряду с этим большой процент подростков со средними значениями веры в ПСМ по нашей выборке позволяет прогнозировать потенциально хорошие ресурсы совладания с травмирующими ситуациями и готовность преодолевать сложные жизненные ситуации.

Исследование социальных представлений подростков, склонных к риску

Объектом третьего исследования были социальные представления подростков, склонных к риску. Склонность к риску является как личностным, так возрастным и социальным феноменом, который проявляется в связи с определенными типологическими особенностями, но неизбежно нарастает в подростковом возрасте и в юности, а также трансформируется в зависимости от социальной среды и обстоятельств социализации личности. Рисковое поведение, с одной стороны, является своеобразным отражением процесса формирования социальной идентичности, а с другой стороны, оказывается под влиянием таких социальных факторов, как негативные характеристики среды (чуждое окружение, делинквентное окружение, распространенность насилия); принадлежность к группе, ориентированной на рискованное поведение, отсутствие возможностей физической и/или интеллектуальной активности в среде; наличие агрессивного окружения.

В исследовании анализировались уровень совестливости подростков, вера в справедливый мир, отношение к социальным аксиомам и уровень эмоционального интеллекта. Результаты статистического анализа данных представлены в таблице 5.

Подростки, демонстрирующие высокую склонность к риску, как показало наше исследование, не верят в необходимость упорядоченности и предсказуемости жизни, не верят в персональный справедливый мир. Они отличаются низкой ориентацией на моральные и социальные нормы и требования, низкой ответственностью за свои

Таблица 5

Значимые связи между склонностью к риску и социальными представлениями подростков

Взаимосвязи склонности к риску	Показатели по методикам	Коэффициент корреляции
Склонность к риску	Потребность в порядке	-0,413**
	Персональная вера в справедливый мир	-0,325*
	Совестливость	-0,437**
	Религиозность	-0,412**

решения и отсутствием религиозных убеждений. Вместе с тем не обнаружено специфических особенностей склонных к риску подростков в области эмоционального интеллекта и отношения к таким социальным аксиомам, как контроль судьбы и награда за усилия. Полученные данные согласуются с данными исследований, проведенных на взрослой выборке. Выявлены отрицательные связи между склонностью к риску и социальной желательностью, социальной ответственностью и совестливостью (Lerch, 1994).

В этой связи важно увидеть проблему с другой стороны. Воздерживающиеся от риска подростки отличаются высокой потребностью в упорядоченности мира и ориентацией на четкие универсальные правила. Для не склонных к риску подростков характерен высокий уровень поддержки социальной аксиомы «Религиозность».

Обобщая результаты приведенных исследований, можно утверждать, что теории справедливости должны ложиться в основу современных социализационных моделей развития личности, особенно в системе государственного воспитания и формирования нравственной позиции личности, а закономерности формирования представлений о справедливости необходимо учитывать при разработке программ коррекционной и реабилитационной помощи подросткам.

Гармоничные, доверительные семейные отношения влияют на нравственное развитие подростка не только путем эмоционального принятия и предоставления положительных образцов, но и путем создания благоприятных условий для развития отношений с социальным окружением, в первую очередь, со сверстниками. Подростки в дисгармоничных или неполных семьях ограничены в возможностях решать семейные проблемы.

Исследование влияния когнитивного и эмоционального компонента в обсуждениях с подростками и родителями гипотетических моральных дилемм, представлений о справедливости позволило установить, что внутри детско-родительского контекста эмоционально-поддерживающее взаимодействие благоприятствует моральному развитию, в то время как конфликтное взаимодействие ограничивает возможности развития (Power, 1997). Аналогично в исследовании, связанного с обсуждением детей с родителями гипотетического и реального морального конфликтов было обнаружено, что содержание поведения отцов во время обсуждения служило предиктором моральных суждений подростков в течение двух лет (Pratt et al., 2003). Соответственно, принципиально важным выводом становится выделение особой роли отцов в формировании моральной картины мира и представлений о справедливости у подростков. Учитывая сохраняющуюся в нашей стране тенденцию роста неполных семей и значительного числа детей, оставшихся без попечения родителей, возникает риск системной дефицитарности отдельных ценностных, содержательных компонентов морального развития у молодого поколения.

Литература

- Авдулова Т. П. Психология подросткового возраста. Учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2017.
- Авдулова Т. П. Представления о справедливости у подростков, воспитывающихся без родителей // Клиническая и специальная психология. 2015. Т. 4. № 1. С. 29–46. URL: <http://psyjournals.ru/psyclin/2015/n1/Avdulova.shtml> (дата обращения: 04.05.2015).
- Авдулова Т. П., Уханова Д. П. Представления о справедливости и стили воспитания родителей как фактор морального развития подростков // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 81–92.
- Дружиненко Д. А. Особенности переживания чувства вины подростками: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
- Нартова-Бочавер С. К., Астанина Н. Б. Психологические проблемы справедливости в зарубежной персонологии: теории и эмпирические исследования // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 16–32.
- Нартова-Бочавер С. К., Астанина Н. Б. «Униженность и оскорбленность» как черта личности: феноменологический анализ позиции жертвы // Социальная психология и общество. 2014а. № 2.

- Психология детства. Учебник / Под ред. А. А. Реана. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003.
- Татарко А. Н., Лебедева Н. М. Исследование социальных аксиом: структура и взаимосвязи с социально-экономическими установками россиян // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 4. С. 135–143.
- Юревич А. В., Ушаков Д. В. Нравственное состояние современного российского общества // Психология нравственности / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Aquino K., Reed A. The self-importance of moral identity // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. V. 83. P. 1423–1440.
- Bebeau M. J., & Monson V. E. Professional Identity Formation and Transformation Across the Life Span // A. McKee and M. Eraut (Eds). *Professional Learning Over the Life Span: Innovation and Change*. N. Y.: Springer Publishing, 2014.
- Blasi G., & Glodis K. The development of identity: A critical analysis from the perspective of the self as subject // *Developmental Review*. 1995. № 15. P. 404–433.
- Dalbert C. Beliefs in a just world as a buffer against anger // *Social Justice Research*. 2002. № 15. P. 123–145.
- Dalbert C. The world is more just for me than generally: About the Personal Belief in a Just World Scale's validity, *Social Justice Research*. 1999. V. 12. P. 79–98.
- Dienstbier R. A. An emotion-attribution approach to moral behavior: Interfacing cognitive and avoidance theories of moral development // *Psychological Review*. 1975. V. 82. Issue 4. July. P. 299–315.
- Handbook of Moral Motivation. Theories, Models, Applications / Ed. by: Karin Heinrichs, Goethe-University Frankfurt, Germany; Fritz Oser University of Fribourg, Switzerland and Terence Lovat University of Newcastle, Australia & University of Oxford, UK. 2013.
- Helwig C. C., Ryerson R., Prencipe A. Children's, adolescents', and adults' judgments and reasoning about different methods of teaching values // *Cognitive Development*. 2008. V. 23. Issue 1. January. P. 119–135.
- Hoffman M. L. Moral Development // P. H. Mussen (Ed.). *Carmichael's manuals of child psychology*. 3rd ed. N. Y., 1970. V. 2.
- Jose P. E. Just-world reasoning in children's immanent justice judgments // *Child Development*. 1990. V. 61. P. 1024–1033.
- Karniol R. A. Conceptual analysis of immanent justice responses in children // *Child Development*. 1980. V. 51. P. 118–130.

- Krettenauer T., Asendorpf J. B., Nunner-Winkler G. Moral emotions attributions and personality traits as long-term predictors of antisocial conduct in early adulthood: findings from a 20-years longitudinal study // *International Journal of Behavioral Development*. 2013. V. 37 (3). P. 192–201.
- Lerch H. J. Zum Zusammenhang zwischen Entscheidungsverhalten bei einer Bernulli Befragung und Faktoren der Riskobereitschaft // *Psychologische Beiträge*. 1994. P. 575–586.
- Lerner M. J., Miller D. T. Just World research and the attribution process: Looking back and ahead // *Psychological Bulletin*. 1978. V. 85. P. 1030–1051.
- Lotz S., Baumert A., Fechtenhauer D., Gresser F., Schlösser T. Individual differences in third party interventions: How justice sensitivity shapes altruistic punishment // *Negotiation and Conflict Management Research*, 2011.
- McGillicuddy-De Lisi A. V., Sullivan B., Hughes M. The effects of interpersonal relationship and character gender on adolescents' resolutions of moral dilemmas // *Journal of Applied Developmental Psychology*. 2003. V. 23. Issue 6. February–March. P. 655–669.
- Narvaez D., Lapsley D. K., Hagele S., Lasky B. Moral chronicity and social information processing: Tests of a social cognitive approach to the moral personality // *Journal of Research in Personality*. 2006. V. 40. Issue 6. December. P. 966–985.
- Oppenheimer L. Justice and the belief in a just world: a developmental perspective // *Personality and Individual Differences*. 2005. V. 38. Issue 8. June. P. 1793–1803.
- Oser F. Negatives Wissen und Moral // D. Benner (Ed.). *Erziehung–Bildung–Negativität*. Weinheim et al.: Beltz, 2005. P. 171–181
- Palmer E. J., Hollin C. R. Sociomoral reasoning perceptions of parenting and self-reported delinquency in adolescents // *Applied Cognitive Psychology*. 2001. V. 37. P. 822–829.
- Power C. F. Understanding the character in character education // *Developmental perspectives and approaches to character education*. Symposium conducted by L. Nucci at the meeting of the American Educational Research Association, Chicago, March 1997.
- Pratt M. W., Hunsberger B., Pancer S. M., Alisat S. A longitudinal analysis of personal values socialization: correlates of a moral self-ideal in late adolescence // *Social Development*. 2003. V. 12. P. 563–585.
- Rest J., Narvaez D., Bebeau M. J., Thoma S. J. Postconventional moral thinking: A neo-Kohlbergian approach. Mahwah, N. J.: Lawrence Erlbaum Associates. 1999

- Schmitt M., Gollwitzer M., Maes J., Arbach D.* Justice sensitivity: Assessment and Location in the personality Space // *European Journal of Psychological Assessment*. 2005. V. 21. P. 202–211.
- Strelan P., Sutton R. M.* When just-world beliefs promote and when they inhibit forgiveness // *Personality and Individual Differences*. 2011. V. 50. P. 163–168.
- Walker L. J., B. de Vries et al.* Moral stages and moral orientations in real-life and hypothetical dilemmas // *Child Development*. 1987. V. 58. P. 842–858.

Раздел 4

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО, ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО И ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ

Особенности представлений о некоторых компонентах психологического здоровья у созависимой и несозависимой личности

Т. В. Галкина, Н. Г. Артемцева

Постановка проблемы

В период системного идеологического и мировоззренческого кризиса, переживаемого мировым сообществом и ставшего, к сожалению, характерной чертой начала XXI в., разработка проблем, связанных с изучением особенностей национальной ментальности, становится особенно актуальной.

В условиях обострившейся в последнее время информационной войны ряда зарубежных стран против России, когда самобытность российской нации, ее культуры и ментальности ставится под сомнение, изучение особенностей российского менталитета и его составляющих у наших современников приобретает государственное значение, становясь одной из приоритетных научных тем в рамках психологической науки. Представления людей о своем здоровье в целом (как базовой ценности) и психологическом здоровье в частности, а также психологической безопасности среды и личности неразрывно связаны с менталитетом нации как социокультурным феноменом, вобравшим в себя особенности языка и национального характера, коллективную память и чувства, совокупность умонастроений, традиций, знаний, представлений, принятых норм и ценностных предпочтений народов, населяющих страну (Воловикова, 2012; Кольцова, Журавлев, 2016; Юревич, 2013). Осознание людьми смыслового содержания таких понятий, как психологическое здоровье и психологическая безопасность, важно не только в научно-теоретическом плане, но и в практическом, поскольку рефлексия по поводу базовых человеческих ценностей и высших потребностей в конечном счете способствует укреплению как психологического здоровья,

так и чувства психологической безопасности. Учитывая значимость для личности осознания смыслового содержания этих понятий, мы попытались выяснить и сравнить направленность представлений о них у созависимых и несозависимых субъектов. Почему выбраны такие категории субъектов исследования? Это связано, прежде всего, с тем, что созависимость, рассматриваемая нами в самом широком смысле как феномен, латентно присуща фактически каждому современному человеку. Наше здоровье (и физическое, и психологическое) и наше чувство психологической безопасности (один из компонентов психологического здоровья) во многом зависят от особенностей поведения, причем не только нашего, но и окружающих нас близких людей. Мы все в той или иной степени оказываем своим поведением воздействие на других людей, а они — на нас. Вопрос только в том, насколько такое воздействие, зависимость от поведения и привычек другого могут повлиять на здоровье человека, сделать его несчастным, больным, изменить его собственные потребности и интересы, ценностные ориентации, характер. Психологическая наука изучает этот вопрос, обозначив данную психическую реальность как феномен «созависимости». Феномен созависимости многолик, и его влияние на человека как субъекта жизни чрезвычайно широко (Артемцева, 2017; Артемцева, Галкина, 2014). Актуализируется созависимость в разных ситуациях у разных людей. Это своеобразный адаптационный механизм, часто помогающий выживать или просто жить в сложных ситуациях, такой вид психологической защиты (Артемцева, 2017). Если человек при этом чувствует себя хорошо и осознанно, то это его личный выбор. Мы же говорим о тех, кто приходит к психологу с жалобой, что жизнь его не удовлетворяет, а причина кроется в аддикции значимого другого. С осознанной созависимостью к психологу не приходят.

Теоретические аспекты проблем психологического здоровья, психологической безопасности и созависимости

В условиях активного поиска новых жизненных приоритетов, социальных и духовно-нравственных ориентиров необходимость научной разработки проблем психологического здоровья и психологической безопасности не вызывает сомнения. Однако анализ существующих публикаций свидетельствует о недостаточной разработанности этих проблем, особенно в области методов исследования и концептуально-терминологических оснований. Остаются нерешенными вопросы, связанные с особенностями национального менталитета

и смыслового содержания общего понятия психологического здоровья, понятия психологического здоровья нации, а также психологической безопасности как одной из составляющих психологического здоровья. Вопрос исследования специфики представлений об этих феноменах у созависимых субъектов поставлен совсем недавно (Артемцева, Галкина, 2014, 2015; Галкина, Артемцева, 2016).

Психологическое здоровье

Проблема психологического здоровья связана с более широкой проблемой здоровья человека в целом. В конце XX—начале XXI столетия понимание здоровья как соматического функционирования сменилось более широким его определением, включающим понятия психического и психологического здоровья. Понятие «психологическое здоровье» введено в отечественный научный оборот И. В. Дубровиной (1998). Она показала отличие этого термина от термина «здоровье» и уже давно существовавшего в психологии и смежных с ней науках термина «психическое здоровье», подчеркнув их специфику. И. В. Дубровина пишет, что термин «психическое здоровье» имеет отношение, прежде всего, к отдельным психическим процессам и механизмам, тогда как термин «психологическое здоровье» относится к личности в целом. Он находится в тесной связи с высшими проявлениями духа и позволяет выделить собственно психологический аспект проблемы психического здоровья (Дубровина, 1998).

Отметим, что существует определенная сложность в разработке и анализе проблемы психологического здоровья человека. Связано это, в частности, с тем, что ученые и практики часто не разграничивают понятия «психологическое» и «психическое» здоровье и не дают им в своих работах определений, употребляют в качестве синонимов психологического здоровья такие термины, как «душевное», «духовное», «личностное», «нравственное» здоровье. Все это чрезвычайно затрудняет анализ проблемы психологического здоровья. Но в ряде работ современных отечественных психологов даются определения вышеупомянутых терминов и представлено целостное видение их сущности (это исследования Н. Г. Артемцевой, Б. С. Братуся, М. И. Воловиковой, Т. В. Галкиной, О. И. Даниленко, Л. Д. Деминой, И. В. Дубровиной, Е. И. Исаева, Г. С. Никифорова, О. Г. Прохорова, И. А. Ральниковой, В. И. Слободчикова, А. Б. Холмогоровой, А. В. Шувалова и др.)

Придерживаясь позиций системного подхода, мы полагаем, что *психологическое здоровье* следует рассматривать не как однородное образование, а как системный феномен, имеющий сложное уров-

невое строение и пересекающийся в определенной своей части с таким образованием, как психическое здоровье. Нам представляется, что понятие «психологическое здоровье» значительно шире понятия «психическое здоровье». Область знания, охватываемую и тем, и другим понятием, можно представить в виде двух, частично наложенных друг на друга пространств (кругов), где есть совпадающая область и две области, описывающие либо только психическое, либо только психологическое здоровье. Область, описывающая психологическое здоровье, — более широкая (Воловикова, Галкина, 2014, 2017; Психологическое здоровье личности..., 2014).

Проблема психологического здоровья связана с проблемой здоровья человека в целом, и в XXI в. она стала неотъемлемой частью новой области психологической науки «психологии здоровья». Дать исчерпывающее определение понятию «здоровье» вообще и в рамках психологической науки в частности, несмотря на солидный объем уже проведенных теоретических и эмпирических исследований, представляется до сих пор проблематичным. Анализ существующей по этой проблеме литературы позволяет в отношении здоровья выделить ряд общих положений, с которыми трудно не согласиться. Так, здоровье является одной из базовых ценностей в жизни людей. Здоровье — это сложный, многомерный феномен, отражающий модусы человеческой реальности: телесное существование, душевную жизнь и духовное бытие. Отмечается, что в соответствии с этим возможна оценка соматического, иначе — физического, психического и личностного (психологического или душевного) здоровья человека. Весьма важным и значимым является утверждение о том, что «на сегодняшний день безусловно признается эффект взаимовлияния „духа“, „души“ и „тела“ на общее состояние здоровья человека» (Шувалов, 2012, с. 77–78). Подчеркивается также, что здоровье — это культурно-историческое понятие (Даниленко, 2000).

В прошлом вопросами совершенствования природы человека, его здоровья (в самом широком смысле как триединства и взаимовлияния духа, души и тела) занималась, в частности, религия. В любом ответвлении религии можно обнаружить достаточно проработанную систему психического и духовного здоровья и роста человека. Во многих религиях, в том числе и в православной, исходят из положения о том, что человек обязан стремиться к здоровью, ибо здоровье — не эгоистическая цель, а долг перед окружающими. Для многих людей мощным психогигиеническим фактором в отношении душевного здоровья выступают литература и искусство (Даниленко, 2008).

К сожалению, в современном мире человеку стало почти чуждо понятие совершенствования. Утрачено и понимание того, что саморазвитие, рост собственной личности — это помощь не только себе, но и окружающим людям. Человеческая жизнь должна быть высшей ценностью общества, тогда совокупность свойств, качеств и состояний человека становится ценностью не только самого человека, но и общества. Именно это превращает здоровье в целом и психологическое (душевное) здоровье в частности каждого индивида в общественное богатство. Здоровье нации складывается из здоровья ее членов. Точно так же *без психологического здоровья людей, составляющих определенную нацию, невозможно и психологическое здоровье этой нации*. К сожалению, в период мирового кризиса человеческая жизнь и здоровье в пирамиде общественных (и личных) ценностей ушли с верхних позиций, уступив место иным ценностям. Осознав эту губительную тенденцию в отношении ценности человеческой жизни и здоровья, государство и отечественная наука делают попытки восстановить (актуализировать) такую систему ценностей, которая бы имела в своей основе духовно-нравственную составляющую. Именно поэтому разработка проблем, связанных со здоровьем, приобретает государственное значение. Проблемы психологического здоровья и психологической безопасности (составляющие более общих проблем здоровья и безопасности в целом) входят в число приоритетных научных тем в рамках психологической науки (см., например: Проблемы психологической безопасности, 2012; Психологическое здоровье личности..., 2014; Психология повседневного и травматического стресса..., 2016).

Понимание здоровья в целом, психического и психологического здоровья в частности как *системных и многоуровневых феноменов* видится нам перспективным исследовательским подходом, характерным для многих отечественных психологов (Б. С. Братусь, М. И. Воловикова и др., И. В. Дубровина и др., Г. С. Никифоров и др.).

Нам представляется весьма проработанной и продуктивной структурно-уровневая концепция психического здоровья Б. С. Братуся. Он полагает, что психическое здоровье следует рассматривать не как однородное образование, а как образование, имеющее сложное уровневое строение (Братусь, 1988). Б. С. Братусь выделяет три уровня психического здоровья: 1) психофизиологический, который определяется особенностями внутренней мозговой, нейрофизиологической организации актов психической деятельности (нижний уровень); 2) индивидуально-исполнительский (или индивидуально-психологический), который характеризуется способностью человека строить

и использовать адекватные способы реализации смысловых устремлений (средний уровень); 3) личностный (или личностно-смысловой) уровень, который определяется качеством смысловых отношений человека (высший уровень). Ученый полагает, что задача последнего уровня состоит в строительстве системы смысловой ориентировки в мире, стержнем которой является общий смысл жизни, неуничтожимый фактом физической смерти. Поиск и обретение такого рода предельных смыслов придает завершенность личности, делает ее зрелой, устойчивой и продуктивной. Каждый из перечисленных уровней имеет свои собственные закономерности развития и функционирования и, несмотря на тесное единство с другими, обладает определенной автономией.

Понимание здоровья как системного феномена представлено Г. С. Никифоровым с соавт. в учебном пособии «Психология здоровья» (2006). Системный подход позволяет затронуть широкий спектр вопросов, связанных с определением таких понятий, как «физическое здоровье», «психическое здоровье», «социальное здоровье», «душевное здоровье», «духовное здоровье» и др., а также выделить их критерии. При анализе психического здоровья уделяется особое значение его критериям и говорится о том, что для психически здоровой личности характерны гармоничность, консолидированность, уравновешенность, а также такие составляющие ее направленности, как духовность, ориентация на саморазвитие, обогащение личности.

Пристальное внимание уделяется авторами рассмотрению проблемы «душевного здоровья». Этот вид здоровья представляет для нашего исследования особый интерес, поскольку его определение и критерии, по нашему мнению, весьма близки определению и критериям «психологического здоровья». Остановимся на описании этого вида здоровья подробнее. Предлагаемая динамическая концепция душевного здоровья. (Даниленко, 2000, 2008; Психология здоровья, 2006) опирается на разработанную Б. Г. Ананьевым теорию индивидуальности как системной целостности в неразрывности всех ее свойств как индивида, личности и субъекта деятельности, включая специфическую подструктуру — внутренний мир человека. Главная функция внутреннего мира — осуществление саморегуляции человека как системной целостности и организация взаимодействия с окружающей средой (Ананьев, 1968). По Ананьеву, *индивидуальность* — это относительно замкнутая система, «встроенная» в открытую систему взаимодействия человека с миром. *Согласованность мотивов, целей, ценностей человека с требованиями окружающей сре-*

ды, внутренними возможностями и желаниями самого человека рассматривается как условие и проявление душевного (= психологического) здоровья (Психология здоровья, 2006). При этом внутренний мир человека рассматривается как подструктура, ответственная за состояние душевного здоровья человека (Даниленко, 2008). Таким образом, *душевное здоровье рассматривается как динамическая характеристика индивидуальности, отражающая и обуславливающая способность человека ставить принципиально достижимые смыслообразующие цели и реализовывать их, осуществляя саморегуляцию и согласовываясь с требованиями социокультурной и природной среды* (Даниленко, 2008). Исходя из этого, *мерой душевного здоровья человека названа его способность к продуктивному преодолению сложных жизненных ситуаций, сохраняя при этом оптимальный эмоциональный фон и адекватность поведения* (Психология здоровья, 2006). Можно сказать, что *душевное здоровье — это, прежде всего, гармония человека с самим собой и окружающим миром.*

Выделяются также критерии (или показатели) душевного здоровья:

- 1) адекватность деятельности человека социокультурным требованиям и природному окружению;
- 2) оптимальная саморегуляция, выражающаяся в переживании внутренней гармонии (верность себе, соответствие желаний и возможностей, сообразность целей и средств, свобода от тревоги, психоэнергетический баланс);
- 3) благоприятный прогноз (возможность сохранять адекватность деятельности и оптимальность саморегуляции в широкой временной перспективе).

Выделение последнего критерия важно с точки зрения возможности дифференцировать от истинно продуктивных решений такие, которые обеспечивают удовлетворительное состояние человека в настоящее время, но позже чреватые негативными последствиями (Даниленко, 2008). Например, прием различных стимуляторов активности или психотропных средств, которые сейчас обеспечивают повышенный уровень функционирования и хорошее самочувствие, но в дальнейшем неизбежно приведут к ухудшению здоровья как физического, так и душевного (*психологического*). Это касается также и защитных механизмов (создающих иллюзию благополучия за счет самообмана) в отличие от различных способов совладающего поведения (подробнее см.: *Совладающее поведение...*, 2008; *Стресс, выгорание, совладание...*, 2011; и др.).

Рассмотренные выше концепции (Б. С. Братуся, Г. С. Никифорова, О. И. Даниленко и др.), безусловно, вносят существенный вклад в разработку проблемы психического и психологического здоровья, но в то же время они подтверждают существующую тенденцию при исследовании этих проблем, а именно смещение и перекрытие понятий, а также их критериев (показателей). Так, с нашей точки зрения, среди критериев психического здоровья называются и критерии психологического здоровья, и, наоборот, говоря о психологическом здоровье, дают характеристику психического здоровья, например: адекватность поведения. Как отмечалось выше, что для *психически* здоровой личности характерны гармоничность, консолидированность, уравновешенность, а также такие составляющие ее направленности, как духовность, ориентация на саморазвитие, обогащение своей личности. Но духовность и саморазвитие относятся скорее к *психологическому* здоровью личности. При этом, рассматривая *душевное здоровье* (которое, с нашей точки зрения, все же вернее называть *психологическим здоровьем*, прибавив к его показателям еще некоторые, например, духовно-нравственную составляющую, ориентацию на общечеловеческие ценности и др.), опять же подчеркивается, что важнейшим его критерием является адекватность. Скорее всего, способность к адаптации и адекватности поведения можно отнести не только к душевному (психологическому), но и к психическому здоровью (Артемцева, Галкина, 2014, 2015). Это, в частности, соответствует структурно-уровневой концепции *психического здоровья* Б. С. Братуся. Согласно его концепции, средний уровень этого образования характеризуется способностью человека строить и использовать *адекватные* способы реализации своих смысловых устремлений, тогда, как на высшем уровне *психического здоровья* происходит поиск и обретение индивидуально-личностных предельных смыслов, что придает личности завершенность, зрелость, устойчивость и продуктивность (Братусь, 1988). При этом подчеркивается, что *задача* высшего уровня – строительство системы смысловой ориентировки в мире, стержнем которой является общий смысл жизни. Но ведь это, по нашему мнению, *основная задача* именно *психологического* (а не психического, по Братусю) здоровья. Анализ этой концепции также свидетельствует о нечеткости границ между понятиями психического и психологического здоровья личности и о смещении их содержания.

Анализ литературы по проблемам психического и психологического здоровья позволяет констатировать, что во многих исследованиях показана теснейшая связь этих понятий с духовно-нравствен-

ной составляющей (Артемцева, Глакина, 2016; Воловикова, Галкина, 2014, 2017; Воловикова, Джидарьян, 2017; Галкина, 2014; Колпакова, 2013; Флоренская, 2001; Шувалов, 2012; и др.). Исследование проблемы психологического здоровья во взаимосвязи с нравственной и этической психологией дает дополнительную возможность для ученых и практиков в области психологии сделать акцент на изучении духовно-нравственных детерминант личности как субъекта жизни (см., например: Психологическое здоровье личности..., 2014). С нашей точки зрения, духовно-нравственный компонент является *системообразующим фактором* психологического здоровья личности. Такой подход к проблеме психологического здоровья свидетельствует о том, что современная отечественная психология ставит одной из основных задач формирование новых потребностей, общественных целей и ценностей человеческой жизни и здоровья, тем самым демонстрируя направленность научной мысли на служение обществу и прогрессу.

Исследования, направленные на выявление смыслового содержания представлений наших современников о психологическом здоровье и психологической безопасности, проводятся в рамках комплексного изучения духовно-нравственных проблем современной личности, осуществляемого сотрудниками Института психологии РАН (Психология нравственности, 2010; Психологические исследования духовно-нравственных проблем, 2011; Нравственность современного российского общества ..., 2012; Проблемы психологической безопасности, 2012; Журавлев, Юревич, 2013; Психологические исследования нравственности, 2013; Психологическое здоровье личности ..., 2014; и др.). Однако стоит отметить, что бурный рост количества исследований, связанных с нравственной проблематикой, стал возможен не только благодаря осознанию современными психологами жизненной необходимости таких исследований, но и постоянному вниманию к нравственным проблемам классиков отечественной психологии советского и последующих периодов. Выдающиеся психологи Л. И. Анцыферова, Л. И. Божович с сотрудниками, Б. С. Братусь, А. В. Брушлинский с сотрудниками, К. К. Платонов, С. Л. Рубинштейн, В. И. Слободчиков, Т. А. Флоренская, В. Э. Чудновский, Е. В. Шорохова, С. Г. Якобсон и др. внесли серьезный вклад в сохранение интереса к духовно-нравственной проблематике. Этот интерес не только сохранился, но и возрос в последнее время. Уместным здесь будет упомянуть исследования А. Л. Журавлева, Н. А. Журавлевой, Т. П. Емельяновой, А. Б. Купрейченко, А. Е. Воробьевой, В. Е. Семенова, А. С. Чернышева с сотрудни-

ками и др. – по социальной и экономической психологии; Л. Г. Дикой, Е. П. Ермолаевой, В. А. Пономаренко и др. – по психологии труда; Е. А. Сергиенко с сотрудниками – по психологии развития; Н. В. Тарабриной, Н. Е. Харламенковой с сотрудниками – по психологии посттравматического стресса; К. А. Абульхановой, М. И. Воловиковой, А. В. Юревича с сотрудниками, А. А. Гостева, В. А. Кольцовой с сотрудниками, Л. М. Попова с сотрудниками, О. Е. Серовой, В. И. Слободчикова, В. А. Соснина, В. Д. Шадрикова, А. В. Шувалова, и мн. др. – по общей психологии, методологии и истории психологии; М. Ю. Колпаковой, Т. Ю. Коренюгиной и др. – по психотерапии; Н. Я. Большуновой, А. С. Чернышева и др. – по воспитанию детей и молодежи (Воловикова, Галкина, 2017). Исследование различных вопросов, связанных с нравственно-психологическими проблемами в разных областях психологии, изучение роли и места духовно-нравственных аспектов в бытии человека вносят существенный вклад в разработку проблемы психологического здоровья и психологической безопасности.

Представления о психологической безопасности

Достаточно очевидно, что проблема психологического здоровья теснейшим образом связана с проблемой психологической безопасности. Полноценное психологическое здоровье невозможно представить себе без состояния психологической безопасности. Проблема психологической безопасности, имея, безусловно, *междисциплинарный* характер, относится к достаточно новой для отечественной психологии научной области – «психологии безопасности».

Обзор психологической литературы по проблемам безопасности в целом и психологической безопасности в частности (см., например: Вербина, 2013; Проблемы психологической безопасности, 2012; Харламенкова, 2012; и др.), позволяет констатировать, что к настоящему времени в разных культурах сформировались близкие представления о безопасности. Основное содержание этих представлений касается чувств и переживаний человека, связанных с его положением в настоящем и перспективами на будущее.

Понятие «безопасность» в психологической литературе определяется как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз (Вербина, 2013). Психологическая безопасность является одной из составляющих национальной безопасности и включена в категорию социальной безопасности. Говоря о проблеме психологической без-

опасности, важно помнить о двух аспектах этой проблемы – о *психологической безопасности среды* и *психологической безопасности личности*. Существуют различные определения психологической безопасности. Так, например, психологическую безопасность можно рассматривать, как состояние психологической защищенности, как способность человека и среды отражать неблагоприятные внешние и внутренние воздействия. Психологическая безопасность как состояние сохранности психики предполагает поддержание определенного баланса между негативными воздействиями на человека окружающей его среды и его устойчивостью, способностью преодолеть такие воздействия собственными ресурсами или с помощью защитных факторов среды. Психологическая безопасность личности и среды неотделимы друг от друга и представляют собой модель устойчивого развития и нормального функционирования человека во взаимодействии со средой. Анализ отечественной и зарубежной литературы показал, что проблема *обеспечения* психологической безопасности человека и жизненной среды, влияющей на его становление, развитие и функционирование, – достаточно новое направление исследований в психологической науке, хотя и выступает одной из приоритетных задач социальной практики (Рассоха, 2005).

Современные подходы к изучению безопасности позволяют охарактеризовать различные критерии, уровни и компоненты в структуре психологической безопасности взаимодействующих субъектов. Показано также, что в целом личностная безопасность человека проявляется в виде разных стратегий защиты Я, защиты своей идентичности. Сделаны выводы об общих и специфических стратегиях достижения безопасности – контроль, самопреодоление и избегание (Зеленова, 2012; Проблемы психологической безопасности, 2012; Харламенкова, 2012; и др.).

В психологической литературе встречается определение психологической безопасности как состояния общественного сознания, при котором общество в целом и каждая отдельная личность воспринимают существующее качество жизни как адекватное и надежное, поскольку оно создает реальные возможности для удовлетворения естественных и социальных потребностей граждан в настоящем и дает им основания для уверенности в будущем. Психологическую безопасность личности часто рассматривают как состояние защищенности ее психики от действия многообразных информационных факторов, препятствующих формированию и функционированию

адекватной ориентировочной основы социального поведения человека (и в целом жизнедеятельности в обществе), а также адекватной системы его субъектных (личностных, субъективно-личностных) отношений к окружающему миру и самому себе или их затрудняющих (Проблемы психологической безопасности, 2012).

Феномен психологической безопасности личности — это, прежде всего, результат взаимодействия с тем или иным типом среды или пребывания в той или иной ситуации. При рассмотрении психологической безопасности на уровне личности достаточно часто подчеркивается оценочный аспект переживания личностью степени собственной защищенности, при этом уделяется внимание способности человека сохранять устойчивость в среде с неопределенными параметрами, в том числе и с психотравмирующими воздействиями, его сопротивляемости деструктивным внутренним и внешним воздействиям (Обеспечение психологической безопасности..., 2006). Рассмотрение ряда концепций психологической безопасности, ориентированных на личностный уровень, позволяет выделить три основные группы *критериев безопасности* (Агузумян, Галстян, Мурадян, 2010). К первой группе относят критерии целостности физической структуры человека, полноценное функционирование организма. Во вторую группу входят характеристики, относящиеся к природному психическому уровню человека: адекватность отражения и отношения к миру, защищенность психики, адаптивность функционирования и др. Третья группа критериев связана с ценностным, личностно-смысловым уровнем человека: удовлетворенность настоящим, уверенность в будущем, защищенность интересов, позиций, идеалов, ценностей, с которыми человек отождествляет свою жизнь (Лызь, 2005).

Из сказанного выше о психологической безопасности логично предположить, что без состояния защищенности весьма затруднительно говорить и о наличии психологического здоровья в целом. Об этом в частности свидетельствуют и результаты ранее проведенных нами исследований, направленных на выявление компонентов психологического здоровья посредством изучения личностных представлений наших современников о данной психической реальности (Артемцева, Галкина, 2016). Так, оказалось, что представление о психологическом здоровье в целом подразумевает включение в это понятие таких понятий, как психологическое здоровье личности, психологическое здоровье семьи, психологическое здоровье нации и психологическая безопасность, которые можно рассматривать как его компоненты.

Феномен созависимости в аспекте угрозы психологическому здоровью и психологической безопасности

Феномен *созависимости* в последнее время приковывает к себе все большее внимание исследователей и связано это, в частности, с тем, что он стал рассматриваться как сложное системное образование, имеющее более общий характер, чем это было принято считать раньше (Артемцева, 2017). Созависимость, понимаемая в самом широком смысле, — это особое состояние, выраженное поведенческими паттернами, мотивированными какой-либо зависимостью от пристрастий, болезней, поведения значимых других: человека, группы, страны.

Созависимость — «co-dependence» как особая психологическая реальность была выделена в психологии сравнительно недавно. Только в 1986 г. в Америке появились первые анонимные группы для «co-dependents» — «со-зависимых», а в 1990 г. был создан Национальный Совет по созависимости — NCC (National Council on Co-dependence).

М. Битти, автор трех книг по проблеме созависимости, утверждает, что созависимость — это многое: зависимость от людей, с которыми близко общаешься, от их настроения, поведения, болезни или здоровья, их любви или ненависти. Это, по ее мнению, парадоксальная зависимость (Beattie, 1987, 1989, 1992).

Поведение, мотивированное какой-либо зависимостью *значимого другого*, принято называть «со-зависимостью», а «со-зависимым» — того, кто, с одной стороны, позволяет поведению *другого человека* влиять на свою жизнь, а с другой — пытается контролировать это поведение. Этот *другой человек* может быть собственным ребенком, близким взрослым, мужем/женой, сестрой, родителями, клиентом или лучшим другом. Он/она может быть алкоголиком, наркоманом, душевно или физически больным человеком или просто подверженным частым депрессиям. Но дело не в том, *другом человеке*, который болен и зачастую знает об этом. Дело в том, кто находится рядом с ним. Именно ему труднее всего осознать свое поведение как болезнь, часто именно он/она расплачивается всю свою жизнь за чью-то зависимость от алкоголя, наркотиков, работы, депрессии и т. д., страдая физически, психически, эмоционально, духовно. Можно сказать, что созависимость в отличие от других явлений затрагивает не только физическую и ментальную (психическую) сферы человеческого существования, но и выходит на более высокий уровень — духовный, который находится в симбиозе с первыми двумя, а это уже непосредственно связано с состоянием психологического здоровья человека в целом. К. Уитфильд приходит к выводу, что без духовности (наряду с ментальной, физической и эмо-

циональной сферами человеческого бытия) путь к восстановлению своего «Я» невозможен (Whitfield, 1991).

Анализ литературы по проблемам психологического здоровья, психологической безопасности и созависимости позволяет говорить о том, что созависимые паттерны поведения несовместимы с основными критериями психологического здоровья личности. Это было показано нами ранее (Артемцева, Галкина, 2014, 2015; Галкина, Артемцева, 2016). По всей видимости, это касается и психологической безопасности как одного из компонентов психологического здоровья в целом. Кратко поясним это положение. Психологическое здоровье предполагает, прежде всего, *гармонию человека с самим собой*. Согласованность мотивов, целей и ценностей человека с требованиями окружающей среды и его *внутренними* возможностями рассматриваются, в частности Г. С. Никифоровым и О. И. Даниленко, как условия душевного (= психологического) здоровья (Психология здоровья, 2006; Даниленко, 2008).

А ведь как раз этой гармонии и нет у созависимого человека, он переживает потребности, желания *другого как свои собственные* (Артемцева, 2017). Индивид, страдающий созависимостью, фактически забывает о *себе и своих* потребностях, целях, ценностях и тем более не соотносит их со *своими внутренними* возможностями. В результате теряется «самость» человека, а это значит, что нарушается одно из важнейших условий психологического здоровья. У созависимого человека искажается реальная картина жизни, разрушается способность справляться со сложными обстоятельствами своей жизни, нарушается *адекватность* поведения, исчезает *положительный эмоциональный фон*. Созависимый человек *не может быть в гармонии с самим собой*, поскольку он потерял себя и «растворился» в другом. Созависимый теряет интерес к жизни, потому что не живет *своей* жизнью; он не может принимать решения, потому что не знает, чего же в действительности *он сам* хочет. У созависимой личности часто возникают пессимистические, а иногда и депрессивные состояния. Совершенно естественно, что в такой ситуации человек не может быть психологически (а часто и психически) здоровым (Артемцева, Галкина, 2014, 2015; Галкина, Артемцева, 2016) и чувствовать себя психологически безопасно.

Проведенный нами анализ многих исследований по проблемам психологического здоровья, психологической безопасности и созависимости показал, что среди критериев психологического здоровья и психологической безопасности присутствуют те же аспекты, что и у свободного от созависимости субъекта. Действительно,

адекватность, критичность, гармоничность, уравновешенность, спокойствие, способность к самоуправлению, а также целеустремленность, автономия, независимость, уверенность, работоспособность, полноценность семейной и личной жизни, самоактуализация (развитие), чувство юмора, ответственность, оптимизм и способность радоваться и отсутствие тревоги являются крайне важными составляющими как психического, так и психологического здоровья личности и ее психологической безопасности.

Таким образом, освобождение от созависимых паттернов поведения является одним из факторов, способствующих укреплению психологического здоровья личности и ее психологической безопасности.

Подведем итоги. Анализ научных представлений о психологическом здоровье, психологической безопасности и созависимости позволяет констатировать наличие ряда слабо разработанных частей в этих концепциях. Это касается концептуально-терминологического аспекта, а также методов исследования. До сих пор нет четких и однозначных определений понятий «психологическое здоровье», «психологическая безопасность» и «созависимость». Единственное, в чем сходятся исследователи этих феноменов, так это в том, что они представляют собой сложные системные образования, имеющие уровневое строение, и что для их эффективного исследования необходимо применение основных научных принципов комплексного и системного подходов, единства теории, эксперимента и практики, методологических позиций субъектно-деятельностного и личностного подходов (подробнее см.: Методология комплексного человекознания ..., 2008; Субъектный подход в психологии, 2009; и др.).

Исследование *особенностей представлений о психологическом здоровье и психологической безопасности у созависимых и несозависимых субъектов* — один из возможных путей эмпирического изучения психологических механизмов, лежащих в основе такого феномена, как созависимость, а также необходимый этап для уточнения концептуально-терминологического аспекта проблемы психологического здоровья и разработки новых методических средств для исследования этой психологической реальности.

Проблема изучения различных социальных представлений в психологической науке — отдельная большая научная область. Наше исследование было организовано с учетом основных методологических и методических положений, отраженных в ряде известных работ в этой области (Абульханова-Славская, 2002; Воловикова, 2012; Емельянова, 2006; Московичи, 1995; Abric, 1994; Doise, 1992; Flament, 1989; Moskovici, 1984; Valence, 2010; и др.)

Эмпирическое исследование представлений о некоторых компонентах психологического здоровья у созависимых и независимых субъектов

Наше эмпирическое исследование состояло из *двух этапов*. На *первом этапе* оно было направлено на выявление *общего и особенного* в содержании представлений наших современников о *психологическом здоровье и его компонентах*. *Второй этап* исследования был посвящен изучению особенностей представления о *психологическом здоровье нации и психологической безопасности* (как компонентах психологического здоровья в целом) у *созависимых и независимых субъектов*. В обоих эмпирических исследованиях была использована разработанная нами *методика* изучения личностных представлений о психологическом здоровье субъекта на основе принципов ассоциативного эксперимента и специального анализа полученных вербализаций (Артемцева, Галкина, 2015, 2016; Галкина, Артемцева, 2016). Во втором исследовании, помимо указанной методики, был использован опросник «Профиль созависимости», позволяющий выявлять созависимых и независимых субъектов (Артемцева, 2017). Остановимся на более детальном изложении результатов эмпирического исследования.

На первом этапе *задачей* исследования было выявление общего и особенного в понимании структуры психологического здоровья нашими современниками посредством анализа их ассоциаций. Широкий спектр неповторяющихся ассоциаций, с нашей точки зрения, отражает индивидуально-личностные особенности субъекта в данный момент бытия.

Гипотеза первого этапа исследования: существуют общие и особенные смыслы личностных представлений, связанных с психологическим здоровьем и его компонентами.

Испытуемые: 173 человека, мужчины и женщины в возрасте 19–45 лет, студенты вузов Москвы и лица с высшим образованием.

Условия проведения исследования. Испытуемым давалась устная инструкция: «Запишите свои ассоциации (3–5), характеризующие понятия: 1) психологическое здоровье личности, 2) психологическое здоровье семьи, 3) психологическое здоровье нации и 4) психологическая безопасность». Предлагался стандартный протокол в свободной форме. Такой перечень понятий связан с наиболее стабильными, на наш взгляд, компонентами психологического здоровья как многоуровневого явления.

Обработка и обсуждение результатов исследования. Было получено 692 протокола, которые были разделены на четыре группы в со-

ответствии с анализируемыми нами компонентами психологического здоровья и которые содержали в целом 2400 ассоциаций. Все ассоциации анализировались с помощью контент-анализа с целью выявления общего и особенного в понимании основных компонентов структуры психологического здоровья. Надо отметить, что среди ассоциаций, полученных в нашем исследовании, довольно многие выделили такие характеристики, как доброта, нравственность, духовность, развитие, гармония, доверие и мн. др. Эти ассоциации встречались во всех четырех группах протоколов, т. е. эти характеристики крайне важны для человека не только, когда он представляет себе свое собственное психологическое здоровье, но и когда речь идет о психологическом здоровье семьи, нации и даже о психологической безопасности. Далее методом количественных сопоставлений были получены наиболее часто встречающихся ассоциации по поводу понятий: 1) психологическое здоровье личности, 2) психологическое здоровье семьи, 3) психологическое здоровье нации и 4) психологическая безопасность.

Проведенное исследование показало, что, говоря о психологическом здоровье *личности*, наши испытуемые наиболее часто использовали следующие характеристики: адекватность, спокойствие, гармония, уравновешенность, здоровье, радость, развитие, уверенность, душевность и др. С помощью семантического анализа были выявлены ассоциации, которые употребляются *большинством* участников исследования, и мы отнесли их к категории *общее*. Ассоциации, которые встречались крайне *редко* (1–2 раза), были отнесены к категории *особенное*, например: успех, душа, смех, юмор, умение ориентироваться, спорт, семья, безопасность, нация и др.

Представления о психологическом здоровье *семьи* связаны, в частности, с такими переменными, как забота и уважение, доверие и взаимопонимание, гармония и любовь. Анализ результатов исследования показал, что, во-первых, существуют *общие* представления о психологическом здоровье семьи (например, взаимопонимание, любовь, поддержка, уважение), которые присутствуют практически у всех испытуемых. Во-вторых, было обнаружено, что существуют крайне субъективные представления, которые были отнесены к категории *особенное*, например: традиция, спорт, совместная деятельность, равноправие, смех, поступок.

Беседы как метод эмпирического исследования показали, что в представлениях испытуемых благополучие и психологическое здоровье личности и семьи неразрывно связаны с благополучием нации в целом («семья — ячейка общества»), и поэтому ни у кого из участ-

ников исследования не вызвало удивления то, что следующим компонентом психологического здоровья в целом является психологическое здоровье нации.

Исследование личностных представлений о психологическом здоровье *нации* показало, что наиболее часто использовались следующие характеристики: уважение, единство, уверенность, развитие, патриотизм, толерантность, сплоченность и др. С помощью семантического анализа были выявлены ассоциации, которые употребляются большинством наших испытуемых, и мы отнесли их к категории *общее*. Ассоциации, которые встречались крайне редко (1–2 раза), были отнесены к категории *особенное*, например: население, воспитанность, уступчивость, толпа, спорт, семья, безопасность, нация.

Изучая личностные представления наших современников о психологическом здоровье в целом, мы пришли к выводу, что такое понятие, как «психологическая безопасность», теснейшим образом связано с понятием «психологическое здоровье» (см.: Проблемы психологической безопасности, 2012). Поскольку понятие «психологическая безопасность» в литературе достаточно часто раскрывается через понятие «психическое здоровье» (которое, как было показано выше, определенным образом совпадает и пересекается с понятием «психологическое здоровье»), анализ личностных представлений о *психологической безопасности* представляется нам необходимым этапом исследований. Наиболее частыми ассоциациями по поводу понятия *психологическая безопасность* были: уверенность, защита, спокойствие, граница, свобода, поддержка, доверие. Мы отнесли их к категории *общее*. Кроме *общих* характеристик, выделены и *особенные*: эмпатия, экономика, финансы, стресс, страх, стойкость.

Таким образом, проанализировав результаты проведенного эмпирического исследования личностных представлений наших современников о некоторых компонентах психологического здоровья, мы пришли к заключению, что существуют общие и особенные смыслы различных компонентов понятия «психологическое здоровье»; исследование содержания ассоциаций по поводу основных компонентов понятия «психологическое здоровье», относящихся к категориям «общее» и «особенное», показывает многокомпонентность этой психической реальности; вопрос о соотношении различных компонентов психологического здоровья, являющегося сложным структурно-уровневым образованием, может быть решен в результате дальнейших исследований в рамках системного подхода.

На втором этапе ставилась *задача* проанализировать личностные представления о «психологическом здоровье нации» и «психо-

логической безопасности» у созависимых и несозависимых субъектов посредством анализа их ассоциаций.

Гипотеза второго этапа исследования: личностные представления о психологическом здоровье нации и психологической безопасности могут быть дифференцированы в зависимости от наличия у субъектов такого состояния, как созависимость.

Испытуемые: 44 человека, мужчины и женщины в возрасте 19–45 лет, студенты вузов Москвы и лица с высшим образованием. Все испытуемые были разделены на две группы по 22 человека каждая: созависимые и несозависимые, ориентируясь на результаты опросника «Профиль созависимости» (Артемцева, 2017).

Условия проведения исследования. Испытуемым давалась устная инструкция: «Напишите свои ассоциации (3–5), характеризующие понятия «психологическое здоровье нации» и «психологическая безопасность». Предлагался стандартный протокол исследования ассоциаций по поводу определенного понятия, принятый в психо-семантике.

Обработка и обсуждение результатов исследования. Было получено 44 протокола: созависимые – 22 протокола и несозависимые – 22 протокола, содержащих 146 и 138 ассоциаций соответственно (всего – 284). Все полученные ассоциации были проанализированы с помощью контент-анализа с целью выявления общего и особенного в понимании таких многоуровневых понятий, как «*психологическое здоровье нации*» и «*психологическая безопасность*» у созависимых и несозависимых субъектов. Поскольку в полученном спектре характеристик представлены самые разнообразные формы похожих и разных (как по значению, так и по грамматике) слов, то за единицу контент-анализа были взяты лексемы¹.

Далее методом количественных сопоставлений были выявлены наиболее часто встречающиеся ассоциации по поводу понятий «психологическое здоровье нации» и «психологическая безопасность» у созависимых и несозависимых субъектов. Полученные результаты отражены в таблицах 1–2.

Для доказательства гипотезы о том, что *созависимые и несозависимые субъекты демонстрируют различия в общих представлени-*

¹ «Лексема – одна из системных единиц плана содержания языка..., совокупность форм и значений, свойственных одному и тому же слову во всех его употреблениях и реализациях. В значениях словоформ лексема выражает то, что остается неизменным при всех грамматических видоизменениях, и отражает идею тождества слова самому себе» (см.: Русский язык, 1979, с. 122).

ях о психологическом здоровье нации и психологической безопасности, проанализируем результаты, отраженные в таблицах 1 и 2, с позиции их сходства и различия. В таблице 1 видны результаты, касающиеся представлений о психологическом здоровье нации. Как показало наше исследование, представления о психологическом здоровье нации у созависимых и независимых субъектов в большинстве своем совпадают. Действительно, и те, и другие связывают психологическое здоровье нации с такими переменными, как вера в национальную идею, патриотизм, толерантность, развитие, дружба. Однако контент-анализ ассоциаций показал, что, во-первых, удельный вес (частотность) этих ассоциаций у созависимых и независимых субъектов различен, во-вторых, приоритеты распределяются по-разному. Так, например, выглядят эти ассоциации, ранжированные по частотности:

Таблица 1

Представления о психологическом здоровье нации у созависимых и независимых субъектов

Созависимые субъекты	Независимые субъекты
1. Вера в национальную идею	1. Вера в национальную идею
2. Патриотизм	2. Уважение
3. Толерантность	3. Будущее
4. Стабильность	4. Единство
5. Дружба	5. Забота
6. Культура	6. Патриотизм
7. Свобода	7. Дружба
8. Спокойствие	8. Толерантность
9. Развитие	9. Развитие

Как показано в таблице 1, для созависимых крайне важным оказываются не только вера в национальную идею (как, впрочем, и для независимых), но и толерантность и дружба. Этот результат вполне соответствует именно тем паттернам поведения, которые способствуют не только актуализации созависимости, но и трудностям, связанным с осознанием созависимости как причины неудовлетворенности базовых потребностей. Одной из особенностей созависимости является чрезмерная толерантность к ситуациям дисфункциональных отношений.

Наши испытуемые продемонстрировали еще одно отличие в представлениях о психологическом здоровье нации. Для созависимых субъектов представление о психологическом здоровье нации ассо-

циируется с такими явлениями, как стабильность, культура, свобода, спокойствие, а у независимых такие ассоциации практически отсутствуют или находятся на предпоследнем месте (как толерантность, например). Для созависимых субъектов стабильность — крайне важный компонент существования. А стремление к свободе часто приводит их к мысли о необходимости изменений в их нездоровых отношениях со значимыми другими. Они часто говорят о том, что отказываются от себя именно для достижения спокойствия и стабильности. Вероятно, у независимых субъектов эти ассоциации не связаны с представлением о психологическом здоровье нации, так как культура, свобода и спокойствие как раз и являются залогом стабильности в обществе, состоящем из психологически здоровых субъектов. Ощущение себя в единстве с нацией для них и есть источник радости (это факт «по умолчанию»). Именно поэтому, видимо, для них важны такие параметры, как уважение, будущее, единство и забота. Действительно, для психологически здоровой нации характерен интерес к будущему и забота о нем, уважение к себе и другим как необходимый компонент единства, которое у них тоже ассоциируется с психологическим здоровьем нации. У созависимых же субъектов вообще отсутствуют эти ассоциации (одним из признаков созависимости как раз и является отсутствие уважения к себе и своему здоровью, другим и окружающему миру).

Рассмотрим теперь различия в представлениях созависимых и независимых субъектов о психологической безопасности. Анализ ассоциаций показал, что представления о психологической безопасности у разных субъектов тоже различаются не только наличием/отсутствием тех или иных ассоциаций, но их рангом и количеством. Наши исследования показали (см. таблицу 2), что представления о психологической безопасности у созависимых субъектов связаны, в частности, с такими переменными, как граница и будущее, а для независимых субъектов — с отсутствием тревожности и психологического давления.

Таким образом, мы видим следующее. Во-первых, существуют общие представления о психологической безопасности для созависимых и независимых субъектов: защищенность, уверенность, спокойствие, здоровье, свобода. Во-вторых, у созависимых психологическая безопасность ассоциируется с такими понятиями, которых не наблюдается у независимых: атмосфера комфорта, граница и будущее. У независимых, в свою очередь, присутствуют ассоциации, которых нет у созависимых: для них характерно отсутствие тревожности и психологического давления. В третьих, частотность

этих ассоциаций у созависимых и несозависимых субъектов различна и приоритеты распределяются по-разному. Так, например, выглядят эти ассоциации, ранжированные по частотности (см. таблицу 2):

Таблица 2

Представления о психологической безопасности у созависимых и несозависимых субъектов

Созависимые субъекты	Несозависимые субъекты
1. Защищенность	1. Комфорт в окружающем мире
2. Атмосфера комфорта	2. Отсутствие тревожности
3. Граница	3. Отсутствие психологического давления
4. Уверенность	4. Спокойствие
5. Будущее	5. Свобода
6. Спокойствие	6. Уверенность
7. Здоровье	7. Защищенность
8. Свобода	8. Здоровье

Как показано в таблице 2, для созависимых субъектов (именно применительно к психологической безопасности) оказывается важным такая переменная, как защищенность (вероятно, от значимого другого), на втором месте по значимости — атмосфера комфорта. И это вполне объяснимо: ситуация, в которой постоянно находится созависимый, не только не является безопасной, но и переживается как крайне дискомфортная, что и приводит созависимого в конце концов на консультацию к психологу. Понятно, что важными компонентами как для созависимых, так и для несозависимых субъектов являются спокойствие, уверенность, комфорт, ибо без этих переменных крайне трудно представить психологическое здоровье вообще и психологическую безопасность в частности.

Для проверки значимости проанализированных различий использовались критерий χ^2 (Статистика 7). Различия оказались статистически значимыми: по представлениям о психологическом здоровье *нации* у созависимых и несозависимых субъектов сравнивались показатели частотности ассоциаций «вера в национальную идею», «толерантность», «дружба», «патриотизм», «развитие» ($\chi^2=18,00000$, $df=4$, $p<0,001$); по представлениям о психологической безопасности у созависимых и несозависимых субъектов сравнивались показатели частотности ассоциаций «уверенность», «свобода», «спокойствие», «здоровье», «защищенность» ($\chi^2=98,49405$, $df=4$, $p<0,000000$). Наше исследование показало, что, хотя эти ассоциации и встречаются у представителей обеих групп (созависимых и несозависимых),

но у созависимых статистически значимо чаще, чем у несозависимых. Рассмотрим крайние позиции в этой таблице: на последнем месте у созависимых субъектов — свобода (это как раз то, чего не хватает созависимому в любых дисфункциональных отношениях — свободы выбора своего собственного пути); на последнем месте у несозависимых субъектов — здоровье (поскольку на первом месте — комфорт в окружающем мире, а еще отмечены уверенность, спокойствие, защищенность, то здоровье само по себе не несет столь значимой нагрузки: если оно есть — отлично, если нет — нужно стремиться).

Такие выводы согласуются с характеристиками психологической безопасности, рассмотренными нами ранее. Так, различные авторы останавливают свое внимание именно на таких особенностях психологической безопасности, как уверенность в будущем (Агузумцян, Галстян, Мурадян, 2010), защищенность своего образа жизни (Лызь, 2005), защищенность психики от воздействий (Проблемы психологической безопасности, 2012). Интересно отметить, что обычные люди включают в свое мировоззрение имплицитные представления о психологическом здоровье нации и о психологической безопасности, совпадающие в определенной степени с научными представлениями об этой психической реальности.

В заключение отметим, что гипотеза нашего исследования — *личностные представления о психологическом здоровье нации и о психологической безопасности могут быть дифференцированы в зависимости от наличия у субъектов такого состояния, как созависимость* — нашла подтверждение на количественном и качественном уровнях. Для проверки гипотезы были разработаны и апробированы методические приемы (контент-анализ и сео-анализ вербальных единиц, сравнение), направленные на изучение общего и особенного в понимании нашими современниками таких понятий, как психологическое здоровье нации и психологическая безопасность.

Сравнение представлений о психологическом здоровье нации и о психологической безопасности у созависимых и несозависимых субъектов показало, что существуют некоторые общие и различные составляющие в понимании нашими современниками этих явлений. Различия выявлены как на качественном, так и на количественном уровнях: во-первых, эти представления отличаются приоритетом связанных с ними понятий; во-вторых, те ассоциации, которые присутствуют и у созависимых, и у несозависимых, отличаются количественно; в-третьих, существуют особенные представления, которые отмечены только у созависимых или только у несозависимых субъектов.

Дальнейшее более детальное и глубокое изучение содержания представлений о компонентах психологического здоровья позволит уточнить концептуально-терминологический аспект проблемы психологического здоровья и создать собственную концепцию этой психической реальности. Научно-исследовательская работа в этом направлении имеет не только теоретическое значение для психологической науки, но и практическое значение для общества, переживающего серьезный мировоззренческий кризис и находящегося в поиске новых жизненных приоритетов и духовно-нравственных ориентиров.

Литература

- Абульханова-Славская К. А.* Социальное мышление личности // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Часть 3. Социальные представления и мышление личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 88–103.
- Агузумцян Р. В., Галстян А. С., Мурадян Е. Б.* Психологическая безопасность личности студента // Прикладные исследования. 2010. № 2 (23). С. 56–63.
- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1968.
- Артемова Н. Г.* Феномен созависимости: общее, типологическое, индивидуальное. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Артемова Н. Г., Галкина Т. В.* Созависимость как возможная угроза психологическому здоровью субъекта // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 213–220.
- Артемова Н. Г., Галкина Т. В.* Особенности представления о психологическом здоровье у созависимых субъектов // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С. 291–301.
- Артемова Н. Г., Галкина Т. В.* Личностные представления о компонентах психологического здоровья у наших современников // Историогенез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 182–194.
- Братусь Б. С.* Аномалии личности. М.: Мысль, 1988.
- Вербина Г. Г.* Психологическая безопасность личности // Вестник ЧГУ. 2013. № 4. С. 196–202.
- Воловикова М. И.* Житейские представления о порядочном человеке. М.: Канон+—РООИ «Реабилитация», 2012.
- Воловикова М. И., Галкина Т. В.* Психологическое здоровье личности и нравственные проблемы общества (вместо предисловия) // Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 5–15.
- Воловикова М. И., Галкина Т. В.* Проблемы психологического здоровья: современное состояние и перспективы исследования // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 682–690.
- Воловикова М. И., Джидарьян И. А.* Итоги исследования психологического здоровья в лаборатории психологии личности // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 2. С. 19–31.
- Галкина Т. В.* Осознание как путь к психологическому и физическому здоровью субъекта // Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 35–61.
- Галкина Т. В., Артемова Н. Г.* Личностные представления о психологическом здоровье у созависимых и несозависимых субъектов // Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 352–381.
- Даниленко О. И.* Душевное здоровье в контексте культуры: Дис. докт. культурологии. СПб., 2000.
- Даниленко О. И.* Индивидуальность в контексте культуры: психология душевного здоровья. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2008.
- Дубровина И. В.* Введение в практическую психологию образования // Практическая психология образования: учебник для студентов высших и средних специальных учебных заведений / Под ред. И. В. Дубровиной. М.: ТЦ «Сфера», 1998. С. 5–116.
- Емельянова Т. П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В.* Психология нравственности как область психологического исследования // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 4–14.
- Зеленова М. Е.* Неосознаваемые психологические защитные механизмы и безопасность личности // Проблемы психологической безопасности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 160–181.
- Колпакова М. Ю.* Введение в диалогическую психологию. М.: Канон+, 2013.
- Кольцова В. А., Журавлев А. Л.* Российский менталитет как предмет психологического исследования: сущностные характеристики и факторы формирования // Историогенез и современное состояние

- ние российского менталитета. Вып. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 7–37.
- Лызь Н. А.* Модельные представления о безопасной личности // Известия ТРТУ. Тематический выпуск «Гуманитарные проблемы современной психологии». Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2005. № 7 (51). С. 21–25.
- Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Московичи С.* Социальное представление: Исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 1. С. 3–18; № 2. С. 3–14.
- Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении: практическое руководство / Под ред. И. А. Боевой. СПб., 2006.
- Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Психологические исследования нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Т. В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Психология нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Психология здоровья: учебник для вузов / Под ред. Г. С. Никифорова. СПб.: Питер, 2006.
- Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабрина, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Рассоха Н. Г.* Представления о психологической безопасности образовательной среды школы и типы межличностных отношений ее участников: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2005.
- Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Советская энциклопедия, 1979.

- Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Флоренская Т. А.* Диалоги о воспитании и здоровье: Духовно-ориентированная психотерапия // Духовно-нравственное воспитание. М., 2001. № 3. С. 1–73.
- Харламенкова Н. Е.* Представления о психологической безопасности: возрастной и личностный компоненты // Современная личность: Психологические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 141–160.
- Шувалов А. В.* Здоровье личности: методологический и мировоззренческий аспекты // Современная личность: Психологические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 76–99.
- Юревич А. В.* Структурные элементы национального менталитета // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 29. URL: <http://psy-studu.ru/index.php> (дата обращения: 24.11.2017).
- Abric J.-C.* Les représentations sociales, aspects théoriques // Pratiques sociales et représentations / Ed. J. C. Abric. Paris: PUF, 1994. P. 11–36.
- Beattie M.* Co-dependent No More: How to stop controlling others and start caring for yourself. Hazelden, Center City, Minnesota, 1987.
- Beattie M.* Beyond Codependency and getting better all the time. San Francisco: Harper & Row, 1989.
- Beattie M.* Codependent's Guide to the Twelve Steps. Fireside. N. Y.: Parkside, Simon & Schuster, 1992.
- Doise W.* L'ancrage dans les études sur les représentations sociales // Bulletin de Psychologie. 1992. Т. XLV. № 405. P. 189–195.
- Flament C.* Structure et dynamique des représentations sociales // Les représentations sociales / Ed. D. Jodelet. Paris: PUF, 1989. P. 204–219.
- Moscovici S.* Social representations. Cambridge—L.—N. Y., 1984.
- Valence A.* Les représentations sociales. Bruxelles: de Boeck, 2010.
- Whitfield C.* Codependence: Healing the Human Condition: The New Paradigm For Helping Professionals And People In Recovery, Health Communications, Deerfield Beach, FL, 1991.

Образ психически больного в массовой культуре

Т. П. Емельянова, Т. В. Исраелян

Проблема конструирования представлений о психических заболеваниях в современном обществе продолжает оставаться актуальной, несмотря на немалое число научных исследований ее природы. Предубеждения в отношении психических заболеваний и людей, страдающих ими, настолько распространены и устойчивы, что, по мнению экспертов (например: Финзен, 2001; Klin, Lemish, 2008; Ястребов, Трушелев, 2009; и др.), не позволяют здоровым людям адекватно воспринимать сам факт болезни, а психически больным и их семьям жить нормальной жизнью, приводят к социальной изоляции, препятствуют получению своевременной адекватной помощи и социальной поддержки (Bevilacqua, Bellinghini, Gattaz, 2017; Lampropoulos, Wolman, Apostolidis, 2007; Park et al., 2012).

В социальной психологии можно назвать ряд подходов к объяснению феномена психофобии. Так, международная группа авторов во главе с В. Вагнером, проведя в Индии исследование обыденных интерпретаций способов лечения психических заболеваний (Wagner et al., 2000), построили теоретико-эмпирическую модель феномена когнитивной полифазии. Это явление заключается в когнитивном противоречии между двумя репрезентативными полями — традиционным и современным. Когнитивная полифазия проявляется, в частности, в том, что, по мнению образованных индийских респондентов, следование традиционным практикам оправданно и уместно в одном социальном контексте, а использование методов современной психиатрии уместно в другом, т. е. оба способа лечения имеют свои достоинства и выбор в пользу того или другого зависит от контекста. Как показали другие исследования (De Rosa, 1988; Jodelet, 1991), традиционные верования сохраняются и в западных представлениях

о психических заболеваниях. Это, прежде всего, древние убеждения в «заразности» психических болезней, которые, несмотря на разъяснения специалистов, влияли на поведение людей, ухаживавших за психически больными (Jodelet, 1991).

Амбивалентность и противоречивость содержания социальных представлений о психически больном, по результатам наших исследований (Емельянова, 2012), может свидетельствовать о толерантности как норме общественной жизни и одновременно — о смутных опасениях, природа которых коренится в коллективной памяти (например, глубинный страх заражения психической болезнью). Ментальный диссонанс в отношении больных обусловлен сложной многоуровневой структурой представления, включающей причудливое сочетание современных знаний, нравственного модуса сознания (отношение к больному должно быть гуманным) с мифологическими образами «опасности».

По мнению И. Б. Бовиной (2008) и А. В. Якушенко (2015), основной причиной негативной модальности социальных представлений о психически больных является «инаковость» этих пациентов, которая провоцирует людей на их отторжение и стигматизацию. Прототипический образ больного у респондентов-юристов и журналистов ассоциируется с шизофренией и преступником. Во всех профессиональных группах больной воспринимается как «другой». При этом способы объяснения сути психических заболеваний различны у представителей разных специальностей. Так, у юристов выделяется «криминализирующая» модель, а у журналистов — «социологизирующая» (Якушенко, 2015, с. 130). Именно «инаковость», по мнению автора, определяет негативизм в отношении образа больного человека.

Как можно заметить, приведенные объяснительные модели не противоречат друг другу в главном — в наличии стигматизирующей функции представления о психически больном. Что же, помимо психологических особенностей процесса конструирования представления, влияет на стигматизацию больного? По единодушному мнению экспертов, в обыденном дискурсе, как межличностном, так и массовом, психиатрическая терминология подвергается лексическому снижению и употребляется метафорически для определения глупости, нелогичности действий, неуравновешенности, образа мыслей, который представляется противоречивым, бессмысленным и т. п. Между тем психические заболевания нельзя успешно лечить, если одновременно не учитывать последствий отношения к ним со стороны общества. «Болезнь невозможно понять, если не рассматривать ее глазами больных, их родственников и общества здоровых людей.

Нужно помнить и о ее мифах и метафорах» (Финзен, 2001, с. 5). Аналитики отмечают, что в отечественной прессе криминальные поступки зачастую неправомерно ассоциируются с психической патологией, в то время как, по статистике, преступления, совершаемые больными, не более часты, чем преступления психически здоровых людей (Новиков, 2004; Ястребов, Трущелев, 2009; и др.). Подобная массовая дискриминация психически больных людей характерна для стран с разной национальной культурой и, по-видимому, имеет универсальный характер (Data Mining Analysis, 2016).

«Вклад» СМИ в формировании негативного стереотипа в отношении психического заболевания и стигматизации больных рассматривается в работе бразильских авторов (Bevilacqua, Bellinghini, Gattaz, 2017). Они утверждают, что в СМИ «шизофрения» часто используется как метафора преступления и насилия. Исследование проводилось в два этапа: на первом этапе, в 2008 г., — анализ публикаций за период с 1 января по 31 декабря 2008 г. на портале печатного издания (газеты), ежедневный тираж которого составлял 295482 экземпляра, и на втором этапе — в 2011 г. был проведен анализ случайным образом выбранных публикаций в интернете (репортажей, редакционных текстов и блогов), содержащих слова «шизофрения/шизофреник» за период с 1 января по 31 декабря 2011 г. На портале газеты в 2008 г. были найдены 56 публикаций, из которых 45 были включены в анализ (репортажи, интервью, колонки, заметки, передовицы). В 2011 г. анализировались 184 интернет-материала. Таким образом, отобранные 229 текстов были классифицированы: 89 публикаций (39%) относились к эмоционально нейтральным научным заметкам в области медицины и здоровья; 62 публикации (27%) — к теме преступности и насилия, в которых «диагноз — шизофрения» ставился обывателями, исходя из биографии, образа жизни или нестандартного поведения больного; в 78 публикациях (34%) термин «шизофрения» использовался как метафора и носил уничижительный характер. Авторы приходят к выводу, что большинство текстов, относящихся к медицинской тематике, не имеет отношения к состоянию и проблемам больного человека, а психиатрический диагноз, утрачивая свой медицинский смысл, используется для оценки любых явлений негативного или сомнительного характера, наконец, подобное использование термина формирует стереотипы, дискредитирующие больного как якобы склонного к преступлениям и насилию. Термин «шизофрения», используемый в контексте насилия и преступности, способствует усилению стигматизации больных, делают вывод авторы (Bevilacqua et al., 2017).

Подобные публикации во французских СМИ также демонстрируют неутешительную картину. Так, анализ статей, в которых встречалось слово «шизофрения», опубликованных в восьми крупнейших газетах (4 центральных и 4 региональных) в 2015 г., показал, что в 40,4% публикаций термин «шизофрения» использовался метафорически (главным образом в центральных газетах), 28,3% — как синоним опасности (в основном в региональных газетах). В случае метафорического использования термин «шизофрения» обозначал диссоциативное расстройство личности или ярлык для дискредитации политической оппозиции. Во всех случаях шизофрения предстает либо как детерминанта опасности, либо как потенциальная причина преступления (Lampropoulos, Wolman, Apostolidis, 2017).

В лонгитюдном исследовании южнокорейских авторов проводится анализ публикаций в трех центральных СМИ и трех национальных телевизионных программах новостей, в которых встречаются слова «шизофрения» и «шизофреник», за период с 1 января 2001 г. по 31 декабря 2010 г. Всего рассматривалось 490 публикаций и 257 новостных сюжетов. В зависимости от характера использования термина «шизофрения» публикации и новости были отнесены к одной из категорий: отрицательные, нейтральные или положительные, индифферентные и метафорические. В результате были получены данные о том, что отрицательную окраску имеют 349 упоминаний (46,7%), в то время как нейтральную и положительную 225 упоминаний (30,1%). Индифферентный характер имели 95 упоминаний (12,7%). Большинство негативных упоминаний сосредоточены на актах насилия или на исходящей от больных опасности 137 упоминаний (37,8%), в то время как метафорическая коннотация означала в основном «расщепление» (51 упоминание, или 65%) (Park et al., 2012).

Использование медицинского термина «шизофрения» в качестве негативной метафоры при характеристике негативных социальных явлений характерно и для средств массовой информации США. Проведены сравнительное исследование (Vahabzadeh, Wittenauer, Carr, 2011) динамики использования названия болезни в контексте криминальных действий в американских СМИ и статистический анализ числа преступлений, действительно совершенных душевнобольными в 2000 и в 2010 гг. Результаты показали, что на протяжении этого десятилетия произошло статистически значимое снижение количества преступлений, совершенных душевнобольными. Между тем частота использования термина «шизофрения» в негативном контексте не снизилась.

Результаты исследований (Bolton, 2000) позволяют заключить, что одним из решающих факторов стигматизации психически больных является использование в негативном ключе психиатрической терминологии. Безответственность в дискурсивных практиках провоцирует эскалацию негативизма в отношении больных людей. Такой язык легко проник в журналистскую лексику, в литературу и кинематограф. Каково же содержание образа психически больного в СМИ и кинофильмах? Объектом исследования стала совокупность публикаций в периодических изданиях и кинофильмы с упоминанием психических заболеваний и душевнобольных.

Первый массив материалов составили публикации в российских СМИ (изучались интернет-версии крупных газет) за период 2015–2017 гг. Были отобраны публикации, которые содержат слова и/или словосочетания: «шизофрения», «шизофреник», «психический», «сумасшедший», «психиатрическая» (больница/лечебница), «психические расстройства», «шизофреники», «психическое заболевание», «безумный», «маньяк» и другие близкие по смыслу понятия.

Количество публикаций, содержащих указанные слова и/или словосочетания, относящиеся к теме психических болезней, за период с 17.01.2015 по 17.12.2017—658 наименований в таких периодических изданиях, как «Аргументы и факты», «Вечерняя Москва», «Известия», «Комсомольская правда», «Москвичка», «Московский комсомолец», «Московские Новости», «Красная звезда», «Независимая газета», «Новые известия», «Правда», «Российская газета», «Регнум», «Росбалт», «Собеседник», «Труд», «РТ (Россия и США)» — всего в 13 изданиях.

Для изучения содержания образов в кинематографе были отобраны известные российскому зрителю зарубежные художественные киноленты — всего 5 кинофильмов.

По результатам контент-анализа публикаций в газетах была проведена классификация статей, содержащих выделенные нами термины:

- «криминал» — криминальная хроника с участием психически больных;
- «медицина» — обсуждение открытий в области лечения психических заболеваний, прогнозы относительно течения душевных болезней, комментарии, данные психиатрами и психологами;
- «социальные вопросы» — публикации о социальной помощи больным, состоянии медицинских учреждений, законодательном регулировании психиатрии и т. п.;
- «метафоры» — использование психиатрических терминов как метафор.

В таблице 1 представлено количество публикаций по соответствующей тематике.

Таблица 1
Тематика газетных статей
с употреблением психиатрических терминов

Источники	Криминал	Медицина	Социальные вопросы	Метафоры	Всего
Аргументы и факты	56	53	29	5	143
Вечерняя Москва	13	13	9	4	39
Известия	17	7	3	5	32
Комсомольская правда	6	6	11	3	26
Московский комсомолец	43	25	27	8	103
Красная звезда	10	4	4	3	21
Независимая газета	6	17	6	4	33
Новые известия	5	11	6	3	25
Правда	6	27	6	17	56
Регнум	13	13	14	19	59
Росбалт	23	24	20	4	71
Собеседник	6	7	13	0	26
Труд	12	4	4	4	24
<i>Всего</i>	<i>216</i>	<i>211</i>	<i>152</i>	<i>79</i>	<i>658</i>

Как можно видеть, криминальная тематика преобладает среди подобных публикаций (216 статей). «Пуля для зверя», «Не пропусти зверя. Можно ли распознать ненормальных без психиатра?», «Право на убийство. Маньяков-психопатов развращает закон?» — подобные заголовки типичны для публикаций. Даже статьи, специально посвященные обсуждению медицинских проблем, оказались на втором месте (211 статей). Социальная и юридическая тематика существенно отстает по численности публикаций (152 статьи). Особенно обращает на себя внимание тот факт, что в 79 статьях (более 12% публикаций) содержится метафорическое использование психиатрической терминологии: «В США развивается политическая шизофрения» — характерный пример заголовка.

Для сравнения содержания образа психически больного в разных видах массовой культуры были взяты и популярные фильмы: «Все

еще Элис» (режиссер Ричард Глацер), «Готика» (режиссер – Матъе Кассовец), «Обитель теней» (режиссер – Серхио Х. Санчес), «Обитель проклятых» (режиссер – Брэд Андерсон), «Остров проклятых» (режиссер – Мартин Скорсезе).

Образы психически больных в публикациях СМИ и в фильмах были условно разделены на пять категорий:

- 1) «убийца, маньяк, насильник, извращенец» – больной, совершивший тяжкие, резонансные преступления с многочисленными жертвами или с особой жестокостью;
- 2) больной как «жертва» демонстрирует неадекватное поведение, нередко лишается имущества, прозябает в нищете, склонен к суициду или самоповреждению и нуждается в опеке;
- 3) «опасный субъект» не совершил тяжких преступлений, но потенциально опасен; поведение его вне логики, непредсказуемо;
- 4) «гениальный безумец» – артистичная натура, великий человек, его трудно понять и нужно воспринимать таким, как есть;
- 5) больной как метафора – эта категория представляет душевное нездоровье как метафору негативных явлений; подобные метафоры преимущественно встречаются в публикациях СМИ политической и экономической направленности («Винегрет безумия», «Бомбовая шизофрения с раздвоением цели», «Экономическая шизофрения»).

В таблице 2 представлены категории образов психически больных в процентах от общего числа публикаций (658 статей) и количества проанализированных фильмов (5 кинолент).

Можно видеть, что негативное освещение образа больного как преступника, маньяка, потенциального источника опасности представлено в СМИ (категории: «Убийца» и «Потенциально опасный субъект») в подавляющей доле публикаций – в 75%. В кинематографе подобная

Таблица 2

Категории образов больных в СМИ и кино
(в процентах от общего числа источников)

Источники	Категории				
	Убийца, маньяк, извращенец, преступник	Больной как жертва	Потенциально опасный субъект	Гениальный безумец	Метафора
СМИ	53%	13%	22%	8%	4%
Кино	43%	37%	8%	10%	2%

трактовка образа (51%) объясняется, возможно, тем, что киноленты зачастую создаются по мотивам преступлений, описанных в СМИ, чаще резонансных, что гарантирует интерес публики. Больной как жертва обстоятельств почти в три раза чаще встречается в кинопроизведениях, что свидетельствует об их гуманистической направленности.

В то время как СМИ чаще представляют негативные клише, в кинематографе само душевное нездоровье изображено более человечно. Ярко передается атмосфера страха и безысходности, темные комнаты, скучная обстановка психиатрических больниц. Антураж дополняют решетки на окнах, безрадостный вид пациентов в больничных робах или в одежде мрачных тонов, действие сопровождается напряженной или печальной музыка.

Важным, на наш взгляд, является то, что кинематограф (в отличие от СМИ) позволяет представить психическое нездоровье с позиции бывшего пациента. Душевное нездоровье, исключая человека из привычного окружения, «стирает» его прежнюю жизнь, достижения, делая его «невидимым» для окружающих (к/ф «Готика», режиссер М. Кассовец). «Если люди говорят, что ты безумен, твои жалкие протесты лишь подтверждают их слова; тебя объявляют безумным, и все твои поступки лишь часть этого безумия...» (кинофильм «Остров проклятых», режиссер М. Скорсезе); «Все над чем я работала долгие годы, что накапливала в течение жизни, исчезает без следа... Можно ли относиться к нам всерьез?..» (к/ф «Все еще Элис», режиссер Глацер).

Еще одно направление анализа избранных источников – обсуждаемый авторами исход психической болезни. В проведенном исследовании были выделены три основных варианта исхода болезни, они представлены в процентном отношении от общего числа источников СМИ и кинопродукции в таблице 3.

Таблица 3

Доли представленных в СМИ и кинофильмах исходов психических заболеваний

Источники	Варианты исхода болезни		
	Принудительное лечение или тюремное заключение	Увечье или гибель больного: смерть в результате несчастного случая, медицинского вмешательства, суицид, самоповреждение и т. п.	Стойкая ремиссия, адаптация
СМИ	69%	24%	7%
Кинематограф	58%	27%	15%

Негативный исход болезни представлен в СМИ и кинематографе (изоляция от общества, гибель или увечье) в 93% и 85% случаев соответственно. Возможно, такой результат отражает объективную ситуацию: общество предпочитает решать проблему путем изоляции таких больных. Между тем подобная трактовка положения дел может приводить к убеждению, что не существует эффективного лечения психических недугов и что реабилитация больного невозможна, это усиливает общий пессимизм. Наименьшей для трех вариантов оказалась доля упоминаний о благоприятном исходе болезни, причем в СМИ позитивных вариантов представлено в два раза меньше, чем в кинематографе. Возникает вопрос; почему в газетных материалах ситуация усугубляется? В силу того, что безрадостная картина более объективно отражается журналистами, чем кинематографистами, или проблема намеренно утрируется в прессе, искусно конструируется для привлечения к ней внимания? (Ясавеев, 2007). В любом случае общий пессимистичный тон продукции СМИ и кино внушает мысль о том, что проблема стоит остро и общество с ней справляется недостаточно эффективно. По статистике, психическое нездоровье, касающееся около 1% населения планеты, является глобальным вызовом для современного общества. Страх перед безумием в XXI в. не исчезает, провоцируя отвержение и дискриминацию больных людей. Очевидно, что общество, в котором царят средневековые предрассудки, первобытный страх перед «иным», «непонятным», не может считаться цивилизованным и гуманным (Новиков, 2004).

В современном обществе сосуществуют различные точки зрения на эту проблему. С одной стороны, правозащитники призывают помнить о фактах гипердиагностики в психиатрии, о госпитализации в психиатрическую больницу без достаточных оснований, что имело место в советское время, об использовании «жестких» препаратов, с другой – современные психиатры утверждают, что психиатрическая помощь радикально изменилась – сформировалось иное отношение к пациентам, появились новые поколения лекарств и психотерапевтических техник, которые обеспечивают надежные результаты в лечении. Специалисты борются за новый имидж психиатрии и психиатра в обществе (Ястребов, Трущелев, 2009). Делаются попытки дестигматизации психически больных: создаются общественные организации «потребителей психиатрической помощи» и группы в интернете, оказывающие моральную и информационную поддержку больным и их родственникам, предпринимаются усилия по защите юридических прав психически больных, появля-

ется значительное число публикаций просветительского характера, через которые внедряется мысль о том, что психически больные не более опасны для окружающих, чем иные здоровые, что больные и их семьи нуждаются в моральной поддержке, что существуют эффективные современные методы лечения психических заболеваний.

За рубежом постоянно предпринимаются меры по преодолению маргинализации психически больных и стигматизирующего воздействия массовой культуры. Так, в японских СМИ освещение душевных заболеваний (депрессивного расстройства и шизофрении) тоже имеет негативный характер, что связывается исследователями (Koike et al., 2016) с экономическим кризисом и ростом числа самоубийств. Анализируя содержание четырех печатных источников и одного телевизионного канала, авторы утверждают, что в материалах по шизофрении и депрессивным расстройствам содержится значительно больше негативно окрашенных выражений, чем в материалах, касающихся сахарного диабета (31,5%, 16,0% и 8,2%, соответственно). Для снижения стигматизирующего воздействия психиатрической терминологии с 2002 г. в Японии официально стал использоваться новый термин, обозначающий шизофрению: вместо «расщепление ума» – «расстройство интеграции». Теперь в японских СМИ на практике используются оба наименования. И, хотя по-прежнему они имеют негативные коннотации, авторы приходят к выводу, что смена названия душевного заболевания на более нейтральное приводит к некоторому уменьшению стигматизации болезни и больных.

Аналогичная проблема решалась и в Канаде. Н. Тернер с соавт. обсуждали возможности использования телевизионных программ для улучшения имиджа психически больных. Так, была выдвинута гипотеза, что повышение медицинской грамотности телезрителей в области психического здоровья (предлагалось ввести реалистичное изображение психически больных в сюжет «мыльной оперы») приведет к снижению уровня недоверия и страха в отношении к ним. В результате проведенного авторами опроса респондентов были получены следующие результаты: телезрители, посмотревшие сериал, оказались лучше информированы о том, куда обратиться за психиатрической помощью, и более оптимистично воспринимали перспективы реабилитации больных, чем не смотревшие этот сериал. Однако на вопрос о желании вступить в интимные отношения с человеком, имеющим в анамнезе психическое заболевание, посмотревшие сериал чаще давали отрицательный ответ, чем не смотревшие (Turner et al., 2014).

Почти нет сомнений в том, что стигму можно создать, у деятелей массовой культуры имеется большой ассортимент средств для обозначения такого непонятного и тревожащего явления, как психическое заболевание. Стигму можно сгладить благодаря просвещению, изменению терминологии и т. п., однако существующее положение дел свидетельствует о том, что первый процесс быстрее и легче достигает цели, информация усваивается эффективнее, особенно при использовании ярких метафор и рассказов о криминальных ужасах и драмах.

Между тем семьи больных и сами пациенты переживают действительные драмы из-за отторжения обществом, психофобии, негативных чувств, связанных с самостигматизацией, социальной неполноценностью и развивающейся маргинальностью. Но, несмотря на то, что проблема является повсеместной в мире и имеет под собой глубинные психологические основания, современное общество не может оставаться к ней равнодушным.

Литература

- Бовина И. Б.* Социальная психология здоровья и болезни. М.: Аспект Пресс, 2008.
- Емельянова Т. П.* Амбивалентность содержания социальных представлений о душевнобольном в обществе // Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 409–431.
- Новиков Е.* Отверженные: об отношении общества к психически больным. Этический анализ // Здравый смысл. 2004 № 4 (33). URL: <http://razumgu.ru/humanism/journal/33/novikov.htm> (дата обращения: 19.07.2018).
- Финзен А.* Психоз и стигма. М.: Алетейа, 2001.
- Якушенко А. В.* Структура и содержание социальных представлений о психически больных людях у молодежи различных профессий // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2015. Т. 7. № 2. URL: <http://psyedu.ru/journal/2015/2/Yakushenko.phtml> (дата обращения: 18.12.2017).
- Ясавеев И. Г.* Конструирование «не-проблем»: стратегии депроблематизации ситуаций // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Хрестоматия / Сост. И. Г. Ясавеев. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2007. С. 255–275.
- Ястребов В. С., Трущелев С. А.* Социальные образы психиатрии // Журнал неврологии и психиатрии. 2009. № 6. С. 65–68.

- Bevilacqua G. F., Bellinghini R. H., Gattaz W. F.* The schizophrenia stigma and mass media: a search for news published by wide circulation media in Brazil // International review of psychiatry, 2017. V. 3. P. 241–247. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/28492091> (дата обращения: 25.11.2017).
- Bolton J.* Mental illness and the media // Psychiatric Bulletin. 2000. V. 24 (9). P. 345–346.
- De Rosa A. M.* Sur l'usage des associations libres dans l'étude des représentations sociales de la maladie mentale // Connexions. 1988. V. 51. № 1. P. 25–50.
- Jodelet D.* Madness and social representations. L.: Harvester Wheatsheaf, 1991.
- Klin A., Lemish D.* Mental disorders stigma in the media: Review of studies on production, content, and influences // Journal of Health Communication. 2008. V. 13 (5). P. 434–449.
- Koike S., Yamaguchi S., Ojio Y., Ohta K., Ando S.* Effect of Name Change of Schizophrenia on Mass Media Between 1985 and 2013 in Japan: A Text Data Mining Analysis // Schizophrenia bulletin. 2016. V. 42 (3). P. 552–559. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4838088> (дата обращения: 11.11.2017).
- Lampropoulos D., Wolman A., Apostolidis T.* Analyzing the presentation and the stigma of schizophrenia in French newspapers // Social psychiatry and psychiatric epidemiology. 2007. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/29101446> (дата обращения: 18.11.2017).
- Park J. H., Choi Y. M., Kim B., Lee D. W., Gim M. S.* Use of the terms “schizophrenia” and “schizophrenic” in the South Korean news media: a content analysis of newspapers and news programs in the last 10 years // Psychiatry Investigation. 2012. 9 (1). P. 17–24. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3285736> (дата обращения: 18.11.2017).
- Turner N., Foley S., Kinsella A., O'Callaghan E., Clarke M.* Putting television's portrayal of schizophrenia into reverse: an evaluation of the impact on public opinion // Early intervention in psychiatry. 2014. V. 8 (4). P. 366–374. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/23773257> (дата обращения: 25.11.2017).
- Vahabzadeh A, Wittenauer J, Carr E.* Stigma, schizophrenia and the media: exploring changes in the reporting of schizophrenia in major U. S. newspapers. // Journal of psychiatric practice. 2011. V. 17 (6). P. 439–446. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/2210> (дата обращения: 04.10.2017).
- Wagner W., Duveen G., Verma J., Themel M.* “I have some faith and at the same time I don't believe in it”. Cognitive polyphasia and culture change // Journal of Community and Applied Social Psychology. 2000. № 10. P. 102–314.

Взаимосвязь представлений о совести с ценностными ориентациями и показателями психопатологической симптоматики личности

Л. Ш. Мустафина

Введение

Мировой кризис усиливает морально-нравственные проблемы общества, которые взаимосвязаны с вопросами нравственной регуляции поведения, в частности, с феноменом совести. В первую очередь, подвергаются риску молодые люди, которые наиболее чувствительны к переменам в общественном устройстве, система ценностей которых еще недостаточно стабильна (Воробьева, 2013; Журавлева, 2013, 2017; Купрейченко, Юревич, 2016; и др.). В психологии изучение совести сопряжено с объективными трудностями. Определить «совесть» существующими в науке методами крайне сложно, так как высока вероятность социальной желательности ответов респондентов и работы защитных механизмов психики. Теория социальных представлений в такой ситуации является, видимо, самым продуктивным решением (Емельянова, 2016; Московичи, 1995; Abric, 1993; Verges, 1992). Представления о нравственных феноменах как базисные убеждения наряду с ценностными ориентациями включены в картину мира каждого индивида, в его мировосприятие (Падун, Котельникова, 2012). В несходных социальных условиях формируются различные интересы, установки, ценности, а один и тот же феномен может приобретать разное значение в зависимости от типа общества или социальной среды (Журавлева, 2013).

Еще в начале 1990-х годов Т. А. Флоренская в своей книге описывает опыт практической психологической работы с подростками. Автор отмечает, что молодые люди очень редко обращаются с вопросами духовного и мировоззренческого характера. Подростки озабочены вопросами взаимоотношений со сверстниками, родите-

лями, вопросами профессиональной ориентации и т. п. В разговоре по любой из этих тем раскрывается особая значимость для молодых людей нравственных и мировоззренческих проблем, которые в повседневной жизни современного подростка не являются «модными» и отступают на второй план. Наиболее показательны в этом отношении обращения суицидального характера, где собеседники жалуются на пустоту и бессмысленность жизни, замечают, что «так жить нельзя...». В процессе психотерапевтической работы с нравственной сферой подросток находит опору и основание для преодоления жизненных невзгод и разочарований, для переосмысления своего жизненного сценария (Флоренская, 1991, с. 84).

Нужно отметить, что к настоящему времени ситуация нравственного воспитания подрастающего поколения мало изменилась, если сравнивать с ситуацией начала 1990-х годов. По телевидению и в интернете транслируются передачи, фильмы, разнообразные ток-шоу, пропагандирующие не свойственные российскому менталитету ценности индивидуализма, славы, материального обогащения. И подростки с незрелой, еще хрупкой системой ценностей впитывают эти образы поведения, взгляды на жизнь, в результате меняется мироощущение молодежи, ценностные ориентации, отношение к нравственным категориям и к их значимости, изменяется поведение и деятельность подростков. О современной неблагоприятной ситуации в нравственной сфере населения, прежде всего молодежи, пишут многие исследователи (Воловикова, 2011; Журавлев, Юревич, 2016; и др.). Исходя из этого, интересно проследить, каким образом взаимосвязаны ценностные ориентации, показатели психологического здоровья и представления о совести у молодежи в современных реалиях.

Социальное представление — это аналог здравого смысла, вырабатывается индивидом и группой в процессе приобретения социального опыта для ориентации в окружающем мире. Прямая связь между представлениями и поступками была доказана в лабораторных экспериментах французских исследователей Ж.-К. Абрика, Ж. Колла, К. Фламана и др. Вместе эти эксперименты внесли большой вклад в освещение процессов, связывающих индивидуальное и коллективное, действия и представления (Фарр, 2007). Центральное ядро обеспечивает стабильность и последовательность представлений. Элементы центрального ядра тесно связаны с коллективной памятью и историей социальной группы, устойчивы к изменениям. Периферия состоит из элементов, которым свойственна мобильность, подвижность и индивидуальные различия. Она чувствительна к определенному контексту, адаптируется к конкретной

1 Выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-013-00913.

реальности, допускает дифференциацию содержания, предохраняет центральное ядро от внешних воздействий (Емельянова, 2016; Abric, 1993). Структурный подход в изучении социальных представлений позволяет приблизиться к пониманию того, какие предпочтения в воззрениях присутствуют у данной группы людей, а значит, дает возможность спрогнозировать их поведение. Социальные представления о совести, с одной стороны, отражают мировоззренческий уровень функционирования личности, с другой – психологический уровень, уровень конкретных решений, поступков, мотивации в обычной жизни человека.

В последнее время исследователи нередко изучают взаимосвязь социальных представлений с психологическими характеристиками респондентов. Так, была показана связь социально-психологических характеристик личности и представлений о друге и враге (Альперович, 2010), изучалась взаимосвязь структуры социальных представлений о жизни в мегаполисе с психологическим благополучием молодежи (Емельянова, 2015), была выявлена взаимосвязь социальных представлений о совести с уровнем выраженности морально-нравственных качеств молодежи (Мустафина, 2009), с психологической травматизацией пожилых людей (Мустафина, 2015), выявлены представления о совести молодых людей с разным уровнем осмысленности жизни (Самойлова, Матвеева, 2017). Подобные исследования доказывают существование взаимозависимости социальных представлений и социально-психологических характеристик респондентов, в первую очередь, связанных с мировоззренческими установками, отношением к миру. В данной связи можно предположить наличие некоторой сопряженности ценностных ориентаций молодежи с их представлениями о совести.

Вместе с тем психологическое здоровье человека и общества связано с нравственностью самым непосредственным образом. Духовно-нравственный аспект является системообразующим фактором психологического здоровья личности (Галкина, 2014). Показана связь состояния совести с психологическим состоянием человека (Колпакова, 2015), разрушение нравственности с неизбежностью ведет к разрушению психологического здоровья, и, наоборот, восстановление нравственного состояния человека и общества – это путь к укреплению психологического здоровья граждан (Воловикова, Галкина, 2014). Совесть является важнейшим нравственным феноменом личности. Наличие совести у является одним из показателей психологического здоровья и свидетельствует о том, что человек является субъектом своей жизни и проявляет активность в позитивном

для себя и общества ключе. Косвенным подтверждением этого является признание некоторыми психологами того факта, что у психопатов отсутствует совесть (Карсон и др., 2004; Хаэр, 2007). Хотя психопатов современная медицина не относит к душевнобольным, но и здоровыми людьми они не являются (Хаэр, 2007).

Если обратиться к русским пословицам и поговоркам о совести (Воловикова, Мустафина, 2012), то можно отметить ее разные типы: с одной стороны, «чистая совесть», «спокойная совесть», «совесть прямая», «добрая совесть – глас Божий», с другой – «служивая, гусарская совесть», «как дырявое решето», «у него ни на полушку совести нет» и т. п. Худой совести служат пьянство («У него совесть еще в прошлом году в бутылке задохлась»), непосильные испытания («Брюхо вытрясло, да и совесть вынесло»), а также всяческое лицемерие («Бородка Минина, а совесть глиняна»). В народных представлениях больная совесть связана с душевными заболеваниями, человек, которого мучают угрызения совести, едва ли будет чувствовать себя здоровым: «У кого совесть не чиста, тому и тень кочерги виселица!», «Совесть спать не дает».

Не претендуя на всеохватность, предлагаем следующее определение совести. Совесть – это внутренняя убежденность в том, что является добром и злом, нравственная самооценка своих помыслов и самоконтроль поступков, которые предотвращают действия, вызывающие стыд и раскаяние. Для того чтобы поступать по совести, человеку необходимо обладать умом и способностью рассуждать, а также силой воли для осуществления велений совести.

Многими учеными показано, что психологическое здоровье и убеждения личности тесно взаимосвязаны (Анцыферова, 2006; Харламенкова, 2014; Шувалов, эл. ресурс). Ранее нами было выявлено, что уровень выраженности посттравматического стресса, глубина и зрелость представлений о совести взаимосвязаны у группы пожилых респондентов (Мустафина, 2015). Как показано в исследовании Н. В. Тарабриной и Н. Е. Харламенковой (Тарабрина, Харламенкова, 2016), психопатологическая симптоматика напрямую связана с уровнем посттравматического стресса у респондентов и является показателем жизнеспособности личности, следовательно, и показателем психологического здоровья. Исходя из этого, высокий уровень психопатологической симптоматики рассматривается нами как показатель психологического нездоровья.

Цель исследования: выявить взаимосвязь представлений о совести с ценностными ориентациями и показателями психопатологической симптоматики респондентов.

Гипотеза: Содержание и установка представлений молодежи о совести будет различаться, исходя из предпочитаемого типа терминальных и инструментальных ценностей и уровня выраженности показателей психопатологической симптоматики у респондентов, а именно: чем сильнее выражена психопатологическая симптоматика, тем сильнее проявляется негативная установка в отношении к феномену совести.

Выборка: старшеклассники школ общеобразовательного профиля и студенты высших учебных заведений Москвы и Казани в возрасте от 15 до 25 лет. Всего 205 респондентов (60% – девушки, 40% – юноши; 47% – школьники, 53% – студенты; 45% – жители Москвы, 55% – жители Казани).

Методики

Чтобы разработать методы изучения такого сложного феномена, как совесть, необходима большая подготовительная работа, в том числе организация пилотажного исследования, на основе которого следует отбирать или разрабатывать новые методики или методические приемы. Процедура проведенных двух подготовительных этапов эмпирического исследования (Мустафина, 2012; Воловикова, Мустафина, 2016) позволила создать авторскую анкету с 39 высказываниями о совести, которая выявляет структуру социальных представлений о совести и установку в отношении данного феномена. Утверждения анкеты были разделены на две группы по характеру установки: позитивные суждения и негативные (отрицающие наличие или значение совести). Позитивные суждения о совести также условно разделяются на утверждения о природе совести, о ее влиянии на жизнедеятельность человека и общества, на суждения, отождествляющие понятия «совесть» и «стыд», суждения о независимости совести от внешних оценок и суждения, наиболее полно и глубоко отражающие содержание феномена совести. Респондентам предлагалось оценить по 5-балльной шкале, в какой степени предложенные высказывания совпадают с их представлениями о совести.

Ценностные ориентации изучались с помощью адаптированного варианта методики М. Рокича «Ценностные ориентации». Для целей исследования мы классифицировали ведущие терминальные и инструментальные ценности каждого респондента в соответствии с модификацией обработки методики на сайте HR-Portal. Ведущие терминальные ценности (ценности-цели) традиционно разделяются на абстрактные (жизненная мудрость, красота природы и искуст-

ва, любовь, познание, развитие, свобода, счастье других, творчество, уверенность в себе) и конкретные (активная деятельная жизнь, здоровье, интересная работа, материально обеспеченная жизнь, наличие хороших и верных друзей, общественное признание, продуктивная жизнь, счастливая семейная жизнь, удовольствия). Инструментальные ценности (ценности-средства) были разделены на ценности общения (честность, воспитанность, жизнерадостность, терпимость, чуткость, непримиримость к недостаткам), ценности самоутверждения (независимость, самоконтроль, ответственность, высокие запросы, широта взглядов, смелость в отстаивании своего мнения) и ценности дела (эффективность в делах, образованность, аккуратность, исполнительность, твердая воля). При обработке данных в расчет брались первые шесть позиций по терминальным ценностям и первые шесть позиций – по инструментальным. Если большая часть ценностей принадлежала к определенному типу, то принималось положение, что у респондента ведущими являются ценности именно этого типа. Если оказывалось, что у респондента одинаковое количество ведущих ценностей, принадлежащих разным типам, тогда принималось положение, что у респондента диффузный (смешанный) вариант ведущих ценностей (см. таблицу 1).

Для определения психологического здоровья/нездоровья мы использовали Опросник выраженности психопатологической симптоматики (Symptom Check List-90-r-Revised, Scl-90-R), созданный

Таблица 1

Ведущие терминальные и инструментальные ценностные ориентации учащейся молодежи

Ценностные ориентации	Количество респондентов (в %)
<i>Терминальные</i>	
Абстрактные	22
Конкретные	54
Диффузные	24
<i>Инструментальные</i>	
Ценности общения	19
Ценности самоутверждения	36
Ценности дела	28,5
Диффузные	16,5

Л. Дерогатис с соавт. и адаптированный Н. В. Тарабриной с соавт. (Тарабрина, 2007). Опросник оценивает интенсивность психопатологических симптомов респондентов и состоит из 90 вопросов, которые составляют 9 основных шкал симптоматических расстройств: соматизации, обсессивности-компульсивности, межличностной сензитивности, депрессии, тревожности, враждебности, фобической тревожности, паранойяльных тенденций, психотизма и три обобщенные шкалы второго порядка: общий индекс тяжести симптомов (GSI), индекс наличного симптоматического дистресса (PSDI), общее число утвердительных ответов (PST).

Результаты

Результаты исследования структуры социальных представлений о совести в группе студентов (104 респондента) показали, что в ядро представлений вошли десять элементов, отражающих как врожденный, так и приобретенный характер совести («В человеке совесть закладывается воспитанием», «Совесть есть у всех людей, только не все ее слушают»), независимость совести от внешних оценок («Совесть — это форма самосознания и самоконтроля человека», «Совесть — это внутренний голос человека, который подсказывает, как правильно поступать») и шесть утверждений наиболее полно и глубоко отражающих содержание феномена совести. В центральной части ядра социальных представлений находятся два утверждения: «Совесть связана с осознанием своих поступков, ответственностью и нравственным долгом перед другими» и «У разных людей совесть развита в разной степени». Анализ результатов выявил «выпадение» некоторых элементов представлений и показал недостаточно глубокое понимание содержания совести молодыми людьми. Так, некоторые утверждения, отражающие положительное влияние совести на жизнедеятельность человека и общества, вызвали затруднения и у трети респондентов не вошли даже в периферию их представлений («Совесть оберегает от неисправимых ошибок», «Совесть необходима для существования человека» и др.). Отношение к этим представлениям утрачено по каким-то причинам, что может свидетельствовать о недостаточном, неполном понимании феномена совести студентами. Это можно объяснить малым количеством, а иногда и отсутствием обсуждений нравственных тем в семье, среди сверстников, в общественном дискурсе и размытостью грани между нравственным и безнравственным в современной литературе, кино и СМИ.

Используя критерий Краскела–Уоллиса, мы проанализировали значимые различия в представлениях старшеклассников и студентов о совести, исходя из выбора терминальных и инструментальных ценностей (выборка — 205 респондентов).

Исходя из выбора респондентами типа терминальных ценностей, обнаружились значимые различия по одному утверждению анкеты: «Совесть — одно из чувств, которое человеку приходится демонстрировать другим для поддержания общественных связей» ($p=0,001$), которое отражает цинично-прагматичное отношение к совести. Так, в большей степени согласны с этим утверждением молодые люди, выбирающие конкретные ценности (интересная работа, материально обеспеченная жизнь, развлечения и т. п.). Респонденты, отдающие предпочтение абстрактным ценностям (жизненная мудрость, свобода, счастье других и т. п.), менее всех согласны с этим утверждением. Респонденты с диффузным вариантом ведущих ценностей занимают промежуточное положение в оценке этого утверждения. Данный результат, с нашей точки зрения, хорошо иллюстрирует взаимозависимость нравственных убеждений и направленности личности, которая, в свою очередь, связана с мировосприятием и соответствующим выстраиванием собственной жизни.

Тот же анализ был проведен в отношении избранных респондентами инструментальных ценностей. Инструментальные ценности были разделены на три группы: ценности самоутверждения, общения, дела; если четких предпочтений у респондента не выявлялось, то такие предпочтения считались диффузными. Значимые различия в представлениях о совести, исходя из структуры инструментальных ценностей, обнаружились по семи утверждениям анкеты.

Респонденты, предпочитающие ценности дела (эффективность в делах, образованность, аккуратность, исполнительность, твердая воля), чаще считают, что «совесть не нужна» ($p=0,013$), «человек с совестью — слабый и боязливый» ($p=0,043$), и реже остальных соглашаются с мнением, что «совесть предполагает ограничение собственных потребностей, своего эгоизма» ($p=0,031$), что она — это «внутренний голос человека, который подсказывает, как правильно поступать» ($p=0,018$) и что «совесть помогает все делать лучше» ($p=0,043$).

Противоположная картина результатов наблюдается у молодых людей, отдающих предпочтение ценностям общения (честность, воспитанность, жизнерадостность, терпимость, чуткость, непримиримость к недостаткам). Эта группа респондентов считает, что «совесть — это внутренний голос человека, который подсказывает

вает, как правильно поступать» ($p=0,018$), «совесть есть у всех людей, только не все ее слушают» ($p=0,013$), «совесть помогает все делать лучше» ($p=0,001$), «человек с совестью – сильный и внутренне свободный» ($p=0,043$), «совесть предполагает ограничение собственных потребностей, своего эгоизма» ($p=0,031$).

Респонденты, выбирающие ведущими для себя ценности самоутверждения (независимость, самоконтроль, ответственность, высокие запросы, широта взглядов, смелость в отстаивании своего мнения) в меньшей степени, чем остальные респонденты, разделяют мнения, что «совесть – это внутренний голос человека, который подсказывает, как правильно поступать» ($p=0,018$), «совесть есть у всех людей, только не все ее слушают» ($p=0,013$), «человек с совестью – сильный и внутренне свободный» ($p=0,043$).

Результаты исследования показывают, что система ценностных ориентаций молодежи определяет ее представления о нравственности, и эти представления соотносятся с реальностью современной социальной обстановки в стране. На фоне общего падения нравственности молодые люди, стремящиеся к самоутверждению и социальному успеху, выбирают наиболее быстрый и простой путь достижения своих целей, который предполагает нивелирование значимости морально-нравственных качеств личности. Молодежь, которая ориентирована на выстраивание крепких межличностных отношений, напротив, считает совесть важным внутренним ресурсом человека, который помогает в жизни.

Используя корреляционный анализ Спирмена, мы обнаружили статистически значимые умеренные положительные и отрицательные связи между шкалами психопатологической симптоматики и согласиям респондентов (в количестве 15 студентов московских вузов) с утверждениями анкеты (см. таблицу 2). В таблице приведены только статистически значимые коэффициенты корреляции. Картина результатов пилотажного исследования вырисовывается вполне однозначная. Шкалы психопатологической симптоматики положительно коррелируют с ответами на утверждения анкеты, отражающими негативную установку к феномену совести и отрицательно взаимосвязаны с положительными суждениями о совести.

Чем сильнее выражена психопатологическая симптоматика у респондента, тем в большей степени он соглашается с утверждениями негативного характера (совесть не нужна; совесть – это бред, от которого нужно отвыкать; совесть мешает жить; человек с совестью – слабый и боязливый и т. п.), в большей степени нивелирует значение совести (отрицательная взаимосвязь с утверждением «Совесть необ-

Таблица 2
Сопряженность показателей психопатологической симптоматики и представлений о совести (коэффициенты корреляции Спирмена)

	Обсессивность-компульсивность	Межличностная сензитивность	Депрессия	Тревожность	Враждебность	Фобическая тревожность	Психотизм	Общий индекс тяжести
(7) Совесть не нужна	0,782**	0,745**	0,813**	0,779**	0,629*		0,576*	0,810**
(10) Совесть – регулятор поведения и человеческих поступков						-0,741**		
(12) Сейчас ни у кого совести нет	0,619*							
(23) Совесть формирует личность человека						-0,581*		
(25) Человек с совестью слабый и боязливый	0,863**	0,823**	0,729**	0,667*	0,633*	0,603*		0,760**
(27) Совесть – это бред, от которого нужно отвыкать	0,691*	0,727**	0,634*	0,613*	0,638*	0,588*	0,590*	0,688**
(28) Совесть определяет зависимость человека от моральных устоев и непрописанных правил общества, обязанность выполнять определенные условия							0,607*	
(31) Человек сам у себя воспитывает совесть	-0,668*	-0,809**	0,792**	0,779**	0,742**		-0,635*	-0,772**
(32) Совесть необходима для существования человека	-0,669*	-0,636*	0,712**	0,772**	-0,611*	-0,628*		-0,818**
(34) Совесть мешает жить	0,804**	0,680*	0,797**	0,717**			0,648*	0,756**
(36) Человек с совестью – сильный и внутренне свободный		-0,640*	-0,596*					

Примечание. * – уровень значимости $p < 0,05$; ** – уровень значимости $p \leq 0,001$.

ходима для существования человека») и меньше соглашается с некоторыми позитивными высказываниями о совести. Надо отметить, что статистически значимые взаимосвязи выявились между выраженностью психопатологической симптоматики и теми утверждениями анкеты, которые характеризуют негативную установку по отношению к совести (отрицают наличие или значение совести). Большая часть высказываний анкеты, отражающая совесть и ее работу содержательно, не показала значимых связей в данной выборке. Можно предположить, что сущность феномена совести здоровые респонденты и респонденты с психопатологическими симптомами понимают одинаково, различается лишь установка, которая тем не менее оказывает решающее влияние на иерархию ценностей и мотивов личности. В связи с полученным интересным результатом данное направление исследований будет продолжаться для выявления нюансов и различий в социальных представлениях о совести в группе здоровых респондентов и в группе респондентов с психологическими сложностями.

Заключение

Гипотеза исследования подтвердилась. Выявился позитивный характер элементов ядра социальных представлений студентов о совести, а содержательная полнота ядра представлений оказалась недостаточной. Хотя в целом в ядре представлений большинства респондентов находятся утверждения, выражающие позитивное отношение к совести и ее роли в жизнедеятельности человека и общества, но наблюдаются и отмеченные нами негативные тенденции в духовно-нравственном становлении современной российской молодежи. Полученные результаты указывают на необходимость принятия определенных мер на всех уровнях общественного устройства: семьи, учебных заведений, социальных институтов, общественного мнения, законопроектов и др., пока данные тенденции не стали массовыми среди современной молодежи.

Содержание и установка представлений о совести взаимосвязаны с выбором респондентами той или иной группы ценностей. Респонденты, выбирающие конкретные ценности статистически чаще разделяют цинично-прагматичное отношение к совести, чем респонденты, у которых в структуре ценностей в той или иной мере присутствуют абстрактные ценности (жизненная мудрость, творчество, счастье других и т. п.). Структура инструментальных ценностей также соотносится с представлениями о совести. Так, наи-

более циничное отношение к совести демонстрируют респонденты с ведущими ценностями дела; не столь категоричное отношение, но отрицающее внутреннюю обусловленность совести и ее независимость от внешних оценок выявляется у молодых людей с ценностями самоутверждения; самые позитивные представления о совести проявляются у респондентов с ведущими ценностями общения. Если соотнести полученные результаты с общественными реалиями современной России (Юревич, 2016; и др.), то вырисовывается закономерная, логичная картина, которая показывает хорошую работу адаптационной функции представлений о совести у молодежи, стремящейся к личному социальному успеху в современной ситуации общественного устройства.

Результаты пилотажного исследования взаимосвязи представлений о совести с показателями психопатологической симптоматики позволяют подтвердить мнение, что психологическое здоровье взаимосвязано с нравственными установками личности и вероятнее всего является необходимым условием нравственности человека, и, наоборот, нравственные ориентиры помогают человеку сохранить психическое и психологическое здоровье в сложных жизненных ситуациях.

Литература

- Альперович В. Д.* Трансформации социально-психологических характеристик представлений взрослых о враге и друге: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов-н/Д.: Южный федеральный университет, 2010.
- Анциферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Воловикова М. И.* Нравственная психология: задачи, методы и современное состояние // Проблемы нравственной и этической психологии в современной России / Отв. ред. М. И. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 21–39.
- Воловикова М. И., Галкина Т. В.* Психологическое здоровье личности и нравственные проблемы общества (вместо предисловия) // Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 5–15.
- Воловикова М. И., Мустафина Л. Ш.* Использование русских народных пословиц и поговорок в исследовании социальных представлений о совести // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 34–36.

- Воловикова М. И., Мустафина Л. Ш.* Представления о совести в российском менталитете. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Галкина Т. В.* Осознание как путь к психологическому и физическому здоровью субъекта // Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 35–61.
- Емельянова Т. П.* Психологическое благополучие и социальные представления о жизни в мегаполисе // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 213–223.
- Емельянова Т. П.* Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В.* Социально-психологические факторы вступления молодежи в ИГИЛ // Вопросы психологии. 2016. № 3. С. 16–28.
- Журавлева Н. А.* Психология социальных изменений: ценностный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Журавлева Н. А.* Ценностные ориентации личности в условиях улучшения экономической ситуации в российском обществе в 2003–2006 гг. // Гуманитарный научный вестник. 2017. № 4. С. 9–17. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/gv-2017-№4-zhuravleva.pdf> (дата обращения: 10.10.2017).
- Карсон Р., Батчер Дж., Минека С.* Анормальная психология. СПб.: Питер, 2004.
- Колпакова М. Ю.* Преодоление тревоги: как рождается мир в душе. М.: Никая, 2015.
- Купрейченко А. Б., Воробьева А. Е.* Нравственное самоопределение молодежи. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Московичи С.* Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 15. № 1. С. 3–18.
- Мустафина Л. Ш.* Исследование социальных представлений о совести у российской молодежи (на примере учащейся молодежи) // Вестник университета (Государственный университет управления). 2009. № 22. С. 74–76.
- Мустафина Л. Ш.* Структура социальных представлений учащейся молодежи о совести: Автореф. ... дис. канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2012.
- Мустафина Л. Ш.* Уровень психологической травматизации у пожилых людей: изменение структуры представлений о совести // Вестник Костромского государственного университета. Сер. «Педагогика. Психология. Социокинетика». 2015. Т. 21. № 4. С. 60–64.

- Падун М. А., Котельникова А. В.* Психическая травма и картина мира: Теория, эмпирия, практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Самойлова И. Г., Матвеева В. С.* Представления о совести молодых людей с разным уровнем осмысленности жизни // Вестник Костромского гос. ун-та. Сер. «Педагогика. Психология. Социокинетика». 2017. Т. 23. № 1. С. 44–47.
- Тарабрина Н. В.* Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. М.: Когито-Центр, 2007.
- Тарабрина Н. В., Харламенкова Н. Е.* Посттравматический стресс и совладающее поведение в период средней и поздней взрослости // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 291–305.
- Фарр Р.* Социальные представления // Социальная психология / Под ред. С. Московичи. СПб.: Питер, 2007. С. 395–405.
- Флоренская Т. А.* Диалог в практической психологии. М.: Институт психологии АН СССР, 1991.
- Харламенкова Н. Е.* Личность и преодоление трудных жизненных ситуаций // Прикладная юридическая психология. 2014. № 3. С. 10–18.
- Хаэр Р. Д.* Лишенные совести: пугающий мир психопатов. Вильямс, 2007.
- Шувалов А. В.* Психологическое здоровье человека: духовные основы и научные представления. URL: <http://www.portal-slovo.ru/pedagogy/47304.php> (дата обращения: 20.11.2017).
- Юревич А. В.* Психологическое состояние современного российского общества как отражение его жизнеспособности // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 159–175.
- Abric J.* Central system, peripheral system: their functions and roles in the dynamics of social representations // Papers on social representation. 1993. V. 2. P. 75–78.
- HR-Portal. URL: <http://www.hr-portal.ru/node/27229> (дата обращения: 03.10.2017).
- Verges P.* L'Evocation de l'argent: Une methode pour la definition du noyau central d'une representation // Bulletin de Psychologie. 1992. V. XLV. P. 203–209.

Конструктивность копинг-стратегий как ресурс профессионального здоровья летчиков

М. Е. Зеленова, А. А. Лекалов, В. С. Лим, Е. В. Костенко

Введение

Профессиональная деятельность летчика относится к разряду социально-ответственных видов труда и предъявляет к специалисту ряд базовых требований, неучет которых приводит к серьезным последствиям для благополучия и жизни людей. В сфере авиации безопасность, надежность и эффективность взаимодействия в системе «человек—машина» во многом определяются не только профессиональными знаниями и навыками, но и физическими, психофизиологическими, индивидуально-личностными характеристиками субъекта труда. Среди причин авиакатастроф, по данным исследователей, авиационные инциденты в 60–80% случаев связаны с «человеческим фактором» (Человеческий фактор в авиации, 2002). Согласно статистике, приведенной РИА Новости со ссылкой на Международное аналитическое агентство «Безопасность полетов», причинами авиационных аварий, имевших место в 1997–2012 гг., лишь в 18% случаев были проблемы технического порядка, в 14% случаев точные причины аварии установить не удалось. Однако, по оценкам экспертов, 68% авиакатастроф в указанный период произошли по причине «человеческого фактора» и были вызваны ошибочными действиями экипажа (Основные причины авиакатастроф и летных происшествий, 2017).

Раскрывая понятие «человеческий фактор», исследователи включают в него не только неверные действия пилота, связанные с невыполнением стандартных летных процедур или воздействием сложных погодных условий, но проблемы со здоровьем летных специалистов, а также личностные свойства пилота (Козлов, 2011). «Здоровье авиаторов в любом узле обеспечения полета и его управления — природная основа профилактики аварийности. Здоровье как системную

категорию благополучия человека, качества жизни следует рассматривать только в связке «здоровье—работоспособность—надежность»: «Здоровье — экономический фактор... Надежность человека в полете определяется прежде всего степенью развитости интеллекта, самостоятельности индивидуума, его характером, культурой» (Пономаренко, 2000, с. 78–79).

Анализ литературы показал, что многие исследования посвящены изучению взаимосвязи безопасности полетов и отбору летных специалистов. Причем показано, что успешность деятельности в летном виде труда тесно связана не только с характеристиками авиационной техники, уровнем подготовки и квалификации летчика, его теоретической и практической готовностью к выполнению полетных заданий, но и с характеристиками психического и личностного статуса летного специалиста, его индивидуально-психологическими особенностями (Баканов, Зеленова, 2015; Бодров, Лукьянова, 1981; Котик, 1974; Пономаренко, 2014; Стрелков, 2003; и др.). Исследователи показали, что успешность выхода из экстремальных ситуаций во многом зависит от психического, эмоционального и физиологического состояния летчика во время аварии. Очень часто ошибки, классифицируемые как «нарушение регламента в полете», являются следствием психофизиологического и эмоционального неблагополучия летчика либо определяются его личностной незрелостью (Пономаренко, 2006).

Полученные эмпирические данные нашли свое отражение в изменении подхода к методическому обеспечению процедуры врачебно-летной экспертизы, где все больше внимания стали уделять диагностике психологических компонентов профессионального здоровья летных экипажей. В психодиагностические методические комплексы, применяемые на разных этапах медицинского обследования летчиков, все чаще начали вводить психологические тесты, направленные на выявление индивидуально-личностных характеристик, обеспечивающих мобилизацию внутренних ресурсов человека в экстремальных условиях и поддерживающих работоспособность в ситуациях стресса (Бодров и др., 2012; Разсолов, 2017; Совершенствование врачебно-летной экспертизы при сердечно-сосудистой патологии, 2004; Alkov, Borowsky, 1980; и др.).

Психологическое тестирование в практике врачебно-летной экспертизы

Ученые показали, что между результативностью летной деятельности, уровнем здоровья и дисквалификацией летного состава существ-

ует причинно-следственная связь, а параметры функционального состояния и здоровья летчиков являются прямыми критериями профессиональной пригодности летных специалистов. Установлено, что у летных специалистов, имеющих в анамнезе медицинские диагнозы, больше летных происшествий, они чаще испытывают трудности при выполнении полетных заданий. При освоении новой, более сложной летательной техники летчики, имеющие диагноз, с трудом переучиваются и совершают большее число ошибочных действий (Бодров, 2009; Пономаренко, 2000).

К здоровью летчиков предъявляются высокие требования. Помимо предполетного осмотра, действующие профессионалы обязательно проходят врачебно-летную экспертную комиссию, в задачи которой входит раннее выявление признаков заболеваний, профилактика и лечение. Наряду с соматическими заболеваниями в ходе прохождения врачебной комиссии у летчиков диагностируются и функциональные заболевания нервной системы. При этом, как отмечают врачи, невротическая симптоматика чаще присутствует у начинающих летчиков и исчезает в 50–60% случаев после устранения причин. Нарушения профессионального здоровья летных специалистов проявляются также при возникновении признаков негативных психических состояний, симптомов стресса, выгорания и хронического утомления.

Разработке прикладных проблем – стресса в авиационной психологии – посвящены работы В. А. Бодрова, Н. Д. Заваловой, В. А. Пономаренко, Ю. К. Стрелкова и мн. др. По данным эмпирических исследований, стресс в полете у летчиков проявляется либо в заторможенности, замедлении действий и операций или их пропуске, либо в повышенной возбудимости, импульсивности и хаотичности поведения. Стресс также приводит к ошибочным действиям в связи с изменениями процессов внимания, восприятия и переработки информации. Летчики, у которых в экстремальных ситуациях полета высока вероятность развития подобного дезадаптивного поведения, считаются не пригодными к летной деятельности (Бодров, 2009; Завалова, Пономаренко, 1983; Стрелков, 2003; и др.).

Большую роль в обеспечении безопасности полетов имеют стресс-факторы, влияющие на профессионала за пределами рабочей среды. К ним обычно относят жизненные события и обстоятельства, воздействие которых может сильно повлиять на психофизиологическое равновесие человека. Хотя однозначных связей между трудными жизненными ситуациями и эффективностью деятельности летчиков не выявлено, тем не менее летчики, в жизни которых есть пси-

хотравмирующие обстоятельства (конфликты с близкими в семье, на работе и т. д.), чаще попадают в аварии и предаварийные ситуации. Общий вывод ученых состоит в том, что бытовой стресс оказывает влияние на работоспособность летных специалистов и приводит к снижению профессиональной надежности и безопасности полетов (Бодров, 2006; Шульц, Шульц, 2003; Green, 1985; и др.).

Одним из способов повышения успешности и надежности летной деятельности является совершенствование процедуры врачебно-летной экспертизы. В настоящее время критерии и нормативы психологической части медицинской экспертизы, по мнению экспертов, не в полной мере соответствуют специфике профессиональных требований, предъявляемых современной авиацией к здоровью летного специалиста. В имеющихся методических документах отсутствуют процедуры, направленные на обязательную диагностику психологических и личностных характеристик летчиков. В этой связи эмпирические исследования психологического и личностного статуса летчиков во время прохождения клинично-медицинской экспертизы продолжают оставаться востребованными практикой.

Научные исследования, проведенные с целью совершенствования медицинской летной экспертизы, выявили, что у летчиков с диагнозами «нейроциркулярная дистония» и «атеросклероз сосудов головного мозга» наблюдается не только снижение показателей зрительно-пространственного, вербального и числового тестов, но одновременно отмечается формирование пассивной личностной позиции, фиксация на внутренних переживаниях, чрезмерная нерешительность в ситуациях выбора, повышенная тревожность и замкнутость. У летчиков с дисциркуляторной атеросклеротической энцефалопатией значения шкал «интроверсия», «тревожность», «сензитивность» методики СМЛ чаще обычного имеют уровень выраженной акцентуации и дезадаптации (Крапивницкая, 2006; Крапивницкая, Хашба, 2010).

В работе О. Н. Сиваш, обследовавшей военных летчиков во время прохождения плановой медицинской комиссии, выявлена связь соматических заболеваний, таких как гипертоническая болезнь, остеохондроз, тугоухость, заболевания желудочно-кишечного тракта и др. с уровнем тревожности, циклотимии, эмоциональной лабильности, снижением чувства профессиональной компетентности и ответственности. Автор отмечает, что наиболее тесной взаимосвязью личностных особенностей с медицинскими диагнозами зафиксирована у летчиков, имеющих нарушения в работе сердечно-сосудистой системы (Сиваш, 2008).

Связь личностных характеристик с негативными психическими состояниями у летных специалистов, обследованных в период прохождения врачебно-летной экспертизы, показана в исследованиях, осуществленных под руководством В. А. Бодрова (Бодров и др., 2012; Зеленова, 2014).

В своих исследованиях авторы исходили из того теоретического положения, что внутренние резервы организма и психики человека являются одним из важных источников, способных противостоять развитию психической дезадаптации. Мобилизация внутренних психологических ресурсов в трудных ситуациях позволяет актуализировать набор поведенческих действий по предотвращению или купированию дезадаптивных функциональных состояний. К числу таких ресурсов относятся индивидуально-личностные характеристики субъекта труда, в том числе особенности мотивации, особенности профессионального самосознания, уровень жизнестойкости, «локус-контроль» и др. (Бодров, 2006).

Результаты эмпирических исследований, проведенных в разные годы, показали также, что в структуре внутренних ресурсов индивида, способствующих успешному преодолению стресса, большая роль принадлежит процессам психической регуляции деятельности и поведения. Показано значение сформированности системы осознанной саморегуляции произвольной активности индивида в экстремальных ситуациях для успешности их разрешения, роль структурированного регуляторного опыта и наличия навыков, определяющих конструктивность действий профессионала при выходе из сложных и стрессовых ситуаций (Дикая, 2012; Зеленова, 2013; Моросанова, Аронова, 2007; Balducci, Schaufeli, Fraccaroli, 2011; и др.).

Сдует отметить, что в настоящее время при изучении проблем, связанных с регуляцией трудовой деятельности в экстремальных условиях, психологи делают акцент на активизацию и использование внутренних ресурсов субъекта труда. Поиск исследователей направлен на выявление психологических коррелятов, препятствующих ошибочным действиям в ситуациях стресса. В число таких ресурсов включают особенности совладающего поведения профессионала, способы и стратегии, которые он применяет, преодолевая влияние негативных факторов стресса.

Тем не менее, несмотря на внимание ученых к вопросам выявления факторов стрессоустойчивости профессионала, использование ресурсов преодоления, их содержание и своевременная активизация все еще остаются изученными не в полной мере. Проблема выявления психологических составляющих, способствующих сохранению

профессионального здоровья, по-прежнему актуальна для практиков и требует дальнейшего эмпирического исследования.

Целью представленной работы выступило изучение связи между состоянием профессионального здоровья специалистов, занятых в таком социально ответственном и опасном виде труда, как летная деятельность, и особенностями преодоления стресса. Предполагалось, что конструктивность копинг-стратегий является одним из значимых индивидуально-личностных ресурсов, помогающих летчику успешно достигать поставленных целей и выполнять конкретные задачи, сохраняя здоровье в условиях полета с высоким уровнем перегрузок в условиях воздействия вредных физических и психических факторов полетной среды. Исследование проводилось в связи с необходимостью решать задачи, связанные с дальнейшим совершенствованием методического психодиагностического комплекса, разрабатываемого совместно сотрудниками Института психологии РАН и Филиала № 1 ФГКУ «Главный военный клинический госпиталь им. акад. Н. Н. Бурденко» Министерства обороны РФ, направленного на диагностику психологических составляющих профессионального здоровья летных специалистов. Предполагалось, что конструктивные стратегии преодолевающего поведения могут выступить важным ресурсом, способствующим успешности разрешения стрессовых ситуаций, сохранению здоровья и профессионального долголетия летных специалистов и одновременно служить индикатором при прогнозировании дальнейшей профессиональной успешности летчиков.

Профессиональное здоровье в данном исследовании мы рассматриваем как способность субъекта труда сохранять физическое, психическое и социальное благополучие, как интегральное свойство человека быть работоспособным, продуктивным и креативным в условиях конкретной профессиональной деятельности. В качестве симптомов нарушения *психологических составляющих* профессионального здоровья в данном исследовании выступили признаки негативных психических состояний – стресс, тревожность, хроническое утомление, выгорание и др., – диагностируемых с помощью конкретных психологических методик.

Методика и участники исследования

В рамках договора между ИП РАН и филиалом № 1 ФГКУ «ГВКГ им. акад. Н. Н. Бурденко» МО РФ г. Москвы совместно с сотрудниками психофизиологической лаборатории госпиталя было проведено

психологическое обследование летных специалистов (см.: Зеленова, Лекалов, Костенко, 2016). Участниками выступили летчики, направленные в госпиталь для прохождения плановой медицинской комиссии: $n = 76$ человек, средний возраст — $33 \pm 8,64$ года. Процедура обследования включала индивидуальную беседу с последующим заполнением комплекса методик, направленных на выявление психологического здоровья и индивидуально-личностных характеристики респондентов. Особенности соматического здоровья (медицинский статус) определялись на основе индивидуальной медицинской карты.

В ходе обследования были использованы следующие психологические методики.

Для диагностики особенностей психологического здоровья и выявления уровня психического дистресса применялись:

- «Шкала психологического стресса» (PSM-25) Л. Лемура, Р. Тесье, Л. Филлиона;
- «Шкала определения стрессоустойчивости и социальной адаптации» (SRRS) Т. Х. Холмса, Р. Х. Раге;
- «Опросник Степень хронического утомления» (СХУ) А. Б. Леоновой, И. В. Шишкиной;
- Опросник «Дифференцированная оценка состояний сниженной работоспособности» (ДОРС) А. Б. Леоновой, С. Б. Величковой;
- «Опросник выявления профессионального выгорания» (МВІ) К. Маслач, С. Джексон.

Для выявления особенностей преодолевающего поведения респондентов в трудных и экстремальных ситуациях применялся опросник С. Хобфолла «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (Strategic Approach to Coping Scale, SACS). Методика содержит девять шкал, характеризующих следующие копинг-стратегии: 1) «ассертивные действия»; 2) «вступление в социальный контакт»; 3) «поиск социальной поддержки»; 4) «осторожные действия»; 5) «импульсивные действия»; 6) «избегание»; 7) «непрямые действия»; 8) «асоциальные действия»; 9) «агрессивные действия». Результаты заполнения опросника позволяют получить «общий индекс конструктивности стратегий преодолевающего поведения» (КСПП) и выделить респондентов с «высокой», «средней» и «низкой» степенью преодолевающего поведения в ситуациях стресса (Водопьянова, 2009).

Личностные характеристики летчиков и особенности профессиональной мотивации были получены с помощью методик:

- «Многофакторный личностный опросник» (FPI) в адаптации Т. И. Ронгинской, А. А. Крылова;

- Опросник «Изучение ценностей личности» Ш. Шварца;
- Методика «Исследование базисных убеждений личности» (ИБУЛ) Р. Янофф-Бульман в адаптации М. А. Падун, А. В. Котельниковой;
- «Методика диагностики уровня субъективного контроля» (УСК) Дж. Роттера;
- Опросник «Профессиональная востребованность личности» (ПВЛ) Е. В. Харитоновой, Б. А. Ясько;
- «Шкала личностной тревожности» (ЛТ) Ч. Спилбергера – Ю. Ханина;
- «Тест жизнестойкости» (ТЖ) С. Мадди;
- Опросник «Удовлетворенность работой» (УР) В. А. Бодрова (см.: Зеленова, Лекалов, Костенко, 2016).

Статистическая обработка эмпирических данных проводилась на базе пакета программ SPSS и включала корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена) и сравнительный анализ (Т-критерий Стьюдента, U-критерий Манна–Уитни). При анализе и описании результатов учитывался уровень достоверности $p < 0,05$.

Результаты исследования

1. Симптомы стресса, выгорания и утомления как признаки нарушения психологического здоровья летчиков

Статистическая обработка данных позволила получить распределение летчиков в зависимости от уровня выраженности таких показателей психологического здоровья, как стресс, выгорание и утомление, диагностируемых с помощью конкретных шкал, включенных в диагностический методический комплекс. Результаты статистической обработки представлены в таблице 1.

Анализ данных, представленных в таблице 1, показывает, что у большинства обследованных летчиков по шкале PSM-25, отражающей общее состояние психической напряженности, зафиксирован низкий уровень стресса. Летчики также отмечают у себя в основном «отдельные признаки» состояния хронического утомления, обнаруженные с помощью шкалы СХУ. Однако, согласно статистическим данным, в ходе выполнения летных заданий в 46,3% случаев у респондентов на рабочем месте отмечаются признаки стресса умеренной степени и в 43,48% случаев — признаки утомления (показатели методики ДОРС).

Важно подчеркнуть, что наличие симптомов утомления и сниженной работоспособности специалисты относят к наиболее серьез-

Таблица 1

Распределение летчиков в зависимости от величины показателей психологического здоровья

Показатели	Уровень проявления признака		
	низкий	средний	высокий
Уровень стресса по Шкале PSM-25	95,8%	4,2%	0
Уровень стресса на рабочем месте по шкале ДОРС	низкий	умеренный	выраженный
	53,7%	46,3%	0
Уровень утомления на рабочем месте по шкале ДОРС	низкий	умеренный	выраженный
	56,52%	43,48%	0
Степень хронического утомления по методике СХУ	отдельные признаки	начальная степень	выраженная степень
	94,2%	2,9%	2,9%
Степень выгорания по шкале МВІ	низкая	средняя	высокая
1. Эмоциональное истощение	78,4%	16,4%	5,2%
2. Деперсонализация/цинизм	54,9%	39,5%	5,6%
3. Редукция личных достижений	35,3%	57,2%	7,5%

ным признакам нарушения профессионального здоровья летчиков. Согласно экспертным оценкам, 10% случаев летных происшествий и катастроф связаны с состоянием утомления у летных специалистов. Появление признаков утомления приводит к заторможенности, снижению точности действий пилота, увеличению времени выполнения операций. В результате даже при хорошо отработанных навыках в процессе пилотирования летчики нередко совершают грубые ошибки, приводящие к авариям разной степени тяжести.

Кроме того, стресс у летчиков имеет свою специфику проявления, обусловленную своеобразием рабочей среды, что проявляется в характерных реакциях на воздействие непредвиденных или экстремальных факторов. При выполнении заданий в воздухе у пилота может появиться головокружение, искажение зрительного восприятия, дезориентация в пространстве, редукция или утрата закрепленных ранее навыков, стереотипизация и множественное повторение одних и тех же действий, возможна временная потеря контроля над своими действиями и поведением (Алдашева, 2014; Загородников, 2006).

Утомление и стресс связаны не только с перегрузками на работе, но и с текущими или экстремальными событиями личной жизни

профессионала. Анализ наполненности жизни летчиков стрессогенными событиями показал, что уровень стресса, при котором вероятность развития психосоматических заболеваний попадает в диапазон от 30% до 50% случаев, отмечается у 43,42% обследованных нами профессионалов, еще для 15,78% летных специалистов такая вероятность составляет 80% случаев. Данные заполнения опросника SRRS Холмса—Раге показали, что в списке событий, приводящих к стрессу и отмеченных респондентами, перемены и ситуации, вызывающие напряженность на рабочем месте, имеют наибольшую частоту встречаемости и отмечены в 33,62% случаев. Психотравмирующие события, такие как «развод» и «усиление конфликтов в семье», которые, по мнению специалистов, относятся к числу наиболее стрессогенных и негативно отражающихся на здоровье, имели место в течение года у 5,25% и 7,89% летчиков, соответственно. Кроме того, 14,47% обследованных летчиков отметили, что в текущем году у них были «травмы и заболевания».

Еще одним фактором, оказывающим большое влияние на успешность, надежность и безопасность трудовой деятельности, является выгорание. В эмпирических работах последних лет показано, что наличие симптомокомплекса профессионального выгорания у субъекта труда диагностируется не только у специалистов профессий, относящихся к категории «человек—человек», но и среди специалистов, работающих в системе «человек—техника», в том числе летчиков (Зеленова, Захаров, 2014; Сиваш, 2012). Выгорание связано с устойчивым появлением негативных симптомов психологического неблагополучия, соматическими нарушениями и нарушениями в эмоциональной и мотивационной сфере индивида, которые являются следствием длительных профессиональных перегрузок и приводят к снижению качества труда.

Как следует из таблицы 1, показатели выгорания у летчиков имеют в основном «среднюю» или «низкую» степень проявления. Статистический анализ также показал, что из всех признаков выгорания в наибольшей степени представлены симптомы, входящие в симптомокомплекс шкалы МВІ «редукция личных достижений», которые отражают степень неудовлетворенности индивида своими профессиональными достижениями, собой как работающим профессионалом и свидетельствуют о снижении интереса и положительной мотивации к выполнению трудовой деятельности.

По результатам проведенной психологической диагностики у летчиков выявлено наличие признаков психосоматического неблагополучия разной степени выраженности.

2. Особенности преодолевающего поведения летчиков в зависимости от показателей психологического здоровья, уровня профессионализма и личностных характеристик

Дальнейший анализ эмпирических данных был направлен на выявление особенностей преодолевающего поведения у летчиков и поиск взаимосвязей конструктивности копинг-стратегий с показателями нарушения психологического здоровья (уровнем стресса, выгорания, утомления), а также социально-демографическими, профессиональными и личностными характеристиками летных специалистов.

Распределение летчиков в зависимости от величины суммарного индекса конструктивности стратегий преодолевающего поведения методики SACS представлено в таблице 2.

Таблица 2

Распределение летчиков в зависимости от величины показателя конструктивности копинг-стратегий (%)

Степень конструктивности стратегий преодолевающего поведения (индекс КСПП SACS)		
Высокая	Средняя	Низкая
88,24%	8,82%	2,94%

Как видно из таблицы 2, 88,24% обследованных летчиков в соответствии с тестовыми нормами попадают в группу с высокой степенью конструктивности стратегий преодоления трудных и эмоционально значимых ситуаций. Группу со средней степенью КСПП составляют 8,82% летчиков, и только 2,94% респондентов имеют низкую степень конструктивности стратегий преодоления. Для обследованных профессионалов характерно использование конструктивных стратегий преодоления стресса, способствующих наиболее эффективному преодолению эмоционального напряжения в трудных ситуациях.

В таблице 3 представлены результаты корреляционного анализа шкал опросника SASC с показателями психологического здоровья летных специалистов.

Анализ полученных коэффициентов корреляции показывает, что общий индекс конструктивности преодолевающего поведения (КСПП) находится в обратной связи с показателями стресса, выгорания, утомления, а также с количеством имеющихся диагнозов, отражающих состоянием соматического здоровья летчиков. Из таблицы 3 следует, что чем более активные и просоциальные стратегии

Таблица 3
Корреляции шкал SACS с показателями психологического здоровья летчиков

Показатели методик	Шкалы SACS									
	КСПП	1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>Степень хронического утомления (СХУ)</i>										
Индекс ИХРУ	-0,33**	-0,51**	-0,11	-0,08	0,04	0,03	0,36**	0,25*	0,13	0,23
Физический дискомфорт	-0,16	-0,3*	-0,19	-0,29*	-0,02	0,23	0,31**	0,22	0,02	0,04
Сниженное самочувствие	-0,28*	-0,34**	0,01	-0,01	-0,04	-0,03	0,2	0,22	0,05	0,20
Нарушения эмоциональной сферы	-0,45**	-0,32**	-0,18	-0,08	-0,14	-0,03	0,18	0,33**	,33**	,34**
Сниженная мотивация	-0,29*	-0,36**	-0,16	0,04	0,12	-0,08	0,26*	0,14	0,25*	0,30*
<i>Дифференцированная оценка состояний сниженной работоспособности (ДОРС)</i>										
Утомление	-0,21	-0,31*	-0,16	-0,2	0,13	0,11	0,31*	0,24*	0,18	0,26*
Монотония	-0,02	-0,16	-0,11	-0,1	0,08	0,156	0,315**	0,19	0,12	0,16
Пресыщение	-0,16	-0,09	-0,10	0,07	0,11	0,14	0,26*	0,28*	0,26*	0,280*
Стресс	-0,20	-0,16	-0,08	-0,25*	0,2	0,18	0,27*	0,20	0,20	0,1
<i>Опросник выявления профессионального выгорания (МВИ)</i>										
Эмоциональное истощение (ЭИ)	-0,36*	-0,46**	-0,37**	-0,32*	0,03	-0,04	0,51**	0,33*	0,32*	0,35*
Деперсонализация (Д)	-0,33*	-0,43**	-0,16	-0,28*	-0,06	0,08	0,46*	0,29*	0,35*	0,45**
Редукция личных достижений (РД)	-0,02	0,33*	0,35*	0,25	-0,12	-0,02	-0,20	-0,09	-0,07	-0,07
PSM-25	-0,35**	-0,24*	-0,25*	-0,32**	-0,08	0,07	0,52**	0,31*	0,22	0,47**
SRRS	0,05	0,12	0,05	-0,21	-0,04	0,02	0,04	0,09	-0,20	-0,12
Наличие диагнозов	-0,28*	0,04	-0,15	-0,05	-0,20	-0,29*	-0,08	0,08	0,11	0,02

Примечание: Шкалы SACS: 1. Ассертивные действия; 2. Вступление в социальный контакт; 3. Поиск социальной поддержки; 4. Осторожные действия; 5. Импульсивные действия; 6. Избегание; 7. Непрямые действия; 8. Ассоциальные действия; 9. Агрессивные действия.

преодоления («ассертивные действия», «вступление в социальный контакт», «поиск социальной поддержки») реализуют в своем поведении летчики, тем выше их стрессоустойчивость и психологическое благополучие.

Проведение межгруппового сравнительного анализа подтвердило выявленные корреляционные взаимосвязи. Сравнение групп в зависимости от выраженности отдельных копинг-стратегий и общего индекса SACS показало, что летчики с высоким индексом КСПП имеют более низкий уровень стресса по тесту PSM-25 ($p < 0,001$), у них ниже уровень хронического утомления по шкалам СХУ «нарушение эмоционально-аффективной сферы» ($p < 0,001$) и «снижение мотивации и нарушения в сфере социального общения» ($p < 0,05$), ниже показатели «утомления» и «монотонии» по тесту ДОРС ($p < 0,05$). Показатели выгорания по шкалам методики МБИ «деперсонализация» ($p < 0,001$) и «эмоциональное истощение» также достоверно ниже в группе летчиков с высокой конструктивностью копинг-стратегий ($p < 0,05$).

Результаты статистической обработки не выявили различий между группами с высоким и низким индексом КСПП в распределении социально-демографических характеристик, таких как возраст, уровень образования, семейное положение.

Важно также отметить, что группы летчиков не различались по степени стрессонаполненности жизни – суммарному показателю опросника SRRS Холмса–Раге, т. е. общий уровень стрессогенности жизни – количество эмоционально-значимых событий и степень их травматизации, имевшие место в течение года в жизни респондентов, – не обнаружили достоверных различий, что позволяет говорить о том, что нарушения психосоматического здоровья летчиков во многом связаны с их личностными и профессиональными характеристиками.

Сравнение летчиков, разделенных на группы в зависимости от уровня профессионализма по шкалам методики SACS, позволило установить, что высококлассные профессионалы (категория «мастер», «снайпер») достоверно реже используют в своем поведении такие стратегии, как «импульсивные действия», «непрямые действия» и «осторожные действия» ($p < 0,05$).

Таким образом, имеющиеся эмпирические данные, свидетельствуют о связи симптомов негативных психических состояний с использованием определенных копинг-стратегий и позволяют сделать вывод о том, что надежность летчиков, выполняющих задания в условиях физических и эмоциональных перегрузок, будет более

эффективной у летных специалистов с высокой степенью конструктивности преодолевающего поведения.

На следующем этапе статистической обработки и анализа эмпирических данных рассматривались личностные особенности летчиков, имеющих разный уровень конструктивности копинг-стратегий. При делении на группы был применен медианный критерий и выделены группы с высокими и низкими значениями индекса КСПП SACS. Результаты представлены в таблице 4.

Сопоставление индивидуально-личностных характеристик летчиков с высокой и низкой степенью конструктивности копинг-стратегий, представленное в таблице 4, показывает, что значения общего индекса КСПП SACS выше у профессионалов с высоким уровнем жизнестойкости (шкалы опросника С. Мадди), интернальных (шкалы опросника УСК Дж. Роттера), имеющих более позитивную общую картину мира (шкалы опросника ИБУЛ Янофф-Бульман) и высокую самооценку (шкалы МИС), уверенных в своем профессионализме и востребованности (шкалы опросника Харитоновой–Ясько). Напротив, летчики с высоким уровнем личностной тревожности, агрессивности, высокими показателями эмоциональной нестабильности, внутренней конфликтности и со склонностью к депрессии чаще используют менее конструктивные стратегии преодоления, проявляя в трудных ситуациях более агрессивное и асоциальное поведение по отношению к окружающим.

Заключение

Результаты проведенного эмпирического исследования показали, что психологические составляющие профессионального здоровья летных специалистов, выполняющих полетные задания в экстремальных условиях при воздействии вредных факторов среды и в ситуации постоянного риска для жизни и здоровья, которые требуют от профессионала высокой степени сосредоточенности и психоэмоционального напряжения, тесно связаны с особенностями преодолевающего поведения.

Выявлено, что симптомы стресса, выгорания и утомления, а также медицинские показатели заболеваемости летчиков, свидетельствующие о соматическом и психологическом состоянии профессионалов, выше у специалистов, в поведении которых в трудных ситуациях преобладают такие копинг-стратегии, как «ассертивные действия», «поиск социальной поддержки», «вступление в социальный контакт», позволяющие более эффективно справляться со стрессом. Преоб-

Таблица 4
Сравнение индивидуально-личностных характеристик летчиков
в зависимости от величины КСПП SACS

Показатели методик	t	Значимость (2-сторонняя)	Разность средних	Стд. ошибка разности	Нижняя граница	Верхняя граница
Личностная тревожность	-3,83	0,00	-5,81	1,52	-8,84	-2,78
Тест жизнестойкости	4,48	0,00	18,98	4,24	10,45	27,51
<i>МИС, шкалы</i>						
Открытость	2,57	0,01	1,15	0,45	0,25	2,06
Самоуверенность	2,55	0,01	1,27	0,50	0,26	2,27
Саморукводство	2,39	0,02	1,33	0,56	0,21	2,46
Отраженное самоотношение	3,91	0,00	1,93	0,49	0,94	2,93
Самоценность	0,63	0,53	0,38	0,59	-0,82	1,57
Самоприятие	-0,46	0,65	-0,22	0,48	-1,19	0,75
Самоприязанность	0,45	0,66	0,20	0,44	-0,69	1,08
Внутренняя конфликтность	-2,47	0,02	-1,15	0,47	-2,10	-0,21
Самообвинение	-0,69	0,49	-0,33	0,47	-1,28	0,63
ПВЛ	4,02	0,00	19,86	4,94	10,00	29,72
УСК	4,14	0,00	21,73	5,24	11,25	32,21

<i>ИБУЛ, шкалы</i>						
Доброжелательность	2,94	0,01	5,30	1,80	1,66	8,93
Справедливость	3,96	0,00	5,37	1,35	2,64	8,10
Образ Я	3,35	0,00	4,30	1,28	1,71	6,89
Удача	5,37	0,00	7,59	1,42	4,74	10,45
Контроль	3,96	0,00	4,55	1,15	2,23	6,86
<i>FPI, шкалы</i>						
Невротичность	-3,25	0,00	-1,32	0,40	-2,13	-0,51
Агрессивность	-4,22	0,00	-1,86	0,44	-2,75	-0,98
Депрессивность	-2,49	0,02	-1,00	0,40	-1,80	-0,20
Раздражительность	-5,58	0,00	-2,41	0,43	-3,28	-1,55
Общительность	-0,71	0,48	-0,55	0,78	-2,11	1,00
Уравновешенность	1,77	0,08	0,90	0,51	-0,12	1,92
Реактивная агрессия	-4,77	0,00	-1,84	0,39	-2,61	-1,07
Застенчивость	-0,67	0,51	-0,37	0,55	-1,47	0,74
Открытость	-2,49	0,02	-1,29	0,52	-2,32	-0,25
Экстраверсия/интраверсия	-1,89	0,06	-0,73	0,38	-1,49	0,04
Эмоциональная стабильность	-1,97	0,05	-0,65	0,33	-1,30	0,01
Маскулинность-фемининность	-0,55	0,59	-0,22	0,41	-1,04	0,59

ладание в поведении летчиков менее конструктивных копинг-стратегий, таких как «агрессивные действия», «асоциальные действия», «избегание», тесно связано с наличием признаков психосоматического неблагополучия.

Проведенное исследование и статистическая обработка данных не выявили значимых различий в уровне стрессгенности жизни летчиков, т. е. насыщенности их повседневной жизни эмоционально значимыми событиями. Это еще раз подтверждает имеющиеся в психологической литературе данные о том, что негативные последствия воздействия факторов стресса на здоровье человека могут в значительной степени купироваться за счет внутренних ресурсов индивида — индивидуально-личностных, профессиональных, семейных и т. д. характеристик субъекта деятельности. Как показало наше исследование, в их число можно включить и использование активных и просоциальных стратегий преодоления, позволяющих более эффективно разрешать трудные ситуации и сохранять субъективное благополучие и профессиональное здоровье. По результатам эмпирического исследования, копинг-стратегии можно рассматривать в числе важных ресурсов психологического здоровья летных специалистов.

Полученные в исследовании эмпирические факты позволяют говорить о целесообразности включения в методический комплекс для психологического обследования летных специалистов опросника С. Хобфолла «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций». Диагностируемые с его помощью показатели могут быть использованы в процессе клинико-психологической экспертизы для прогнозирования негативных последствий воздействия стресс-факторов на психосоматическое состояние и профессиональное здоровье летных специалистов.

Литература

- Алдашева А. А.* Индивидуальные стратегии экологического поведения // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 3 (43). С. 31–36.
- Баканов А. С., Зеленова М. Е.* Когнитивно-стилевые детерминанты успешности профессиональной деятельности // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 2. С. 61–75.
- Бодров В. А.* Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: Пер Сэ, 2006.
- Бодров В. А.* Профессиональное утомление: фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

- Бодров В. А., Зеленова М. Е., Лекалов А. А., Сиваш О. Н., Таяновский В. Ю.* Исследование профессионального здоровья летчиков в процессе клинико-психологической экспертизы // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 4 / Под ред. В. А. Бодрова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 381–415
- Бодров В. А., Лукьянова Н. Ф.* Личностные особенности пилотов и профессиональная эффективность // Психологический журнал. 1981. № 2. С. 51–65.
- Водопьянова Н. Е.* Психодиагностика стресса. СПб., 2009.
- Дикая Л. Г.* Социально-психологические и личностные аспекты саморегуляции функционального состояния человека // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 4 / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 163–181.
- Завалова Н. Д., Пономаренко В. А.* Психические состояния человека в особых условиях деятельности. // Психологический журнал. 1983. № 6. С. 92–105.
- Загородников А. Г.* Особенности пограничного функционального состояния организма летного состава в условиях Крайнего Севера и эффективность его коррекции: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Санкт-Петербург, 2006.
- Зеленова М. Е.* Индивидуальный стиль саморегуляции как внутренний ресурс стрессоустойчивости субъектов трудовой деятельности // Социальная психология и общество. 2013. № 1. С. 69–82.
- Зеленова М. Е.* Социально-психологические факторы регуляции профессионального здоровья летчиков // Социальная психология и общество. 2014. № 1. С. 54–74.
- Зеленова М. Е., Захаров А. В.* Выгорание и стресс в контексте профессионального здоровья военнослужащих // Социальная психология и общество. 2014. № 2. С. 50–70.
- Зеленова М. Е., Лекалов А. А., Костенко Е. В.* Диагностика психологического здоровья летчиков в практике врачебно-летной экспертизы // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 3 (51). С. 114–121.
- Козлов В. В.* Учение о «человеческом факторе»: история создания и практика применения // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 2 / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 128–153.

- Котик М. А.* Саморегуляция и надежность человека-оператора. Таллин: Валгус, 1974.
- Крапивницкая Л. В.* Совершенствование врачебно-лётной экспертизы при сердечно-сосудистой патологии (клинико-психологическое исследование): Автореф. дис. ... докт. мед. наук. М., 2006.
- Крапивницкая Л. В., Хашба Б. Г.* Психологический отбор и оценка актуального психологического состояния пилотов гражданской авиации // Амбулаторная и больничная психотерапия и медицинская психология. Материалы 8-й Всероссийской общественной профессиональной медицинской психотерапевтической конференции. М., 2010. С. 47–49.
- Моросанова В. И., Аронова Е. А.* Самосознание и саморегуляция поведения. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Основные причины авиакатастроф и лётных происшествий. РИА Новости, Инфографика. URL: <https://ria.ru/infografika/20120703/690811747.html> (дата обращения: 30.11.2017).
- Пономаренко В. А.* Авиация. Человек. Дух. М.: Магистр-Пресс, 2000.
- Пономаренко В. А.* Психология человеческого фактора. Красноярск, 2006.
- Пономаренко В. А.* Теоретические и экспериментальные данные о профилактике безопасности полета. М.: Когито-Центр, 2014.
- Разсолов Н. А.* Врачебно-лётная экспертиза и безопасность полетов в гражданской авиации // Кафедра авиационной и космической медицины ФГБОУ ДПО «РМАНПО». URL: <http://medicine-aviaprod.ru/documents.html> (дата обращения: 26.11.2017).
- Сиваш О. Н.* Изучение личностной детерминации профессиональной пригодности лётного состава в процессе клинико-психологической экспертизы // Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 416–434.
- Сиваш О. Н.* Эмоциональное выгорание военных лётчиков разных категорий // Психологические исследования: Вып. 6 / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 119–133.
- Совершенствование врачебно-лётной экспертизы при сердечно-сосудистой патологии. Методические рекомендации для врачебно-лётных экспертных комиссий гражданской авиации / Отв. ред. Н. А. Разсолов. М., 2004.
- Стрелков Ю. К.* Инженерная и профессиональная психология. М.: Academia, 2003.

- Человеческий фактор в авиации (беседа за круглым столом) // Проблемы психологии и эргономики. 2002. № 5. С. 5–12.
- Шульц Д., Шульц С.* Психология и работа. СПб.: Питер, 2003.
- Alkov R. A., Borowsky M. S.* A questionnaire steady of psychological background factor in us Naval aircraft accidents // Aviat., Space and Environ. Med. 1980. V. 51. № 3. P. 860–869.
- Balducci C., Schaufeli W. B., Fraccaroli F.* The job demands—resources model and counterproductive work behaviour: The role of job-related affect // European Journal of Work and Organizational Psychology. 2011. V. 20. № 4. P. 467–496.
- Green R. F.* Stress and accidents // Aviat., Space and Environ. Med. 1985. V. 56. № 7. P. 638–641.

Аннотации

Вклад Института психологии РАН в исследование духовно-нравственных проблем личности и общества

М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев

В статье, выступающей в функции введения в тему настоящей книги, последовательно прослеживаются этапы разработки в академическом Институте психологии нравственных и духовно-нравственных проблем, начиная с момента образования Института психологии АН СССР и заканчивая самыми последними по времени исследованиями, проводимыми в Институте психологии РАН. Показан вклад ИП РАН в утверждение такого нового научного направления, как нравственная психология. Доказывается приоритет Института в выявлении и разработке феномена «нравственная элита». Делается вывод о развитии в ИП РАН идей научной школы С. Л. Рубинштейна.

Ключевые слова: нравственная психология, личность, общество, Институт психологии РАН, С. Л. Рубинштейн, духовно-нравственные проблемы, нравственный идеал, совесть, нравственная элита, имплицитные представления.

Contribution of Institute of psychology of Russian Academy of Sciences to a research of spiritual and moral problems of the personality and society

M. I. Volovikova, A. L. Zhuravlev

The Chapter, which serves as an introduction to the theme of this book, consistently traced the stages of development at the academic Institute of psychology moral and spiritual-moral problems. The role of the Institute of psychology RAS in the development of moral psychology is described.

The priority of the Institute in identifying and developing the phenomenon of “moral elite” is proved. The conclusion is made about the development of ideas of S. L. Rubinstein scientific school in the Institute of psychology of RAS.

Keywords: moral psychology, personality, society, Institute of psychology of RAS, S. L. Rubinstein, spiritual and moral problems, moral ideal, conscience, moral elite, implicit representations.

Отечественная философско-психологическая мысль на переломе русской истории 1916–1918 гг.: борьба за духовное понимание мира

О. Е. Серова

В статье представлен один из ключевых аспектов проведенного в 2016–2017 гг. исследования, направленного на реконструкцию общего состояния психологической мысли в России в период катастрофического перелома ее истории в 1916–1918 гг. Основу ее содержания составили результаты научного анализа материалов ведущих московских периодических изданий – «Вопросы философии и психологии» (главный редактор – Л. М. Лопатин) и «Психологическое обозрение» (редакторы – Г. И. Челпанов и Г. Г. Шпет) выпуска 1916–1918 гг. Специфика рассмотрения психологической проблематики, связанная с направленностью редакционной политики журналов, обуславливала применение в исследовании *контекстного* анализа и интерпретации. Обработка базы философско-психологических и научно-психологических источников выявила общую для них высокую степень *научной оригинальности и самодостаточности*, что определило выбор основной стратегии и отдельных методов исследования. Исследование было проведено в методологии case study с применением психолого-аналитического, герменевтического, проблемологического, сравнительного, качественного и количественного анализа текстов. Было установлено, что *единым основанием* для рассмотрения психологических явлений для авторов публикаций выступало понимание *духовно-нравственной природы* этих явлений, и в методологии анализа *нравственный фактор* выступал в качестве *систематизирующего* для всего разнообразия психологического знания.

Ключевые слова: история психологии, отечественная философско-психологическая мысль начала XX в., духовность, христианство, русская культура, Л. М. Лопатин, Н. А. Бердяев, А. Ф. Лазурский, Н. О. Лосский, П. И. Новгородцев, Г. И. Челпанов, В. Ф. Эрн.

Russian philosophical and psychological thought at the turn of Russian history in 1916–1918: struggle for spiritual understanding of the world

O. E. Serova

One of key aspects of the research conducted in 2016–2017 directed to reconstruction of the general condition of a psychological thought in Russia in the period of a catastrophic change of her history in 1916–1918 is presented in article. Results of the scientific analysis of materials of the leading Moscow periodicals – “Questions of philosophy and psychology” (editor-in-chief L. M. Lopatin) and “A psychological review” (editors G. I. Chelpanov and G. G. Shpet) of release of 1916–1918 were a basis of her contents. The specifics of consideration of a psychological perspective connected with orientation of editorial policy of magazines caused application in a research of the contextual analysis and interpretation. Processing of base of philosophical and psychological and scientific and psychological sources has revealed the general for them high degree of scientific originality and self-sufficiency that has defined the choice of the main strategy and separate methods of research. The research has been conducted in case study methodology with application of the psikhologo-analytical, hermeneutical, problemological, comparative, qualitative and quantitative analysis of texts. It has been established that the understanding of the spiritual and moral nature of these phenomena acted as the uniform basis for consideration of the psychological phenomena for authors of publications, and in analysis methodology the moral factor acted as the psychological knowledge systematizing for all variety.

Keywords: psychology history, domestic philosophical and psychological thought of the beginning of the 20th century, spirituality, Christianity, Russian culture, L. M. Lopatin, N. A. Berdyaev, A. F. Lazursky, N. O. Lossky, P. I. Novgorodtsev, G. I. Chelpanov, V. F. Ern.

Духовность личности в отечественной философско-психологической традиции и проблемы современного правосознания

Н. В. Борисова

В статье с помощью методики Тапп рассматриваются морально-правовые представления российской молодежи. Обоснована необходимость сохранения целостности личности в условиях глобальных социально-политических преобразований. Опасность заключается в утрате ценностей и идеалов, имеющих объективную значимость

для нравственного становления личности. Показано, что единственный путь к достойному решению поставленных современным миром проблем – сохранение верности своим культурным корням, опора на отечественную философско-психологическую традицию, которая отличается глубоким погружением в вопросы познания специфики подлинного человеческого бытия. Духовность анализируется через понятие «духовная личность», которое было введено в психологическую науку американским психологом У. Джемсом и как центральная тема исследований разрабатывалась представителями отечественной философско-психологической мысли В. И. Несмеловым, И. А. Ильиным и др. Джемс рассматривал «духовную личность» через описание религиозных и мистических переживаний. Несмелов и Ильин, опираясь на отечественную религиозную традицию, создали оригинальные концепции «духовной личности», описали процесс ее становления, ориентированный на восприятие человеком предельных духовных смыслов.

Ключевые слова: морально-правовые представления, правосознание, методика Тапп, духовность, нравственное становление личности, ценности, идеалы, самоопределение, У. Джемс, В. И. Несмелов, И. А. Ильин.

Spirituality of the personality in domestic philosophical and psychological tradition and problems of modern sense of justice

N. V. Borisova

The moral and legal representations of the Russian youth received by means of a technique Tapp in 1989 and 2017 are considered. Need of maintaining integrity of the personality for a situation of global socio-political transformations is proved. The danger consists in loss of the values and ideals having the objective importance for moral formation of the personality. It is shown that the only way to the worthy solution of the problems put by the modern world – maintaining fidelity to the cultural roots, a support on domestic philosophical and psychological tradition which differs in deep immersion in questions of knowledge of specifics of original human life. The spirituality is analyzed through the concept of “spiritual personality” which has been entered into psychological science by the American psychologist W. James and as the central theme of researches was developed by representatives of a domestic philosophical and psychological thought V. I. Nesmelov, I. A. Ilyin. Dzhems considered “the spiritual personality” through the description of religious and mystical experiences. Nesmelov, Ilyin relying on domestic re-

ligious tradition, have created original concepts of “the spiritual personality”, have described the process of her formation focused on perception by the person of extreme spiritual meanings.

Keywords: moral and legal representations, sense of justice, technique Tapp, spirituality, moral formation of the personality, value, ideals, self-determination, W. James, V. I. Nesmelov, I. A. Piyin.

Категория «духовность» в христианской традиции и светском гуманитарном дискурсе: особенности прочтения и перспективы взаимодействия

Протоиерей Вадим Леонов

В статье излагается христианское содержание понятия «духовность», выделяются основные условия и этапы духовного становления человека в аскетической традиции православия. Приводится обзор светских подходов к интерпретации духовности и обозначаются ключевые проблемы, возникающие на пути диалога представителей богословия и гуманитарных наук по данной теме. В конце статьи описываются условия и возможности взаимодействия представителей религиозных и гуманитарных сфер для развития духовности личности и общества.

Ключевые слова: духовность, нравственность, мораль, антропология, совершенство, аскетика, богословие, православие, христианство.

Category “spirituality” in Christian tradition and a secular humanitarian discourse: features of reading and prospect of interaction

Archpriest Vadim Leonov

The article describes the Christian content of the concept of “spirituality”, the main conditions and stages of the spiritual formation of man in the ascetic tradition of Orthodoxy are singled out. A survey of secular approaches to the interpretation of spirituality is made and key problems emerging in the way of dialogue between representatives of theology and the humanities on this topic are identified. At the end of the article, conditions and opportunities for interaction between representatives of religious and humanitarian spheres are described for the development of the spirituality of the individual and society.

Keywords: spirituality, morality, morals, anthropology, perfection, asceticism, theology, orthodox christianity.

Роль совести в ценностном выборе личности

М. Ю. Колпакова

Статья посвящена проблеме ценностного выбора личности. Рассматриваются причины его нарушений. Выделены типы ценностной системы, препятствующие свободному ценностному выбору. В качестве условия реализации свободного выбора рассматривается обнаружение внутренних духовно-нравственных ценностей, оснований ценностного выбора. Дается обоснование положению о том, что разрешение внутреннего конфликта и актуализация внутреннего диалога являются необходимыми условиями свободного ценностного выбора. Этап рассогласования между рефлексивными ценностными представлениями и реальными ценностями выделен как необходимый при разрешении внутреннего конфликта с совестью. Работа выполнена в рамках духовно-ориентированного подхода Т. А. Флоренской.

Ключевые слова: ценностный выбор, духовные ценности, духовное Я, Т. А. Флоренская, внутренний диалог, совесть, конфликт с совестью.

Conscience role in the valuable choice of the personality

M. Yu. Kolpakova

This article explores the problem of value-based choice. The underlying causes of irregularities of value-based choice are examined. Two types of irregularities are identified. Non-constructive coping strategies as mechanisms of moral self-identification in inner dialogue disturbances are considered. Inner dialogue is a process of dialogical interaction between self and spiritual self. We emphasize the importance of dialogue approach to the phenomenon of value-based choice. Spiritual self being the foundation of value-based choice, we argue that awareness of personal value system foundations serves as an indispensable condition for person to become a moral subject. Actualization of internal dialogue is proposed to be a necessary condition to the process of moral self-identification. In accordance with the idea of inner dialogue being a process of dialogical interaction between self and spiritual self, it is possible to retrace manifestations of spiritual self in external speech. The article adopts the ethic-oriented approach introduced by T. A. Florenskaya.

Keywords: value-based choice, inner dialogue, conscience, conflict of conscience.

**Духовно-нравственные искания гениальной личности
(на примере изучения динамики идейных исканий
в творчестве Н. В. Гоголя)**

Е. Н. Холондович

В статье исследуется динамика идейных исканий гениальной личности. С помощью метода контент-анализа прослеживаются изменения в сознании Н. В. Гоголя ценностей, смыслов жизни и творчества, важных для писателя. Духовно-нравственные искания сопровождали Гоголя на протяжении всей его жизни и менялись от эстетических влияний и мистического восприятия мира к религиозно-нравственным началам как важнейшего фундамента существования человека и художника.

Ключевые слова: духовность гения, контент-анализ, ценности, смыслы жизни, идейные искания, Н. В. Гоголь.

**Spiritual and moral searches of the genius (on the example of studying
of dynamics of ideological searches in N. V. Gogol's consciousness)**

E. N. Kholondovich

The article investigates the dynamics of ideological searches of a genius personality. Using the method of content analysis, the author traces the changes in consciousness of N. V. Gogol values and meanings of life and creativity, important for the writer. Spiritual and moral search accompanied Gogol throughout his life and changed from aesthetic influences and mystical perception of the world to religious and moral principles, as the most important foundation for the existence of man and artist.

Keywords: spirituality of genius, content analysis, values, meanings of life, ideological search, N. V. Gogol.

**Нравственное состояние современного российского общества:
эмпирические оценки**

А. В. Юревич

В статье представлены результаты исследований нравственного уровня различных (преимущественно «средних») слоев современного российского общества. Особое внимание уделено нравственному состоянию молодежи. Показаны некоторые негативные тенденции в отношении к нравственным нормам. Проведено сопоставление

с процессами в области морали, характерные для западного общества. Продемонстрированы результаты исследования динамики нравственного состояния российского общества в годы реформ (1996–2016), полученные с помощью метода количественной макропсихологии.

Ключевые слова: макропсихология, нравственность, мораль, ценности, коррупция, молодежь, современное общество, добро, зло.

Moral condition of modern Russian society: empirical estimates

A. V. Yurevich

The Chapter presents the results of studies of the moral level of various (mainly “middle”) layers of modern Russian society. Special attention is paid to the moral state of young people. Some negative tendencies in relation to moral norms are shown. The Chapter provides a comparison with the processes in the field of morality, characteristic of Western society. The results of the study of the dynamics of the moral state of Russian society in the years of reforms (1996–2016), obtained using the method of quantitative macro-psychology, are demonstrated.

Keywords: macro-psychology, ethical norms, morality, values, corruption, youth, modern society, good, evil.

**Психоманипуляции в духовно-нравственной сфере
человеческого бытия**

А. А. Гостев

Рассматривается многоплановая психоманипуляция в духовно-нравственной сфере человеческого бытия. Подчеркнута необходимость междисциплинарного подхода в исследовании проблемы. Показаны основные аспекты ее изучения, в частности: а) тематика психологического и духовно-нравственного здоровья на уровнях конкретного человека, сообществ людей, общества, человечества в целом; б) манипуляции на основе столкновения традиционной и «новой этики»; в) влияние философии постмодернизма и массовой культуры; г) информационно-психологические атаки на религиозные ценности (преднамеренное использование религиозной веры как фактора геополитики, создание симулякров религиозных традиций, построение единой мировой религии и др.). Большое внимание уделено поиску контрманипулятивных ресурсов. Главным является состояние духовно-нравственной сферы. При высоком

развитии она блокирует возможности психоманипуляций, при низком – усиливает их.

Ключевые слова: психоманипуляция, психологическое здоровье, массовая культура, духовность, нравственность, религия, личность, общество, человечество.

Psychomanipulations in the spiritual and moral sphere of human existence

A. A. Gostev

Multidimensional psychomanipulation in spiritual and moral spheres of human existence is considered. Need for interdisciplinary approach to study the problem was underlined. The main aspects in such research are shown, in particular: a) psychological, spiritual, moral health at the levels of personality, communities, society, humanity as a whole; b) manipulation, based on collisions of traditional and “new ethics”; c) influence of postmodernism philosophy and mass culture; d) information-psychological attacks on religious values (intentional use of religious beliefs as geopolitical factor, creation of simulacra religious traditions, constructing the universal world religion etc.). Much attention was paid to finding for counter-manipulative resources. The main is the state of spiritual and moral spheres. Their high development blocks psychomanipulation power, while low level – strengthens it.

Keywords: psychomanipulation, psychological health, mass culture, spirituality, morality, religion, personality, society, humanity.

Патриотизм как характеристика личности и больших социальных групп в условиях современного геополитического противостояния

В. А. Соснин, Ю. В. Ковалева

Проводится анализ исследований феномена патриотизма. Привлекаются работы, в которых патриотизм рассматривается как личностная и групповая характеристика, как социальное чувство и готовность к определенному поведению. Обосновывается актуальность соотнесения понятий патриотизма, национального самосознания и этноцентризма (национализма). Подчеркивается важность изучения патриотизма в связи с обострением в последние годы геополитического противостояния в условиях глобального информационного воздействия на национальное и историческое самосознание с целью его трансформации и разрушения. Аргументируется возможность

социально-психологического анализа субъектности больших социальных групп как основных участников информационных войн с позиции не только их уязвимости, но и ресурса сопротивления различным информационным воздействиям, что может стать одним из направлений изучения проблематики психоисторических войн и патриотизма.

Ключевые слова: патриотизм, национальное самосознание, этноцентризм, национализм, геополитика, противостояние, субъектность, большие социальные группы, информационная война, информационное воздействие, психоисторическая война.

Patriotism as the personality and big social groups' characteristic in the conditions of present geopolitical opposition

V. A. Sosnin, Y. V. Kovaleva

The analysis of the research of a phenomenon of patriotism carried out. Data of works in which the patriotism considered as the personal and group characteristic, as social feeling and readiness for a specific behavior provided. The relevance relations between the concepts of patriotism, national consciousness, and ethnocentrism (nationalism) proved. Importance of studying of patriotism due to the aggravation of geopolitical opposition in the conditions of globalization of information impact on national and historical consciousness for its transformation and destruction emphasized in recent years. The possibility of the social and psychological analysis of subjectivity of big social groups as main participants of information wars from the point of view of not only their vulnerability, but also a resource of resistance to various information influences is reasoned that can become one of the directions of studying of a perspective of psycho-historical wars and a problem of patriotism.

Keywords: patriotism, national consciousness, ethnocentrism, nationalism, geopolitic, confrontation, subjectivity, large social groups, information war, information influence, psycho-historical war.

Взаимосвязь базового доверия/недоверия личности и ее доверия к электронной коммерции

Е. В. Шляховая

В статье представлены результаты первого этапа апробации методики «Доверие в электронной коммерции», проанализированы специфика взаимосвязи базового доверия/недоверия с доверием к элек-

тронной коммерции, а также особенности доверия к электронной коммерции у пользователей, отличающихся частотой совершения онлайн-покупок.

Ключевые слова: Интернет, установки по отношению к Интернету, электронная коммерция, поведение потребителей, доверие, базовое доверие/недоверие, доверие к электронной коммерции.

The relationship between basic trust/distrust of the individual and the individual's trust in e-Commerce

E. V. Shlyakhovaya

In article results of the first stage of approbation of a technique "Trust in electronic commerce" are provided (M. Gustavsson, A.-M. Johansson; the translation from E. V. Shlyakhova's English), are analyzed specifics of relationship between basic trust/distrust with trust to electronic commerce and also feature of trust to electronic commerce at the users differing in the frequency of making of online purchases.

Keywords: Internet, installations in relation to the Internet, electronic commerce, behavior of customers, trust, basic trust / distrust, trust to electronic commerce.

Психологические и социокультурные смыслы прощения, развитие способности к прощению

Н. Я. Большунова, О. А. Устинова

В статье дан анализ прощения как феномена отношений между людьми, представлены его культурные, духовно-нравственные, социально-психологические, психологические смыслы и содержание. На основе этнографических описаний и лингвокультурального анализа показано его место в русской культуре. Дан сравнительный анализ понимания прощения в разных типах культур (христианской, исламской, буддистской, даосско-конфуцианской). Представлен анализ некоторых зарубежных исследований прощения. В эмпирическом исследовании на основе анализа данных авторской анкеты (80 чел., 18–23 года), показано неоднозначное и противоречивое понимание респондентами прощения, тенденция прагматизации его смыслов. Выделены и обоснованы четыре уровня прощения. Представлено описание программы развития прощения у старших дошкольников и результаты ее апробации.

Ключевые слова: прощение, культура, уровни прощения, дар, анкетирование, старшие подростки, программа развития, дошкольники.

Psychological and socio-cultural meanings of forgiveness and development of the ability to it

N. Ya. Bolshunova, O. A. Ustinova

In the article the analysis of forgiveness as a phenomenon of human relations, presented its cultural, spiritual and moral, socio-psychological, psychological meanings and content. Based on ethnographic descriptions and lingvokulturalnogo analysis shows its place in Russian culture. Comparative analysis of understanding of forgiveness in different types of cultures (Christian, Islamic, Buddhist, Taoist-Confucian). Presents an analysis of some foreign studies of forgiveness. In an empirical study submissions about forgiveness based on analysis of an author's questionnaire (80 pax., 18–23 years), shows ambiguous and contradictory understanding of forgiveness, the tendency of pragmatization its meanings. Highlighted and substantiated four levels of forgiveness. Describes forgiveness development programme, preschool children and the results of its testing.

Keywords: forgiveness, culture, forgiveness levels, Dar, questioning, youth, program of development, preschoolers.

Домашняя среда и благодарность как черта личности и переживание

С. К. Нартова-Бочавер

Эмпирическое исследование посвящено изучению двусторонних связей между дружественной домашней средой и благодарностью как переживанием и чертой личности. Выборку составили 159 представителей студенческой молодежи (32 юноши, 117 девушек, $M_{\text{возраст}}=18,1$, $SD_{\text{возраст}}=2,3$). Для исследования домашней среды использовались опросники: Функциональность домашней среды, Релевантность домашней среды, Привязанность к дому. Для изучения благодарности использовались Шкала благодарности и Тест благодарности, обиды и признательности GRAT. В соответствии с ожиданиями, обнаружено, что дружественная домашняя среда (в основном функциональность) вносит вклад в проявление всех аспектов благодарности, а переживание благодарности (в основном чувство Достатка) предсказывает образ позитивного дружественного дома.

Ключевые слова: юношество, благодарность, мироотношение, домашняя среда.

Home environment and gratitude as emotion and a personal trait

S. K. Nartova-Bochaver

The empirical study examines the bilateral relations between the friendly home environment and gratitude as emotion and a grateful trait. The sample consisted of 159 students (32 male, 117 female, $M_{age}=18.1$, $SD_{age}=2.3$). For the study of the home environment variables, the following questionnaires were used: the Functionality of the home environment, the Relevance of the home environment, and Home attachment scale. To measure gratitude, the Gratitude scale and the Gratitude, Resentment, and Appreciation Test (GRAT) were used. In accordance to expectations, it was obtained that friendly home environment (mainly functionality) contributed to the manifestation of all aspects of grateful trait, and experience of gratitude (basically, Abundance) predicted a positive image of the friendly house.

Keywords: youth, gratitude, world view, home environment.

Исследование завистливости в юношеском возрасте

Л. М. Попов, Н. В. Горшенина

Рассматриваются представления о зависти как нравственно-психологической особенности личности. В теоретической части представлены разные подходы к изучению зависти. Приводятся результаты исследования, целью которого является изучение завистливости как нравственно-психологической особенности личности на примере юношеского возраста. Для исследования были подобраны методики по выявлению самооценки, уверенности в себе, нравственно-психологических особенностей личности и показана их взаимосвязь. Получены подтверждения гипотезы о том, что завистливость как нравственно-психологическая особенность личности характеризуется позитивным, конструктивным («белая зависть») и негативным, деструктивным («черная зависть») полюсами. Основываясь на результатах исследования, описаны полюса завистливости – конструктивный и деструктивный, а также уровни завистливости.

Ключевые слова: зависть, конструктивный и деструктивный полюса завистливости, юношеский возраст, уровни завистливости, нравственно-психологические особенности личности, самооценка, уверенность в себе.

The study of envy in adolescence

L. M. Popov, N. V. Gorshenina

The article deals with the concept of envy as a moral and psychological personality feature. The different methods to the study of envy are presented in the theoretical part of the research. The results of a research which purpose is the study of envy as moral and psychological feature of the personality on the example of youthful age are given in the article. The techniques studying self-assessment, self-confidence, moral and psychological features of the personality and their interrelation are chosen for the envy research. Confirmations of the hypothesis that envy as a moral-psychological feature of personality are characterized by positive, constructive (“white envy”) and negative, destructive (“black envy”) poles are obtained. Based on the results of the study, the poles of envy are described and defined – constructive and destructive, the levels of envy are described in detail.

Keywords: envy, constructive and destructive poles of envy, adolescence, levels of envy, moral and psychological characteristics of a person, self-esteem, self-confidence.

Прагматичность и нравственность как факторы психологического отношения к деловому партнерству

Т. С. Вавакина, В. П. Позняков

Статья продолжает изложение результатов серии исследований социально-психологических факторов делового партнерства в бизнесе. Деловое партнерство определяется как социальное взаимодействие экономически самостоятельных субъектов, основанное на объединении усилий деловых партнеров, направленных на реализацию их деловых интересов в рамках совместной экономической деятельности. Выделены наиболее общие базовые принципы социального взаимодействия: прагматичность (полезность, выгодность) и нравственность. Показано, что существенными характеристиками взаимодействия между его участниками (партнерами) является содержание ценностей и норм, определяющих позицию, ориентацию того или иного участника взаимодействия, которая придает этому взаимодействию конкретный и определенный смысл. Представлены результаты теоретико-эмпирического исследования базовых принципов взаимодействия между людьми – прагматичности и нравственности – как психологических факторов отношения к деловому партнерству. Показаны взаимосвязи оценок важности для пред-

принимателей прагматичности и нравственности как принципов делового партнерства со смысложизненными и ценностными ориентациями личности.

Ключевые слова: российские предприниматели, экономическая психология, социальное взаимодействие, деловое партнерство, принципы и нормы социального взаимодействия, психологические отношения, ценностные ориентации личности.

Pragmatism and moral as a factors of psychological attitude to business partnership

T. S. Vavakina, V. P. Pozniakov

Article continues a statement of results of a series of researches of social and psychological factors of business partnership in business. The business partnership is defined as the social interaction of economically independent subjects based on association of efforts of the business partners directed to realization of their business interests within joint economic activity. We have shown that the most common basic principles of social interaction are pragmatism (utility, profit) and morality. We have proved that the essential feature of the interaction between business partners is the content of values and norms determining their positions and orientations which give shape and meaning to the interaction. Results of empirical research of the basic principles of interaction between people – pragmatism and morality – as psychological factors of attitude to business partnership are presented in article. Interrelations of estimates of importance for businessmen of pragmatism and morality as principles of business partnership with valuable orientations of the personality are shown.

Keywords: Russian entrepreneurs, economic psychology, social interaction, business partnership, principles and norms of social interaction, psychological attitude, valuable orientations of the personality.

Социально-психологические условия формирования духовно-нравственной основы мироощущения и социального самоопределения современной учащейся молодежи

А. С. Чернышев

В статье обсуждаются проблемы духовно-нравственного становления современной учащейся молодежи. На основе многолетних эмпирических исследований выявлены взаимосвязи духовно-нравственных

качеств личности, ее мироощущения и социального самоопределения. Предлагаются социально-психологические технологии проектирования развивающей социальной среды как условия формирования нравственно зрелой личности.

Ключевые слова: мироощущение, социальное самоопределение, социальное обучение, развивающие социальные среды, представления об идеале, свободе, будущем России, Бессмертном полку.

Social and psychological conditions of formation of the spiritual and moral basis of attitude and social self-determination of the modern studying youth

A. S. Chernyshev

In the article problems of spiritual and moral formation of the modern studying youth are being discussed. On the basis of long-term empirical researches interrelations of spiritual and moral qualities of the personality and her attitude and social self-determination are revealed. Socio-psychological technologies for designing a developing social environment as conditions for the formation of a morally mature personality are proposed.

Keywords: attitude, social self-determination, the concepts of an ideal, freedom, future of Russia, “the Immortal regiment”, social training, developing social environments.

Ценностные ориентации молодежи в условиях макросоциальных преобразований

Н. А. Журавлева

Анализируются результаты многолетнего исследования динамики ценностных ориентаций учащейся молодежи в условиях социально-экономических изменений российского общества в 1990-е годы и в начале XXI в. Для изучения ценностных ориентаций личности применялся адаптированный вариант методики М. Рокича «Ценностные ориентации». В исследовании принимали участие школьники 10–11-х классов г. Москвы и студенты московских высших учебных заведений общей выборкой 1020 чел. В период с 1994 по 2006 г. выявлено смещение акцентов в ценностном сознании студентов с направленности на творческую самореализацию, самоутверждение и этические ценности к ориентации на социальную ответственность, достижение делового успеха и экономические ценности.

Ключевые слова: ценностные ориентации, учащаяся молодежь, социально-экономические изменения, социально-экономический кризис, нравственное воспитание.

Valuable orientations of youth in the conditions of macrosocial transformations

N. A. Zhuravleva

There are presented the results of the research of the students' value orientations dynamics under the socio-economic changes in Russia during the 90s of XX century and early XXI century. An adapted version of the M. Rokich methodology "Values orientation" was used for the research. The interrogation included 1020 opinions of students of Moscow schools and universities. According to the results of a study, there was a significant dynamics from the orientation to creation activity, self-affirmation and ethical values towards the orientation to social responsibility, achievement of business success and economic values in the structure of the students' value orientations.

Keywords: value orientations, students, socio-economic changes, socio-economic crisis, moral education.

Нравственно-психологические аспекты исследования структуры отношений старшеклассников к способам материального самообеспечения

Д. А. Китова

Переход к рыночной экономике, начатый в начале 90-х годов, привел к развитию новых форм собственности и отношений, к которым основная масса россиян оказалось не готовой. Возникла острая проблема психологической подготовки населения к экономическому самообеспечению в рыночных условиях. Особенно важно наличие такой подготовки у молодежи, которая находится на пороге решения вопросов самостоятельного удовлетворения экономических потребностей. Анализ результатов исследования показал, что большинству школьников свойственна низкая удовлетворенность уровнем экономического достатка, а определяющим условием достижения материального благополучия многие старшеклассники склонны считать противоправные и аморальные поступки. Это создает конфликтную психологическую ситуацию, может провоцировать школьников на стихийные действия, и свидетельствует о необходимости

формирования у молодежи нормативных моделей экономической самореализации.

Ключевые слова: молодежь, психологическая готовность, материальное самообеспечение, представления о богатстве и бедности, модели экономической самореализации.

Moral and psychological aspects in the structure of the attitudes of the high school students to methods of achieving material self-support

D. A. Kitova

The transition to a market economy that started in the early 1990s led to the development of new forms of property and relations, to which the majority of Russians were not ready. There was an acute problem of psychological preparation of the population for economic self-sufficiency in market conditions. A particularly important problem is the availability of such preparation for young people, which are on the verge of resolving issues of self-satisfaction of economic needs. Analysis of the results of the study showed that most school children have low satisfaction with their level of economic prosperity, and among the determining conditions for achieving economic prosperity many high school students are inclined to consider illegal and immoral acts. This creates a conflicting psychological situation, can provoke schoolchildren to act spontaneously, and also proves that people need general models of economic self-realization.

Keywords: youth, psychological readiness, material self-sufficiency, ideas about wealth and poverty, models of economic self-realization.

Современное состояние проблемы морального развития в подростковом возрасте

Т. П. Авдулова

В статье анализируются современное состояние изучения проблемы морального развития в отрочестве и юности. Представлены данные зарубежных исследований моральной мотивации, механизмов морального становления личности, а также факторов морального развития. Приводятся данные исследований автора, посвященные изучению морального развития подростков специальных выборок (подростки, воспитывающиеся без родителей, и подростки, склонные к рисковому поведению), а также исследования влияния позиции родителей на моральные представления подростков.

Ключевые слова: личность, подросток, родители, моральное развитие, моральные представления, нравственность.

The current state of the problem of moral development of teenagers

T. P. Avdulova

In the head are analyzed the current state of studying of a problem of moral development in the adolescence and youth. Data of foreign researches of moral motivation, mechanisms of moral formation of the personality and also factors of moral development are submitted. The data of researches of the author devoted to studying of moral development of teenagers of special selections (the teenagers who are brought up without parents and the teenagers inclined to risk behavior) and also researches of influence of a position of parents on moral representations of teenagers are provided.

Keywords: personality, teenager, parents, moral development, moral representations, morality.

Особенности представлений о некоторых компонентах психологического здоровья у созависимой и несозависимой личности

T. B. Galkina, N. G. Artemtseva

Показано, что проблемы исследования психологического здоровья и психологической безопасности, а также личностных представлений о них у наших современников – это актуальные и приоритетные научные направления в рамках психологической науки. Рассмотрены концептуально-терминологические аспекты проблем психологического здоровья, психологической безопасности и созависимости. Отмечается, что психологическое здоровье как системный и многоуровневый феномен тесно связано с духовно-нравственной составляющей. Показано, почему такое явление, как созависимость, может выступать в качестве угрозы психологическому здоровью и психологической безопасности. Проведенный анализ показал, что среди критериев психологического здоровья и психологической безопасности присутствуют те же компоненты, что и у свободного от созависимости субъекта. Освобождение от созависимых паттернов поведения является одним из факторов, способствующих укреплению психологического здоровья личности и ее психологической

безопасности. Результаты проведенного эмпирического исследования показали, что существуют общие и особенные смыслы различных компонентов понятия «психологическое здоровье». Показано, что личностные представления о психологическом здоровье нации и психологической безопасности могут быть качественно и количественно дифференцированы в зависимости от наличия у субъектов такого состояния, как созависимость.

Ключевые слова: психологическое здоровье, духовно-нравственный аспект, психическое здоровье, психологическое здоровье нации, психологическая безопасность, созависимость, созависимые и несозависимые субъекты, личностные представления, системный подход.

Peculiarities of co-dependent and non co-dependent subjects' representations about some components of the psychological health

T. V. Galkina, N. G. Artemtseva

It is shown that the problems of research of psychological health and psychological safety, as well as personal representations about them among our contemporaries, are topical and priority scientific directions within the framework of psychological science. The conceptual-terminological aspects of the problems of psychological health, psychological safety and co-dependence are considered. It is noted that psychological health, as a systemic and multilevel phenomenon, is closely connected with the spiritual-moral component. It is shown why such a phenomenon as co-dependence can act as a threat to psychological health and psychological safety. The analysis showed that among the criteria of psychological health and psychological safety are the same aspects that free of the co-dependency subject has. Exemption from co-dependent patterns of behavior is one of the factors that promote the individual's psychological health and psychological safety. The results of the conducted empirical research showed that there are general and special meanings of various components of the concept of psychological health. It is shown that personal representations of the nation's psychological health and psychological safety can be qualitatively and quantitatively differentiated depending on the availability of such a state as co-dependency in subjects.

Keywords: psychological health, moral-spiritual aspect, mental health, psychological health of the nation, psychological safety, co-dependency, co-dependent and non co-dependent subjects, personal representations, system approach.

Образ психически больного в массовой культуре

Т. П. Емельянова, Т. В. Израелян

В статье поднимается проблема причин стигматизации психически больных в обществе. Рассматриваются социально-психологические подходы, объясняющие природу психологического отторжения этих больных. Одну из социальных причин стигматизации авторы видят в особенностях массовой культуры, в частности, в содержании публикаций СМИ и кинофильмов. Контент-аналитическое исследование показало, что среди публикаций, содержащих психиатрические термины, преобладает криминальная тематика, медицинские статьи оказались на втором месте. Приводятся данные о доле каждой из пяти выделенных категорий образов больных в СМИ и в кино. Делается вывод о более гуманной трактовке психиатрических проблем в кинопроизведениях. Рассматриваются пути и средства смягчения стигматизирующих воздействий массовой культуры.

Ключевые слова: стигматизация, психически больной, образ, предубеждение, психофобия, страх, социальные представления, СМИ, метафоры.

An image mentally sick in mass culture

T. P. Yemelyanova, T. V. Israyelyan

The article raises the problem of the causes of stigmatization of mentally ill in society. Socio-psychological approaches that explain the nature of psychological rejection of these patients are considered. One of the social causes of stigmatization is seen in the features of mass culture, in particular, in the content of media publications and movies. A content-analytical study showed that among publications containing psychiatric terms, criminal topics predominate, medical articles ranked second. Data are given on the proportion of each of the five identified categories of patient images in the media and in the cinema. The conclusion is made about a more humane interpretation of psychiatric problems in film productions. The ways and means of mitigating the stigmatizing influences of mass culture are considered.

Keywords: stigmatization, mentally ill, image, prejudice, psychophobia, fear, social representations, media, metaphors.

Взаимосвязь представлений о совести с ценностными ориентациями и показателями психопатологической симптоматики личности

Л. Ш. Мустафина

В статье описываются результаты эмпирического исследования взаимосвязи представлений молодежи о совести с ценностными ориентациями и с показателями психопатологической симптоматики. Предполагается, что содержание и установка социальных представлений молодежи о совести будут различаться в зависимости от предпочитаемого типа терминальных и инструментальных ценностей и от уровня выраженности психопатологической симптоматики. Результаты проведенного исследования показали, что респонденты, выбирающие конкретные ценности (интересная работа, материально обеспеченная жизнь, развлечения и т. п.) статистически чаще разделяют цинично-прагматичное отношение к совести, чем респонденты, у которых в структуре ценностей в той или иной мере присутствуют абстрактные ценности (жизненная мудрость, творчество, счастье других и т. п.). Выявилось, что чем сильнее выражена психопатологическая симптоматика у респондента, тем в большей степени он нивелирует значение совести (совесть не нужна; совесть — это бред, от которого нужно отвыкать; совесть мешает жить; человек с совестью — слабый и боязливый и т. п.). Таким образом, результаты показывают хорошую работу адаптационной функции представлений о совести у молодежи, стремящейся к личному социальному успеху в современной ситуации общественного устройства.

Ключевые слова: совесть, ценностные ориентации, социальные представления, ядро и периферия, установка и содержание социальных представлений, терминальные ценности, инструментальные ценности, психологическое здоровье, психопатологическая симптоматика, молодежь.

The interrelation of representations about conscience with value orientations and with indicators of psychopathological symptoms of young people

L. Sh. Mustafina

The article describes the results of an empirical study of the interrelationship of young people's beliefs about conscience with their value orientations and with indicators of psychopathological symptoms. It is assumed that the

content and setting of social representations of young people about conscience will differ depending on the preferred type of terminal and instrumental values, and on the level of severity of psychopathological symptoms. The results showed that respondents who choose specific values (interesting work, financially secure life, entertainment etc.) statistically more often share a cynically pragmatic attitude toward conscience than respondents who have abstract values to some extent in the value structure (life wisdom, creativity, happiness of others etc.). It was found that the more pronounced the psychopathological symptomatology of the respondent, the more he leveled the value of conscience (conscience is not needed, conscience is a delirium, which must be weaned, conscience prevents living, a man with a conscience – weak and timid etc.). Thus, the results show a good work of the adaptive function of the notions of conscience among young people, striving for personal social success in the current situation of the social order.

Keywords: conscience, value orientations, social representations, core and periphery, setting and content of social representations, terminal values, instrumental values, psychological health, psychopathological symptomatology, young people.

Конструктивность копинг-стратегий как ресурс профессионального здоровья летчиков

М. Е. Зеленова, А. А. Лекалов, В. С. Лим, Е. В. Костенко

Представлены результаты эмпирического исследования психологических ресурсов сохранения здоровья профессионалов, занятых в экстремальных видах труда. Выявлены и проанализированы взаимосвязи между показателями профессионального здоровья и стратегиями совладающего поведения у летчиков. В исследовании использовался комплекс психологических методик, включающий опросник С. Хобфолла «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (SACS). Результаты исследования показали, что чем лучше медицинские показатели и ниже уровень хронического утомления, выгорания и стресса, тем чаще летчики используют конструктивные копинг-стратегии – «ассертивные действия», «вступление в социальный контакт», «поиск социальной поддержки». Были обследованы военные летчики, $n=76$, средний возраст – $33\pm 8,64$.

Ключевые слова: профессиональное здоровье, стресс, хроническое утомление, выгорание, ресурсы психики, копинг-стратегии, врачебно-летная экспертиза.

Constructiveness of coping strategies as resource of pilots' occupational health

M. E. Zelenova, A. A. Lekalov, V. S. Lim, E. V. Kostenko

The results of empirical study aimed at studying the psychological resources of preserving the health of professionals engaged in extreme types of work are presented. The interrelations between the indicators of professional health and the coping strategies of pilots are revealed and analyzed. The study used the set of psychological techniques, including S. Hobfoll's questionnaire "Strategic Approach to Coping Scale" (SACS). The results of the study showed that the higher the medical indices and the lower the level of chronic fatigue, burnout and stress, the more pilots use constructive coping strategies: "assertive actions", "social joining", "social support". Participants of the research: military pilots, the average age – 33 ± 8.64 years, $n=76$ persons.

Keywords: occupational health, stress, chronic fatigue, burnout, mental resources, coping strategies, clinical examination.

Сведения об авторах

Авдулова Татьяна Павловна – кандидат психологических наук, МПГУ, avdulova@bk.ru

Артемцева Наталия Георгиевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН «Институт психологии РАН», artyomtseva@gmail.com

Большунова Наталья Яковлевна – доктор психологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», nat_bolshunova@mail.ru

Борисова Наталья Владимировна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН «Институт психологии РАН», borisova07@bk.ru

Воловикова Маргарита Иосифовна – доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник, ФГБУН «Институт психологии РАН», margarita-volovikova@ya.ru

Галкина Татьяна Викторовна – кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник, ФГБУН «Институт психологии РАН», galkina@list.ru

Горшенина Надежда Викторовна – кандидат психологических наук, доцент, Волжский филиал ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет» (МАДИ), gorshenina83@mail.ru

Гостев Андрей Андреевич – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник, ФГБУН «Институт психологии РАН», aagos06@rambler.ru

Емельянова Татьяна Петровна – доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, ФГБУН «Институт психологии РАН», t_emelyanova@inbox.ru

Журавлев Анатолий Лактионович – академик РАН, доктор психологических наук, профессор, ФГБУН «Институт психологии РАН», alzhuravlev2018@yandex.ru

Журавлева Надежда Анатольевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН «Институт психологии РАН», jouravlevalubov@mail.ru

Зеленова Марина Евгеньевна – кандидат психологических наук, научный сотрудник, ФГБУН «Институт психологии РАН», mzelenova@mail.ru

Израелян Татьяна Викторовна – аспирант МосГУ, israelyan.tatiana@yandex.ru

Китова Джульетта Альбертовна – доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, ФГБУН «Институт психологии РАН», j-kitova@yandex.ru

Колпакова Марианна Юрьевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, ФГНУ «Психологический институт РАО», mkolpakova@gmail.com

Леонов Вадим Алексеевич – кандидат богословия, доцент, Сретенская Духовная семинария, posad@inbox.ru

Мустафина Лилия Шаукатовна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН «Институт психологии РАН», leila.mus@gmail.com

Нартова-Бочавер Софья Кимовна – доктор психологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», s-nartova@yandex.ru

Попов Леонид Михайлович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии личности, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», leonid.popov@inbox.ru

Серова Ольга Евгеньевна – кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, ФГНУ «Психологический институт РАО»

Устинова Ольга Анатольевна – кандидат психологических наук, Новокузнецкий институт (филиал) ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», ustinova_oly@mail.ru

Холондович Елена Николаевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН «Институт психологии РАН», holelena@bk.ru

Чернышев Алексей Сергеевич – доктор психологических наук, профессор, Курский государственный университет, psychology@kursk-su.ru

Шляховая Елена Владимировна – кандидат психологических наук, зам. проректора по научной работе, декан факультета психологии, Московский экономический институт, evshlyakhovaya@gmail.com

Юревич Андрей Владиславович – член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор, заместитель директора, ФГБУН «Институт психологии РАН», av.yurevich@mail.ru

